★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

САМЫЕ ПРАВДИВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

★ НА ЛИНИИ ОГНЯ ★

ОКОПНАЯ ПРАВДА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ

САМЫЕ ПРАВДИВЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ О ВОЙНЕ

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН

ЯУЗА-КАТАЛОГ
МОСКВА
2021

УДК 355/359
ББК 68
П26

Першанин, Владимир Николаевич.

П26 «Окопная правда» Великой Отечественной. Самые правдивые воспоминания о войне / Владимир Першанин. — Москва : Яуза-каталог, 2021. — 640 с. — (На линии огня).

ISBN 978-5-00155-337-3

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!

Эта пронзительная книга — настоящая исповедь выживших в самых жестоких боях самой страшной войне в истории человечества: разведчиков, танкистов, штрафников, десантников, пулеметчиков, бронебойщиков, артиллеристов, зенитчиков, пехотинцев. От их простых, без надрыва и пафоса, рассказов о фронте, о боях и потерях, о жизни и смерти на передовой, о том, через что пришлось пройти нашим дедам и прадедам, какой кровью заплачено за Великую Победу — мороз по коже и комок в горле. Это — подлинная **ОКОПНАЯ ПРАВДА**, так не похожая на штабную, парадную, «генеральскую».

«Героев этой книги объединяет одно — все они были в эпицентре войны, на ее острие. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду... Как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали... Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас...»

УДК 355/359
ББК 68

ISBN 978-5-00155-337-3

Смертное поле

От автора

★ Героев этой книги объединяет одно — все они были в эпицентре войны, на ее острие. Сейчас им уже за восемьдесят. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду. Ту самую ***«окопную правду»***, которую не слишком жаловали высшие чины на протяжении десятилетий, когда в моде были генеральские мемуары, не опускавшиеся до «мелочей»: как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали. Бесконечным повторением слов «героизм, отвага, самопожертвование» можно подогнать под одну гребенку судьбы всех ветеранов. Это правильные слова, но фронтовики их не любят. Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас. Их живые голоса Вы услышите в этой книге...

ТАНКИСТ СОРОК ПЕРВОГО ГОДА

Я сделал первый выстрел по немцам на седьмой день войны...

Пикуленко Д. Т.

★ *Дмитрий Тимофеевич Пикуленко, заряжающий легкого танка БТ-7, начал свой боевой путь в июне 1941 года. Если из всех бойцов, начавших воевать от границы, даже по официальной статистике, осталось к концу войны не более 2—3 процентов, то что говорить о танкистах, которым судьба отмеряла на фронте короткую жизнь! Я часто встречался с фронтовиками, но человека с такой биографией видел впервые. Пройти с боями на танке первые самые страшные месяцы войны — трудно представить.*

— Так и было, — рассказывает майор в отставке Дмитрий Тимофеевич Пикуленко. — Нас, которые своими танками перекрыли немцу дорогу на Витебск, Смоленск и дальше на Москву, наверное, и в живых никого не осталось. Ну, если просишь, начну с самого начала.

Родился я 12 декабря 1921 года в деревне Емельяшевка Таборынского района Свердловской области. Семья была большая: пять братьев, две сестры. Самый старший — Егор, 1906 года рождения, я — самый младший. Маму не помню, она умерла, когда мне было месяцев шесть.

Люди на Урале у нас хорошие, душевные. Если бы не родня, односельчане, да и колхозу спасибо, отец бы нас не поднял. Семеро на руках, дом, хозяйство. Пытался он снова жениться, но никто из женщин за него не шел. Какой бабе столько хлопот надо? Приходили, помогали, а жить не хотели. Отец умер, когда мне было пятнадцать лет. К тому времени старшие братья поженились, сестры замуж вышли, а я с тринадцати лет работал в колхозе имени Ворошилова: конюхом был, хлеб убирал и возил, лес под пашню корчевал. Образование у меня было аж четыре класса. В октябре 1940 года призвали в армию. Попал я в город Калугу, тогда он входил в Тульскую область. Город не из самых крупных, но мне показался огромным. Жил-то я в глуши. Райцентр — село Таборы — находится в 360 километрах от Свердловска (ныне Екатеринбурга), а до ближайшей станции было сто с лишним километров.

Попал я в 18-ю танковую дивизию, которой командовал генерал-майор Ремизов Ф.Т. Пара недель карантина, и меня направили в отдельный механизированный разведывательный батальон под командование майора Крупского. Батальон располагался на окраине Калуги и был технически хорошо оснащен. Состоял из трех рот: танковой (куда меня зачислили), броневой и мотоциклетной роты. Имелись еще вспо-

могательные взводы: связь, снабжение и так далее. Но главная мощь заключалась в наших трех ротах, особенно танковой. Это не пешая и даже не конная разведка! Батальон мог не только разведку проводить, но и хорошо встречный удар нанести. Десять танков, штук двенадцать бронемашин и около двух десятков мотоциклов! Бронемашины в основном БА-10, с пушечным вооружением, и более легкие БА-20 с пулеметом. Мотоциклы, не помню какой марки, но проходимые, большинство с колясками и тоже с пулеметами. Про танки отдельно скажу.

Служба была мне не в тягость. Почти до девятнадцати лет прожил я по разным углам, спал то на полатях, то на лавке, порой и на полу. Чистая, просторная казарма казалась мне чуть ли не дворцом. И еда не в пример деревенской. Мясо каждый день, хлеб пшеничный и ржаной, щи наваристые или суп, каши вволю, чай сладкий, селедка, которую я любил.

Учили нас вначале на танках БТ-5. Политработники хвалили их, сержанты плевались, но помалкивали. Авиамотор у них капризный, да и бензин авиационный — штука опасная. Однажды по какой-то причине двигатель загорелся, едва потушили. Повезло, что перед ангарами случилось, огнетушители, вода под рукой. Пушка по тем временам была сильная, 45-миллиметровая, ее хвалили, пулемет ДТ — тоже. Устройство танкового вооружения мы знали хорошо, но боевых стрельб проводилось мало. Чаще всего стреляли из вставного ствола винтовочным патроном. За восемь месяцев, что я прослужил до войны в батальоне, раза четыре боевыми снарядами стреляли. Выдавали по три штуки и десятка два па-

тронов на пулемет. Разве это подготовка для башенного стрелка?

Что броня у БТ-5 слабая, я мог только догадываться. Помню, когда замполит в очередной раз распелся про «мощь и броню», один из сержантов на стрельбище подвел нас к рельсу и из винтовки шагов с пяти как шарахнет. Перемычка у рельса толщиной миллиметров 13—15, как броня у БТ-5. В рельсе дырка насквозь. Сержант сплюнул и коротко проговорил:

— Вот так.

Позже стали осваивать новый танк, БТ-7. Лобовая броня толще, башня обтекаемая, и скорость полста километров в час. Говорили, что на колесах все семьдесят дает, но мы на колесах не практиковались, да и на гусеницах ездили мало. Бензина вроде не хватало. Мотор у новой «бэтэшки» был более мощный, а башню и пушку с пулеметом я наловчился за секунды в нужную сторону разворачивать. Танк мне нравился. И гордость была, что я, бывший конюх, такой грозной машиной владею.

В танковые войска обычно брали трактористов или ребят с 6—7 классами. Не знаю, как я прошел. Может, из-за бедняцкого происхождения, небольшого роста (длинные в танке не умещались), цепкости. Когда гусеницы перетягивали, я главной силой был. Бочки с горючим играючи перекидывал.

Разные уставы у меня туго шли. Много зубрить приходилось. На политзанятиях так напрягался, что потел. Когда должности товарища Сталина перечислить требовалось, я просто терялся и запутывался. То же самое в отношении Ворошилова (про которого я брякнул, что колхоз такой в Емельяшевке есть), Бу-

денного, Калинина, Мехлиса (главного политработника армии). По совету замполита посещал клуб и читал газеты.

Прочитал «Как закалялась сталь» и еще пару книжек. Газеты поначалу казались скучными, но я к ним привык, и вот уже за восемьдесят, а читаю с удовольствием.

Уставам первое время нас обучал какой-то командир из штаба. Он был мной очень недоволен. «Эх, неуч!» — как-то обозвал он меня.

Я так обиделся, что весь красный сделался. Неучем я себя не считал и того командира возненавидел, хотя был он мужик нормальный. Этих уставов столько понаписали, что он, наверное, их сам все не помнил. А чего уж говорить про нас!

Много внимания уделялось физической подготовке. Каждое утро, в любую погоду, пробежка километра два, зарядка. Отдельно проводились занятия по гимнастике и рукопашному бою. Физподготовка у меня на «отлично» шла, строевая — тоже неплохо. Винтовку и танковый пулемет с закрытыми глазами разбирал-собирал. Пулеметный диск быстрее меня во взводе никто патронами набить не умел. В караулах стоял как положено, не спал. Пароль. Отзыв. Молодец, рядовой Пикуленко! Служу трудовому народу!

Технику, может, и не слишком знал, но любил. В батальоне, как я говорил, имелись бронемашины. Однажды мне и еще нескольким комсомольцам из танковой и мотоциклетной роты предложили позаниматься на бронемашинах, чтобы обеспечить в бою взаимозаменяемость. За это нас частично освобождали от нарядов, особенно от строевой подготовки,

которую ни один нормальный боец терпеть не может. Не думал я, что знание бронемашин мне пригодится в войну. БА-20 были старыми машинами с тонкой броней и пулеметом, а вот БА-10 показалась мне штукой, достойной внимания: танковая башня с такой же пушкой и пулеметом, второй пулемет, два задних ведущих колеса, проходимость и скорость. Управление у бронемашины — автомобильное, я его освоил без труда. Помню, на показательных учениях мы, экипаж из четырех человек, на полигоне разгонялись до 50 километров (куда там до нас знаменитой «полуторке»!), гребли полуметровый снег и, проломив лед, проскакивали двадцатиметровую яму, наполненную водой. Вода почти захлестывала мотор, а мы, разбивая ледяные пластины, взбирались на крутой подъем и довольно удачно стреляли по мишеням. Из пушки бил командир машины, а я расстрелял из пулемета две «амбразуры» и пяток фанерных силуэтов «фашистов».

Увольнения давали в город редко. Особенно тем, кто по первому году. А тут получил я сутки увольнения. И деньги у меня имелись. Накопил красноармейское жалованье. Тогда ведь «дедов» не было, и деньги никто не отбирал. Начистились, дежурный нас осмотрел, и пошли мы человек восемь в город. Разбились на кучки. Ходим втроем, глазеем, командирам честь отдаем. По два мороженых съели. Одно, коричневое, шоколадом пахнет, мне по вкусу пришлось. Хотел еще взять, но боялся, что денег не хватит. Посмотрели кино «Иван Антонович сердится». Мне оно не понравилось, потому что к музыке был я равнодушен. Не ко всякой, конечно. Утесова любил, певицу Серову,

частушки. А здесь симфонии да шутки какие-то непонятные. Вечером на танцы пошли. Танцевать я не умел. Те, двое ребят со мной, пошустрее, с девками познакомились, а я все никак не решался. Девки расфуфыренные, городские. Офицеры и парни в костюмах их за талию обнимают, смеются. Духами пахнут. Стало мне жарко и неуютно. Собрался и поплюхал в городок. А ребята потом хвалились, что «все у них путем было». Один, наверное, брехал, а второй, тот бойкий, мог своего добиться. Я себя за нерешительность ругал, а с другой стороны, о чем с этими девицами, в кудрях да блестящих платьях, разговаривать? О своем колхозе имени товарища Ворошилова? Или как я лихо на бронемашине рассекаю? О военных делах запрещалось говорить.

Ну, ладно, черт с ними, с девками, — наверстаю!

Ближе к весне роту укомплектовали новыми танками БТ-7. Командиром танка был старший сержант Духнин Александр. Хороший простой парень моего возраста, только прослуживший подольше и закончивший школу младших командиров. Механик-водитель, второе лицо в экипаже — Малышкин Коля из-под Воронежа. По возрасту старше нас года на два, работал трактористом. Мы быстро подружились. Саня Духнин, хоть и командир, держался просто. Коля Малышкин спокойный, вдумчивый, мы с Саней прислушивались к нему.

Командиром роты был лейтенант Истюфеев. Мужик ничего, только дерганый. Может, от ответственности. Его на роту поставили через полтора года после окончания училища. Броневой ротой командовал капитан Язько, толстый, лет за сорок. Он участвовал

в Гражданской войне и пришел в батальон из кавалерии. Роту мотоциклистов возглавлял старший лейтенант Борис Орлов, молодой, лет двадцати трех. Его бойцы выполняли обязанности связистов и посыльных, поручения комбата. Орлов считался перспективным командиром, часто бывал в штабе дивизии. Это не могло не отразиться на его характере и внешнем виде. Подтянутый, в кожаной куртке, начищенных сапогах, он считал свою роту главной в батальоне. Держался порой высокомерно. Однажды одернул меня. Мы, танкисты, вечно замасленные ходили, хотя мылись, стирались. Выговорил мне: мол, тут не колхоз, а разведбатальон. Закончил поучения словами: «Эх, танкисты! Чего с вас возьмешь!»

После «неуча» это было второе обидное замечание за все месяцы службы. Я обиделся и подумал, что куртка и сапоги у тебя со скрипом, а вот как в бою себя поведешь, неизвестно. Экипаж меня поддержал:

— Ходит, будто вытанцовывает!

— Думает, что орел, а внутрях, может, курица.

И, наконец, о лейтенанте Корнюхине Викторе Ерофеевиче. Он принял наш взвод в марте сорок первого. Корнюхин один из немногих командиров, участвовал в боевых действиях, воевал на финской войне. У него что-то там произошло, деталей я тогда не знал. Вроде разморозил танки, сорвал какое-то задание. Поэтому его не двигали, он три года ходил в лейтенантах и командовал взводом. Война всегда накладывает отпечаток. Корнюхин был замкнут, редко оживляясь, дисциплину требовал жестко, был по-крестьянски рассудительным и справедливым. О жизни или на по-

сторонние темы он до самой войны ни с кем во взводе не разговаривал. Такой человек. Любил выпить, впрочем, этим грешили многие командиры.

Что хочется вспомнить еще о довоенной жизни? Ну, пожалуй, наряды на кухню. Хоть мы не голодали, но повара для кухонного наряда всегда что-нибудь вкусное припасут. Не слишком избалованный жизнью, я любил жареную картошку, селедку, обгрызал и выбивал мозг из мослов. С удовольствием выпивал кружки три сладкого чая с белыми сухарями.

— Димитрий! — удивлялся один из поваров, добродушный усатый дядька. — Сам худой, и куда в тебя столько лезет?

— Я не худой, а жилистый, дядя Иван, — отвечал я с набитым ртом.

— Ну-ну, — подсыпал мне сахару в чай дядя Иван (или Петр — имени не помню). — Расти, толстей. Лишь бы в танк влезал.

Повара ко мне хорошо относились. Когда мешки с картошкой или крупой таскали, я всех опережал. Крестьянская жизнь научила.

Помню, что немного изучали иностранные танки. В кабинете висели картинки и схемы немецких танков Т-2, Т-3, Т-4, венгерских «Туранов», японских «Ха-Го», итальянских, чешских машин. Отношение к иностранным танкам было пренебрежительное: барахло! О немецких отзывались более осторожно. Постоянно напоминали, что у них вооружение слабее, наши мощные пушки пробивают их насквозь, а у Т-3 и Т-4 скорость всего сорок километров. Про сильные стороны немецких танков: более толстую броню, хорошую оптику, радиосвязь — старались не

упоминать. Все это должно было компенсироваться мужеством и удалью советских танкистов. Большинство из нас проглатывали полученную информацию, что называется, «не жуя». Конечно, у нас все самое мощное!

О войне с Германией разговоры не то чтобы пресекались, а скорее сглаживались. Но в мае такие слухи возникали все чаще. Приходили призывники из западных областей, рассказывали про скопление у границы немецких войск. Иногда, выпивши, что-то оброняли командиры. А хорошо хвативший кавалерист Язько, воевавший с немцами в Первую мировую, как-то заявил:

— Сволочной народ! Без войны, как баба без хрена, прожить не может. Всю Европу захапали, теперь к нам лезут.

Замполит пытался его урезонить, но командир бронероты никого не боялся. А особисты помалкивали. Восемь месяцев учебы и службы в Красной Армии отвела мне судьба в мирное время. Как бы я сейчас оценил подготовку моей роты (выше прыгать не берусь) к возможной войне? Пожалуй, на тройку. Что-то мы, конечно, знали и умели, но многое нужное не постигли. Считаю, что самое главное — было мало практических занятий. В роте лишь один человек, командир взвода Корнюхин, стрелял по финским танкам. Да и то предпочитал не рассказывать. Почти все башенные артиллерийские стрелки и на танках, и бронемашинах имели практику по 10—20 выстрелов.

Мало было учений. Спасибо майору Крупскому, он, выбив лимиты на бензин и масло, организовал водительскую учебу командиров танков. Под предлогом

соревнований сумел пару раз провести стрельбы из пулеметов, в которых участвовала хоть какая-то часть пулеметчиков. Тактику разведки и встречного боя мы постигали в основном на своих двоих да слушали уставы, по которым предстояло воевать. А ведь немцы к сорок первому и настрелялись, и воевать научились. Мы же лучше всего из науки воевать знали знаменитую книжку Ворошилова «Сталин и Красная Армия». Сталина мы уважали, верили в него и, когда услыхали весть о нападении на нас фашистской Германии, не сомневались в скорой победе.

Через двое суток после нападения фашистской Германии на Советский Союз наша дивизия несколькими эшелонами отправлялась с Белорусского вокзала на запад. Пока мы грузились, ехали, выгружались и разворачивались, немцы стремительно продвигались в глубь страны.

28 июня 1941 года наши войска оставили город Минск, столицу Белоруссии. И в этот же день недалеко от станции Орша я, девятнадцатилетний танкист с четырехклассным образованием и верой в товарища Сталина, принял свой первый бой. Что Минск уже взят немцами, мы не знали.

Кроме нашей дивизии, под Оршей разворачивались и другие части. Рыли окопы, устанавливали орудия. Из нашего батальона направили по разным дорогам несколько разведгрупп. Послали в разведку и наш второй танковый взвод, усилив его бронемашиной БА-10 и двумя мотоциклами с пулеметами. Мотоциклы катили впереди, поднимая клубы пыли.

Если глянуть на карту, то Орша находится в 250 ки-

лометрах северо-восточнее Минска. Немцев мы не ждали, но двигались осторожно, больше опасаясь немецких самолетов, о которых уже были наслышаны. Наш танк шел вторым, следом за БТ-7 лейтенанта Корнюхина. Позади нас — танк сержанта Петра Макухи. Замыкала разведгруппу бронемашина. Саня Духнин, открыв люк, смотрел по сторонам. Я ему завидовал: день был жаркий, и Саню обдувал ветерок. Я сидел в мокром от пота комбинезоне. Пушка была заряжена бронебойным снарядом, а в диске пулемета бронебойно-зажигательные патроны шли через два на третий.

Мы были готовы встретить вражеские танки или бронетранспортеры. Но, как и многие в начале той войны, мы нарвались на авиацию.

Два «мессершмитта» шли навстречу. Мы их увидели, когда они открыли огонь по мотоциклам, которые шли метрах в трехстах впереди. Духнин успел крикнуть, и Малышкин круто повернул на обочину, к лесу. Этот маневр, возможно, спас наш танк, немцы промахнулись. Бомба шарахнула метрах в двадцати за спиной, прямо на дороге. Танк, перевалив через канаву, опасно накренился. Коля вывернул машину и, ломая мелкую поросль, рванул под деревья. Мы остановились недалеко от танка Корнюхина. Я, не выдержав, тоже выглянул в люк. Третья «бэтэшка» нашего взвода, не иначе как с перепугу, неслась на полной скорости через широкую поляну, к островку тополей.

Один из истребителей всадил ему вслед очередь пушечных снарядов и пуль. Захлопывая свой люк, я отчетливо разглядел фонтанчики земли, листьев, искры, летящие от танка. Но наши товарищи уже были

под защитой деревьев. Запас бомб у немцев, наверное, закончился. Второй истребитель тоже ограничился стрельбой и развернулся к дороге, где, немного постреляв, оба «мессера» унеслись прочь.

Выждав минут десять, к нам присоединился третий танк. Петр Макуха, улыбаясь во весь рот, лихо тормознул и заглушил мотор. Похвалился, что обвел фашиста вокруг пальца. Бегло осмотрели машины. Танк Корнюхина и наш увернулись от огня истребителей. На башне танка Макухи осталась вмятина от пушечного снаряда и несколько довольно глубоких щербин от пуль.

— Балбес ты! — оценил действия подчиненного лейтенант. — Если бы в бензобаки угодило, амбец и людям, и машине! Не надо было по открытому гнать.

Зная, что немецкие самолеты радиофицированы, Корнюхин дал команду менять дислокацию. Однако нас ожидала неприятная новость.

Бронемашина, которая едва не первая влетела в гущу придорожного подлеска, попала под огонь «мессершмитта». Возле распахнутой двери лежало тело механика-водителя. 20-миллиметровый снаряд насквозь пробил броню и грудь. Механик был мертв — истек кровью. Стрелок сломал руку и получил с десяток мелких осколков.

Мы с минуту разглядывали мертвое тело нашего товарища. Немцы сразу показали, что война предстоит нешуточная. Два истребителя загнали в лес четыре бронированные машины, убили одного и тяжело ранили другого бойца. Два снаряда пробили лоб бронемашины, а десяток пуль оставили глубокие отметины. И было неизвестно, сумели или нет уйти от

«мессершмиттов» мотоциклисты. Я заглянул внутрь бронемашины. Два рваных отверстия, а в кабине все забрызгано кровью. Перевязали раненого. Осколки застряли под кожей, но перелом руки открытый, парень был весь белый от шока и потери крови.

— Машина на ходу? — спросил Корнюхин.

— Кажись, — ответил старшина, командир бронемашины. Завел мотор и продвинул свою невезучую БА-10 метров на пять. — Вроде нормально. Только руль немного тянет.

— Приводи в порядок хозяйство, мы скоро вернемся.

— Че ж, мы одни тута останемся? — растерянно смотрел на Корнюхина старшина, не пришедший в себя от налета.

— Разворачивай пушку и будь готов к бою. Башенный стрелок пусть наблюдает за дорогой.

Все три танка снова выскочили на проселок. Противника видно не было, зато на обочине лежала убитая корова, а неподалеку валялась перевернутая тележка. Впереди поднимался столб дыма. Мы поняли: что-то случилось с мотоциклистами. Прошло много лет, но мне не забыть эту пустынную дорогу, горящие, разбросанные обломки мотоцикла и тело пулеметчика без ног и одной руки.

Трое уцелевших разведчиков рассказали, что мотоцикл подожгли пулями с самолета. Вспыхнул сразу, потом взорвались ручные гранаты, хранившиеся в коляске. Останки пулеметчика выбросило на дорогу. Мимо нас прошли несколько беженцев, проскрипела телега, нагруженная выше головы домашним скарбом. От людей мы узнали, что немцев они видели

утром. На мотоциклах и маленьком броневике. Беженцы спешили, поглядывая на небо.

— Немцы летают? — спросил кто-то из нас.

— Летают. Аэропланов у них полно. Мы, как увидим, в кусты прячемся.

Труп мотоциклиста отнесли на обочину за деревья. Я заметил оторванную по колено ногу, лежавшую в кювете.

— Надо бы отнести...

— Возьми и отнеси, — странно поглядел на меня взводный.

Я спрыгнул вниз и, подняв ногу в обгоревшем сапоге, отнес ее к телу мотоциклиста. Покатили дальше. Мотоциклисты ехали втроем впереди. Беженцы попадались все чаще, порой запруживая дорогу, устало отходя на шаг-два в сторону. Саня Духнин, не выдержав, заорал:

— Под гусеницы хотите?

Его проводили равнодушным взглядом. Видно было, что люди сильно измучены. В одном месте громоздилось несколько разбитых военных повозок и лежали трупы красноармейцев. Почему их не похоронили? Но вместо этого я спросил у Малышкина, перекрикивая рев мотора:

— Чего на меня взводный окрысился? Ногу заставил отнести.

Механик-водитель с минуту раздумывал, потом ответил, что никто ни на кого не крысился. Просто мотоциклисты ошалелые после обстрела, не их же заставлять? А еще через минуту добавил:

— Тебе все видеть надо. Лежала нога и пусть лежит.

Я замолчал. Понятно. Надо меньше языком молоть. Люки всех танков были открыты, но я видел, с какой скоростью несутся немецкие истребители, и с тоской подумал, что мы можем в любую минуту попасть под бомбы. Потом забарахлил двигатель на танке Петра Макухи. Остановились. Лейтенант, оглядев суетившихся танкистов, мрачно предупредил:

— Если обосрались, пойдете под трибунал.

Но Макуха заверил, что дело скорее всего в зажигании и они нас через пять минут догонят. Наша разведгруппа разваливалась на глазах. Но Корнюхин был смелым командиром. Понадобилось, он бы провел разведку и на единственном мотоцикле. По дороге нам попалась отступающая воинская часть. Сотни три красноармейцев, несколько повозок и трехдюймовая пушка в упряжке.

— Где вы раньше околачивались?! — на вопрос Корнюхина о немцах ответил капитан на хорошем строевом жеребце.

Потом разговорились. Это были остатки пехотного полка. Они шли мимо. Некоторые — перемотанные серыми от пыли бинтами, тяжелораненые — на повозках. Рассказали, что отступают два дня. Я знал, полк насчитывает тысячи две человек, но где остальные и почему осталась всего одна пушка, интересоваться было бы глупо. Капитан спросил, далеко ли до передовых позиций, но вопрос показался странным. Какие, к чертям, позиции? Мы сами вчера только выгрузились. Корнюхин ответил, что осталось километров шесть, и капитан, кивнув, повел свое запыленное войско дальше.

— Интересно, а где у них штаб? — размышлял вслух Саня Духнин.

А я снова вспомнил про самолеты, так как впереди начиналось обширное поле с редкими деревьями. Поле мы миновали благополучно, но на перекрестке дорог услышали треск мотоциклетных моторов. Услышали их потому, что остановились, выбирая, по какой дороге двигаться дальше. Может, эта случайность спасла, а вернее, продлила жизни большинства нашей группы. Корнюхин командовал четко и умело. Мотоцикл отогнали в низину, а оба танка он оставил в леске, метрах в ста от перекрестка. Мотоциклисты залегли с ручным пулеметом и карабинами рядом с нами.

Здесь я впервые увидел немецких солдат. Они катили на громоздких мотоциклах, похожих на наши. Только пулеметы в колясках были другие. Потом появились танки. Один легкий, с башней, расположенной сбоку, и малокалиберной автоматической пушкой. За ним — два Т-3, хорошо знакомые по плакатам. Корнюхин уже переговорил с Саней Духниным, как действовать. Мы открыли огонь, пропустив мотоциклы. До танков было метров двести с небольшим.

Лейтенант, наверное, сам сел за наводчика и первым же выстрелом подбил Т-3. Мы стреляли во второй танк и мазали. Ответный снаряд срезал дерево рядом с нами, но потом мы попали ему в морду, брызнул фонтан искр, и немец попятился назад. Легкий танк осыпал нас веером трассирующих двадцатимиллиметровых снарядов. Ударило два раза в башню. Броню не пробило, но я свалился на боеукладку, а Духнин замер, обняв пушку. Мне трудно припомнить все детали, сколько времени мы пробыли в шоке. Наверное, недолго. Башня была заполнена дымом, я подумал,

что горим. Нас вывел из оцепенения голос механика-водителя:

— Ребята, вы живы?

— Живы...

— Тогда стреляйте!

Прежде чем открыть огонь, мы с Духниным высунулись из люков. Наш взводный бил по второму Т-3, а спешенные мотоциклисты стреляли из ручного пулемета и карабинов непонятно куда. Подбитый немецкий танк стоял с распахнутыми боковыми дверцами, из которых выплескивалось пламя и черный маслянистый дым. Мы выстрелили в Т-11, который лупил из своей скорострельной пушки по лейтенанту. Попали со второго снаряда куда-то под брюхо. Танк дернулся и перенес огонь на нас.

Скорострельная пушка била со звуком, напоминающим гулкий замедленный треск пулемета «максим». По броне снова ударило несколько раз подряд, мы успели ответить выстрелом. Попали или нет, неизвестно, но танк исчез вместе с Т-3, по которому стрелял Корнюхин.

Немцы отступили, оставив горевший танк. Взводный рванул вперед. Мы — тоже. Но скрежет заставил Малышкина остановиться. По дороге мчался отставший БТ-7 сержанта Макухи. Он стрелял на ходу, а потом, дернувшись, пошел по кривой к обочине. Из верхнего люка кто-то выскочил, показалась голова второго танкиста и тут же исчезла. Из обоих верхних люков выбивалось пламя.

— Ребята горят!

Кто это выкрикнул, не помню. Мы побежали к танку Макухи. С грохотом сдетонировали снаряды.

Сначала взорвалась одна часть, через пару секунд остальные. Башня, как матрешка, кувыркнулась набок, а из отверстия с ревом ударил и тут же опал столб пламени. Танк горел, потрескивая, как поленница дров. Уцелел только башенный стрелок, из молодых. В обгоревшем комбинезоне, дергающийся от контузии или пережитого страха.

Подхватив его, мы вернулись к своему танку. Подкатил Корнюхин. Сказал, что немцы удрали. А я подумал, пора сматываться и нам. На башне БТ взводного виднелась вмятина прошедшего рикошетом снаряда. У нас торчал клочьями левый подкрылок, была выбита фара и надорвана гусеница. Малышкин сказал, что перетягивать необязательно, достаточно закрепить траки и сильно не гнать. Видимо, он тоже не хотел здесь оставаться и считал, что разведка закончена.

Возле немецкого Т-3 обнаружили трупы двух немецких танкистов. Один с непокрытой головой, светло-рыжий, другой — в круглом металлическом шлеме с торчащими проводами. В качестве трофеев нам достался пистолет, документы, сигареты и две зажигалки. Стрелок-радист, единственный уцелевший из экипажа Макухи, рассказал, что болванка попала прямо в водителя, ранила командира. Поэтому он не смог выбраться. Перед этим на них вылетели два немецких мотоцикла. Головной мотоцикл Макуха разбил прямым попаданием снаряда, второй пытался удрать. Петро продырявил из пулемета шины и зажег его, но оба немца убежали, хоть и подраненные.

Мы повернули назад, оставив догорающие танки, наш и немецкий. Тела Макухи и водителя извлечь было невозможно. Через полкилометра действитель-

но наткнулись на два немецких мотоцикла. Издырявленный пулеметными очередями, один догорал. Другой — получил бронебойную болванку. Она наискось прошила пулеметчика и разбила заднее колесо. Водитель, смятый перевернувшимся мотоциклом, который протащил по инерции тело метров семь, умирал. Изо рта и носа пузырьками шла кровь, немец был без сознания. Нам достался трофейный пулемет, прикладистый, с металлической лентой, автомат, запас патронов, гранат и еда. Две бутылки нашей водки в багажнике мотоцикла были разбиты. Зато нашли пару фляжек с чем-то спиртным. Корнюхин хлебнул, поморщился, отпил еще и завинтил фляжку. Сказал, что надо спешить. Перекусим в лесу. Посмотрел на тяжело раненного мотоциклиста. Мы — тоже. У нас еще не взросла ненависть к фашистам, которая позже заставит убивать их без всякого колебания. В бою пленных не бывает! Тягостное настроение от гибели четырех наших товарищей еще не стало злостью. Наверное, Корнюхин понял это, и мы не тронули немца. Пусть лежит, а там как Бог рассудит.

Мы двинулись дальше. Не слишком велика была милость, мотоциклист и так доходил. Но я почувствовал, что мы сильны, если можем быть великодушными. Несмотря на потери, дали немцу жару. Танк и два мотоцикла уделали. И мы с Саней Духниным крепко подковали Т-2, с его пушкой-автоматом. Жаль, что не добили. Но дырку хорошую сделали.

Настроение нам подпортил Малышкин, сказав, что стреляем мы хреново. Духнин и я промолчали. Потом нас обстреляла из пулеметов тройка «Юнкерсов-87». Обошлось без потерь, потому что самолеты шли на-

встречу и уже отбомбились. Зато вскоре мы увидели остатки знакомой нам колонны во главе с командиром на рослом жеребце, и настроение у нас снова упало.

Люди собирали тела погибших и относили на обочину. Убитых было много, человек сто с лишним. Вдребезги разбило единственную пушку. Стонали раненые. Оказалось, что их бомбили и обстреливали из пулеметов те три «юнкерса». А где наши самолеты?

— В заднице! — сплюнул капитан. — За все дни ни одного не видели. Вы там палили, подбили кого?

— Танк и два мотоцикла, — ответил Корнюхин. — И свой один потеряли.

В лесу мы остановились возле нашей бронемашины. Выпили из фляжек граммов по пятьдесят то ли шнапса, то ли рома, съели консервы, из которых мне запомнились маленькие рыбки-сардины, пропитанные маслом. Вкусные, во рту тают. Досталось всем понемногу, только губы облизать. Когда вернулись в батальон, Корнюхин доложил обстановку Крупскому. Майор похвалил взводного за решительность. Потом мы узнали, что лейтенант с досадой ответил, повторяя слова Малышкина:

— Плохо стреляем!

Его поддел замполит, сказав, что надо было лучше учиться.

— На чем? На пальцах? — огрызнулся наш взводный.

Вмешался бравый Орлов и поддержал замполита.

— А ты пошел на х..! — злой после боя и увиденных смертей, послал Бориса Николаевича обычно сдержанный Корнюхин.

Крупский приказал прекратить ругань. Мы с ремонтниками провозились остаток дня, меняя трак, латая крыло. Вытащили засевший в маске, рядом с пушкой, немецкий 20-миллиметровый снаряд, со сплющенной оболочкой и торчащим бронебойным жалом, сине-фиолетовый от удара. Броня по краям оплавилась, но выдержала. Башню танка Корнюхина «поцеловала» болванка-пятидесятка. Повезло, что шла вскользь. Если бы нам попала в лоб, то накрыло бы и лейтенанта, и башенного стрелка. С горячей едой что-то не получалось, нас накормили хлебом и селедкой. Напились холодной воды и залегли спать. Так прошел мой первый день на войне.

Я описал первый день на войне подробно, потому что запомнил его на всю жизнь. А вот последующие дни сливались в какую-то сплошную путаницу, слепленную из постоянных налетов немецкой авиации, разведывательных маршей по разным дорогам, толп беженцев и отступающих войск. Расскажу то, что наиболее врезалось в память.

На следующий день нас сильно бомбили. В основном «Юнкерсы-87», с торчавшими, как лапы, шасси. Метко кидали бомбы, сволочи! Пикировали с включенными сиренами, а потом с ревом медленно выходили из пике. Из нашего батальона связного мотоциклиста накрыли. Ничего не осталось, одна воронка. А 35-й танковый полк, который по соседству размещался, понес серьезные потери. У них, кроме БТ и старых Т-26, было несколько «тридцатьчетверок». Мощных, редких тогда танков. Бомбы разносили легкие танки на куски. Видел штук пять вдребезги раз-

битых — где башня, где корпус, где обрывки гусениц валяются. Про людей и говорить не хочется. Как уж их там опознавали, не знаю. Некоторым повезло. Воронки рядом, вмятины, дырки от осколков, а экипажам ничего. Уцелели. Отлежались в окопах под танками.

Одну «бэтэшку» набок опрокинуло, у другого БТ-5 осколком передок вспороло, словно консервную банку, клепки торчат, и броня, как лист бумаги, скручена. «Тридцатьчетверки» по сравнению с нами громадины. Одну разбило прямым попаданием, еще одну крепко встряхнуло, баки сорвало, колеса выломало. А у меня этот самолетный вой еще долго звенел в ушах. Натерпелись страху всем экипажем, пока в окопе под танком лежали. Неизвестно, куда исчезла наша авиация, не было зениток. Оглушил нас немец первой бомбежкой. Нелегко этот страх преодолеть. Видел я потом, как многие шарахались очертя голову при звуке приближающихся самолетов. Не ожидали мы такой войны.

Нашу дивизию вскоре перебросили под белорусский город Сенно, в 50 километрах юго-западнее Витебска. Вот когда мы сцепились с немцем по-настоящему.

Там скопилось много войск. Шли на восток пробившие окружение остатки частей. Одновременно наступали полки и дивизии 20-й армии, нанося контрудары. Где-то в этой круговерти, западнее Сенно, действовала и наша танковая дивизия.

В пасмурный июльский день, когда жара сменилась мелким моросящим дождем, командование собрало кулак для нанесения одного из контрударов. Участвовал танковый батальон, несколько танков

и бронемашин разведбата. Все под командованием майора Крупского, которого высоко ценил командир дивизии и поручал ему ответственные задания.

Пока Крупский готовил и собирал технику, людей, капитан — командир танкового батальона (фамилию я не запомнил) — вызвался провести разведку. Он был на «тридцатьчетверке» и тащил с собой еще штук десять танков. Нас с лейтенантом Корнюхиным и одну бронемашину пустил вперед. Мы приблизились к небольшой деревеньке и стали наблюдать. Кто там, наши или немцы, мы не знали. Оказалось, немцы. Подпустив поближе, ударили из трех противотанковых пушек. Наверное, из 37-миллиметровок. Маленькие, с тонкими стволами, они наши «бэтэшки» и за пятьсот, и за семьсот метров брали. А что говорить про бронемашину БА-10 с ее слабенькой броней!

Мы отступали задним ходом, уже немного наученные Корнюхиным. Старались не подставить борт, искали место, где развернуться. Знали, если подставишь борт, тут тебе конец. Ребята с бронемашины поторопились. Крутнулись, надеясь развернуться и рвануть на полный газ. Бронебойный снаряд оторвал заднее колесо. Они разворот закончили, а что толку? Машина ползет, вихляясь, ось торчит. А тут еще один снаряд. Уже фугасный. Немцы, почуяв, что попали, обозначили взрывом цель. Били, торопясь, но всадили еще один снаряд в корму, а потом и в моторное отделение. Пыхнула бронемашина, ребята начали выскакивать. Трое спаслись, а один, наповал убитый, в горящей башне остался.

Ребят мы на броню подсадили и рванули к танковой роте, во главе которой капитан был. Он за нами не слишком рвался, хотя напросился на разведку. Фрукт

еще тот! Нас на приманку пустил, да еще приказал из пушек на огонь отвечать, чтобы больше огневых точек выявить. Бессмыслица! Нас бы по вспышкам за минуту подожгли. Но Корнюхин не простачок, поопытнее комбата, хоть тот и капитан. Огонь не открывал, чем взвод и спас. Подъезжаем. Экипаж из сгоревшей бронемашины на танке сидит, все контуженые, закопченные, в себя приходят. Корнюхин докладывает обстановку, что БА-10 сгорела от попаданий немецких снарядов и в лоб через поле двигаться нельзя. Пушки.

— Сколько их там? — спрашивает капитан и на нас с ехидцей посматривает.

— На всех хватит. Стреляли из трех, но немцы по три пушки не ставят. Штук восемь наверняка есть.

— Ближе бы подкрался, точнее бы знал.

Комбат из люка «тридцатьчетверки» сверху вниз на нас глядел. Остальные у него «бэтэшки» и Т-26. Мотоциклы еще стояли. Не наши, не разведбатовские, а ихние, из полка. Думаю: «Вот их бы и послал. А у нас бронемашину за минуту сожгли и стрелка угробили».

— Подкрадывался и ближе, — отвечает Корнюхин. — Уже одного танка из взвода лишился, а сегодня бронемашина вон там догорает. Вы, товарищ капитан, посылали меня выяснить, кто в деревне. Я выяснил. Немцы и артиллерия.

— Говорливый ты, лейтенант.

— Виноват, товарищ капитан.

Корнюхин замолчал. Ни говорливым, ни болтуном он не был. А мы, ругаясь втихомолку, пожелали комбату на «тридцатьчетверке» самому к деревне прокатиться. У нее броня толстая, только гусеницы гремят

за километр. Капитан, как мы поняли, не знал, что делать. Стали совещаться. Он, замполит, командиры взводов, еще какие-то приближенные. Кучкой что-то обсуждали. Корнюхина не приглашали, вроде он чужой. Не знаю, до чего бы договорились, но подъехал Крупский.

— Чего столпились? «Юнкерсов» ждете? — И спрашивает у Корнюхина: — Ну, что, Виктор Ерофеевич, как там обстановка?

Корнюхин доклад повторил и добавил, что дорогу немцы держат и, судя по дымкам, в деревне расположен немецкий полк. Наверное, танковый или моторизированный.

— Откуда ты знаешь? — вмешался капитан.

— Немцы пешком не ходят. И танки вперед пускают, — огрызнулся Корнюхин. — Эту истину по их тактике пора бы понять. А сейчас на острие у них везде танки.

Я заметил, что после первого боя наш взводный жестче стал, свою давнишнюю вину или промах на финской в сторону отбросил. Суждения высказывал четкие и разумные, не глядя на чины. Крупский его поддержал. Сообщил, что еще один взвод в разведку направлял. Мотоциклисты с холма насчитали с десяток танков и бронетранспортеров.

— Танков там наверняка больше, — подвел итог майор. — Если артиллерию выставили, то немцев не меньше полка.

Было решено ударить по немцам двумя группами с флангов. Одну группу вел Крупский, а наш взвод остался с капитаном. Дождь продолжался. Из-под гусениц летели ошметки. Мы по-прежнему двигались

впереди. Чуть отставая, шли «тридцатьчетверка» капитана и штук двенадцать легких танков. Я высунулся из люка и оглянулся. За танками шли несколько бронемашин и трусила пехотная рота. Саня Духнин, стоявший по грудь в соседнем люке, приказал мне находиться рядом с пушкой и не высовываться. Потом попросил хлеба. Я начал было ломать краюху, оставшуюся после завтрака, но тут показались немецкие танки. Их было штук десять. Хлеб пришлось отложить. Вскоре я разглядел в прицел, что это Т-3, а следом идут четыре приземистые, похожие на пауков самоходные установки «Артштурм», с короткоствольными пушками калибра 75 миллиметров, и вдалеке бронетранспортеры с пехотой.

«Мама», — прошептал я, хотя матери своей не помнил. Молиться меня в армии отучили, поэтому я невольно обращался к давно умершей матери. Немецкие Т-3 были раза в полтора массивнее наших БТ, с более толстой броней, вооружение примерно равное. Часть танков имели 37-миллиметровые пушки, о которых весьма презрительно отзывались политработники. Но я-то хорошо знал, что нашу лобовую броню они берут. Оставалось надеяться на маневренность и опережение.

Саня Духнин отодвинул меня в сторону. Люки оставались открытыми, несмотря на мелкий дождь, а я был мокрым от пота, хотя уже побывал в бою. Но тогда все кончилось быстро, а сейчас немцы, судя по всему, намеревались опрокинуть нас и, сминая пехоту, продолжать свой «блицкриг» — слово, не совсем мне понятное.

— Все будет нормально! — крикнул снизу Коля Малышкин, а мне захотелось воды.

Но было уже не до фляжки, потому что танки резко увеличили скорость, а через минуту звонко хлопнула пушка Т-34. Вразнобой открыли огонь остальные танки. С коротких остановок, равняясь на Корнюхина, выпустили и мы штук шесть снарядов. Споткнулся один из головных Т-3. Судя по тому, как он сразу вспыхнул, в него ударил 76-миллиметровый снаряд Т-34.

— Горит, сволочь! — заорал я.

Чтобы лучше рассмотреть, высунул голову из люка, невольно оглянулся назад. Позади горели два БТ-7. Один — сплошным костром, второй крутился, пытаясь погасить языки пламени над трансмиссией. Меня дернул за штанину Саня Духнин:

— Снаряд! Бронебойный!

Я потянулся за снарядом. В тот же момент сквозь гул ревущего на полных оборотах двигателя скорее почувствовал, чем услышал что-то быстрое и смертельно опасное, пронесшееся над башней. Командирский люк с треском захлопнулся. Снаряд уже был в казеннике. Теперь на секунды замешкался Духнин.

— Санька, стреляй! Убьют! — Я кричал, глуша страх, от которого покрылось испариной лицо и защипало в глазах.

Смахнул пот со лба и выдернул из гнезда очередной снаряд. Малышкин вел наш танк быстрыми зигзагами, точно повторяя движения БТ Корнюхина. Пушка хлопала раз за разом, я подавал снаряды. Через смотровую щель увидел впереди пламя. Сунул очередной снаряд Духнину и снова высунулся в люк. Горел еще один немецкий танк. А потом увидел диковинное и страшное. На борту возле башни одного из БТ-7 вдруг

вырос огненный куст. В колхозной кузнице наблюдал подобное, когда коваль сильно ударял раскаленной железякой, сбивая окалину. Только здесь было во много раз сильнее. Тысячи мелких горящих кусочков, описывая дымные хвосты, разлетались прочь. А танк взорвался. Словно бомба. Кувыркнувшись, взлетела вверх пушка, какие-то куски. Из распахнутого корпуса столбом поднималось пламя. Наверное, экипаж даже не успел почувствовать смерть.

Как я понял, немцы ударили новым сильным снарядом, а может, в танк попала 75-миллиметровая чушка из «артштурма». Много ли надо для «бэтэшки», с ее лобовой броней чуть толще двух сантиметров! А метрах в ста перед нами уже раскачивался тонкий ствол Т-3 и быстро вращались почему-то блестящие, даже в грязь, гусеницы. Мы выстрелили одновременно. Удар бросил нас обоих головами вперед. Я пришел в себя первым. Саня Духнин тряс руками:

— Отбило... отбило...

Видимо, он сильно зашиб при ударе руки. Я сел за пушку. Но Т-3 уже горел. Я всадил в горящего еще один снаряд. Наш танк взлетел на гребень холма, и Коля Малышкин подал машину назад. Из седловины, прячась за островками кустарника, по нас вели огонь танки, самоходки и бронетранспортеры. Они подбили еще один танк. Экипаж, выскочив, бежал вверх по склону. Всех троих догнали трассирующие пулеметные очереди.

Не желавшие умирать в грязи в бессмысленной жестокой драке с русскими, немцы отступили под защиту своих пушек и минометов. Капитан на Т-34 пытался организовать преследование. Мы потеряли еще

один танк, а его «тридцатьчетверка» получила несколько попаданий. Капитан дал команду на отход.

На поле боя остались догорать четыре немецких танка и самоходка «Артштурм». Наши потери были больше. Семь БТ сгорели, один стоял с выбитыми колесами. Его по приказу комбата подожгли. Еще один, с разбитой трансмиссией, весь закопченный, волокли на буксире. Раненых и убитых складывали на броню за башнями. Кому-то показалось, что один из немецких танков дымит слишком слабо. В него всадили пару снарядов и снова подожгли. Из воронки неподалеку поднялся немецкий танкист с поднятыми руками. Нужен был пленный, чтобы рассказать, какие силы противостоят нам, но в немца ударили сразу из двух пулеметов. Он мешком свалился на дно воронки. Я понял, что в танковой мясорубке пленных не бывает. Подумал об этом равнодушно, потому что сам побывал на волосок от смерти. Проезжая мимо одного из наших разбитых танков, я ощутимо почувствовал запах горелого мяса. А на броне других танков лежали обожженные, искромсанные осколками люди, живые, мертвые, умирающие. Некоторые были так обожжены, что комбинезоны вплавились в тело. И без врача было ясно, что они обречены.

К вечеру дождь перестал, выглянуло солнце. Раненых увезли, рыли могилу для погибших. У Сани Духнина опухли и стали багровыми кисти рук. Они сильно болели, Саня иногда не мог сдержать стон. Больше всего он боялся, что руки отсохнут.

— У нас перед войной одному парню по локтю тракторной рукояткой попало, когда двигатель заводили...

— Ну, и что? — насмешливо спросил Корнюхин, ощупывая вздувшиеся пальцы сержанта. — Отвалился локоть?

— Не-е-т. В районе месяца два лечился. Потом рука усохла, вожжи кое-как держать мог.

— Через день пройдет, — перебил его Корнюхин и достал из своего запаса пачку «Беломора».

Мы закурили, даже некурящий Коля Малышкин, а Виктор Ерофеевич Корнюхин, отрывисто перескакивая с одного на другое, заговорил:

— Фашистов можно бить. Натиском, скоростью. Наши снаряды их броню прошибают. Кто больше всех погибал, видели? — Мы поняли, что речь идет о наших танкистах, но не знали, что ответить. — Погибали те, кто крался, скорость сбавлял, маневр не делал. Экипаж Духнина — молодцы! В немца точно влепили.

— Мы его только добивали, — возразил я. — Кто-то чуть раньше морду ему своротил.

— И правильно, что добили. Я ему не совсем точно врезал. Немец мог выстрелить, а вы прикончили.

— Это Митя стрелял. — Я только руками тряс. — А вы, Виктор Ерофеевич, сколько танков подбили?

— Один — точно. А второй, считай, вы прикончили. Только не надо хвалиться. Пусть капитан из полка всех их себе забирает.

— А почему его подбили? — спросил Саня. — Такой мощный танк. Маневр не делал?

— Ладно, сидите здесь, — не отвечая, поднялся Корнюхин. — Пойду схожу к капитану, может, спиртом разживусь. Тебе, Саша, надо руки натереть да встряхнуться маленько. А вы машины приведите в порядок.

Пока Корнюхин ходил, мы осмотрели танки. Нам опять повезло. Танк, который мы подожгли вместе с лейтенантом, был вооружен 37-миллиметровкой. Бронебойный снаряд ударил в маску пушки, слева, недалеко от вмятины, полученной в первом бою. Прошел рикошетом, оставив оплавленную борозду. Я покрутил ручным приводом башню, потом подвигал пушку. Башня вращалась нормально, а пушка ходила по вертикали с заметным усилием. Видимо, крепко ударило по шестеренкам. Пушку покрутил и Коля Малышкин. Сказал: «Сойдет».

Выгребли грязь, выкинули стреляные гильзы, сосчитали снаряды. Бронебойных осталось штук семь, зато осколочно-фугасные сохранились почти все. Хотелось есть. Привезли кухню. Нам наполнили котелки густой пшенной кашей со свининой, дали две буханки хлеба, сахара и махорки. Старшина не скупился, хоть мы и были «чужие». Харчей привезли на всех, а сколько народу полегло.

Корнюхин разжился фляжкой разбавленного мутноватого спирта. Мы выпили, и стало совсем хорошо. Ночевали здесь же. Спать завалились пораньше. Танкистов никто не трогал, охрану несли тыловики.

На следующий день вернулись в свой разведбат. Лезли обниматься, как будто сто лет не виделись. Нашим ребятам, которые наступали на деревеньку с другого фланга, повезло меньше. Немцы сожгли две бронемашины, из восьми человек спаслись трое. Капитан Язько обжег задницу и ноги, но остался в строю. Сгорело сколько-то «бэтэшек» из танкового полка.

Немцы тоже понесли потери. Настроение в батальоне было так себе.

Замполит собрал коммунистов и комсомольцев. Хвалил всех за храбрость. Но, когда понес ахинею про слабость немецких танков, которые «застыли, как горелый частокол вокруг деревни», подошел Крупский и, усмехнувшись краешком рта, взял инициативу в свои руки. Избегая излишне говорить о потерях, разобрал бой. Толково указал на недостатки, заставил выступить Корнюхина. Наш взводный повторил, что говорил нам про маневр, скорость и что пушки на БТ и бронемашинах не уступают немецким. Говорить о нашей слабой броне означало навлечь на себя лишние неприятности, и взводный коротко закончил:

— Наступать только на скорости, меняя углы атаки. Кто медлил, тех вчера первыми жгли.

Замполит почувствовал настроение комбата, снова похвалил Корнюхина, напомнив, что с начала боев наш второй взвод уничтожил три танка противника и два мотоцикла.

Дороги отступления. Шли колонны и просто толпы военных, которых крепко ударили, уничтожили технику, многих побили, а оставшиеся не могли прийти в себя. Люди погибали, часто не успевая выстрелить во врага. Я как те дни вспомню, в сердце что-то переворачивается. Жестокое было лето. Наши дивизии и разведбат несли огромные потери. Ребята заживо сгорали в машинах, умирали от тяжелых ран, но мы начали войну не с бегства (хотите, называйте это отступлением), а с боя. Мы вступали в драку, и немцы за наши подбитые «бэтэшки» и безнадежно устарев-

шие бронемашины оставляли сгоревшие танки и свои драгоценные жизни. Горящие гансы, вываливаясь из люков, вопили от боли и катались по земле. Когда мы выходили с немцами один на один, мы часто побеждали. Немцы воевали умело и теснили нас превосходством техники, особенно авиации, но весь путь от границы был отмечен трупами фашистов. После боя у безымянной деревушки, недалеко от города Сенно, наверняка осталось аккуратное немецкое кладбище. Может, пятьдесят, а может, сто березовых крестов, с касками на каждом.

Они простоят здесь три года. При отступлении, в сорок четвертом, немцы будут ровнять бульдозерами свои захоронения с землей, чтобы русские не осквернили арийские могилы. Но часто не хватало бульдозеров и времени. И уже другое поколение танкистов сносили с ходу эти кресты, вдавливая в землю каски. На хрен нам нужна память о фрицах и гансах. Мы их к себе не звали.

Дни, часы и моменты того далекого июля.

Погиб командир мотороты бравый Борис Орлов. Он нередко бывал высокомерен и видел себя командиром батальона, а может, полка. Орлов выпил водки и надменно наблюдал, как разбегаются с дороги бойцы и командиры отступающей пехотной части. Он глядел на них, затянутый в тугую портупею, с биноклем на груди, в начищенных яловых сапогах, с кобурой на поясе. Потом приказал бойцу поднять специальную раму на коляске мотоцикла для стрельбы по воздушным целям. Еще приказал подавать ему диски.

Старший лейтенант Орлов успел выпустить почти весь диск, сорок с чем-то патронов. Первый истре-

битель, получив несколько пуль, не причинивших ему вреда, пронесся мимо. Второй, отвернув от дороги, убил лейтенанта и бойца очередью пуль и 20-миллиметровых снарядов. Я сам не видел этого, мы стояли в лесу. Корнюхин послал меня встретить ремонтников, и я пришел на место гибели Орлова минут через двадцать.

Мне рассказали, как все было. Орлов и боец его роты лежали со скрещенными на груди руками. Кровь на жаре свертывается быстро. Голенище сапога командира роты было разорвано пулей. Строчка шла дальше, от ноги через живот, к голове. Самолетные снаряды его пощадили. Один насквозь прошил бойца, еще два искорежили коляску, которую бойцы отвинчивали от мотоцикла. Трое копали могилу. Все происходило быстро и молча.

Обычная смерть на войне. Старший лейтенант стрелял по «мессершмитту» и даже мог его сбить. Только надо было укрыться, а не стрелять с открытого места. Мне жалко было бойца. Своим крестьянским, не слишком образованным умом я понимал, что старлей решил поиграть со смертью. Мог бы играть один, не прихватывая с собой подчиненного.

Контрудар наших войск, направленный в сторону Лепеля, не принес желаемых результатов. Упорные бои шли под Сенно, немцы продвигались вперед. В один из дней группу, возглавляемую командиром роты Истюфеевым, направили помочь эвакуировать воинские склады. Три танка, два мотоцикла, пять полуторок. Приказом командира дивизии нам было раз-

решено при необходимости реквизировать отступающие грузовые машины и гужевой транспорт.

Дорога была забита скотом. Гнали коров, овец, свиней. Стадо огромное, не видно конца. Запрудили дорогу. Охрипшие пастухи: мужики, женщины, дети с кнутами, хворостинками в руках. Несколько повозок, запряженных быками. На повозках навалом громоздился домашний скарб, свернутые в тюки одеяла, посуда. Женщина с перевязанной ногой и мальчик у нее под мышкой спали, не обращая внимания на жару и мух.

Мы остановились спросить, далеко ли немцы? Нам ответили, что где-то рядом, но за спиной еще дерутся наши части. Пастухи попросили курева. Мы поделились махоркой, командиры дали папирос.

— Берите борова. Вон того, — предложили нам.

Обросший щетиной бригадир, в нарядной, когда-то белой рубашке, помог забросить в кузов пестрого боровка, пудов на шесть. На поясе бригадира висела кирзовая кобура с наганом.

— Может, патронов дать? — сказал Истюфеев.

— Давайте.

Коля Малышкин сунул от щедрот пачку патронов, двадцать штук. Зачем бригадиру револьвер? Обороняться от мародеров? Пронеслись три «Юнкерса-87». У них уже есть название — лаптежник. Выпущенные шасси можно сравнить с торчавшими ногами в лаптях или скорее лапами коршуна. По скотине они не стреляли, наверное, считали своей добычей, нас не заметили в пыли, которая висела тучей, несмотря на недавние дожди.

Воинские склады, расположенные в лесу, в стороне от дороги, охранялись по-прежнему строго. На КПП дежурил сержант с двумя бойцами. Тщательно проверили наши документы, позвонили начальству и разрешили проехать. Поднимая шлагбаум, один из бойцов сказал:

— Что-то вы машин с собой мало взяли.

Немцы уже здесь отметились. Виднелось несколько воронок, забор из колючей проволоки был порван взрывами и снова наскоро переплетен проволокой. На просевших скатах стояла сгоревшая полуторка, рядом ЗИС-5 с выбитыми стеклами.

Начальник складов, хорошо попахивающий водкой капитан, нам обрадовался. Сообщил, что связь не работает, электричества нет и у него всего полтора десятка бойцов. Бумажку с подписью начальства, не глядя, отложил в сторону и прежде всего накормил нас. Я ни разу не видел такого стола. Килограммовые банки говяжьей и свиной тушенки, подтаявший брус соленого масла, круги твердой, хорошо прокопченной колбасы, рыбные консервы, пачки сахара и огромный чайник теплого сладкого чая. Истюфеев разрешил выпить по сто граммов водки. Старшина черпал ее из бидона и щедро наливал нам в кружки граммов по сто пятьдесят.

— Как погрузитесь, налью еще, — пообещал он.

Потом грузили в полуторки снаряды к танкам, патроны, гранаты, продукты, связки кирзовых сапог, бочки со спиртом. Набили в свои танки под завязку новеньких снарядов. Складские бойцы помогали нам очищать их от густой заводской смазки. Загрузили, сколько смогли, продуктов и по ящику махорки. Ког-

да набили всего под завязку, нам принесли штук сто заряженных дисков для танковых пулеметов.

— Ребята, берите, — упрашивал капитан. — Сами набивали патронами!

Взяли штук по двадцать дисков. Запасные снаряды в ящиках привязывали сверху к трансмиссии. Капитан приказал принести нам новое белье, гимнастерки, сапоги. Мы переоделись во все чистое и кое-как запихали запасное белье и рулон портяночного полотна.

Дареный пестрый боровок бродил между нами и ел куски хлеба, сахар, который мы ему бросали. Один из бойцов сказал, почесывая его за ухом, что отведет боровка к знакомой. У нее свинья в хозяйстве имеется, будет развод. Мы не возражали. А я подумал: о каком хозяйстве может идти речь, если не сегодня-завтра здесь будут фашисты? Никому бы не поверил, кто сказал бы, что война еще год или два продлится.

Заслон, поставленный на дороге, пригнал до вечера еще штук двенадцать полуторок, грузовиков ЗИС-5 и десятка четыре разнокалиберных телег и повозок. Вытряхивали из них людей, барахло, заставляли грузиться винтовками, боеприпасами. Сверху разрешали брать еду, сколько поместится. Сажали сопровождающими наших бойцов, разгружаться велели в штабе дивизии. С таким запасом можно было воевать. Кроме того, мы загрузили четыре прицепа, которые нам отдал капитан, и бесхозный ЗИС-5, со сломанным мотором. Все это мы взяли на буксир и поздно вечером тронулись в обратный путь.

Перед отъездом капитан, шатающийся от водки и бессонницы, заявил, что завтра сожжет все оставшее-

ся хозяйство. Мы не сумели эвакуировать и десятой части того, что находилось на складах.

Откуда у немцев столько самолетов? Они налетали парами, тройками, девятками. Бомбардировщики «Ю-88», со стеклянными мордами, плыли высоко в небе косяками без сопровождения истребителей. Ходили слухи, что наши самолеты были уничтожены в первый день прямо на аэродромах. Мы в это не верили. Ходили и другие слухи, что нашу авиацию перебросили на защиту Смоленска и Москвы. В это можно было поверить, если не слишком задумываться.

Однажды срочно направили в поддержку пехоты двенадцать танков и несколько бронемашин. Вскоре вернулся один из мотоциклов разведки, привез трех тяжелораненых. Сержант пил, никак не мог напиться воды и рассказывал. Колонну разбомбили. Немцы бросали тяжелые бомбы, которые разносили танки и бронемашины на куски. Бросали маленькие бомбы. Они вонзались в броню, и машины сразу вспыхивали. До пехоты добрались всего три танка и одна бронемашина. Человек двадцать раненых и обожженных возвращаются лесом.

— Спичечные коробки. Пых и готово! — повторял сержант, зациклившийся на сгоревших, как спички, машинах.

— Ладно, закрой поддувало, — мрачно сказал Крупский, — а то доболтаешься. Дайте ему, что ли, водки и поесть. Пусть спит.

Наш танк едва не стал добычей «Юнкерса-87», когда экипаж послали к мосту через речушку — про-

верить, готовы ли саперы к его взрыву. Получилось так, что мы, спрямляя расстояние, миновали две дороги, идущие с запада на восток. Одна избитая грунтовка шла лесом. Толпы беженцев и остатки воинских частей двигались по ней потоком. Люди без конца задирали головы, высматривая немецкие самолеты. Здесь было удобно прятаться, лес тесно подступал к дороге. Шли сотни и тысячи военных. Большинство с винтовками, некоторые с ручными пулеметами. Ни пушек, ни даже станковых «максимов» мы не видели. Наверное, побросали, чтобы не тащить лишнюю тяжесть.

Двигаться по этой дороге нам было не с руки. Приходилось постоянно прижиматься к деревьям, проламывать кустарник, чтобы не подавить людей. Вначале мы орали на бойцов, шагавших прямо на танк, потом, охрипнув, перестали. Люди шли, как во сне, усталые, ничего не соображающие. Некоторые спали небольшими группами прямо у дороги. Это была не армия, а отступающая толпа.

На первом же свертке мы повернули влево и вскоре вышли на другую дорогу, хорошо укатанную грунтовку. Беженцев и отступающих было гораздо меньше. Слишком открытое и опасное место. Здесь мешали проезду воронки от бомб и сильно несло мертвечиной. На обочинах лежали трупы людей и раздувшиеся, как бочки, убитые лошади. Мы обогнали пехотную роту, а потом нас остановили у глубокой канавы, которую выкопали поперек дороги. Долго проверяли наши документы и допытывались, почему мы катим на запад. Старший лейтенант, с расстегнутой кобурой, вертел красноармейские книжки, а двое бойцов с винтовка-

ми и примкнутыми штыками враждебно наблюдали за происходящим.

В конце концов поверили, что мы не удираем к немцам, и попросили закурить. Саня Духнин протянул старшему лейтенанту сразу три пачки махорки. Покурили, немного поговорили. Оказалось, что здесь занял оборону пехотный батальон. Виднелись замаскированные пушки. Командир предупредил, что впереди наших частей нет, могут встретиться переодетые немецкие диверсанты, а самая главная опасность — самолеты.

— Езжайте быстрее, а то демаскируете нас тут, — напутствовал экипаж старший лейтенант.

Мы осторожно проехали по трехметровой перемычке, оставленной с краю дороги, и на скорости рванули вперед. Вместе с Саней, высунув головы, глядели по сторонам. Дорога была пустой, и от этого становилось не по себе. В то лето немцы хозяйничали в небе, как у себя дома. Шестерка «Юнкерсов-87» прошла на высоте. От нее отделился один самолет и спикировал на нас. Как назло, по сторонам росла мелкая ольха да торчали кусты. Спрятаться было негде. Малышкин гнал со скоростью пятьдесят, описывая зигзаги по всей ширине дороги. Я, как завороженный, смотрел на «юнкерс» через открытый люк. Малышкин резко затормозил. Две бомбы рванули впереди с такой силой, что танк покачнуло. «Юнкерс» выходил из пике, а в нас, не жалея патронов, лупил из пулемета стрелок из задней части кабины.

— Люки! — вопил Малышкин, перекрывая вой самолета и рев двигателей, но мы пережили эту длинную очередь с открытыми люками.

Пули молотили по башне, лобовой броне с такой силой, что я был уверен, сейчас нас прошьют насквозь. Но немец, утробно воя, набирал высоту, а мы были еще живы. Если не считать, что я разбил лицо, приложившись о броню, а Саня, кряхтя, дул на свои отбитые в последнем бою руки. Малышкин, перевалив через канаву, вломился в кусты. Мы неслись по мелколесью. Здесь нас догнал следующий заход «юнкерса», и снова две бомбы обрушились сверху, подняв фонтаны влажной земли, ломаного кустарника, вырванных с корнем молодых деревьев. Одна из бомб взорвалась совсем рядом, танк уже не качнуло, а швырнуло, как щепку. Мы с Саней держались за рукоятки и скобы, но нас с легкостью оторвало и влепило друг в друга.

Ревел, выходя из пике «юнкерс», и пули снова лупили по броне, как отбойным молотком. Это было даже страшней, чем бомбы. Невольно промелькнуло в памяти, как сержант прострелил из трехлинейки рельс. У Сани не выдержали нервы. Вскрикивая от боли в руках, он выстрелил вслед немцу из пушки и застрочил из пулемета. Фашист бы нас добил с третьего захода. Не зря же говорят: «Бог троицу любит». Нас спасло то, что мы, сломав несколько деревьев, вломились в ельник, а на дороге появилась более заманчивая цель. Катили три полуторки с пушками на прицепе, и немецкие самолеты обрушились на них.

А мы приходили под прикрытием ельника в себя. Выпили по полкружки разбавленного спирта, а потом глотали воду из трехлитровой фляги. Малышкин дал мне зеркальце, и я убедился, что лицо у меня расквашено крепко — на танцы не пойдешь. Кроме этого,

сильно болел бок. Я подозревал, что сломано ребро. Коля Малышкин, спасший нас своей мастерской ездой, сорвал с ладони большой клок кожи и был весь в крови. Саня Духнин мял багровые руки и осторожно протирал их мокрой тряпкой.

Пули поклевали танк изрядно. Я насчитал двадцать с лишним вмятин, щербин и считать бросил. Крупный осколок прочертил глубокую борозду на лобовой броне. В общем, нам повезло.

— Это не война, а черт знает что, — размышлял Саня Духнин.

— А ты какую войну хотел? — насмешливо спросил Малышкин. — Как в кино. Наши бьют, фашисты удирают.

Я тоже поделился своими невеселыми рассуждениями о том, что до победы можем и не дожить. Хотя в собственную смерть не верил. Малышкин суеверно сплюнул. Посоветовал не молоть чушь.

— Какая чушь? — взвился я, находясь под жутким впечатлением обстрела, когда десятки пуль долбили по броне и, казалось, протыкают мозги. — Вспомните, сколько ребят из батальона похоронили! А сколько убитых на дорогах лежат! Тысячи!

— Не надо об этом постоянно вспоминать, — спокойно возразил Коля. — То есть, конечно, надо, но лучше думать о другом. Как немцев бить. О родных...

— Прямо замполит, — принял мою сторону Саня Духнин. — Учишь, о чем можно думать, о чем нельзя.

Мы едва не переругались первый раз за все время. Коля Малышкин примирительно заметил, что лучше еще немного выпить и перекусить. Выпили, съели по куску подтаявшей копченой колбасы и успокоились.

Ехать дальше совсем не хотелось, но мы знали — придется. Приказ надо выполнять. Немного потянули время и двинулись вперед.

Метров через пятьсот остановились возле артиллеристов. «Юнкерсы» разбили батарею вдрызг. Четыре человека были убиты, несколько — ранены. Две старые трехдюймовые пушки с деревянными колесами валялись по кустам. Одну бойцы спасли, но катить ее пришлось бы на руках. От трех полуторок остались догорающие остовы. Батарея ехала к тому мосту, что и мы. Мы подцепили уцелевшее орудие на прицеп вместе с передком посадили на броню с десяток артиллеристов и благополучно доехали до небольшого деревянного моста. Здесь, нервничая, ожидали команды отделение красноармейцев во главе со старшиной, несколько саперов и разведчик на мотоцикле без коляски. Кроме винтовок все войско имело лишь ручной пулемет и гранаты.

Старшина доложил лейтенанту, командиру батареи, что немцы совсем рядом обстреляли разведчика. Мост, от греха подальше, лучше взорвать. Я осмотрел илистую речку шириной метров пятнадцать. Возле моста пускала круги мелкая рыбешка. Подумал, что немцы с их техникой наведут переправу за пару часов. Разведчик подтвердил, что видел немцев в трех километрах отсюда, был обстрелян и даже предлагал посмотреть след от пули на заднем подкрылке.

— У нас этих отметин полсотни, — сказал Саня Духнин.

Все смотрели на него и ждали решения. Он не был самым старшим по званию, но приехал по заданию из штаба дивизии. Я подумал, что, если эти ребята здесь

останутся, немцы положат их всех. Чего они навоюют с единственной пушкой и полусотней снарядов? То же самое, наверное, подумал и остальной экипаж.

— Надо взорвать мост ко всем чертям, — выразил свое мнение самый авторитетный человек в экипаже, Коля Малышкин. — Наши, если что, вброд перейдут, а немцы пусть повозятся.

— Точно, — подтвердил старший сержант Духнин.

Мы с удовольствием наблюдали, как саперы зажгли бикфордов шнур, и деревянный мост, наверное, так нужный крестьянам, разлетелся кучей обломков. Снова подцепили пушку и отвезли ее вместе с артиллеристами в расположение батальона. Пехота и саперы шли пешком.

Я неожиданно получил медаль «За отвагу». В представлении говорилось: «За уничтожение трех танков противника и сколько-то немецко-фашистских захватчиков». Было так. 16 июля немцы после сильных боев захватили Смоленск. Для освобождения города и предотвращения дальнейшего прорыва к Москве в сражение на восточном берегу Днепра были брошены все воинские части, находившиеся поблизости. Подтягивались резервные дивизии и бригады. Что мог я видеть из своего танка? Только крошечные частицы огромной войны. Немцы крепко получили по зубам под Смоленском, понеся большие потери. Но во много раз больше потеряли мы людей и нашей устаревшей техники. Во временные лагеря уже тянулись огромные колонны советских военнопленных, многие переходили на сторону врага, подняв над головой листовки-пропуска. Об этом не писали в газетах, не

говорили, и мы не знали всех масштабов трагедии июля сорок первого.

От нашего разведбата остались рожки да ножки. Нам добавили танков, и мы занимались не столько разведкой, сколько затыканием дыр. В тот день восемь машин под командованием лейтенанта Истюфеева шли наперерез немецкой бронетанковой колонне, прорвавшей оборону пехотной части.

Немецкая колонна двигалась по проселку. Мы — наперерез. Остановившись километра за полтора, Истюфеев из «тридцатьчетверки» оглядел немцев в бинокль и принял решение ударить четырьмя танками в голову колонны, а взводу Корнюхина — в среднюю часть.

Немецких танков было девять. В том числе два Т-4, громадины по сравнению с «бэтэшками». Немцы начали их вводить в бой во время штурма Смоленска. Позади танков пылили четыре бронетранспортера. Это была одна из мобильных бронированных групп, которые, как щупальцы, запускались вперед, выискивая слабые места в нашей обороне. Как я потом увидел, они с маху смешали с землей позиции пехоты. Разнесли из своих орудий. Раздавили батарею трехдюймовок, малоподвижных и неприспособленных для борьбы с танками. При этом потеряли лишь один подбитый танк.

Наверняка, связавшись по радиосвязи со своими, они катили вперед, уверенные в своей силе. И наперерез неслась наша куцая рота, имевшая единственную «тридцатьчетверку», четыре БТ-7 и четыре БТ-5, выпущенных с завода восемь лет назад и уже безнадежно устаревших из-за своей слабой брони. Мы пре-

восходили немцев на десяток километров в скорости и еще — настроем.

Без вранья скажу, что большинство из нас были готовы к гибели. Для нас не оставалось пути назад. И те, кто рвался в атаку, и те, кто с удовольствием бы отвернул в сторону, хорошо понимали, что единственный шанс выжить — убить немцев. По прямой до Москвы оставалось всего пятьсот километров, ни одного крупного города. В развернувшемся Смоленском сражении, которое немцы слишком рано посчитали законченным, трусов и просто беглецов расстреливали на месте.

Набрав скорость, мы двигались двумя взводами через холмистое поле. Хотя нас прикрывали придорожные кусты, мы знали, что внезапного удара не получится — слишком открытая местность. Истюфеев выбрал единственно возможный вариант — ударить по немцам сразу. Мы были до такой степени измотаны боями и отступлением, что шли напропалую. Немецкий мотоцикл, вывернувшийся из низинки, круто развернулся, помчался предупредить своих.

«Тридцатьчетверка» Истюфеева и три легких танка, вырвавшись на прямую, приближались к дороге. Взвод Корнюхина немного отстал, но мы все же опережали немецкие танки, которые разворачивались нам навстречу, проламываясь через кусты.

Первыми открыли огонь танки Истюфеева. Мы, взлетев на бугор, остановились и по команде Корнюхина ударили из всех четырех пушек. Расстояние было метров четыреста. Корнюхин попал в цель, он вообще стрелял метко. Саня Духнин, промахнувшись, выстрелил еще раз. Рядом взорвался фугасный

снаряд. Т-4, видимо, бил через кусты, не имея возможности прицелиться, рассчитывая, что взрыв 75-миллиметрового снаряда оглушит нас. Своей цели он отчасти добился. Мы почти наскочили на взметнувшийся столб огня и земли. Танк встряхнуло. Пулемет вылетел из креплений.

Саня, у которого так и не зажили руки, вскрикнул от боли, но выстрелил третий и четвертый раз. Мы попали в Т-4, и он застыл. А Саня, вылезая со своего места, крикнул:

— Митя, садись за пушку. Я спекся...

Я пересел на его место. Коля Малышкин дал газ. Огибая островок березняка, мы быстро приближались к дороге. Один Т-3 горел, «наш» Т-4, поврежденный, пятился назад. Корнюхин и БТ-5 вели огонь по другим танкам. Второй БТ горел у нас за спиной. Я выстрелил в огромный Т-4. Мимо. Саня, перекатывая снаряд на согнутых крюком локтях, ловко вбил его в казенник. Еще выстрел. Лобовая броня Т-4 — пять сантиметров, но с трехсот шагов наша болванка прошила ее насквозь. Из боковых люков вывалились три немца, языки пламени били из передней смотровой щели, как будто стрелял огромный пулемет. Малышкин, увеличив газ, мчал, описывая зигзаги, на танк, выползший из кустов.

— Митька, бей, б...!

Кажется, орали одновременно и Духнин, и Малышкин. Пушка ударила, пустая гильза со звоном отлетела на кучку стреляных. Новый снаряд.

— Попали!

Это был Т-3. Был, потому что снаряд, проломив броню башни пониже пушки, врезался в боезапас.

Танк взорвался метрах в пятидесяти от нас. Из него, кажется, успел выскочить лишь один немец. Танк Корнюхина полз, как черепаха, загребая землю одной гусеницей. Вторая тянулась следом.

Взводный стрелял из пушки, как из автомата. Вместе с БТ-5 они подожгли еще один танк. Снаряд врезался в танк Корнюхина в лобовую часть и, видимо, наповал убил механика-водителя, сорвал с погона башню, сдвинув ее назад. Корнюхин и заряжающий вывалились одновременно. Но если у лейтенанта был опыт тяжелой финской войны и погибший по его или чужой вине взвод, то башенный стрелок такого опыта не имел. Он не скатился, как Корнюхин, по броне, а неуклюже полез из люка. Пулеметная очередь прошла насквозь, вырывая клочья из спины и разбрызгивая кровь.

Я видел это, высунувшись, как дурак, из люка. Обхватив локтями, меня стащил вниз Саня Духнин. Малышкин дергал заевший рычаг сцепления. БТ-5, стреляя на ходу, обогнал нас. Оттолкнув Саню, я высунулся из люка и посмотрел назад. Танк Корнюхина горел, а сам он махал пистолетом, приказывая двигаться вперед. Проломив кусты, мы выскочили на дорогу. БТ-5, экипаж которого был мне немного знаком, попал под огонь нескольких пулеметов. Два бронетранспортера били по нему из крупнокалиберных и обычных стволов.

На расстоянии полусотни шагов 13-миллиметровые бронебойно-зажигательные пули пробивали броню устаревшего БТ-5 насквозь. Картина была жуткой. Брызги крошечных огненных взрывов плясали по всему корпусу и башне, вспыхнул топливный бак.

Машина замедлила ход и пошла по кругу. Открылся верхний люк, но башенный стрелок, высунувшийся по плечи, был сразу убит. БТ-5 загорелся.

Наверное, впервые с начала войны меня охватила бешеная злость — не самый лучший помощник в бою. Я выстрелил и промахнулся, хотя до цели было меньше ста метров. Второй снаряд оказался бронебойным. Он ударил в верхнюю часть корпуса, наверное, кого-то убил, но транспортер продолжал вести огонь. Уже по нашему танку.

— Саня, фугасный!

Духнин выронил из рук приготовленный снаряд, и мы вдвоем затолкали в ствол осколочно-фугасный. На этот раз я целился точнее. Снаряд проломил взрывом окошко кабины. Через заднюю дверь выскакивало штурмовое отделение. Наш пулемет был исковеркан, иначе я положил бы их всех. Выстрелил три раза подряд из пушки. Кого-то подбросило взрывом, но два снаряда снова оказались бронебойными.

— Санька! — крикнул я на своего командира. — Нужны осколочные.

Но старший сержант Духнин, вытянув перед собой руки, бормотал:

— Они не действуют. Митя, я теперь безрукий.

— Стреляйте! — орал снизу на нас обоих Коля Малышкин.

Я сам зарядил пушку и ахнул в удлиненную, как свиное рыло, моторную часть. Из метровой дыры полетели обломки каких-то трубок, кусков металла, взвился столбом горящий бензин. Я вбил для верности в бронетранспортер еще один снаряд и открыл огонь по второму, удирающему прочь. Промазал раз-

другой, а мы едва не попали под немецкий снаряд. Три танка на полной скорости пронеслись по полю с другой стороны дороги. Мешали целиться кусты. Поэтому ни я, ни они в меня не попали.

Мы собрались кучкой. Два уцелевших танка и человек двенадцать «спешенных» танкистов. У «тридцатьчетверки» Истюфеева заклинило башню. Корнюхин осмотрел распухшие руки Сани Духнина.

— У тебя кости поломаны, — сказал он.

Так впоследствии установили и врачи. У Сани еще в бою под Сенно повредило кисти рук. А взрыв 75-миллиметрового снаряда окончательно вывел обе руки из строя. В горящем корпусе бронетранспортера вдруг начали взрываться гранаты и боеприпасы. Мы невольно отступили за танки. Сверху сыпались патронные гильзы, осколки, лопнувшие консервные банки и ошметки человеческих тел. Из кустов выполз раненый немец. Что-то крикнул, наверное, сдавался, по нему открыли огонь из пистолетов и наганов. Немец упал, снова поднялся и свалился в кювет. Подбежавший низкорослый танкист выстрелил три раза подряд из нагана.

Мы потеряли семь танков из девяти. Немцы — пять и бронетранспортер. Тяжелее всего пришлось взводу, которым командовал Истюфеев. С пятью своими танками он шел в лобовую атаку. Истюфеев оглядел горевшие немецкие машины и спросил Корнюхина:

— Виктор, кто танки подбил?

— Один — мой экипаж, а два танка и эту гробину, — Корнюхин кивнул на бронетранспортер, — Духнин со своими ребятами.

Саня, с обмотанными тряпками руками, сказал,

что сработали и погибшие танкисты с БТ-5, и товарищ лейтенант, то бишь Корнюхин.

Язык у него заплетался, потому что Духнину налили стакан спирта. Истюфеев отмахнулся:

— Экипаж представить к медалям. «За отвагу».

Мы понесли большие потери, но не дали немцам прорваться. Несмотря на то что из связной роты остались всего два танка, мы чувствовали себя победителями. Потом Корнюхин сел в наш БТ-7 на место командира. Мы покатили сопровождать две санитарные машины к тому месту, где немцы прорвали оборону пехотного батальона.

По дороге Корнюхин рассказал, что командир дивизии распорядился выслать нам на помощь батарею редких тогда «сорокапяток». Батарея, потеряв одно орудие, заставила повернуть уцелевшие немецкие танки назад. Выходит, нам повезло. Мне тоже налили после боя спирта, и я ехал в хорошем настроении. Очень гордился, что получу медаль «За отвагу», которая ценилась не меньше ордена. Мне казалось, что, разгромив ценой больших потерь одну из бронетанковых немецких групп, мы остановили наступление немцев на Москву.

Мои иллюзии быстро исчезли. По дороге на нас высыпал несколько небольших бомб немецкий самолет-наблюдатель «Фокке-Вульф-189», или «костыль», как мы его называли. Разбил одну из санитарных полуторок и, постреляв по нас, улетел. Но это была мелочь.

Вскоре я в очередной раз увидел страшное лицо первого военного лета. Среди стрелковых ячеек и недорытых окопов для орудий на поле, в переломанном

кустарнике, лежали тела красноармейцев и командиров. Их было много. Может, двести, может, больше... Раздавленные гусеницами, исковерканные снарядными взрывами, срезанные пулеметными очередями. Лужи засохшей крови, над которыми роились мухи. Оторванные руки, ноги, вмятая в землю батарея трехдюймовок.

Среди этого безобразия догорал Т-3, подбитый батареей за минуты до гибели. Собравшиеся возле нас красноармейцы рассказали, что танковая колонна, «штук двадцать, не меньше», разметала и расстреляла батальон с его четырьмя пушками. Человек тридцать взяли в плен, они сидели под охраной возле подбитого танка, который чинили немцы. Перед этим они расстреляли комиссара и двух человек, похожих на евреев.

Смеялись, когда ремонтировали танк, обещали пленных отпустить, но через час вернулись три уцелевших танка и три бронетранспортера. Пленных расстреляли, а танк хотели утащить на буксире, но не сумели и подожгли. Мы посмотрели на расстрелянных бойцов. Они лежали тесно, почти касаясь руками, ногами друг друга. Все мертвые.

— Танков всего девять было, а не двадцать, — сказал Корнюхин. — А вас триста, не меньше. Кто бежит, того убивают. У вас и пушки, и гранаты. Могли сражаться.

— Могли — не могли, — огрызнулся старший лейтенант, без фуражки, но с винтовкой за плечом. — Они на танках... все в момент смели. Прямо с ходу.

— Другого и не ждите, — остывая, достал папиросы Корнюхин. — Немцы расчухаться не дают. Увидят

цель и полным ходом вперед. Что теперь делать будете?

— Выполнять приказ. Бутылки с бензином остались. Гранаты только ручные.

— Вяжите в связки.

— Знаю. Раненых заберите и сообщите там, что мы без пушек остались. Комбата и комиссара убили.

— Ладно, — кивнул Корнюхин. — А ты кто?

— Командир роты.

— Закапывайтесь глубже, — посоветовал напоследок Корнюхин.

В полуторку и на броню нашего БТ укладывали раненых. Старший лейтенант собирал уцелевших красноармейцев. Снова готовились к обороне. Много ли они навоюют без пушек и понеся такие потери...

Спустя пару дней лейтенанта Истюфеева, меня и еще одного танкиста вызвали в штаб. Мы с танкистом получили медали «За отвагу», Истюфеев — орден Красной Звезды. Здесь я невольно ляпнул языком не то. Присутствовал корреспондент, меня попросили рассказать о сражении. Так и сказали «сражение», будто я вместе с Кутузовым под Бородино сражался. Я старался не врать и рассказал, как два бронетранспортера подожгли из пулеметов танк БТ-5. Командиры нахмурились, а комиссар с тремя шпалами меня поправил:

— Это были автоматические пушки. Большинство немецких бронетранспортеров вооружены пушками.

Я возразил, что стреляли из крупнокалиберных пулеметов, почти в упор. Какой-то командир веско заметил:

— Наши танки не всякая пушка возьмет, а ты гово-

ришь, пулеметы! Ошибся в горячке, боец! А то корреспондент пропишет не то, что нужно.

И засмеялся. Остальные тоже. Я тоже вежливо засмеялся. Истюфеев сказал, что, конечно, рядовой Пикуленко ошибся. Подбитый им тяжелый бронетранспортер «Ганомат» имел на вооружении 20-миллиметровую пушку. Я все понял и согласно кивнул. Потом Истюфеев остался с начальством, а нас с танкистом накормили гречневой кашей с мясом, налили граммов по двести водки и подарили две пачки папирос.

Когда шли к себе, я невольно оглядывал медаль. Большая, серебряная, на яркой колодке, она смотрелась солидно. Было только не по себе, что экипаж и взводного Корнюхина несправедливо обидели. Лейтенант и Коля Малышкин, угадав мои мысли, сказали, что это ерунда. Достали фляжку спирта, консервы, и мы хорошо обмыли награду.

— Так случается, — рассуждал подвыпивший Корнюхин. — Воюют все, а всех не наградишь! Носи смело, Митя. Заслужил.

А мое везение кончилось через неделю. Наш танк подбили, погиб Коля Малышкин, а мы все оказались в окружении.

Снаряд ударил в лоб нашего БТ, пробил насквозь Колю и врезался в мешок с ватниками, чистыми гимнастерками, запасными сапогами — барахлом, которым мы разжились на складе под Лепелем. Несмотря на развороченное бедро и почти напрочь оторванную ногу, Коля еще несколько минут жил. Мы с лейтенантом Корнюхиным вытащили его и положили на траву.

Я хотел полезть в танк за новым пулеметом, который нам установили взамен разбитого. Пулемет, в случае потери танка, являлся моим штатным оружием. Корнюхин удержал меня.

Танк стоял, как сирота, с распахнутыми люками, но это длилось недолго. Следующий снаряд ударил под башню, и мой «бэтэшка», полученный в феврале перед днем Красной Армии, загорелся. Мы отнесли Малышкина подальше за деревья. Корнюхин вытащил из портсигара две папиросы и протянул одну мне.

— Рычаги управления разбило, — словно оправдываясь, сказал он.

Было это так или по-другому, я не знал. Но я верил в разумность действий спокойного, даже сейчас, лейтенанта. Меня подмывало куда-то бежать, но Корнюхин заставил остаться на месте и даже прикурил папиросу от своей зажигалки. Наши танки и бронемашины вели беглый огонь. Немецкие танки наступали. Их было раза в два больше. За танками шли тяжелые бронетранспортеры. Теперь я знал их название. «Ганомаг». Снаряд взорвался метрах в тридцати. Горела бронемашина. В нашем танке взорвались снаряды, и башня свалилась, как шапка с головы.

Мы поднялись и пошли, накрыв мертвое лицо Коли Малышкина куском ткани, который я оторвал от нательной рубахи. Похоронить его не было возможности. Меня и еще нескольких безлошадных рассадили на танки, в бронемашины и на мотоциклы. Я сидел на заднем сиденье мотоцикла. Вместе со стрелком в коляску впихнули раненого. Они ехали обнявшись и пили по очереди разбавленный спирт из фляжки. По-

том глотнули мы с водителем мотоцикла. Лесная дорога укрыла нас от немецких самолетов.

Дней шесть мы выходили из окружения. Нас было много, может, тысяча, может, больше. Десятка три танков, бронемашины, мотоциклы, конные повозки с орудиями и людьми, остатки пехотных частей. Но я не скажу, что мы тупо брели или убегали сломя голову. Во-первых, дивизия начала свой путь на войне не с безудержного отступления, а с боев. Мы уничтожали немецкие танки, видели, как они горят и как разбегаются враги. Такой опыт и уверенность в себе многого стоят. Второе — у нас нашлись волевые командиры, которые за несколько часов сколотили из отступающей массы боевое подразделение, разбитое на роты и взводы. Это были комиссар с тремя шпалами (фамилии его не запомнил) и майор Крупский.

Наверное, я невольно перехожу на слишком бодрый тон. Окружение — поганая штука. Немцы наседали со всех сторон, и никто не был уверен, что мы сумеем пробиться. Нас сильно бомбили, спасал только лес, и мы снова спрашивали, где наши самолеты. На следующий день меня разыскал Корнюхин, ставший командиром броневого взвода из двух бронемашин БА-10. Посадил на место башенного стрелка, рядом с собой. Откровенно говоря, мне эта штука, знакомая еще по учебке в Калуге, очень не нравилась. Наши БТ-7, которые мы теряли в боях один за другим, были не в пример мощнее (400 лошадиных сил по сравнению с 50-сильным движком БА-10), и броня казалась такой надежной. Но выбирать не приходилось. Из танков нашего разведбата остались всего два БТ-7, один из которых вел ротный Истюфеев.

Смертельно усталые, мы находили утром рядом с собой новых людей, а кто-то исчезал. Однажды я видел такую картину. Тридцать или сорок бойцов двигались прерывистой цепочкой на запад. Они несли за плечами винтовки, но знаков различия на петлицах я не разглядел. Корнюхин, остановив танк, крикнул:

— Эй, кто старший? А ну, подойдите!

Он даже приказал развернуть орудие и пулемет в их сторону. Но люди молча пятились, исчезая среди елей. Сзади нас подпирали, и у лейтенанта не было времени разбираться.

Рано утром немецкие танки раздолбали разведку и пустились за нами. Танков было много, и мы шарахнулись назад. Возникла паника, но Крупский навел порядок. Поставил все пушки на прикрытие колонны, и мы двинулись в обход. Еще час слышали орудийные выстрелы, потом все смолкло. Наверное, артиллеристы погибли.

В другой раз, пересекая открытое место, мы приняли бой. Бой в окружении — это не то, о чем хочется вспоминать. Мы прорвали оборону немцев, смяли штук восемь противотанковых пушек, расстреляли пулеметные гнезда. Двигались через поле бегом, на ходу подбирая немецкие автоматы и патроны, оставляя свои догорающие танки и грузовики. На одной из повозок, с выломанной оглоблей и без лошадей, лежали тяжелораненые.

Мы остановились. Истюфеев дал команду перегрузить их на броню. Из-за деревьев били немецкие гаубицы. Тяжелый снаряд разнес танк, другой взорвался прямо в гуще пехоты, и стало уже не до этих раненых. Появился десяток новых, которых тоже надо было

спасать. А как? Со стороны солнца заходили с воем сирен пикирующие «Ю-87» с растопыренными шасси. Сорок первый год был годом их торжества. С них начинались дни и ими заканчивались.

И мы спешили снова укрыться в лесу. Остановиться означало верную смерть. «Ю-87» проутюжили хвост колонны, отставшие машины и людей и догоняли нас в лесу. Снижались до сотни метров и находили свою цель. Мы пытались отвечать, вытаскивая пулеметы в верхние люки, но бронированных «лаптежников» сбить было трудно.

Крупский послал нашу бронемашину и два мотоцикла сопроводить полуторку в деревню, где вроде бы имелся колхозный гараж или автомастерская. Кончалось горючее. В пустых боксах и по домам мы набрали бочек пять бензина. Все были голодные. Колхозный бригадир открыл нам молочный склад. Пока грузили холодные со льда бидоны с молоком, в деревню влетели два немецких мотоциклиста.

Расстреляли в упор экипаж нашего мотоцикла, стоявший на окраине, и дали по нас несколько очередей. Вроде и настороже были, но двух ребят потеряли. Я влетел в башню, развернул пушку, а немцы уже на полном газу мчались назад. Выпустил им вслед снаряд, второй. Мимо. Они не любили зря подставляться. Зачем им против бронемашины воевать? Или танки ихние подкатят, или авиацию вызовут. Погрузили мы погибших ребят в полуторку и тоже ходу из деревни. Ну, хоть танки и машины заправили, раненых молоком напоили. На всех-то не хватило.

Вскоре, потеряв половину людей и техники, мы прорвались к своим. Кстати, никто нам не устраивал

тотальной проверки на вшивость, допросов с мордобитием: «Может, вас немцы подослали?» Смотрю такие сцены в фильмах и удивляюсь. Вы чего, ребята, охренели, что ли? Никакого бы НКВД не хватило проверять отходящие части! Нас тысячи выходили. Конечно, кого-то трясли, проверяли. Но немногих. А по нас и так видно было, кто мы такие. Обрадовались пополнению (хоть и потрепанному) с танками, пушками, пулеметами. Покормили, дали сутки в себя прийти, и снова на передовую.

Запомнилось, как мы прикрывали переправу. Речка шириной метров тридцать, крепкий деревянный мост. Воробьевская переправа — так ее называли. Может, по имени деревни, расположенной неподалеку.

Наши свежие войска шли по ней на запад, а навстречу им катились разрозненные группы отступающих. За речкой их собирали в роты, батальоны и, подкормив, снова вели навстречу немцам. Уже во главе с молоденькими лейтенантами и капитанами-комбатами. Многим бойцам такой расклад не нравился. Чудом выжив, они не хотели снова возвращаться в пекло. Некоторые ждали, когда стемнеет, и переплывали речку, стараясь обойти посты. Но на восточном берегу их поджидали и задерживали. Несколько таких бойцов дали в наш батальон, защищавший подступы к переправе. Двое возмущались, орали, что контужены, а их, больных и несчастных, заставляют окопы рыть. Истюфеев цыкнул на них.

— Вы пекла еще не видели! — надувая жилы на горле, кричал наш ротный. Загорелый, тощий, в за-

штопанной гимнастерке с орденом. — Вот кто пекло видел! Три танка сжег и сейчас к бою готовится.

Он кивнул на меня. Я очищал от смазки снаряды. Отложив снаряд, сердито уставился на суетливого бойца, несущего от страха всякую ахинею. Если нас поставили охранять переправу, никуда не денешься. И нечего языком болтать!

Вечером, на закате, мы пошли с Корнюхиным искупаться. Выбрали местечко, распихали пятками тину и бултыхнулись в теплую водичку. Поплавав, сели перекурить. Тихий выдался вечер, даже стрельбы не слышно. За последние дни мы сдружились с лейтенантом Корнюхиным. Может, в отличие от других ребят, обкатанный жизнью и тяжелым трудом, я казался старше своих девятнадцати лет. Доверял мне взводный, хотя, если разобраться, оба мы были мальчишки.

Я узнал от него в тот вечер историю, приключившуюся на финской войне, которая принесла ему много неприятностей. Виктор Ерофеевич закончил военное училище в тридцать восьмом году. Женился, вскоре родилась дочь. Служба шла хорошо, взвод считался одним из лучших в танковой бригаде. В декабре тридцать девятого Корнюхин со своим взводом охранял дорогу и перевалочный пункт, куда свозили раненых и где ночевали бойцы по дороге на передовую.

Два деревянных барака, что-то вроде медпункта, небольшой склад и обслуживающий персонал: врач, две медсестры, санитары, тыловики-интенданты и караульные. Дорогу завалило снегом. Морозы трещали за тридцать. Приходилось по нескольку дней не

выключать двигатели. Полезли финны. Корнюхин со своими тремя БТ-5 отогнал их огнем пушек и пулеметов. Тогда финские снайперы-«кукушки» обложили кольцом танки и бараки, не давая высунуться.

— Кто высунется — выстрел, и готов человек. Окна в бараках побили, пожары от зажигательных пуль, — рассказывал Корнюхин. — Мы по кругу катаемся, то из пушки шарахнем, то из пулемета очередь дадим. Потом бензин стал кончаться. Остатками двигатели прогревали. Спиртом его разбавляли, чтобы подольше хватило. Финны немецкие противотанковые ружья в ход пустили. Калибр у них ерундовый, 7,92 миллиметра, но скорость пули высокая. Один танк подожгли, потом второй. Третий мы между бараками загнали. Они в него умудрялись попасть. Раза два двигатель загорался. Успевали гасить. Через четыре дня осаду сняли — наши пробились. У меня из девяти человек всего трое в живых остались, включая меня. Два сгоревших танка, в третьем вся система от огня и мороза полопалась. Кусок железа. На перевалочном пункте половину людей перебили. Меня — за шиворот и в особый отдел. Следов боя почти не видно, в броне маленькие дырочки, а танковый взвод накрылся. Спасло то, что я трех финских снайперов из пушки достал. Документы забрали, противотанковое ружье, винтовку с оптикой. Может, только это от трибунала спасло, а ходу с тех пор не дают.

Я, пацан, уже нюхнувший войны, хорошо понимал Виктора Ерофеевича Корнюхина. Его ровесники капитанами ходили, ротами, батальонами командовали, а он, умный, смелый мужик, три года на взводе топтался.

Вскоре обстановка на Воробьевской переправе резко изменилась. Немцы нанесли очередной удар, и через мост хлынули отступающие войска. Их уже не успевали сортировать и возвращать на передовую. Да и где она была, эта передовая, если стрельба доносилась со всех сторон? Участились бомбежки, хотя мост по-прежнему не трогали. Разбили гаубичный дивизион на другом берегу речки. Огромные снарядные гильзы взлетали, как ракеты, и плюхались, где попало. Однажды над мостом прошли на бреющем полете два «мессершмитта» и буквально смахнули огнем из пулеметов (пушки не использовали) человек тридцать красноармейцев. Трупы плыли по течению медленным жутким хороводом. Такого я никогда не видел. Вода шевелила их руки, волосы, казалось, плывут живые люди. Взрывы бомб подбрасывали их, сталкивая друг с другом.

В капонире разбило и подожгло бомбой танк, взлетели обломки двух трехдюймовых пушек. Обезумевший от боли и страха раненый бежал в сторону леса. Ему кричали, но вряд ли он что понимал. Истребители пошли на новый заход. Но еще с вечера по приказу майора Крупского сняли с машин часть пулеметов и приспособили их для зенитной обороны. Хоть и с промедлением, мы встретили «мессершмиттов» огнем. Один истребитель клюнул носом, но удержался и, едва не задевая крыльями деревья, полетел к своим. Второй тоже скрылся. А потом немецкие танки подошли к переправе. Три бронемашины были закопаны в землю по самые башни, пушки стояли на прямой наводке. Мы отбили атаку, хоть и с потерями.

Погиб старый кавалерист, командир бронероты капитан Язько. Смелый дядька был, ничего не ска-

жешь. Выгнал свою бронемашину из капонира и открыл огонь по танкам с фланга, пытаясь ударить в бок. Только забыл, что броня у БА-10 тонкая. Снаряд проломил дверцы ходовой части. Бронемашина вильнула и попала под вторую болванку. Кто-то открыл люк, но выбраться не успел. Сдетонировал боезапас, и машину вскрыло взрывом, как консервную банку.

Еще сутки мы продержались, потом стали отходить. Когда через мост ехали, по нас не стреляли. Стали взбираться на откос, вокруг поднялись фугасные разрывы, и, как огромной палкой, зашлепали по песку бронебойные чушки. Сразу вспыхнул танк, потом взрывом выбило задний мост у бронемашины. Водитель и пулеметчик выскочили, в кормовую часть попал снаряд и убил двух оставшихся ребят из экипажа. Вырвались всего два танка и наша бронемашина.

Нам бы бежать от огня, а у саперов шнур перебило. Крупский приказал мост из пушек расстрелять. Мы из-за деревьев в три ствола огонь открыли, а наши бойцы под взрывы бегут. Пугнули их из ракетниц, а они все равно лезут — немец напирает. Когда первый фашистский Т-3 на мост влез, Крупский крикнул:

— А ну, огонь из всех стволов! Прорвутся, гады!

Развалили мы мост. Пока стреляли, и наших бойцов сколько-то положили, и немецкий Т-3 утопили. Стали отступать, снаряд нам переднее колесо напрочь оторвал. Мотор ревет, масло и бензин из трубок хлещет. Выскочили мы, едва успели один пулемет снять. На танк вскочили, а он газу! Под снарядами уходили. Отвоевал я честно все первое военное лето, а 9 сентября был тяжело ранен под городом Дорогобуж. От Смоленска до него всего километров восемьдесят. Немцы Смоленск 16 июля взяли, а эти восемьдесят

километров и за два месяца одолеть не смогли. Вот и считай, драпали мы или дрались. Потом они все же Дорогобуж взяли и к Москве подошли. Но под Смоленском немец два месяца топтался.

Ранило меня тяжело. Осколок пробил темя и застрял в голове. Перебило выше локтя левую руку. С рукой кое-как справились, хотя поначалу хотели ампутировать. Осколок из-под черепа вытаскивали в одном из московских госпиталей, недалеко от Павелецкого вокзала. Потом эвакуировали в Горьковскую область, где я лежал в госпитале в селе Батурлино. Выписали меня 17 января 1942 года со второй группой инвалидности и дали двенадцать месяцев на лечение. Рука слушалась плохо, мучили головные боли.

Приехал в свое село. Встретили меня хорошо, родня собралась, соседи, колхозное начальство. Помогли продуктами. А дальше уже не до меня было. Колхозники работали с утра до ночи. Зима голодная была, сколько похоронок приходило! От почтальона матери шарахались. Лучше не слышать, как сыновей и мужей оплакивали. На снег босиком выскакивали и по селу с криком бежали.

А я это все слышал. На работу не ходил — какой из меня работник? К лету немного оклемался. Я получал паек, платили за инвалидность. Продукты стоили очень дорого, даже у нас на Урале. Главным был паек, а на него часто давали пшеницу или рожь, которые надо было везти на мельницу, молоть, заводить тесто, печь хлеб. Семьи старших братьев мне помогали, но жить было тяжело. А тут приходят похоронки на двух старших братьев: Егора, 1906 года рождения, и Нико-

лая — 1913 года. Погибли смертью храбрых. Совсем мне тошно стало. А к армии я привык. Не дожидаясь срока очередной медкомиссии, пошел в августе сорок второго года в военкомат. Попросил: возьмите опять в армию. В армию меня не взяли, отправили на курсы сержантов, стал работать в милиции. Ушел в отставку майором.

Жизнь меня никогда не баловала. Но, оглядываясь назад, ни о чем не жалею. Служил, как мог, России и с этими мыслями встречу свой последний день.

Я НАЧАЛ СВОЙ ПУТЬ В СТАЛИНГРАДЕ

Весной сорок пятого в нашем пехотном батальоне насчитывалось два или три человека, кто воевал с сорок второго года.

Лапшин Ф.И.

Федор Иванович Лапшин начал войну в Сталинграде и закончил ее в звании старшины под немецким городом Губен. Он и в нашей охотничьей бригаде считался вроде старшины.

Он часто рассказывал у костра о своем долгом пути через войну. Выезжая на гусиную охоту на огромное соленое озеро Арал-Сор, мы всегда проезжали железнодорожный переезд, где стоял каменный обелиск, а рядом скульптура сталевара. 7 октября 1942 года немцы разбомбили эшелон, в котором эвакуировали рабочих сталинградских заводов и их семьи. В тот день погибли сотни людей.

— А я ведь по этой железной дороге в Сталинград на фронт ехал, — говорил Федор Иванович. — Наш состав через несколько дней после этой бомбежки здесь проходил. Разбитые вагоны еще горелым пахли...

Я родился 12 июля 1924 года в небольшом селе Низовка в Палласовском районе, которое в сороковых годах поглотил знаменитый военный полигон Капустин Яр. Мама, отец — колхозники. Двое маленьких сестер умерли вскоре после рождения. Остались и выросли нас трое — два брата и сестра. Начавшаяся война играла с нашей семьей, как в кошки-мышки. Отца и старшего брата забрали в первые недели. И как в воду канули. О старшем брате, Василии, я больше ничего не слыхал. Пропал бесследно. На отца осенью пришла похоронка, а спустя месяцев пять письмо о том, что он жив, был в окружении, а сейчас служит в обозе.

Помню, с матерью чуть дурно не сделалось. Потеря старшего сына и мужа чуть не доконали ее, ходила как не своя. А тут неожиданно письмо от отца. Она целый день плакала, а письмо мы зачитали до дыр. Мама решила, что мой старший брат тоже жив. Помню, ходила к гадалке, отнесла ей серебряное кольцо и два десятка яиц. Гадалка наплела непонятное, вроде Василий жив и где-то мается, а вокруг лес.

Описывать долго нашу жизнь в начале войны не буду. Работали без выходных. С едой тогда, в начале войны, полегче было, но не хватало то одного, то другого. Экономили хлеб, не было сахара. Но мы считали, что это ерунда — лишь бы все живы были. Чуть не каждый месяц приходили активисты, работники сельсовета, подписывать на государственные займы. Мать ругалась (откуда деньги?), а тех подгоняло районное начальство. Мать находила где-то припрятанные червонцы и получала взамен солидные хрустящие бумаги с рисунками Кремля и красивыми цифрами с

завитушками. Говорили, что по ним можно выиграть тысяч пять — во, деньжищи!

Но мать ни в какие выигрыши не верила. Когда однажды она особенно сильно расшумелась, что, мол, последнюю шкуру снимают, одна из подписчиц тихо и убедительно сказала матери:

— Не надо, тетя Маша. Мы и так вас жалеем. Другие больше отдают. Услышит кто, затаскают.

После этого мать притихла. Нас выручал дед, который, работая в колхозе, по вечерам сапожничал. Чинил всякую рвань, за которую нам несли овощи, молоко, изредка муку и сало. Однажды сосед принес половинку свиной головы и пару копыт. На Рождество мы досыта наелись наваристого борща и холодца.

Но самое главное — от отца приходили письма. Отвоевав на Гражданской, он знал цену этим весточкам. Утешал мать, говорил, что Василий вернется, а сам он при обозе как-нибудь вытянет. Многие строчки были замазаны цензурой, но мы все же поняли, что отец где-то под Москвой.

Помню, я любил вести разговоры с дедом. Неизвестно откуда, но уже с лета сорок первого пошли слухи, что наши войска, отступая, заманивают немцев в ловушку. Как Кутузов в 1812 году. Поделился мыслями с дедом. Тот поддержал меня:

— А как же! До Урала заманят, а там лес да камень. Расшибут супостата, только пятками засверкает.

Подсчитав расстояние до Челябинска и Свердловска, я пришел к выводу, что до Урала немцам добираться, учитывая сопротивление Красной Армии, не меньше двух лет. Да пока назад гнать будут... Неужели война пять лет продлится?

Дед на это сказал:

— Не болтай лишнего, Федор. Не маленький уже. Просрали мы немца. Все бумаги писали да договоры стряпали, а Гитлер под дых шарахнул. Вот и льется кровь.

— Ну мы же его победим?

— Конечно! Если воевать научимся.

В Гражданскую войну дед воевал немного за белых и немного за красных. Про службу в белой армии помалкивал, про Ворошилова и Киквидзе иногда вспоминал. Герои-полководцы! Жаль, Киквидзе убили, а Климент Ефремович им еще покажет.

В армию меня призвали через неделю после того, как исполнилось восемнадцать. Потолкавшись дня три на пересыльном пункте и наслушавшись, что творится на фронте (ничего веселого, прет немец), меня вместе с группой призывников отправили в учебный полк. Говорили, что будем там учиться три месяца и выйдем сержантами. Заиметь на форме пару блестящих медных треугольников казалось заманчивым. Не абы что, а средний командир!

Учебный полк располагался в прибрежном лесу на медленной речке Торгун, похожей на озеро. За жидкой изгородью (от кого прятаться, на сотни верст — степь!) располагались несколько учебных стрелковых рот, пулеметная, рота связи. Были еще какие-то мелкие подразделения. Ходили слухи, что там готовят десантников или разведчиков, но точно сказать не могу.

Образование у меня было семь классов. По тем временам довольно приличное. Состоял в комсомоле, выступал на политзанятиях. Учеба в полку была

поставлена неплохо. Но, повоевав, я позже понял ее недостатки. Мы много бегали, учились рыть окопы, траншеи, ползать по-пластунски, обязательно занимались строевой подготовкой (как мы ненавидели эту шагистику!). Но насчет оружия и стрелковой подготовки было слабо. Без конца собирали, разбирали с открытыми и закрытыми глазами трехлинейку — одну на отделение.

Были три занятия по изучению ручного пулемета Дегтярева и станкового «максима». Стрельбы проводились тоже из винтовок и всего два раза. Выдавали по три патрона. Во взводе я считался одним из лучших стрелков, если можно судить по шести выстрелам, и мне объявили благодарность.

Кормили нас, в общем, неплохо. Через нас гнали на восток много скота, часть, видимо, отделяли для армии. Во всяком случае, щи или суп были всегда наваристые, в каше тоже попадались кусочки. Недалеко была молочная ферма. Помню, что в жаркие дни нам привозили густой кислый обрат в сорокалитровых бидонах. Несмотря на то что молоко вроде снятое, но густое и вкусное. Нам нравилось. Потом пошли перебои с хлебом. Особенно в сентябре. Но мы не жаловались. Хватало каши. Нам объяснили, что хлеб идет в Сталинград.

С уважением вспоминаю лейтенанта Николая Мартемьяновича Шакурина, родом откуда-то с верховьев Волги. Он уже успел повоевать, был тяжело ранен. От него мы узнали много полезных вещей. Не только на занятиях, но и на перекурах мы охотно слушали его и задавали вопросы. Хотя некоторые наивные, да и

просто опасные вопросы ставили его в тупик. Шакурин врать не любил, а говорить правду, особенно на политические темы, тогда не приветствовалось.

— А правда, немецкие самолеты быстрее наших? — спрашивал кто-то из восемнадцатилетних сопляков.

— Есть и быстрее, — отвечал Шакурин. — Но у нас появились очень хорошие истребители, а штурмовиков фрицы как огня боятся. У них реактивные снаряды, бомбы и пушки. Когда штурмуют, все вдребезги разносят.

Это нас радовало, и мы смеялись над трусливыми фрицами. Не знали, что многие штурмовики попрежнему летают без бортстрелка с защитным пулеметом и несут огромные потери от вражеских истребителей. Скажи нам кто тогда, что на подступах к Сталинграду вовсю господствует немецкая авиация, мы бы не поверили. В газетах писали про другое. Пустых разговоров — кто быстрее, кто сильнее — взводный не любил. Вопросы о самолетах переводил на практическую тему. Что делать при внезапном налете? Где прятаться?

— Только бежать не вздумайте, — учил нас Шакурин. — У «юнкерса» скорость четыреста километров, а у «мессера» — почти шестьсот. Сразу ложитесь, а главное — башку не теряйте. Выбрали канавку, кустик и, как мышь, под него. И не шевелитесь.

— Как мышь! — хихикал кто-то из недорослей. — А если у тебя «дегтярь» с полным диском бронебойных? Тоже лежать? — И с ехидцей посматривал на взводного.

— Ты из него много стрелял? — спрашивал Шакурин.

— Изучали на прошлых занятиях.

— Как стрелять научишься, тогда и продолжим разговор, — обрезал лейтенант. — Зенитчик!

К выскочке приклеилась кличка «Зенитчик». Подкалывали его потом часто. Не зло, а все равно задевало. Клички имели в учебном взводе многие. Имелся свой Студент, парень небольшого роста, в очках, из Сталинграда. Кажется, он учился в техникуме. Я как-то пытался с ним поговорить о книгах. Читать я любил, но Студент разговор не поддержал, и я больше к нему не подходил. Не понравился он мне и тем, что без конца повторял: мол, его вот-вот заберут в офицерское училище. Хвалился до тех пор, пока Студента не оборвал командир отделения:

— Хорош болтать! На турнике научись подтягиваться.

Студент ответил какой-то заумной фразой, вроде поддел младшего сержанта за неграмотность. Тот покраснел как рак и приказал слишком умному курсанту заниматься всю неделю по часу на турнике в свободное время.

Я сдружился с Пашей Стороженко по прозвищу Сторожок. Веселый деревенский парень жил до призыва в сорока километрах от меня. Мы быстро сошлись и доверяли друг другу самые сокровенные тайны. У Пашки была невеста. Когда прощались, она неожиданно спросила:

— Паша, ты ведь хочешь со мной быть?

— Хочу, — ответил он, хотя не совсем понял вопрос.

— Ну, а чего ждешь? Может, это наша последняя ночь.

— Испугался я, Федя, — признался Пашка. — Обоим по семнадцать лет, как же до свадьбы? Струсил.

Я был тронут такой доверительностью Пашки и утешал его:

— Правильно сделал. Еще наверстаешь.

— Наверстаем, — тоскливо отозвался Пашка. — Вон что на Дону творится. Ночью проснусь и думаю. Рвануть к Дашке хоть на пару часов. Всего-то восемьдесят верст. За ночь да день обернусь. Не расстреляют же?

Но никуда Пашка не рванул. В один из дней выстроили весь полк. Даже кашеваров в строй поставили. И объявили знаменитый приказ Сталина № 227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад!». Скажу свое впечатление от приказа. В чем-то он меня потряс. На бесконечных политзанятиях и политинформациях нам пересказывали общие истины о мужестве, героизме, преданности Партии. Без конца приводили примеры, которые, мягко говоря, вызывали сомнение. Пусть многие из нас не видели в жизни трамвая или паровоза, мало читали, имели по пять-шесть классов образования, но дураков среди нас было не так и много. Бесконечные газетные истории о сказочных подвигах бронебойщиков, спаливших кучу фашистских танков, или мощных контрнаступлениях, мягко говоря, не вызывали доверия.

Если так фашистов колотят, как же они к Дону вышли? Среди нас были фронтовики. От них мы слышали другое. Обсуждая вечером с Пашкой приказ Сталина, мы пришли к выводу, что с нами впервые без трепотни поговорили по-взрослому. И по-взрослому будет спрос.

— Давно бы так! — сказал Пашка. — Куда еще дальше отступать. И так пол-России отдали.

Приказ долго обсуждали на политзанятиях. Многих он заставил крепко задуматься.

Раз в неделю крутили кино. Клуб впритирку вмещал две роты. Скамеек не хватало, сидели и лежали на полу, даже по краям сцены. Мы с удовольствием смотрели «Трактористов», «На границе», «Веселые ребята». Особым успехом пользовался «Чапаев». Кстати, с этим фильмом связана одна смешная история. Война войной, а посмеяться мы любили. Случалось так, что фильм, прокрутив по очереди для всех рот, потом еще показывали для курсантов, находившихся в наряде. К ним обязательно примазывались желающие глянуть интересный фильм еще раз.

Началось все с разговора, что Василий Иванович Чапаев вовсе не утонул. Разве можно такого человека убить! С помощью Петьки и Анки-пулеметчицы он из любой беды выйдет. И вот какой-то шутник авторитетно заявил, что нам показали фильм «Чапаев» без двух последних частей, где Василий Иванович, выбравшись из-под огня белых, вновь собирает свое войско и крошит беляков. Большинство поверили. Что с нас возьмешь, если половина железную дорогу не видели и закончили по пять классов! Посыпались даже вопросы:

— А Петька как? Его же убили.

— Ранили. Не ясно, что ли?

Конечно, ясно. Петр Исаев упал, но был всего лишь ранен. Последний сеанс для тех, кто был в нарядах или на полевой работе, собрал огромную тол-

пу. Старенькая пленка, треща, показывала, как беспощадно мстят чапаевцы за гибель комдива, а в зале нарастал ропот. После фильма народ расходиться не собирался. Кричали, свистели: «Где последние части! Почему не показали, как Чапай выплыл?»

Офицеры вначале не поняли, дали команду расходиться по казармам. Курсанты возмущенно требовали продолжения фильма. Один из политработников, угадав сквозь крики смысл происходящего, вышел на сцену и произнес короткую убедительную речь. Что мы — молодцы, патриоты своей Родины, уважаем ее героев, но, к сожалению, Василий Иванович Чапаев погиб за дело революции, и его не вернуть. Он надеется, что мы будем воевать не хуже чапаевцев.

— А теперь взводным и командирам отделений вывести своих людей. Прогулка перед сном и отбой!

Это была уже команда. «Молодцы» покинули клуб. Инцидент был исчерпан.

Занятия продолжались своим чередом. Под руководством Шакурина мы старательно долбили кирками и лопатами сухую, как камень, глинистую землю. Николай Мартемьянович не уставал повторять:

— На вас брони нет! Хотите выжить, где бы ни остановились — сразу ройте окоп. Тогда есть шанс выжить и бить врага. В окопе ты боец и надежный защитник, которого за алтын не возьмешь! Да еще когда целая рота, с пулеметами и гранатами.

Окопов и траншей мы нарыли столько, что спустя десятки лет сохранились заросшие ямы в прибрежном лесу и в степи. Часто рассказывал нам взводный о немецких минометах, о которых мы толком и не слышали. Предупреждал, что летящая сверху мина —

одна из главных опасностей. Многое мы пропускали мимо ушей, но многое, особенно насчет окопов, мин и авиационных налетов, отложилось в памяти. Про атаки Шакурин говорил зло, словно рубил:

— Если дали команду, только вперед! Не мешкать. Кто замешкался, обязательно под пулемет попадет. А драпать вздумаете, немцам только удовольствие. В спины убегающих легко добивать. И если кто уцелеет чудом, то сразу под трибунал. Приказ ведь слышали? Кончились разговоры. Гайки на полную завинтят!

Однажды, подвыпив, Шакурин, проходя мимо, обнял меня за плечи и потрепал по стриженой голове. Был вечер, я стоял в карауле, а командиры отмечали какое-то событие.

— Эх, Федя, Федя... — грустно проговорил он. — Жалко вас, сопляков.

Он достал из кармана папиросы и протянул мне одну:

— Закуришь?

— Так я в карауле.

— Ну, после покуришь. — Папиросы у взводного были хорошие — «Беломор-канал». Он вытряхнул еще несколько штук. — Товарищей угостишь. Ты хоть знаешь, что в Сталинграде сейчас творится?

— Догадываюсь, — ответил я.

— Ладно, — помолчав с минуту, проговорил Шакурин. — Пробьемся. Не впервой.

И, пошатываясь, двинулся к своей землянке.

А про обстановку в Сталинграде мы толком не знали. Слышали, что город сильно бомбят и бои идут на подступах. И тем более, до нас не доводили правду о

том, что бои уже шли по всему городу, а наши войска держат узкую полоску земли над Волгой, шириной двести-триста метров.

Позже, в обледенелых окопах или на бесконечных маршах, засыпая на ходу, я вспоминал тот пожелтевший осенний лес, медленную речку Торгун, аккуратный учебный лагерь с дорожками, посыпанными песком. В наших заволжских краях мало лесов. Бесконечная степь, запах полыни, когда поднимешься из леса на пригорок. Я любил сидеть там со своим дружком Пашкой Стороженко в редкий свободный час перед поверкой и отбоем. Слушали гортанные крики огромных гусиных стай, наблюдали за клиньями серых степных журавлей, которые проходили совсем низко.

Мы были еще слишком молоды, чтобы осознать страшную сущность войны. Казались себе бессмертными, а ожесточенное сражение под Сталинградом, как и всю войну, воспринимали по-детски.

Повзрослеть нам предстояло очень скоро.

Вдруг поднялась суета. Срочно формировали к отправке несколько маршевых рот. Тем, кто попал в списки, сменили старую изношенную форму на более новую. «Сержантов» присвоили только тем, кто был постарше и имел опыт. Да и недоучились мы. Учеба была рассчитана на три месяца, а мы пробыли в учебке немногим больше двух. Я переживал, что не стал сержантом. Пашка отнесся к этому равнодушно:

— В рядовых оно спокойнее, чем командиром впереди бежать.

Учебный полк подняли по тревоге числа 10—11 октября. Вереница полуторок и «ЗИС-5» за несколько рейсов перебросила пять маршевых рот, человек по двести, к эшелону, стоявшему под парами за станцией. Собралось много провожающих. Шум, гам. Женщины плачут, а кто-то, наоборот, смеется. Наяривает бодрые мелодии гармошка. Разливают с оглядкой на командиров самогон и быстро выпивают. Впрочем, прощаться никто не мешает. Знают, что многие расстаются навсегда. Стаканчик крепкого самогона и кусок домашнего ржаного хлеба с салом достаются и мне. Пил я очень редко, и самогон сразу ударил в голову. Стало хорошо.

Искал своих, но, видя, как плачут женщины, даже обрадовался, что никого из них нет. Далеко от нашего села до Палласовки, да и не хотелось, чтобы мать душу травила — третий из семьи на фронт уходит. Пока толкались, рассмотрел получше эшелон. На открытых платформах стояли закутанные в брезент несколько пушек. На крышах вагонов разглядел счетверенную установку «максимов» и штуки три спаренных «дегтяревых» без прикладов, с рукоятками и сетчатым прицелом. Одна из спаренных установок торчала над крышей соседнего вагона, и я позавидовал двум парням моего возраста, глядевших и поплевывающих на нас свысока. Я задал им какой-то вопрос, но ответа не получил и, тоже сплюнув, полез в отведенную нам теплушку. Ту самую, знаменитую: «сорок человек, восемь лошадей».

Лейтенант Шакурин жал нам всем руки:

— Ни пуха ни пера, ребята!

— До свидания, товарищ лейтенант!

А утром мы увидели первую весточку войны. Тот самый разбитый и сожженный эшелон, о котором говорилось вначале. Война обрушивает на человека сразу столько всего, что спокойного подробного рассказа уже не получается. Наше мирное житье-бытье в лесу на берегу Торгуна я вспоминал с удовольствием, перебирая в памяти всякие мелочи. Дальнейшая военная жизнь будет приносить каждый день что-то новое, непривычное, чаще страшное, о котором стараешься забыть. Дорогу только восстанавливали, эшелон двигался медленно. Запомнились скрученные, как макароны, рельсы (пришло же в голову сравнение!), смятые каркасы вагонов платформ. Некоторые были буквально разорваны. А половинка одной теплушки валялась метрах в двадцати от полотна. Часть воронок от бомб были засыпаны, а те, которые подальше, чернели, словно кратеры вулканов. Некоторые — огромные, метров по семь-восемь в диаметре, другие — помельче. Сильно пахло горелым железом и деревом.

Саперы-железнодорожники варили что-то на костре, сложенном из расщепленных, нарубленных остатков шпал и обломков вагонных досок. Других дров тут, в голой степи, не найдешь. Увидели мы и братскую могилу с обелиском (может, их было несколько) и вскоре узнали, что здесь произошло. Смерть сотен мирных людей, не солдат, а рабочих семей с женами и детьми, потрясла меня. Сволочи-фашисты сумели даже так далеко от Сталинграда угробить столько народу и сжечь целый эшелон.

А через несколько часов мы сами попали под бомбежку.

Рев самолетов услыхали, когда они уже были совсем рядом. Думаю, самолеты шли на эшелон низко над землей. Кругом ровная степь. Кто-то кричал: «Воздух! Бегите!» Мы, как цыплята, высунув шеи, вертели головами во все стороны. Опомнились, когда немецкий самолет с ревом пронесся прямо над нами. Кучей вывалились из теплушки и побежали прочь от эшелона. Еще один, огромный (так мне показалось) самолет с выпущенными шасси, искривленным, словно надломленным крылом и свастикой на хвосте пролетел следом. Ахнул, забивая уши, взрыв, потом еще и еще...

Это была моя первая встреча с печально знаменитым пикирующим бомбардировщиком «Юнкерс-87», или, как наши солдаты называли его, «лаптежником». Серьезная, особенно опасная в первые годы войны машина, несшая по пятьсот и тысяче килограммов бомб, бронированная и мало уязвимая для наших обычных пулеметов. Забегая вперед, могу мстительно заметить, что привыкнувших хозяйничать в небе в сорок первом и сорок втором годах «юнкерсов» позже начали крепко лупить наши «яки» и «лавочкины», вооруженные пушками и крупнокалиберными пулеметами. Скорость-то менее 400 километров в час, и новые истребители не раз сбивали «лаптежников» на наших глазах. Но это будет не скоро. Пока же шел сентябрь сорок второго.

Я повалился на землю, уткнув голову в полынь и закрыв ее ладонями. Наверное, надеялся, что каска и ладони защитят. Вокруг что-то гремело, трещало, кричали люди. Сквозь взрывы где-то близко стучали наши зенитные пулеметы. Услышав их, я разлепил ладони и увидел, как на соседней теплушке бьют из

спарки двое моих ровесников, один из которых на станции плюнул в мою сторону.

Промелькнуло в голове — я бы так не смог. На крыше, открытой со всех сторон, даже без крохотного щитка, а в лоб на тебя несутся самолеты. Где-то ближе к паровозу горели два вагона. Вдоль эшелона вперемешку проносились «юнкерсы» и тонкие стремительные «мессершмитты». На моих глазах серый «мессершмитт», с огромным крестом через весь фюзеляж, ударил сплошной трассой из пушки и пулеметов по спаренному «дегтяреву». Из крыши теплушки брызнуло пламя и куски жести. Зенитную установку сорвало с кронштейна. Один ствол отлетел прочь. Парней-пулеметчиков отбросило взрывами.

Всего немецких самолетов было семь: три «юнкерса» и четыре «мессершмитта». Сделав два захода, они стали стремительно набирать высоту. Я видел, как на подъеме стрелки всех трех спаренных кормовых пулеметов «юнкерсов» били длинными трассирующими очередями по крышам вагонов. Один из «юнкерсов» догнала счетверенная трасса «максима». Мне показалось, что сейчас он загорится, но пикировщик с ревом ушел вверх под градом пуль. Стало тихо.

Поднимаясь, я с ужасом сообразил, что потерял винтовку. Может, в вагоне оставил? Сделал несколько шагов, продолжая наблюдать за небом, и едва не споткнулся о парня в задранной шинели и почему-то босого. Наверное, снял ботинки проветрить ноги. У многих прела и растиралась кожа на ногах от кирзовой обуви, а тут налет. Я окликнул парня, потом перевернул его на спину. Лицо было белым. Подошли еще бойцы.

— Наповал, — сказал кто-то.

Я разглядел мокрую от крови шинель. У парня забрали документы, а я торопливо поднял с земли винтовку. Такую же, как у меня, только приклад темнее. Неподалеку, метрах в пяти от глубокой воронки, лежало что-то непонятное. Я впервые увидел, как безобразно коверкает смерть человеческое тело. По человеку в длинной шинели словно прошлись катком, а потом вывернули, как выкручивают мокрое белье. Головы, кажется, не было. Из дымившейся воронки пахнуло едким духом сгоревшей взрывчатки. Я закашлялся и торопливо пошел прочь.

Пока перевязывали раненых — их было не меньше сотни — появилась летучка. Маленький, приземистый, как бычок, паровоз и две платформы с блоккранами, запасными рельсами, шпалами, пожарной цистерной. Ремонтники действовали слаженно и привычно. Быстро расцепили и погасили горящие вагоны, штук пять столкнули под откос. Мы тоже помогали, и нас без конца торопили:

— Быстрей! Быстрей!

Прямо перед глазами складывали в ряд трупы. Запомнил, что несколько тел принесли на шинелях. Вернее, не тел, а обрубков, собранных в узел. У одного ботинок торчал рядом с лицом. Неправильно положили оторванную ногу. Какая разница? С шинели капала загустевшая кровь.

Пашка Стороженко сжал мне плечо:

— Видал? Тридцать с лишним человек угробили. И раненых сколько.

С вагона зенитчики сняли искореженный пулемет, а своих погибших товарищей, упавших по другую сторону вагона, отнесли к остальным трупам. Потом,

по чьей-то команде, прежде чем опустить тела в братскую могилу, их стали раздевать. Снимали шинели, у кого они имелись, гимнастерки, ботинки, даже солдатские шаровары. Одежда многих погибших была испачкана кровью, но ее все равно снимали и складывали в огромные полосатые чехлы от тюфяков. По толпе прошел ропот:

— Разве так можно?

— Что они делают!

Один из хозяйственников, грузный дядька, с кубиками старшего интенданта, объяснил:

— Военной формы не хватает, а зима на носу. Отойдите и не мешайте.

Пашка Стороженко выругался:

— Барахольщики! Из карманов все подряд тащат.

Тела, в сером застиранном белье, испятнанном кровью, торопливо опускали в могилу. Так я столкнулся еще с одной, показавшейся мне дикой стороной войны. Много позже я пойму целесообразность такой крайней меры. Когда увижу на своих товарищах зеленые английские шинели, добротного, но тонкого для российских зим сукна, польские поношенные ботинки, штопаные гимнастерки и потертые шаровары. В сорок втором не хватало многого. И оружие я увижу «с бора по сосенке»: английские винтовки «Ли-Энфилд», с массивным деревянным ложем на весь ствол, американские «Спрингфилды», с прицельными рамками в ярдах, а не метрах, древние румынские карабины «Манлихер» выпуска девяностых годов и тяжеленные пулеметы «Льюис», с толстым, как самоварная труба, стволом. В воинские части поставляли все, что могло стрелять. А нас в Палласовке экипи-

ровали, по сравнению с другими, очень неплохо. По крайней мере, винтовки в ротах были у всех. Остальное обещали выдать на месте.

Когда эшелон тронулся, я нашел свою винтовку. Молча положил рядом вторую, найденную возле убитого. Какое-то время молчали. У всех перед глазами стояли убитые товарищи. Из нашего взвода погибли двое и двоих тяжело ранило. Из разбитых вагонов в нашу теплушку подсели с десяток «бездомных». Потеснились, начали сворачивать самокрутки. Один из бойцов, постарше и уже повоевавший, сказал, что нам повезло. Зенитчики фрицев отогнали.

— Они кругов по пять делают, если никто не мешает. А тут быстро смылись. Ребята хорошо работали. Жалко, пулеметы слабоватые. Калибр покрупнее бы...

Кто-то запальчиво возразил, что «максим» пулемет сильный. Боец спорить не стал и, закутавшись в шинель, отвернулся к стене. А еще через несколько часов дали приказ выходить и строиться поротно. Эшелон пошел назад, а нас повели в сторону. Уже темнело. Наш временный взводный, здоровенный старший сержант с плоским, избитым оспой лицом, увидев у меня на плечах две винтовки, приказал:

— Отдай вон тому, раззяве.

Он показал на парня из нашего взвода. Тот торопливо схватил винтовку и несколько раз сказал «спасибо». Потом был привал, нам объявили, что идти будем всю ночь. Выдали по полбуханки хлеба, две банки консервов и по три ложки сахара-песку. Пришла водовозка, все напились, набрали воды во фляги.

— Еда на два раза. Ешьте кильку из плоских банок.

Тушенку не трогайте, — предупредил взводный. — Всю ночь пить будете. Пообсеретесь.

Я и Паша Стороженко послушались совета. Другие в основном тоже. Но многие слопали и тушенку, и кильку, быстро опустошили фляги с водой и без конца бегали с расстройством желудка на обочину. Предупреждение сержанта сбылось. Обжоры пытались клянчить воду у меня и у Пашки, но мы послали их куда подальше. Шли действительно всю ночь, кое-кто засыпал на ходу. Я натер ногу и хромал. На рассвете добрели до какой-то балочки, поросшей терновником, и свалились как убитые. Старший колонны, майор, предупредил, что день будем отдыхать, а как стемнеет — снова марш.

— А куда идем? — простодушно спросил кто-то.

Майор не ответил, а Пашка Стороженко зло отозвался, когда майор ушел.

— Не сообразил еще? В Сталинград. Здесь дорога в одну сторону.

Ночи в октябре длинные. Начинали движение часов в семь вечера и шли часов по двенадцать, прихватывая рассвет. На рассвете быстро завтракали горячим из полевой кухни, напивались про запас воды, наполняли фляги и заваливались спать. Часам к трем большинство уже просыпалось, но шляться категорически запрещалось. Только по нужде.

Опасались самолетов. Из-за неизбежной толкучки днем обед не привозили. Обедали и ужинали за один раз, когда начинало смеркаться, и снова начинали бесконечный путь. Шли степными проселками, где-то между железной дорогой и Волгой. Впрочем, до Волги было километров сорок-пятьдесят, не меньше.

И железная дорога, и Волга контролировались немецкой авиацией, поэтому шли мы прямиком через степь, падая от усталости, когда прибывали к месту дневки. Многие уже едва тащились.

Для ослабевших позади колонны двигались несколько повозок. Но проситься на повозку для меня или таких, как Пашка Стороженко, было позором.

Стояли ясные прохладные ночи. Даже в темноте я примерно представлял местность. Полынная степь с плешинами солончака или глинистые, ровные, как стол, участки. Русла давно пересохших речек, редкие проселки и такие же редкие островки акаций, терновника. В балках попадались небольшие участки леса.

Проходя перед рассветом одну из таких балок, мы уже приготовились по привычке свернуть туда, ожидая команды, но нас провели мимо, и топали мы еще километров пятнадцать. Дневку устроили в почти голом овраге, с хилыми островками кустарника, растянувшись километра на два. Позже мы узнали, что лесистую балку немцы уже засекли, там пару раз попадали под сильную бомбежку такие же маршевые колонны. Говорили, что погибло несколько сот человек.

К Волге вышли внезапно. Перед этим, нарушая обычный режим, шагали полдня по пойменному лесу. Войск вокруг было напичкано под завязку. Неподалеку вела огонь дальнобойная батарея. Помню, что прошли мимо полевого госпиталя. Под деревьями сидели и лежали раненые. Увидели на лесном пригорке кладбище — десятка четыре деревянных пирамидок или просто обтесанных колышков со звездами. Наверное, там были похоронены умершие от ран.

— Не может быть, чтобы здесь всего сорок человек лежало, — шепнул мне Пашка. — Госпиталь вон какой...

Его слова услышал старший сержант, наш временный взводный. Злой он какой-то был всегда. Постоянно портил настроение.

— Конечно, не может, — усмехнулся сержант. — Под каждой пирамидкой человек по десять, а то и по двадцать лежат. Чтобы вас, дураков, не пугать.

Скорее всего, так оно и было. Может, и правильно. Не то время, чтобы напоказ наши жертвы выставлять. Но ехидство сержанта мне не понравилось. Кто не среагировал, а у кого и сердце екнуло. Представил себя под таким бугорком. Впереди глухо гремели взрывы. Мы догадывались, что не сегодня-завтра вступим в бой. Усталость, напряжение ночных переходов и дурацкая усмешка нашего временного взводного меня взбесили:

— Ты больно умный, рожа рябая!

— Что?.. — начал было качать права старший сержант.

Пашка Стороженко ответил ему матом. Кроме всего прочего, мы знали, что взводный всю дорогу подворовывал наши харчи. Вот и сейчас вещмешок не пустой.

— Хочешь, мы у тебя вещмешок проверим? — не унимался Пашка. — Глянем на ворованную тушенку.

Взводный замолчал и больше рта не открывал. Потом куда-то исчез, а мы под командованием старшего лейтенанта получали патроны, гранаты. Перед этим нас хорошо покормили: суп с тушенкой, мясная каша, горячий крепкий чай. Получили сухой паек, а

в темноте начали грузиться на небольшой колесный пароход. Дальнейшие события мелькали, как кадры кинопленки. Только часто хотелось зажмурить глаза.

Ночи не было. Непрерывно взлетали ракеты. Некоторые висели в воздухе минуты две-три, не меньше. В городе что-то непрерывно громыхало, вспыхивало, взрывалось. Разрушенный Сталинград словно светился глазами сотен мелких и крупных пожаров. С правого берега били немецкие орудия, и фонтаны воды взлетали метров на десять. Некоторые снаряды взрывались на отмели, поднимая столбы огня, песка, каких-то ошметков. Пароход двигался невыносимо медленно, он тащил за собой деревянную баржу, набитую солдатами. Снаряды шелестели со странным звуком и рвались вокруг.

— Глянь! — крикнул Пашка, показывая наверх.

Я увидел смутные тени самолетов. С воем неслись авиабомбы. А может, я и не слышал этого воя. Какое-то оцепенение охватило меня. На песчаной мели посреди Волги горел примерно такой же пароход, как наш. Вокруг бегали люди. Немцы хорошо видели цель. Снаряды взрывались вокруг парохода, некоторые обрушивались прямыми попаданиями. В разные стороны летели огненные куски обшивки, тела людей.

Доставалось и нам. Фонтан воды поднялся возле носа парохода и обрушился сверху водопадом. Хотелось скрючиться, влезть в тесную массу людей на палубе, но я, как завороженный, глядел перед собой. Я хотел видеть смерть, если она придет. Лежать и ждать удара в спину или голову было выше моих сил.

Снаряд среднего калибра (тяжелый бы разнес) ударил в баржу, которую наше судно тянуло на буксире. Крик перекрыл грохот взрыва. За борт посыпались люди. Мертвые или раненые, не знаю. Я был уверен, что живым до правого берега не доберусь. Но уже через несколько минут на берегу нас торопливо уводили группами в темноту.

— Первый, второй... десятый... двадцатый. Хватит! Ященко, веди их в третий батальон.

— Этих Иваненко отдайте. Да-да, весь взвод!

Я карабкался по бесконечному обрыву, хватаясь руками за траву, чтобы не свалиться. Вещмешок с двумя сотнями патронов и сухим пайком тянул назад. Наверху нас рассовали в окопы. Немецкие пулеметы лупили по нас с расстояния метров ста пятидесяти. Выходит, город уже взяли? За спиной земли всего-то две сотни шагов. Обрыв и Волга.

С нашей стороны тоже долбили «максимы». Их равномерный стук я узнавал сразу. Трещали автоматы и непрерывно хлопали винтовочные выстрелы.

— Стреляй, чего сидишь, — толкнул меня кто-то в плечо.

Я добросовестно выпустил по вспышкам две обоймы и спросил неизвестного соседа:

— Что, всю ночь так стрелять будем?

— Нет, — расхохотался он. — Это они пополнение встречают. Слишком вы шумели.

Действительно, скоро стрелять перестали. Захотелось есть. Открыли с Пашкой банку тушенки, достали хлеб. К нам присоединился Студент. Тоже достал тушенку и четвертушку хлеба. На запах явился и солдат, с которым я разговаривал. Был он весь вывален-

ный в глине, чумазый, как черт, а возрастом не старше нас. Приняли его в компанию. Ел он степенно, не лез ложкой без очереди и рассказывал, что попали мы в жаркое место. Немец прет вперед, а особенно сильный огонь открывает с утра.

Подошли два лейтенанта. Иваненко, про которого упоминали внизу, был командиром роты. Взводного я не запомнил. Он приказал Студенту, когда перекусим, переписать всех и передать листок ему. Предупредил, чтобы курили только в рукав, а ночью спали по очереди.

— Днем выспитесь, — пообещал он. — И не робейте. Сталинград мы им хрен отдадим!

Что я узнал и увидел в ту ночь и на следующий день? Что Сталинград не сдадут — это ясно. Саперы каждую ночь закапывают в воронки десятки убитых. В роте вчера было полста человек. К вечеру осталось семнадцать. Вот прислали пополнение, то есть нас, сорок человек, жить можно. Кучей лучше не собираться. В третьем взводе одной миной сразу шестерых накрыло.

Утром на нас вывалили не меньше сотни мин. Впервые увидел, что такое «лисья нора». Это щель, вырытая внизу в боковой стенке, а дно щели находится сантиметров на сорок ниже. Иногда спасает от мин, которые фрицы пускают с расстояния метров двести, и летят они почти отвесно. От 80-миллиметровой мины еще можно спастись, отделаться ранением или контузией, но если от шестиствольного «ишака» чушка влетит, то заказывай отпевание. Но тяжелые «ишаки» с их двухпудовыми минами бьют не часто, издалека.

Мины летят с большим разбросом. Так что, как повезет. Внизу, под берегом, — временные склады, ждут своей очереди на переправу раненые. В обширных штольнях, вырытых в глинистом обрыве, расположены штабы, лазареты. Раненых очень много. Это те, которых не успели эвакуировать ночью. Но переправа идет и днем, под сильным обстрелом.

Буквально в первые часы я стал свидетелем неожиданного и жуткого для меня зрелища. Вдвоем с Пашей Стороженко мы, пригнувшись, рыли траншею. И вдруг я увидел самолет. Он с ревом пронесся метрах в семидесяти от меня на высоте трехэтажного дома. Я разглядел его отчетливо: изогнутое, как у чайки, крыло с оранжевой окантовкой, крест на фюзеляже, свастика на хвосте. То, что не успел заметить на первом самолете, увидел в деталях на втором. Длинная кабина, спаренный пулемет с задней стороны. И третий «Юнкерс-87», точно такой же, как первые два.

Пилоты смотрели прямо перед собой, а стрелки с их кормовыми пулеметами вертели головами по сторонам, один даже шевельнул стволами в нашу сторону. «Юнкерсы» сбрасывали бомбы на береговую полосу под обрывом, забитую людьми (свежим пополнением, тыловиками, ранеными бойцами), на легкие пушки, штабели снарядных ящиков и круто уходили вверх. Взрывы покрыли берег сплошной клубящейся пеленой дыма, песка, взлетающих комьев глины, всевозможных обломков. За первой тройкой спикировала вторая. Все шесть самолетов пронеслись с включенными сиренами, все были похожи на страшных близнецов и уходили с ревом в высоту, стреляя в клубящуюся пелену из спаренных кормовых пулеметов.

Самое страшное, что происходило это спокойно, буднично, словно немецкие самолеты над головой — обычное явление. По ним вели огонь. Катер — из двух небольших пушек, счетверенная установка «максимов», еще какие-то стволы, но шестерка ушла без потерь. Мы, ошалелые, смотрели вслед, потом полезли к обрыву. Нас окликнули:

— Ложись, дурачье! Они сейчас вернутся.

И действительно, спустя несколько минут шесть «лаптежников» снова прошли вдоль берега, где метались, ползали люди, что-то горело. На этот раз били только из пулеметов. Сплошная полоса трассеров простегивала береговую полосу, валила людей, еще что-то взрывала (наверное, уцелевшие боеприпасы в ящиках), и треск множества пулеметов казался не менее страшным, чем грохот бомб.

Потом промелькнули четыре очень быстрых истребителя, мы лежали на дне траншеи и не видели их. Слышали только стрельбу крупнокалиберных пулеметов и скорострельных пушек. Через полчаса ударили минометы. Они били в основном по соседнему участку. Затем началась атака под прикрытием станковых пулеметов. Немцы наступали умело. Короткими перебежками, прикрывая друг друга непрерывным автоматным огнем. Сколько у них автоматов! Почти у каждого. Стоял сплошной треск. Я снова стрелял вместе со всеми и выпустил не меньше полусотни патронов, порой не целясь, лишь выставив ствол наружу. Сержант рванул меня за воротник:

— Целься! Они тебя на штык насадят.

Я стал целиться. На нашу активность обратил внимание немецкий пулеметчик и принялся остервенело

бить по брустверу, обложенному камнями, плитами асфальта, кирпичами. В воздух взлетали куски кирпича, фонтанчики глины, а некоторые пули пробивали даже бруствер. Атаку мы отбили и сели перекурить. Наш чумазый сосед был из Воронежа и считался старожилом. Сидел в этой траншее уже пять дней. Звали его Петром. Показывал нам знаменитый Мамаев курган.

— За него бои постоянно идут. Удобная высота — весь город видно. Сейчас немцы там засели.

Налетали наши штурмовики. Девять штук в сопровождении истребителей. Вернулись семь. Истребители сцепились с «мессершмиттами».

Бой шел на высоте. И наши, и немцы стремились подняться и ударить сверху. Один из самолетов загорелся. Чей, я не понял.

— Наш, — хмуро сказал Петро.

Остальные истребители прикрыли горящего собрата, а летчик выбросился с парашютом и упал в Волгу. К месту падения быстро подошел катер. Взрывы, столбы воды, но летчика достали.

Небо было по-осеннему ярко-голубое, и вода в Волге голубая. Там, где не падали снаряды и бомбы. А они падали непрерывно. Переправа не прекращалась и днем. Военный корабль, наверное сторожевик, бил из зениток по немецким самолетам, одновременно лавируя, уходя от бомб. С левого берега, покрытого лесом, приглушенно ухали дальнобойные орудия. Туда шли на бомбежку двухмоторные «Юнкерсы-88», с застекленным носом. Плотный огонь наших зениток покрывал небо ватными комочками. «Юнкерс»,

нарвавшись на безобидный с виду комок, вильнул в сторону. От крыла полетели ошметки. Он сбросил бомбы в воду, стал разворачиваться, но крыло переломилось. Самолет, вращаясь, понесся к воде, рядом крыло с мотором. Никогда не думал, что самолеты могут так быстро падать. Он буквально разбился о воду без взрыва и пламени. Взлетел фонтан воды, куски обшивки, и «юнкерс» исчез в глубине.

К вечеру я едва не угодил под мину. Отекли ноги. Решил прогуляться. Отошел шагов семь — взрыв! Как раз на том месте, где я только что стоял. Мою злочастную винтовку, которую я терял по дороге, разбило вдребезги. Осколком в затылок был убит боец, второй номер из расчета «дегтярева», неподалеку от меня. Взводный спросил у Студента, умеет ли он стрелять из пулемета. Тот помялся и сообщил, что всего раз разбирал и собирал «дегтярева».

— Значит, будешь пулеметчиком. Вторым номером, — заключил взводный.

А я подобрал карабин какого-то погибшего бойца, стоявший в нише. Карабин был легкий, прикладистый. Я пристрелял его, всадив в горелый провал окна несколько пуль.

Второй день отличался от первого тем, что вместе с прибывшим подкреплением мы предприняли контратаку. Но пробежать нам дали не больше полусотни шагов — таким сильным был немецкий огонь. Не помню, как ввалился снова в свой окоп. Когда из-за Волги открыли огонь наши гаубицы, я с удовольствием, расплачиваясь за страх, выпустил в те места, где видел выстрелы, несколько обойм. Вечером потянул

ветерок с запада, и тошнотворный запах разлагающихся трупов, к которому я немного привык, ударил в нос с новой силой. Приунывший Пашка Стороженко спросил у меня:

— Знаешь, сколько нас из учебного взвода осталось? Девятнадцать из сорока человек. Еще день-два, и будет круглый ноль.

Я первый раз видел Пашку в таком настроении, хотя и сам чувствовал себя не слишком уверенно.

— Нормально будет, — сказал я. — Видел, как наши гаубицы сегодня долбили. И штурмовики три раза налетали.

Но Пашка сидел насупленный и вслух завидовал раненым, которых отвезли на левый берег. Спустя много лет, когда подзабудется то страшное, что связано со Сталинградом, будут приходить на память не менее ожесточенные бои на Украине, в Венгрии, под Берлином. Но, перебирая те дни, все же не могу не признать, что такой мясорубки больше я нигде не видел.

Немцы делали все возможное, чтобы сбросить нас в Волгу. Постоянный обстрел, смерть, подстерегающая на каждом шагу, ломали людей. Я видел крепкого мужика лет тридцати, который буквально сходил с ума от страха. Сержант тащил и не мог вытащить его из «лисьей норы», в которую он заполз и не хотел вылезать. Мы помогли вытащить почти обезумевшего от страха человека. Правда или нет, но говорили, что из целой роты он уцелел всего один.

Меня и моих ровесников поддерживали молодость, неверие в смерть, хотя мы сталкивались с ней на каждом шагу. Минометный обстрел с короткими

перерывами почти не прекращался. Летели увесистые 80-миллиметровки и мелкие, похожие на переспелые огурцы мины из ротных минометов. Пять минут тишины, и целый рой мин. Снова тихо, и начинают рваться «огурцы». Иногда прилетали дальнобойные чушки, шестидюймового калибра. Они грохали так, что меня подбрасывало на полметра.

Когда обстрел становился особенно сильным, немцы на радостях открывали огонь из винтовок и автоматов, карабкаясь на развалины. Для некоторых это становилось роковой ошибкой. Обозленные бойцы, сумевшие выжить под огнем и научившиеся четко смещать мушку с прицельной планкой, били из трехлинеек по вспышкам. С азартным ожесточением, высовываясь по плечи, мы вели опасную охоту, которая отгоняла прочь страх. Я видел уверенных в себе немецких летчиков, но я видел и как летел из окна, цепляясь за воздух руками, подстреленный гад-фашист.

Траншея ревела:

— Крепче держись, сука фашистская!

— Нажрался сталинградской земли!

Видел, как отбросило ударом нашей винтовочной пули автоматчика, он кричал от боли. Его пытались вытащить. К брустверу подкатили 37-миллиметровую тонкоствольную пушку, давно устаревшую, но годную для уличных боев. Торопливо влепили в оконный провал три мелких, почти игрушечных снаряда, а когда по ней ударил немецкий станковый пулемет, артиллеристы раздолбали и его. Теряя людей, откатили пушчонку назад. И те, кто в азарте стрелял из винтовок, тоже несли потери от пулеметных очередей, но остальные, передергивая затворы, орали:

— Х... вам, а не Сталинград!

И были как пьяные. Хотя откуда водка? Ее подвозили лишь ночью. И я уже увереннее бил по высунувшимся рожам или вспышкам выстрелов из своего карабина и матерился не хуже взрослых мужиков. А спустя час мы выгребали лопатами и скидывали в воронку куски (останки — простите, ребята!) наших товарищей, разорванных снарядом.

Ночью, выпив водки вчетвером — двое бойцов-старичков, Петро и я, — поползли сводить счеты к ближайшему пулемету, уже погубившему не один десяток ребят. На полпути, под пулями, освещенные ракетами, опомнились, поняли, что не переползем лысый участок площади с раздутыми, воняющими трупами, и бросили гранаты издалека. Рвались они с недолетом, хотя, может, кого осколки «лимонок» и задели. Мы отлеживались потом целый час в воронке. Хмель давно вышел, мы дрожали от возбуждения, страха, холода, так как сгоряча поползли в одних гимнастерках. В метре над головой сверкали разноцветные трассы и рвались с перелетом мины. Но вернулись мы все четверо невредимые. За неимением водки пили пахнущую керосином холодную воду, которую приносили из Волги. А пулемет немцы все же отодвинули от развалин. От русских дураков чего угодно ждать можно!

— Ну, что, мужиком стал? — с усмешкой спрашивают парня, которого познакомили с женщиной, и он впервые испытал близость.

В октябре сорок второго года, в свои восемнадцать лет, я не знал женщин. Но мальчишеское ушло из меня вместе со смертельной переправой через Волгу и всем

тем, что я увидел в сталинградских окопах. Слишком много неожиданного и страшного свалилось на меня. Я узнал, что снаряд, угодивший в переполненную баржу, которую тянул наш пароходик, убил в одну секунду шестьдесят человек и много покалечил. Что сумасшедший боец действительно остался один из роты, и его вскоре застрелил немецкий снайпер, когда он метался по траншее.

Я видел, что ночь никогда не смыкается над Волгой напротив сражающегося города. Бесчисленные ракеты, светящиеся снаряды и бомбы, вспышки взрывов, горящие озера топлива из разбитых судов. Даже когда на две-три минуты неожиданно наступала темнота, Волга на многие километры светилась огнями. Это горели плывущие вниз обломки деревянных пароходиков и баркасов или просмоленные остовы тех же судов, наткнувшиеся на мель. Сколько тысяч людей они везли и сколько погибло, потонуло в черной октябрьской воде.

Мое участие в боевых действиях за Сталинград, которое позже назовут Великой битвой на Волге, длилось четверо суток. Успел выпустить по немцам сотни две патронов, кажется, убил или ранил фрица, за что меня похвалил взводный, участвовал в ночной вылазке с метанием гранат, а вечером четвертого дня попал под взрыв мины. Шарахнуло так, что сознание потерял сразу.

Очнулся на отмели, под откосом, накрытый чьей-то шинелью. Все тело жгло и пульсировало болью. Я понял, что умираю, и стал звать санитара. Из груди вырвалось невнятное шипение, но санитарка меня

услышала и, догадавшись, что я хочу спросить, ответила привычно и устало, стараясь придать голосу бодрость:

— Все хорошо. Сейчас тебя переправим. В госпитале быстро на ноги поставят.

— Грудь жжет... шиб-ко...

— Скоро, скоро, — утешала санитарка, не разобрав мое шипение.

Потом я то терял сознание, то снова приходил в себя. В голове все мутилось, боль прошла. Наверное, сделали укол. Переправу не помню.

Когда снова очнулся, меня раздевали и клали голого по пояс на очень холодный стол в большой палатке. Операцию делали под наркозом. Три осколка попали в правую руку, между локтем и плечом, перебили кость. Четвертый вырвал клок мяса из подмышки. В общем, не смертельно.

Месяца полтора я пролежал в госпитале в Ленинске. Есть такой городок на Ахтубе. Раны гноились, и мне сделали еще одну операцию. Потом перевели в село Царев, в другой госпиталь. Здесь мы жили в жарко натопленных избах, человек по десять в доме. Я уже считался выздоравливающим. Гипс сняли, но на перевязки ходил каждый день. Врачи объяснили, что осколки занесли в раны инфекцию: мелкие клочки шинели, нитки от рубашки и просто всякую грязь, поэтому раны еще гноятся, но дело идет на поправку.

В Царево я неожиданно встретил Пашку Стороженко. Был яркий морозный день. Обнялись и хлопали друг друга по спине. Пашку ранило через два дня после меня. Пуля насквозь пробила ему плечо, задев

ключицу, и вышла из лопатки. Он тоже считался тяжело раненным, но рана затянулась, и его готовили к выписке.

— Студент жив? — спросил я.

— Был жив. Из пулемета лихо наяривал. Ротный обещал его к «Отваге» представить.

— А Зенитчик? Который по самолетам стрелять грозился?

— Нет уже давно Зенитчика. В блиндаже бомбой завалило. Их там человек десять сидело. По кускам вытаскивали, а некоторых не откопали.

Я вздохнул. Мне было жалко товарища, но радость, что сам выжил в такой заварухе, пересиливала остальные чувства. Кажется, то же самое испытывал Сторожок. Поговорили о своих ранах. Пашка мне позавидовал:

— Тебе еще недели три как минимум лежать. А если придуришься, то и до весны дотянешь.

— Чего я буду придуряться. Слыхал, как наши немцев под Сталиградом бьют. Хочу тоже успеть.

— Куда? На тот свет? — осадил меня Пашка. — Лежи, пока не вытолкали. Думаешь, наступление — мед? Там еще больше людей гробится. А меня на той неделе выписывают. Залежался, говорят, ты у нас. Правда, есть у меня мыслишка. Схлестнулся тут с одной сестричкой. Не хочет отпускать. Глядишь, поможет.

Мы договорились встретиться вечером. Я шел к себе, и меня одолевали противоречивые чувства. Конечно, пережив Сталинград, мало кто рвался опять в это пекло. В госпитале лучше. Но многие выписывались, зная, что снова окажутся на правом берегу, и

не ныли. Не то чтобы добровольно рвались опять на передовую, а просто подходил срок, врачи включали их в список вылечившихся, и они собирали вещички, не выискивая всяких хитростей, чтобы остаться подольше в тылу. Даже обещали со злостью: «Ну, теперь этих гадов добьем! Заплатят за все».

А Пашка... ведь у него и невеста, которая хотела ему отдаться, провожая на фронт. Нет, я не осуждал, что Сторожок нашел себе подружку. Это была любимая тема наших разговоров по вечерам. Кое-кто ходил к местным женщинам, и я им завидовал. Смелости завести с кем-то знакомство у меня не хватало. Мне очень нравилась наша медсестра Любочка, стройная, в туго подпоясанном халатике. Но я даже взглянуть на нее лишний раз не смел. В палате ничего не скроешь. Надо мной подсмеивались.

— Ладно, не переживай, — сказал мне как-то вечером сержант-минометчик с медалью «За отвагу». — Собирайся, пойдем вечером со мной. Я тебя с одной эвакуированной познакомлю. Она сейчас свободная. Девке двадцать лет. В соку!

— А мне восемнадцать, — брякнул я.

Вся палата так и грохнула:

— Он же еще школьник, а ты его к бабе тащишь.

В общем, я отказался, и минометчик ушел, прихватив с собой кого-то из ребят.

В госпиталях в Ленинске и Цареве я словно увидел войну изнутри. Конечно, за разговорами следили специальные люди и докладывали, кому положено. Но особисты, как я понял, смотрели сквозь пальцы на откровенные высказывания. Чего с раненых возьмешь?

Полежат еще недельку-две и снова на передовую. А там жизни большинству ой как мало отпущено.

Запомнился мне один невзрачный рябой солдат. Меня поразило, что с декабря сорок первого он был ранен шесть раз. И пулями его пробивало, и осколками решетило. Раз даже ногу оторванной доской переломило. Служил он связистом, имел двоих детей и крепко рассчитывал, что его спишут в обоз.

— Какой с меня толк? Одно ухо не слышит, нога тащится.

Почему-то ему не очень сочувствовали. Может, из-за того, что лежали бойцы, оставившие и пятерых, и шестерых детей. Награжденных почти не было. Редко кто щеголял медалью, прицепленной на халат.

Познакомился с минометчиком Никитой, командиром расчета, который звал меня к девкам. Он относился ко мне покровительственно и заботливо. Чем-то напоминал лейтенанта Николая Мартемьяновича Шакурина с учебных курсов под Палласовкой. Не любил пустой болтовни, нытья и говорил, что первую ступень я прошел. Осталось всего ничего — войну закончить. Я его нередко выручал, хотя за самоволки сильно не гоняли. Перед обходом клал под одеяло свернутую шинель, а на подушку — разные тряпки, вроде человек спит, накрывшись с головой.

Фамилию Никиты я не запомнил, осталось в памяти, что жил он в шахтерском городке и работал на железной дороге. Рассказывал, что в его семье погибли два племянника. Наверное, уже забрали на фронт младшего брата, а тот легкомысленный и растеряха. Такие — верная добыча для пули. Сержант делился со мной воспоминаниями и передавал свой военный

опыт, который набрал, находясь на фронте с начала сорок второго года. Из его поучений больше всего мне запомнился совет: «Вперед не лезь и никогда не отставай. Держись в середке. Крайних первыми бьют». Дальнейшая моя военная судьба показала правильность этого совета, хотя убивали и первых, и тех, кто в середке, и отставших.

Меня выписали через две недели. Вообще-то, раны до конца не зажили. Жиденькие повязки сочились коричнево-красным. Но рука двигалась. На динамометре я выжал сорок с лишним килограммов, и хирург сказал, что парень я крепкий. Ребята достали две бутылки самогона, мы выпили вечерком, закусив оставшимися от ужина булочками. Долго говорили, обменивались адресами. Утром прибежал Пашка Стороженко. Сказал, что проводит до запасного полка. Люба-медсестра крепко поцеловала в губы.

— Удачи тебе, Федя!

— И тебе, Люба.

А Пашка жаловался по дороге, что у него воспалилась рана. Наверное, снова чистить будут. Он явно боялся, что наболтал лишнего. С симулянтами не церемонились. Порой доходило до трибунала, а это штрафная рота. Оттуда живыми мало кто возвращается.

— Ладно тебе, Пашка, — надоело мне его нытье. — Все нормально. Пуля в грудь — это не шутка. Лечись.

На том и простились.

Добивать немцев в Сталинграде мне не пришлось. С месяц охранял склады, застудил руку и снова угодил в госпиталь. Резали, чистили, делали штук пять

уколов в день. Потом прошел комиссию. Рука сгибалась плохо, и меня признали ограниченно годным. Попал в хозвзвод. Благо вырос в селе, с лошадьми обращаться умел. Командовал нами младший лейтенант лет сорока пяти, толстый, шумно пыхтящий дядька. Большой любитель выпить, но дело свое знающий. Лично проверял, не стерты ли спины у лошадей, смазаны ли оси у повозок.

Работы было полно. Считалось, что если ты в хозвзводе, то уже в тылу. Гоняли нас без отдыха. За боеприпасами, харчами, отвозили в санбат раненых. Конечно, это не окопы под носом у немцев в Сталинграде, но доставалось и нам. Наступление на участке фронта нашей стрелковой дивизии приостановилось. Хоть и наложили немцу под Сталинградом, но потери дивизия понесла большие. Стояли в обороне. Настроение у меня было хорошее. Рука потихоньку отходила.

Находились мы недалеко от города Спас-Деменск Калужской области. Далеко на этом направлении наши войска продвинулись, километров на шестьсот от Сталинграда. Основные бои под Калугой еще предстояли, но бои так называемого местного значения вспыхивали повсюду.

Полковое начальство, заведующее хозяйственными делами, не смотрело, ночь или день на дворе. Привези! Отвези! А были такие дороги, что днем лучше не соваться. Обязательно под немецкую авиацию угодишь. Хоть и писали, что в войне произошел коренной перелом, немцев в воздухе хватало. Однажды сразу две подводы бомбами накрыло, а третьего повозочного лошадь унесла в лес, да только уже мертво-

го. Осколок величиной с ладонь брюшину пропорол. Похоронили товарищей, выпили как следует, начальство почем свет костерили. А с другой стороны — война, куда денешься. Может, и правда такая спешка была необходима.

Но в хозвзводе я не прижился. Получилось вот как.

Первые месяцы меня не трогали, а потом стали намекать, что старики в атаку ходят, а такие бугаи (не был я похож на бугая!) при обозе трутся. Помкомвзвода, старший сержант, стал ко мне придираться, взводному нашептывать, а они часто вместе выпивали. Мол, Лапшин за лошадью не следит, спит на посту и так далее. Причина была простая: к нему в обозники очень просился земляк из пехотной роты, подпаивал сержанта, трофеи разные подсовывал. Взводный ко мне претензий не имел. От своего помощника отмахивался. Знал, что многие к нам рвутся. Но я сам себе помог.

В полку был командир противотанковой 76-миллиметровой батареи. Парень чуть старше меня, но уже лейтенант и с орденом Красной Звезды. Заносчивый. Не иначе в полковники метил, а воевал всего с января. Меня он в упор не замечал, считал, что придуриваюсь. Однажды я привез на батарею снаряды. Батарея замаскирована, в орудийных окопах стоит. Близко подъезжать опасно. Лошадь издалека видно, а до немцев всего ничего. Я оставил своего Рыжего (кличка у моего коня такая) в лощинке, взвалил один ящик и поволок к орудиям. Кое-как дотащил. Тяжелые эти чушки.

И вышел у меня скандал с лейтенантом. Тот приказал подводу ближе подогнать, а я объясняю, что место открытое, накроют нас. Там делов-то всего ничего. Дал бы пяток своих подносчиков, за двадцать минут ящики бы перетаскали. А он уперся. Да еще выпивши был.

— Кобылу ему жалко стало! А мы тут день и ночь под огнем. Таскай сам, и поживее!

Много я уже на войне повидал, и такие сопляки меня не пугали. И Рыжего действительно жалко было. Молодой, хороший конь, ко мне, как собачонка, привык. Стал я молча ящики сгружать, мол, сами потом подтащите, а лейтенант ТТ вытащил и в лицо мне:

— Пристрелю!

Дальнейшее плохо помню. Стоял перед ним без гимнастерки и рубашки. Орал, тыкал пальцами в шрамы.

— Стреляй, сволочь! Немцы не добили, ты добивай!

Прибежал кто-то из офицеров, солдаты с батареи. Сгрузили снаряды, а меня отправили к своим. До суда дело не дошло, а могло. Но из хозвзвода наш младший лейтенант с подачи помощника меня убрал. Пообещал, что буду ординарцем у его знакомого командира роты, написал еще раз представление на медаль «За оборону Сталинграда», приказал выдать новые сапоги, и мы попрощались. Ни в какие ординарцы я не попал, потому что командира роты куда-то переводили, а зачислили меня вместе с пополнением рядовым бойцом во взвод, насчитывающий два десятка человек. Как раз половина от штатной численности.

Спрыгнув в окоп, вытер пилоткой мокрое от пота лицо и, познакомившись с ребятами, спросил:

— Немец далеко?

— А вон за той ложбинкой.

— Ясно...

Метров триста было до немецких позиций. Башку не высовывай. Отстрелят в момент.

Во взводе меня приняли хорошо. И вообще, я заметил, что тех, кто воевал в Сталинграде, солдаты уважают. Расспрашивали, как там шли дела, и мне было неловко, что мое пребывание в Сталинграде длилось всего четыре дня. Командовал взводом младший лейтенант Егунов, воевавший еще с Москвы. Начал сержантом, был награжден орденом Красной Звезды за бои под Москвой и после шестимесячных курсов в училище получил «младшего лейтенанта». Он был по-крестьянски основателен, не любил суеты и без нужды не рисковал.

Командир роты, только что назначенный лейтенант, мне не запомнился. Он много бегал, распределял пополнение, а потом вместе со старшиной и санинструктором отсиживался в своей добротной землянке под несколькими накатами бревен и старых шпал.

Пополнение было совсем сопливое. Мальчишки лет восемнадцати. Кто прошел месячную подготовку, а кто, лишь научившись командам «смирно-вольно» на призывном пункте, был спешно переброшен на передовую. По сравнению с ними я мог считать себя бывалым солдатом. Может, поэтому меня назначили командиром отделения из восьми человек и присвоили звание «младший сержант». Старшина роты оценил мое повышение и выдал автомат ППШ, запасной диск и две коробки с патронами. Патроны оказались так густо покрыты смазкой, что я провозился целый

вечер, оттирая их. Привлекать кого-то из отделения не стал. Понимал, что уставшим с дороги парням это не понравится: «Не успел лычки нацепить, а уже раскомандовался!»

Стрелковый полк занимал участок обороны километра три длиной. Может, и больше. Выходить за расположение роты без приказа запрещалось. Стоял июнь. Свежая зеленая трава, короткие ночи, множество комаров, и уже ощутимое напряжение готовящегося сражения. Солдаты чувствуют это по мелочам. Посторонние наблюдатели, зачастившие к нам со стереотрубами и прочей оптикой, саперы, ползавшие по нейтралке в поисках мин. Санбат, развернувшийся километрах в трех в лесу. Да и то, что полк растянулся так широко, говорило о том, что где-то войск накоплено больше.

Нам было приказано по ночам вести беспокоящий огонь, а потом начальство решило подвинуть фрицев, занимавших хорошую позицию. Выбор пал на наш батальон, так как в других местах расстояние до немцев было метров пятьсот и больше. Перед атакой я почти не спал. Без конца представлял, как будем бежать через это смертельное поле и как нас будут косить пулеметы. Но вверху сообразили, что нашими малыми силами в лоб не попрешь, и атаку начали по-тихому, затемно.

Наша рота в траншею ворвалась почти с ходу. Минометчики поддержали. Потасовка была знатная. Немец не бежал. Нет. Бился отчаянно и начал нас теснить. А вторая рота лежит под огнем. Бетонный дот на пути — его так просто не возьмешь.

Ротный кричит:

— Лапшин, бери троих и гранатами его, мать-перетак!

— Есть гранатами!

Поползли вчетвером. Один по дороге отстал. Испугался, наверное. Второго пулей в голову. Наповал. Думаю, так не пойдет. Поползли в сторону. Ротный кричит, руками машет, решил, что мы струсили, а мы знай забираем во фланг. Больше всего я в этот момент мины боялся. Локтем надавлю, и вышибет мне глаза вместе с руками. Лучше уж наповал. Возле дота немец лежал, стал по нас стрелять. Мы в него бросили по гранате. Попали. А у напарника щека пробита, кровь течет. Но храбрится, хоть и шепелявит:

— Нишево. Шишас мы их...

Собрали оставшиеся гранаты, стянули ремнем и под железную дверь. Шарахнуло крепко, но дверь только перекосило. Мы в щель стволы автоматов сунули и давай на курки нажимать, пока диски не опустели.

Когда дверь все же вышибли, три трупа нашли и пулемет на треноге. Трофеями, конечно, поживились: часы там, пистолет, водку нашли. Ротный пообещал меня с напарником к медалям представить. Я сказал, что и погибшему медаль положена. Лейтенант кивнул. Ему орден посулили, так что лишней медали было не жалко. Он и санинструкторшу бы наградил за то, что его ночами грела.

Только получилось все по-другому. Немцы, разозленные нашей успешной атакой, уже через пару часов пошли отбирать потерянные позиции. Мы их отбили. Наутро они подтянули гаубицы и давай молотить.

Мы все, кроме наблюдателей, попрятались, кто куда. В блиндаж, где ротный сидел, 105-миллиметровая чушка врезала. Ротный чудом уцелел. Руку ему сломало и контузило сильно.

А тут атака. Командование на себя взводный Егунов взял. Артиллерии у нас мало было. Бронетранспортеры из крупнокалиберных пулеметов гребень траншеи причесывают, мины сыплются, а немцы, как обычно, перебежками, друг друга огнем поддерживая. Я по ним из ручного пулемета стрелял. Диски мне мальчишка-помощник заряжал. Ствол разогреется, я «дегтарь» вниз стаскиваю, водой, мочой охлаждаем. Потом мальчишку ранило. Я за автомат взялся. Отбили атаку. Наших много полегло. Кого минами порвало, а больше из пулеметов. Лежат ребята, голова или шея насквозь пробиты, и лужа крови. Идешь, а кровь к сапогам липнет.

У нас трофейный ром оставался. Я полную кружку выпил, и хоть бы что. Только трясло от возбуждения. Егунов спрашивает:

— Сколько фрицев уложил?

— Штук восемь, точно. Может, и больше.

Бойцы подтвердили, что больше, но Егунов отмахнулся:

— Так и запишем — восемь. Начальство в круглые цифры не верит.

За тот бой и ранее взорванный дот получил я свою первую награду — медаль «За боевые заслуги».

Больше всего Федору Ивановичу не нравилось, когда я просил рассказать «о каком-нибудь случае».

— Героическом, что ли? — усмехался тот.

Слово «героизм» мне тоже не нравилось. Слишком побитое, потертое...

— О необычном? — уточнял Лапшин. — Когда орден на грудь вешают?

— Хотя бы.

— Ну, тогда пиши про дот, который мы взорвали. Или о Юрке Коненкове. Пугливый был. Очень смерти боялся, потому как кучу детей имел. А однажды, не иначе как с перепугу, в немецкой траншее сразу троих фрицев из автомата положил. И унтера раненого в плен взял.

— Дали ему орден?

— Разогнался! Ордена рядовым не давали. А Коненкову пальцы осколком отсекло. В ездовые перевели. Это для него лучшая награда. К семье живым вернулся. Наливай, что ли. А то на сидку пора идти, — и начинал перебирать медные самодельные патроны. Отдельно — на утку, отдельно, покрупнее, — на гуся.

Ожесточенная Курская битва задела полк, где служил Федор Иванович Лапшин, что называется, краешком. Полк стоял во втором эшелоне или резерве. Что-то вроде этого. Летом сорок третьего вспоминал Лапшин два случая. Особенно сильную бомбежку и танковую атаку.

Бомбили артиллерийский полк и какие-то укрепления. Тогда немцы еще наступать пытались. Вот и расчищали дорогу. Ни разу не видел, чтобы такие огромные бомбы бросали. По тонне, а может, по полторы. Земля ходуном ходила, хотя до полка с километр было. Раз так встряхнуло, что гимнастерка под мышкой треснула, а из уха кровь потекла. Лазарет

наш тоже разбомбили, лечить некому. Дня два глухой ходил, а потом потихоньку отошло.

В другой раз танки немецкие пошли. Не «тигры», но тоже тяжелые, новые какие-то, с длинными пушками. Шли наискосок. Когда к окопам приблизились, земля как в ту бомбежку задрожала. Урчат, лязгают, а пушек поблизости не было. Из противотанковых орудий по ним ударили. Тогда сразу три танка пушки повернули и по траншее — осколочными и фугасными! Раз по пять пальнули — и вперед. У них другая цель была. А мы из засыпанной траншеи раненых вытаскивали, трупы откапывали. Торопились, пока тихо. Жара страшная стояла. Мертвецы на глазах раздувались. Торопились похоронить товарищей.

А потом, когда немецкий прорыв отбили, пошли в наступление. Целые поля трупов видел немецких. Танки и передовые части на «студебеккерах» вперед без остановок шуровали, а мы следом колонна за колонной. Как там говорилось: «Пехота! Сто верст прошел, еще охота!» Конечно, не просто шагали. Каждый день ввязывались то в бои, то в стычки. Людей много теряли. Немцы ведь ночью отступят, оставят в укреплениях, дотах легкие пушки, минометы, «машингеверы» скорострельные и лупят, патронов не жалея. Мы то атакуем, то назад откатываемся. А фрицы день нас подержат, а ночью след простыл! Снова топаем. Догоняем.

Федор Иванович повертел мою камуфляжную куртку. В девяностые годы они были дефицитом.

— Старику бы, что ли, такую достал. Майором все же работаешь, — хитро глянул он на меня и, начиная прерванную было тему о «всяких случаях» и героиз-

ме, гордо произнес, что был комсоргом роты и трусом никогда не считался.

Небольшого росточка, с животом, лобастый, как бычок, он почему-то напоминал мне тот ремонтный паровоз, который растаскивал разбитые вагоны в октябре сорок второго, когда Федор Иванович ехал на фронт. Получив от меня обещание, что камуфляж для охоты я ему обязательно достану, Федор Иванович продолжил свой рассказ.

Путь до Днепра запомнился мне долгими переходами. Никогда столько не шагали. Идем и идем без остановки. И днем тоже, потому что есть прикрытие с воздуха. Хотя долбили нас и «юнкерсы», и всякая другая летающая тварь. Наши «лавочкины» и «яки» им разгуляться не давали, но почему-то прилетали с запозданием.

Однажды на горе возле вдрызг разбитой деревушки догнали нас несколько «мессершмиттов». Юркие, быстрые, мы рот разинуть не успели, а они уже над головами. Кинулись кто куда. Бегу и вижу обгорелый лист жести, наверное, от «голландки». Шириной с полметра и длиной полтора. Упал я, съежился и листом этим дырявым накрылся. А его не то что пулей, пальцем проткнуть можно. Истребители ревут и лупят из всех стволов. Чуть затихнет, и снова рев раздается. Пушки и пулеметы бьют, кто кричит, кто стонет. Не знаю, сколько налет длился. Может, пять минут, может, десять. Вылез я из-под этого листа мокрый от пота, и руки трясутся.

Рядом, в нескольких шагах, сержант из соседнего взвода лежит. Снаряд ему поясницу прошил, ис-

тек кровью. Дальше еще один труп... третий... пятый. Раненые ворочаются. Пошел помогать перевязку делать, а у меня пальцы скрючило и не сгибаются. На всем пути до Днепра солдатские бугорки. Спешили, пока немец не закрепился. Даже хоронить друзей как следует не успевали. Ямка в метр глубины, шинель на дно или накидку и сверху вторую, чтобы друзьям в лицо земля не сыпалась. Порой ни таблички, ни столбика. Не успевали.

Ноги в кровь сбил. Портянки с лохмотьями кожи отрывал, а по колонне кричат: «Подъем!» Снова марш. Видел, как падали на ходу бойцы, кровь из носа, глаза закатываются. Санитары на телегу их тащат, дают стакан-полтора воды. А мы топаем, только о воде мечтаем.

Меня, не доходя до Днепра, ранило. Снарядным осколком в ногу, повыше колена. Кость не совсем перебило, но треснула. Когда хирурги рану обрабатывали, местным наркозом обошлись. Сапоги скальпелем срезали и портянки тоже вместе с кожей. Кричал я от боли так, что два раза спирт наливали. А в госпитале очухался — обе ноги до колен бинтами замотаны, а правая (везет мне на правую сторону) — в лубке.

Пролежал полтора месяца. Запасной полк, и снова на передовую. Бои, переходы. Вступили на Западную Украину. Редкие, ухоженные дома-хутора. Видно, что живут хорошо. Там меня третий раз ранило. Двумя пулями — в плечо и грудь. Снова госпиталь. Потом в команде выздоравливающих хозработами занимался. Хоть отдохнул немного. Последние две раны у меня быстро заживали, а самая первая давала о себе знать долго. И после войны тоже.

Напоследок немного воевал в Германии. Там, под городом Губен, встретил Победу. А осенью сорок пятого меня демобилизовали. Приехал домой. С отцом вместе вернулись, с разницей дней в шесть. Сестренку не узнал. Уезжал, пигалица была, а вернулся — невеста! Отмечали возвращение недели две подряд.

Ну, что еще напоследок сказать? В сорок шестом переехали в Палласовку. Василия, пропавшего без вести, так и не дождались. Канул, как в омут, мой старший брат. Сестра замуж вышла, потом я женился. Дети пошли. Работал вначале кадровиком на автобазе. Тяжелую работу выполнять не мог, раны не давали. Закончил курсы счетоводов, потом финансовый техникум. Все годы до пенсии бухгалтером трудился. Хотя в юности и летчиком и танкистом мечтал стать. Ну, а на судьбу не в обиде. Детей вырастил, внуков дождался, с вами вот на охоту езжу. Медаль «За оборону Сталинграда» хоть с опозданием, но в 1959 году получил.

Общались мы с Федором Ивановичем часто. Вопросов я задавал много. Порой наивных. Но мой старший товарищ говорил, как правило, что думал. Может, в чем-то ошибался, воспринимая события посвоему, но я добросовестно записал некоторые вопросы и ответы на них:

Автор. Федор Иванович, ты вот видел Сталинград. Немцы с сентября к Волге рвались. Потери огромные несли. Почему они не обошли город, а завязли в боях?

Лапшин Ф.И. Фрицы по натуре практичнее нас. Но здесь они словно ошалели. Вначале, в сентябре,

октябре, наверное, могли оставить Сталинград в тылу и дальше двинуть. Гитлер, видать, уперся. Сталинград, Сталин... главный враг! Ну, и завяз в развалинах, где техника не главную роль играла. Там бои один на один шли, рота на роту. А в таких боях, я считаю, наши не слабее. Позже, к ноябрю, когда такие силы немец сосредоточил, выходить было уже поздно. Впрочем, они до конца не верили в свое поражение. На Манштейна надеялись, на другие войска. Только припоздали. Гонор их подвел. А нам дисциплина крепкая помогла. Кто в Сталинград попадал, знал, что на левый берег пути нет. Если только ранят.

Автор. Ты считаешь, какой переломный момент в войне был?

Лапшин Ф.И. Курская битва. Сталинград был первым серьезным ударом фрицам под сопатку. Такого разгрома они не знали, хотя и наши потери были огромные! Сталинград больше политическое значение имел. Про него весь мир говорил. Даже в сорок пятом иностранцы слово «Сталинград» на все лады твердили. Но сами немцы началом своего поражения битву на Волге не считали. В сорок третьем они крепкие удары наносили. В марте — апреле сорок третьего целый месяц наступали. Взяли Харьков, Белгород, много мелких городов. А вот после Курской дуги мы погнали немца на запад, хоть и с тяжелыми боями, но без обратного хода. Хваленый их Восточный вал на Днепре рухнул, Киев взяли и шли вперед по всем фронтам. Но снова с такими потерями, что до сих пор не подсчитали.

Автор. Федор Иванович, какие главные ошибки ты видел в действиях наших войск?

Лапшин Ф.И. Мне о стратегии из своего окопа рассуждать вроде ни к месту. Маршалам виднее. Скажу, что не нравилось. Что ни отбитая деревенька, то целое кладбище под ней. Зачем сломя голову в лоб гнали? Мало проводилось обходных, хитрых атак. Это я говорю в масштабах роты, батальона. Одна атака, вторая, третья. В ротах уже людей половину выбило, а то и больше. Нет, давай опять! Лейтенант Егунов, который ротным стал, — молодец. Не боялся начальства, как другие. Бывало, ночью с фланга ударит — успех! Хотя однажды крупно вляпался. Ночью пытался высотку взять. Один взвод напоролся на мины. Пулеметы на шум огонь открыли. Почти весь взвод накрылся. Другого, может, и под трибунал, а Егунов уже обязанности комбата исполнял. Простили и на должность утвердили. Он хорошо воевал. У меня ощущение было, что наши командиры своего начальства больше боялись, чем немцев. В бою пропадет без вести боец или два, ротного мурыжат: предателей проморгал и так далее. Порой артподготовка на полсотни снарядов только шум создавала. Толку с них! Лучше по-тихому. Но ведь сожрут командира, если атака сорвется. Вот и шли на поводу у тех, кто к передовой близко не подходил. Я с Егуновым в батальоне долго прослужил. А командира полка всего два раза видел. Замполит нам медали вручал в штабе, за полтора километра от окопов. Не любили они по передку ходить. Опасно. Пусть извиняют товарищи полковники, если не так сказал. В других местах, может, по-другому было.

Автор. Какое оружие солдаты считали лучшим?

Лапшин Ф.И. Карабин наш «мосинский». Удобный, легкий и, главное, безотказный. Я из него однажды немца метров за четыреста снял. Без всякой оптики. Автомат Судаева мне нравился. Их и в сорок четвертом маловато было, но я доставал. Бьет без задержек, магазин рожковый. Диски, они все же уступали по надежности. Нет-нет, а пружина заест. Так с ППШ бывало. Да еще пока ползешь, дернешь посильнее, диск от толчка вылетает. Но ППШ мы тоже любили. В сорок третьем их в нашей роте штук двадцать всего было. Бьет далеко. Мы очередями фрица за двести метров доставали, а из немецкого МП — проблема. Сыплет пули, и дальнобойность меньше. Хотя автомат надежный. Мы за трофейными автоматами охотились.

Пулеметы у немцев мощные были. Особенно МГ-42. Тысяча двести пуль в минуту. Не стреляет, а рычит. Людей, как косилка, смахивает. Хрен бы в глотку ихнему изобретателю! Много наших из пулеметов побили. «Фаусты» в сорок четвертом у фрицев появились. Ничего не скажешь, оружие против танков на близком расстоянии смертельное. Нам бы такое!

Автор. Много было самострелов и дезертиров?

Лапшин Ф.И. Я бы не сказал. На фронте, в ротах, где я служил, — единичные случаи. Хитрили в госпиталях. Всячески тянули с выпиской. То гадости какой-то наглотаются, из сортира не вылезают, то рану купоросом натрут. Страшная война. Кто хватил, особенно из семейных, возрастом постарше, в тылу не прочь были остаться. Но все это ерунда. Похитрит неделю-вторую, врач его предупредит, отчитает. И уходит снова на фронт. До нового ранения или до конца.

Бывший старшина, фронтовик, Федор Иванович Лапшин, похоронив жену, переехал в начале девяностых годов в Волгоград к старшему сыну. Умер от болезни сердца в 2002 году и похоронен на Кировском кладбище.

Земля тебе пухом, Федор Иванович!

ИЗ ЗЕНИТКИ ПО САМОЛЕТАМ И ТАНКАМ

Под Великими Луками мы вышли к небольшой речке, вода в которой была бурая от крови. Сколько же людей погибло, чтобы так окрасить воду!

Тонконогов А.Г.

С майором милиции Тонконоговым Алексеем Герасимовичем я работал в Светлоярском отделе милиции. Алексей Герасимович был тогда старшим оперуполномоченным уголовного розыска. Он считался одним из лучших оперативников в отделе. За его плечами были раскрытые убийства, грабежи, кражи. Для нас, молодых оперативников, он являлся наставником, к которому мы часто обращались за советами.

Знали мы, что за плечами его годы Отечественной войны. Он участвовал в жестоких боях под Ленинградом, Великими Луками, воевал в Прибалтике. В то время он мало рассказывал о войне, хотя испытал немало, находясь постоянно на переднем крае.

Наша встреча состоялась через много лет, весной 2006 года, когда я собирал материалы для книги о Великой Отечественной войне. Алексей

Герасимович Тонконогов, худощавый и подвижный для своих лет, неторопливо рассказывал мне свою историю. Я записывал почти дословно.

Родился 9 сентября 1925 года в селе Мачеха (перед войной это был райцентр), сейчас Киквидзенский район Волгоградской области. Семья большая, нас, детей, было шестеро: две дочери и четыре сына. Отец работал чабаном в колхозе, мать — домохозяйка.

Жили бедновато, как все в то время. Небольшой дом, корова, бычок, две козы, несколько овец, куры. Очень выручали овощи. В наших краях хорошо росли помидоры, крупные, сахаристые. Выращивали огурцы, баклажаны, кабачки и, конечно, картошку. Все это нам крепко помогало. С одеждой было хуже. Помню, носил перешитые куртки, брюки старшего брата Ивана, а лучшей одеждой зимой считалась фуфайка. Теплая, легкая. И, конечно, валенки. Зимы тогда стояли морозные, снежные.

Местность наша степная. Небольшие рощицы, лесок вдоль речки Бузулук, куда мы, мальчишки, ходили на рыбалку. Рыбешка попадалась мелкая, с ладонь, да и снасти у нас были самые примитивные. Но на жареху или уху приносили красноперку, окуней, уклейку. Однажды весной в половодье поймал сома килограммов на шесть. Героем ходил.

Когда началась война, я мало что понимал. Закончил восьмой класс, собирался в девятый. Первый день запомнился толпой людей на площади возле райкома партии и райисполкома. Все молча слушали сообщение Молотова. Мне было пятнадцать лет. Я думал так: «Вот фашисты — дураки! На кого они посмели на-

пасть. Их же раздолбают за месяц». В тот день было непривычно много выпивших, женщины плакали.

Старшего брата Ивана призвали в первые дни. Получили от него два письма, и все. Лишь в 1942 году пришло короткое сообщение, что он пропал без вести. Родители куда только не писали, но никаких известий о судьбе брата не получили. Где и как он погиб, не знаем до сих пор. Да о чем тут говорить, если и сейчас, спустя полвека, историки не знают, сколько наших солдат и командиров перемололо в страшной мясорубке сорок первого года!

Официальные сообщения с фронта были непонятные. Мы ждали, что вот-вот немцев повернут вспять. Судя по статьям в газетах, наши войска сражались смело и били фашистов. Большинство статей и заметок повествовали о том, как подразделение под командованием капитана или подполковника такого-то уничтожили двадцать или пятьдесят фашистских захватчиков, подбили несколько танков. Наносились контрудары, но немцы занимали город за городом.

Помню, много говорили люди, когда немецкие войска взяли Киев. В газетах про это молчали. Просто в один из дней мы узнали, что бои идут восточнее Киева. Ну, все, значит, столицу Украины фашисты захватили! Откровенно говоря, мне было не до известий с фронта. В сентябре стукнуло шестнадцать лет, и я работал в колхозе наравне со взрослыми. Приходил поздно вечером и буквально валился с ног. В первую военную зиму семья сильно не голодала, но не хватало хлеба и сахара. Осенью возили зерно на элеватор на станцию Филоново (г. Новоаннинский). Шестьдесят километров туда и столько же обратно. Выез-

жали, как правило, рано утром, затемно. Группами по пять-десять подвод. Старики и мы, мальчишки. Вначале такие поездки мне казались почти отдыхом после тяжелой колхозной работы. Для нас все было интересно.

Смеялись, видя, как дорогу перебегают зайцы. Их тогда много развелось. Охотничьи ружья у людей изъяли, стрелять некому. Видели и волков, особенно зимой. Всегда брали с собой толстые палки, чтобы защищаться. Но волки близко не подходили. Добирались до станции часов семнадцать, а то и двадцать. Ночевали в каком-то дворе, по очереди караулили зерно. Если мешок с твоей подводы пропадет — верная тюрьма. Утром сдадим зерно и назад. Снова бесконечная дорога. Возвращались ночью или утром. Однажды я заснул на подводе, портянки сбились, и отморозил два пальца на ноге. Долго болели.

Когда немцев побили под Москвой, все радовались. Видели в газетах фотографии пленных, разбитую технику. Ну, все, поперли немца! Но к весне победные сообщения сменились на обычные. Наши войска ведут оборонительные бои, уничтожают врага...

В мае 1942 года многих сельчан отправили рыть противотанковые рвы и окопы километрах в полутора от села. Всего работало человек 200—300, в основном женщины и подростки. Помню, что летом мимо нас, в сторону Саратова и Балашова, начали почти каждый день летать немецкие бомбардировщики. Обычно шли тройками по 9—12 самолетов в сопровождении истребителей. На нас «юнкерсы» внимания не обращали, зато порой не обходили стороной «мессершмитты». Снижались и лупили по нас из всех

стволов — добыча-то легкая. Мы разбегались кто куда. Прятались в окопах, бежали в лес, к реке Бузулук. Несколько человек были ранены. Их увозили в сельскую больницу, тяжелых отправляли в областной центр. Наших самолетов мы тогда не видели. Наверное, сказывалась их острая нехватка.

В армию меня призвали 3 января 1943 года в семнадцать лет. Три месяца мы проходили подготовку в городе Мелекессе Ульяновской области. Обмундировали в танкистские куртки, красноармейскую форму, ботинки с обмотками. В казарме нас жило человек сто пятьдесят. Трехэтажные нары, матрацы, одеяла. В помещении, несмотря на суровую зиму, было довольно тепло, да и гоняли нас так, что холода мы не чувствовали. Распорядок дня был следующий.

Подъем затемно, в пять часов утра, а через полчаса мы шагали в зимнее поле. Винтовок у нас не было, все вооружение — саперные лопатки. Отрабатывали темы «взвод в обороне» или «взвод в наступлении». Учили рыть в снегу окопы, ползать по-пластунски, идти в атаку и так далее. К семи часам утра возвращались в городок на завтрак. Тарелка супа, перловая или пшенная каша, чай и 15 граммов сахара (два кусочка). Это была суточная сахарная норма. Хлеба, в общем, хватало.

До обеда снова занятия в поле. Обед был более сытным. Борщ или суп, в котором попадались даже кусочки мяса. Та же каша, если не с мясом то, по крайней мере, с запахом мяса. Еда, конечно, однообразная, но в условиях войны довольно сносная. Я лично не голодал. После обеда — полтора-два часа отдыха,

и снова занятия. Изучали матчасть винтовок Мосина и самозарядных СВТ. В шесть часов вечера ужин, снова занятия и час свободного времени. Раз в неделю проводились боевые стрельбы. Стреляли мы из «трехлинеек» и СВТ. Обычно давали по три патрона на человека. Упражнения я выполнял в основном на «хорошо», порой на «отлично», умел быстро собрать и разобрать и «трехлинейку», и самозарядку Токарева. Кстати, попав позже на фронт, я уже почти не встречал там самозарядных винтовок Токарева. Хорошо отделанные, с блестящими ножевыми штыками, они эффектно смотрелись на предвоенных парадах, но в нашей армии не прижились. У нас в учебке с СВТ проблем не было. Всегда хорошо вычищенные и смазанные, эти скорострельные винтовки сбоев не давали. Но в полевых условиях, как я позже узнал, когда не протерты и не смазаны детали, а коробчатый магазин на 10 патронов набит наскоро и небрежно, с ними начинались проблемы. Поэтому винтовки вскоре сняли с вооружения.

Пулеметы, автоматы, трофейное оружие мы не изучали. Боевых упражнений по метанию гранат также не проводилось. Зато политзанятия шли каждый день. Если спросить меня в тот период, верил ли я в нашу неизбежную победу, то, пожалуй, сразу и не отвечу. Вспоминал, как через наше большое село летом сорок второго года день и ночь отступали войска. Ни танков, ни пушек, а только смертельно уставшие, все в пыли солдаты с винтовками и командиры. И сейчас, в конце зимы сорок третьего года, когда окружили и разбили немцев под Сталинградом, пол-России еще было под фашистами, а линия фронта — в 300 кило-

метрах от Москвы. Но и то, что немцы одолеют нас, в голове не укладывалось. Все мы переживали неудачи Красной Армии, а весть о победе под Сталинградом вызвала общий подъем. Получили по зубам фрицы! Это вам почище Москвы удар!

В Мелекессе учились бойцы разных национальностей. Труднее всего приходилось выходцам из среднеазиатских республик: Узбекистана, Таджикистана. К морозам в 20—30 градусов они были неприспособлены. Помню, что ребята голодали больше других, хотя порции были для всех одинаковые. Многие меняли сахар на суп или кашу, но и этого им не хватало. Они ходили вечерами возле кухни, подбирая все, что казалось съедобным. Два или три человека ночью во время таких поисков замерзли. Когда хватились, они были мертвы.

В апреле 1943 года я вместе с группой бойцов был направлен в город Пензу, в распоряжение 139-го запасного зенитно-артиллерийского полка, где изучали зенитные 76-мм и 45-мм пушки. В сентябре того же года полк расформировали, часть людей направили в Москву, где буквально за три дня нас обмундировали во все новое, и вновь созданный зенитно-артиллерийский полк ночью отправили куда-то на запад.

Высадили из вагонов тоже ночью. С платформы вручную скатывали по настилам зенитные пушки. Транспорта, даже лошадей, в нашей батарее не было. К линии фронта вначале катили орудия, снарядные передки вручную, потом получили лошадей. Двига-

лись в основном по ночам, а через трое суток прямо с марша вступили в бой.

В то время наши войска вели наступление, и мы поддерживали огнем пехоту, танки. Говорят, что на всю жизнь запоминается первый бой. Наверное, это верно. Но первый бой остался в памяти такой сумятицей, что и в то время, спустя день-два, не мог восстановить в памяти детали. Страх, взрывы, вой пролетающих снарядов, который и передать трудно.

Командира батареи я не запомнил. Вторым огневым взводом командовал лейтенант Терчук, призванный из запаса. Лет двадцати семи, старый по моим понятиям. Копали орудийные окопы. Сначала шинели, потом гимнастерки сбросили. Быстрей, быстрей! Я состоял по штату в отделении разведки, но артиллеристов не хватало, и меня включили в расчет орудия. Копаем, а мимо наши танки проносятся. Штук восемь. До них метров семьдесят, а земля трясется, подошвами чувствуешь. Дрожь по телу от этой тряски пошла. Что будет, если немецкие танки навалятся?

Буквально за час с помощью ездовых выкопали орудийный окоп, вкатили нашу трехдюймовую зенитку. Если сравнить с полевыми орудиями, у нас и оптика, и заряды посильнее. Считаю, что и командиры более опытные были. Стрелять по самолетам — не простое дело, много расчетов делалось с поправкой на скорость, ветер, высоту. От командира батареи прибежал ординарец. Готовы? А комбат с первым взводом от нас метрах в трехстах был. Терчук отвечает, мол, готовы, только бронебойных маловато. Сели, перекурили. У кого аппетит не пропал, что-то жевали. Мне

не до еды было. Канонада гремела и спереди и позади. Где немцы, где наши — непонятно.

Загудели немецкие самолеты. Я их силуэты хорошо изучил, пока подготовку проходил. Три тройки двухмоторных «юнкерсов» с застекленными носами и шесть «мессершмиттов». Шли высоко, километрах в двух от земли. Кое-кто кинулся орудия разворачивать, а Терчук крикнул во весь голос:

— Отставить! Наше дело — танки и пехота.

Как я понял, мы перекрывали одну из дорог, через которую могли прорываться окруженные немцы. Морально мы себя чувствовали почти победителями. Курск, Белгород, Донбасс освободили, еще много городов, к Днепру подошли. Правда, здесь, на северо-западе, топтались в лесах, но блокада Ленинграда была прорвана еще в январе. Прошла на большой скорости одиночная «тридцатьчетверка», за ней два мотоцикла. Танк уже исчез, а мотоциклы чего-то кружились. Потом, когда ударили из пулеметов, поняли, что это немецкая разведка. Мы были хорошо замаскированы. От дороги метров четыреста, затем шел мелкий подлесок, поляны, а уже в семистах метрах начинался еловый лес. Мрачный, густой.

Ох, как густо свистели пули! Стегали по сыроватой земле, как косой, смахивали высокую траву. Застучали, захлопали разрывные по нашей зенитке, потянулись трассы ко второму орудию. Стреляли немцы из перелеска. Видели, что закопаны, замаскированы наши пушки, а сколько их, не знали. Левее нас открыла огонь из «максимов» подоспевшая пехота. Трассы шли так густо, что казалось, сталкиваются друг с другом.

Потом появились немецкие бронетранспортеры. Я их только на учебных плакатах раньше видел. Колесно-гусеничные, длинный капот, щиток с пулеметом. И сразу танки. Приземистые, угловатые. Они наткнулись на батарею полковых пушек, смяли ее, оставив один горящий танк, и тут мы получили команду открыть огонь. Вот когда каша началась!

Страх почти пропал. Звонко хлопали все четыре зенитки. Один танк остановился, из бокового люка выпрыгнули танкисты. И сразу вспышка. Потом подбили второй, но вокруг нас начали взрываться снаряды. Я опять услышал свист пуль. Упал один, второй боец из расчета. Потом ахнуло так, что я на минуту оглох. Очухался, потащил очередной снаряд, а меня, словно мешком с зерном, по ногам! Как не стоял. Звон, и чей-то пронзительный, почти заячий крик. Показалось, что мне ноги оторвало. С перепугу вскочил, снаряд к груди прижимаю. А орудие набок перекосило. Выбило заднюю откидную станину, одну из четырех, на которую опирается зенитка во время стрельбы.

Подносчика из ездовых метра на три отбросило. Кричит, ворочается, а вместо ноги — месиво. Наверное, станиной смяло. А снаряд почему-то не взорвался. Или бронебойной болванкой фрицы в спешке врезали, или еще чего-то. Так или иначе, орудие из строя вышло. А к раненому подбежал санитар и ловко перетянул ногу жгутом, потом пристроил лубок, примотал к остаткам ноги. Посмотрел на меня:

— Надо бы его на перевязочный...

Очень хотелось мне уйти подальше от этого гремящего, взрывающегося пятачка, но еще страшнее было приближаться к бойцу, возле которого натекла огром-

ная лужа крови, а лицо стало желто-белым. Помирал мужик.

— Какой перевязочный, мать вашу! Обоссались!

Это командир батареи прибежал узнать, почему только одна пушка стреляет. Наше орудие хоть и перекошенное, но показалось ему целым. Снаряд! Вогнали снаряд. Зенитка звонко выстрелила и, дернувшись, села на задок. Вторую станину отдачей из земли вышибло.

— Исправить повреждение!

Кто живой кинулся исполнять приказ комбата. Он, как шальной, с пистолетом в руке. Пристрелит в горячке, и все дела. От выполнения дурацкого приказа нас спас взрыв снаряда, ударивший с недолетом. Ствол нашей зенитки еще выше задрался, комбат присел, за ухо рукой держится. Ранило его осколком в щеку. Перевязали, увели. Второе орудие продолжало вести огонь. Видел я, как мгновенно вспыхивает танк. В секунду пламя железяку охватило. Кажется, никто из немцев выскочить не успел. Через голову неслись гаубичные снаряды. Почва сырая, в землю уходили глубоко. Высокие фонтаны грязи, огня, вырванных с корнем молодых деревьев.

Пехота немецкая через ельник бежала, а техника — вдоль опушки, прокладывая в подлеске колею. Отступали фрицы, но огрызались хорошо. Слово «драпали» я бы не употребил. Били по нас минометы, пушки и множество пулеметов. Скорострельные у них пулеметы, и звук совсем не похожий на наши «максимы» и «дегтяревы». Молотили они сплошным «р-р-р», и пули свистели целым роем.

Вот под этими пулями мы таскали снаряды ко вто-

рому орудию. А подносчик лежал, накрытый с головой шинелью. Умер. Еще кто-то в боковом окопчике скорчился. Наверное, тоже убили. Потом стрельба стала затихать. Горели или догорали штуки четыре танка, бронетранспортер, несколько грузовиков. Первый взвод молчал, только старший лейтенант Терчук посылал снаряды в лес, в раздолбанные немецкие пушки. Выпустили и мы из винтовок по паре-тройке обойм куда глаза глядят. Пехота побежала за трофеями. Мы оставались возле орудий, но Терчук послал троих, в том числе и меня:

— Бегом, орлы! Мы, значит, танки подбили, пехтура трофеи грести будет. Автоматы, еду, шнапс ищите. Особенно шнапс.

Мы побежали. Приятно, что «орлы»! Но немцев не только наша батарея била, но и «полковушки» и гаубицы. Здесь, в перепаханном взрывами подлеске, увидел я впервые мертвого врага. Гадов-фашистов, которые моего брата убили. Почти все трупы, оказалось, исковерканы, измяты, серые мундиры пропитаны засохшей кровью. Страшное зрелище для мальчишки, которому едва восемнадцать исполнилось. Но не скажу, что меня выворачивало или сильно потрясло. Конечно, жутко видеть разорванный живот, оторванную по бедро ногу, о которую едва не споткнулся. Мои сверстники лежали или немного постарше. Но ведь они же фашисты! Наверное, я это вслух сказал, потому что меня пихнул в спину сержант:

— Ты че, Лешка? Охренел? Давай быстрее шевелись.

А сам в руках автомат и телячий ранец держит. Про шнапс я забыл, он меня не интересовал, а насчет авто-

мата загорелся. Вся батарея была винтовками вооружена. Разведке полагались автоматы ППШ, но имелось их всего пара штук. Немецкие МП-40 нам всем нравились, небольшие, прикладистые. Но автомата мне не досталось. Помню, обзавелся хорошим ножом в ножнах, прихватил пару штук гранат-колотушек, с длинными рукоятками. Еду тоже успела похватать пехота. Но какая там у окруженных немцев еда? Спиртным, правда, разжился. Нашел в кустах фрица и отцепил плоскую, на пол-литра, фляжку. Понюхал — шибает в нос. Это оказался ром.

Осмотрели сгоревшие, еще дымившиеся немецкие танки Т-4 с длинноствольными пушками и довольно толстой броней. Наши болванки ее прошибали. Танки были сильно побиты, в каждом по три-четыре отверстия от бронебойных болванок, а в одном я разглядел фиолетово-черное донышко снаряда, завязшего в лобовой броне. Сержант объяснил мне, что это стреляли полковые «трехдюймовки». Короткоствольные пушки с огромными колесами. Заряд у них был слабее, чем у наших зениток. Видимо, поэтому немцы всю батарею раздавили.

Еще я обратил внимание, что почти все убитые немцы были с противогазами. Наши бойцы к тому времени свои противогазы повыбрасывали и носили в удобных сумках всякую полезную мелочь. Жестяные фрицевские футляры пехота распотрошила в поисках трофеев, но там находились лишь противогазы, ну, может, кое у кого сигареты, картонные пачки с патронами.

— Газов боятся, сволочи, — сказал кто-то, сминая каблуком пустой пенал.

О газах я скажу позже, но, как объяснили мне старые бойцы, противогазы немцы носили так же пунктуально, как и свои массивные усадистые каски. Я и потом часто замечал, что почти все убитые немцы были в касках и с противогазами. Кстати, немецкие каски были прочные и надежные. Не сравнить с нашими, почти жестяными. Взводный Терчук нас обругал, что долго ходим, но смягчился, когда его угостили ромом. Я не знал, насколько успешен был тот бой. Все же большинство немцев прорвались. Кто-то говорил, что двигались двадцать танков, кто — сорок. Я не запомнил, наверное, слишком прислушивался к вою снарядов.

Нашей зенитке досталось крепко. Частично спас окоп и бруствер. Один из снарядов рванул в основании бруствера и вывалил на позицию груду земли. Крупный осколок помял ствол, не считая выбитой станины. Но орудие осталось на ходу, и его уволокли в тыл. В нашем расчете погибло двое бойцов, а одного ранило и сильно ударило спиной о железяку. В соседнем расчете убило парня моих лет. Погиб он по-глупому. Пробило руку. Он упал и снова вскочил. Ему кричали «Ложись!», но, не помня себя от страха, парень куда-то побежал и сразу был сбит очередной пулей. Поднялся в третий раз, и пулеметная очередь догнала его. Убитых похоронили на бугорке. Четверых с нашего второго огневого взвода и двоих — с первого. Человек десять были ранены и контужены. В том числе тяжело ранило командира батареи — осколок снаряда рассек лицевую кость. На его место назначили старшего лейтенанта Терчука. Мы были довольны. Бывший комбат был слишком суетлив, много кричал,

махал своим пистолетом. Терчук казался более обстоятельным, да и знали мы его лучше.

С орудиями дело обстояло плохо. В нашем взводе вообще осталась одна зенитка, а в первом хотя оба орудия уцелели, но оптика и приборы были сильно побиты осколками. Они годились для стрельбы «через ствол». На этой позиции мы простояли три дня. Много говорили, вспоминая прошедший бой — для большинства из нас он был первый. Я прошел боевое крещение и сделал для себя несколько выводов. Прежде всего, не терять головы. Когда нас обстреливали, я был уверен, что под таким огнем никто не уцелеет. Но ведь большинство выжили и стреляли по немцам. Можно бояться, но нельзя, как тот боец, забиваться в боковой окоп и, скрючившись, лежать там весь бой. Не завидовал я ему. Как только его не обзывали, даже в рожу плевали. Хотели отправить под трибунал, но Терчук решил, как отрубил:

— Будет при орудии, сукин сын! Пока не вылечится от страха.

Другой боец обмочился, но место свое не бросил. Воевал. Когда его некоторые остряки пытались поддеть, он зло встряхивал флягой:

— Сам ты обоссался! Фляжку с водой пробило.

От него отстали. За три дня нам отремонтировали разбитые приборы на орудиях, а я вернулся в свое отделение разведки. Все это время не смолкала канонада. Наши войска продолжали наступление. Я сошелся с Гришей Селезневым, высоким светловолосым парнем из Ленинграда. Он хватанул блокаду, но был вывезен через Ладогу в декабре сорок первого года, почти умирающий от дистрофии. Он рассказывал

мне жуткие вещи, как на улицах лежали замерзшие тела, сколько людей свозили на Пискаревское кладбище и закапывали в огромные рвы. Меня поразило, что в Ленинграде ели человечину, и я Селезневу не поверил. Поверил в другое. Как рано утром их привезли на пересылочный пункт и, после короткого отдыха, снова куда-то повезли. Не покормили, а лишь напоили сладким чаем с молоком. Сказали, что есть даже суп опасно. А блокадники знали, что им полагался сухой паек. Стали кричать, требовать еду. Кто настоял, ели хлеб, колбасу, сахар, а потом умирали в мучениях от заворота кишок.

Гриша просил, чтобы я никому ничего не рассказывал, особенно про людоедство. Я, конечно, ни с кем не делился. Держать язык за зубами нас научили еще с довоенного времени. А Гриша, после того как выжил, два месяца лежал в госпитале, потом состоял под наблюдением, получая паек. Нормально ходить стал лишь к концу сорок второго года. В Ленинграде погибла почти вся его семья.

Гриша Селезнев был более образован, чем я. Сказывалось, что вырос в столичном городе, закончил десятилетку. Помню, как наедине со мной он высказывал довольно смелые мысли о войне. Мы оба были комсомольцами, патриотами, но Гриша критически воспринимал происходящее. Мы оба не сомневались, что победим. Но если я считал, что, разбив немцев на Днепре, мы дойдем до Берлина за считаные месяцы, то Селезнев показывал на небо, где по-прежнему хозяйничала немецкая авиация: «До победы еще долгий путь!»

Помню, как двигались через брошенные немецкими войсками позиции. Было очень много немецких трупов. Я видел разбитые, вмятые в землю многочисленные противотанковые и зенитные пушки, тяжелые дальнобойные орудия, знаменитые шестиствольные реактивные минометы (солдаты их прозвали «ишаками»). Минометы, с их высокой скорострельностью, приносили нашим бойцам много бед. 34-килограммовые мины пачками обрушивались на позиции, разбивая блиндажи, окопы. Сейчас все это немецкое железо было повержено, вмято в землю гусеницами танков.

Судя по результатам, наступление было мощное. Иногда попадались группы отставших от своих немецких солдат. Сопротивления они не оказывали, сразу бросали оружие и сдавались в плен. Злости на них в тот момент не было, все какие-то прибитые, грязные. Мы отправляли их в тыл. Видели, что им и так досталось под завязку. Случаев самосуда над пленными со стороны нас, артиллеристов, практически не было. Может, потому, что мы в упор с немцами не сталкивались. По рассказам пехотинцев, в бою ни наши, ни фрицы пленных не брали. Немцы дрались отчаянно, уверенные, что их все равно убьют, и тем самым подписывали себе приговор. А у наших за два года войны накопился к фашистам огромный заряд ненависти. Пожалуй, не было бойца, который не потерял бы близких людей: брата, отца, а то и всю семью.

Мы, разведчики, однажды столкнулись с отступающей немецкой группой. Немцы сразу открыли огонь и убили нашего бойца. Другой был тяжело ранен в живот и бедро. Мы тоже стреляли. Я передергивал за-

твор винтовки и выпускал пулю за пулей. Подоспели еще ребята, и немцы отступили. Кто-то сумел уйти, а два трупа и раненный в ногу немец остался. Крупный, уже в возрасте, лет под сорок. Мы, как молодые щенки, толпились вокруг него, пытались заговорить по-немецки. Раненый кивал головой, со страхом глядя на нас.

— Санька кончается, — сказал кто-то.

И мы так же безалаберно отвернулись от него, обступили Саньку (или Петра — не помню имени). Я снова увидел смерть. Раненому расстегнули гимнастерку, заткнули раны тампонами, но наш товарищ умирал. Шаровары пропитались кровью, кишечник самопроизвольно опорожнился. Невозможно передать тоску в глазах парня и еще этот запах. Смерть никогда не бывает красивой. Он умер, шевельнув напоследок губами. Может, звал мать.

А немец ковылял прочь. Когда мы обернулись, замер. Но двое ребят, и в том числе Гриша Селезнев, вскинули автоматы. Немец успел что-то крикнуть, но автоматные очереди свалили его с ног. Селезнев продолжал давить на спуск. Пули дергали и шевелили мертвое тело. Я тоже выстрелил в лежавшего немца, и другие выстрелили по разу или два. Потом мы похоронили своих ребят. Трупы немцев оставили лежать. Когда возвращались, Гриша сказал:

— Вот так. Их всех надо убивать.

Я был с ним согласен. Пропал без вести мой старший брат, погибли многие из нашего села. Все фашисты заслужили смерть. К этому призывал со страниц «Правды» товарищ Эренбург. А мы ведь до этого не раз и не два отпускали пленных.

Полк занял позицию под городом Великие Луки. Мы вырыли окопы для орудий, землянки для себя. Становилось уже холодно, стоял октябрь, и по ночам подмораживало. Наше командование ожидало налетов немецкой авиации, и 76-миллиметровые батареи стояли кольцом вокруг города. На нашем участке — метрах в пятистах друг от друга.

Врезался в память один из налетов, особенно мощный. С наступлением темноты бомбардировщики и штурмовики шли волна за волной, и так длилось до утра. От непрерывного огня стволы орудий раскалялись докрасна. Время от времени стволы опускали и набрасывали на них куски портяночного полотна, разное тряпье, смоченное в воде. Тряпки парили, чуть зазеваешься, начинали тлеть.

Через пять минут снова открывали огонь. Нам очень помогали прожектористы. Если немецкий самолет попадал в луч, а то и в перекрестье сразу двух прожекторов, то был виден как на ладони. Вокруг него плясали вспышки разрывов. Большинство самолетов успевали нырнуть в темноту. Не знаю, попадали в них или нет. Один двухмоторный «Юнкерс-87» встряхнуло так, что посыпались мелкие кусочки. Он круто пошел вверх, потом на снижение. Дотянул до своих либо свалился — непонятно. Если двухмоторные «Юнкерсы-88» бросали бомбы с большой высоты, то бомбардировщики «Ю-87», с неубирающимися шасси, пикировали зачастую чуть ли не отвесно.

Их бомбы падали довольно точно, но и риск для фрицев был больше. Освещенный прожектором «Юнкерс-87» с воем выходил из пике, когда в него угодил снаряд трехдюймовки. Впервые я видел, как

рассыпается на части самолет. Вспышка, и сразу же куча крупных и мелких обломков. Ни парашютов, ничего... Долетался, гад! Нас поддерживали пулеметы. Небо светилось от пулевых трасс. Все вместе: грохот десятков орудий, взрывы снарядов и бомб, летящие с неба осколки и ослепляющий свет прожекторов — сливалось в какую-то адскую картину. Я был в разведке батареи, но, как и все, находился возле орудий, заменял раненых, подносил снаряды и думал, что эта страшная ночь никогда не кончится. Испытывал ли я страх? Конечно, испытывал. Но постоянная «работа» возле орудий глушила это чувство.

У нас в батарее в ту ночь были потери, но не такие большие. Одна из тяжелых бомб, весом полторы тонны, врезалась рядом с нами, но не взорвалась. Тогда нашего разговора могло и не состояться. Такие бомбы оставляют воронку, в которую может поместиться целый крестьянский дом, а осколки разлетаются на сотни метров. Не повезло соседней батарее. Ее накрыло прямыми попаданиями. Разбитые орудия, оторванные стволы, колеса, разбитые в щепки зарядные ящики... и трупы. Их было много.

Разорванных на части, без ног или рук. Многие засыпаны землей. В одном месте мы долго раскапывали окоп, потом сели перекурить. Видим, а над взрыхленной землей вьется пар. Ковырнули лопатами, в морозном воздухе парили еще не остывшие внутренности погибшего товарища. Кому-то стало плохо, кого-то рвало. Старшина батареи принес плащ-палатку. Мы вчетвером перетащили останки и плотно завернули их. Потом хоронили погибших в братской могиле,

и, наверное, у каждого в голове вертелось — на месте этих ребят мог быть и я.

А война в тот день словно решила открыто показать свое лицо. Мы видели исковерканные трупы, орудия, превращенные в металлолом. Даже массивные стволы были согнуты и переломаны, как спички. Чего уж говорить про хрупкое человеческое тело! Пошли с Гришей Селезневым на речку умыться и просто подышать воздухом, не отравленным взрывчаткой. Речка не такая и маленькая, метров пятнадцать в ширину. Но вода в ней была буро-красная от крови. Мы невольно отшатнулись и пошли к себе.

Позже я узнал, что готовилось наступление наших войск. Вечером на станцию, один за другим, прибывали эшелоны с людьми, техникой. Немцы об этом знали и обрушили мощный налет, пользуясь тем, что ночных истребителей у нас почти не было. И хотя немало самолетов с крестами и свастикой не вернулось на свои аэродромы, беды они принесли достаточно. Большое количество наших солдат и офицеров было убито, а станция и город превратились в груду развалин.

Вспоминаю еще один эпизод, врезавшийся в память.

На станции, недалеко от Великих Лук, мы видели три товарных вагона, загруженных трупами наших бойцов. Лица и руки у них были синие и обожженные. Немцы применили какое-то новое оружие, по слухам, ядовитый газ. Так или не так, точно сказать не могу. Наше командование приказало подтянуть тяжелые орудия, и на немцев в ответ полетели термитные снаряды. Жуткая вещь. Все горит: и железо, и земля.

А про людей говорить нечего. Тогда врагу пальцем не грозили. Ударят, так со всего маху!

Мы потом проходили через села и позиции, где фрицы отсидеться хотели. Все было черным, обугленным, головешки, оставшиеся от человеческих тел, сгоревшие дома, блиндажи, скелеты грузовиков, где почти все сгорело и оплавилось, сожженные немецкие танки, орудия. Черные деревья тянули к небу остатки ветвей, я шел подавленный, стараясь не смотреть по сторонам.

Продолжалось наступление Красной Армии на Невель. Наша батарея получила особую задачу. На железнодорожные платформы погрузили зенитные орудия, прицепили несколько товарных вагонов с медперсоналом. Мы собирали на перевязочных и санитарных пунктах раненых и везли их в тыл. Не проходило дня без налетов немецкой авиации. Я, как разведчик, до боли в глазах следил за небом, сообщал о приближающихся самолетах. Обычно немцы налетали мелкими группами — по 3—4 самолета. Мы открывали беглый огонь из всех четырех орудий и спаренных пулеметов. Бомбы, как правило, взрывались в стороне.

Но один из налетов оказался особенно сильным. Немецкая «рама», наблюдатель «Фокке-Вульф-189», навел на наш эшелон группу пикировщиков и истребителей. Особенно опасными были давно знакомые пикирующие бомбардировщики «Юнкерс-87». Они несли до тысячи килограммов авиабомб, имели четыре пулемета. Существенную опасность представляли «мессершмитты» с их высокой скоростью,

20-миллиметровыми пушками и пулеметами. Эти истребители несли 200—250 килограммов авиабомб.

Объясняю, почему «лаптежники» и истребители были для нас особенно опасными. Железная дорога — тонкая ниточка, в которую попасть нелегко, особенно тяжелым «Дорнье» или «Ю-88». Они сбрасывали свои бомбы с большой высоты, и нас особенно не тревожили. Другое дело — бронированные «Юнкерсы-87» или «мессершмитты». «Лаптежники» с огромной скоростью пикировали на эшелон и бросали бомбы довольно точно. Слабым моментом был у них выход из пике. Здесь мы их и ловили. Но, скажу прямо, что для низколетящих самолетов наше оружие было не слишком подходящим. Трехдюймовки тяжеловаты и эффективны на средних высотах, а спаренные установки Дегтярева «ДА-2» калибра 7,62 миллиметра оказывались слабоватыми.

Нам бы очень пригодились зенитные автоматы калибра 37 миллиметров и крупнокалиберные пулеметы. По ленд-лизу поступали даже счетверенные установки крупнокалиберных «браунингов». Когда они открывали огонь, возникала словно огненная завеса. Имелись в зенитных частях хорошие трехствольные установки крупнокалиберных пулеметов ДШК, но в нашей батарее их не было. Обходились тем, что есть.

В тот раз налет на наш санитарный поезд был особенно ожесточенным. Девятка «Юнкерсов-87» под прикрытием шести истребителей пикировала на вагоны. Зная, что в деревянных, пробиваемых насквозь вагонах находятся десятки раненых, врачи, медсестры, санитарки, мы вели непрерывный огонь. Страх, который охватил меня, куда-то ушел. Я наводил одно

из орудий и непрерывно выкрикивал: «Огонь!» Мелькало серебристое, как у судака, брюхо «лаптежника», ухало орудие, и со звоном отлетала тяжелая гильза. Орудия, закрепленные тросами на платформах, стояли парами. Достаточно одной пятидесятикилограммовки, чтобы разнести платформу и обе зенитки.

Один из «юнкерсов» словно влетел в клубок разрыва. Двигатель вспыхнул, и пикировщик штопором пошел отвесно вниз. Готов, фашист! Его сбило соседнее орудие. Я не раз замечал привычку немецких летчиков сразу мстить за подбитые самолеты. На нас полетели бомбы, а промелькнувший как тень «мессершмитт» прошил платформу пулеметными и пушечными трассами.

В двух шагах от меня свалило бойца. Я на несколько секунд оторвался от прицела, но уже налетал следующий самолет, и я снова крутил маховики. Мы сумели повредить осколками и пулями еще два самолета, но и сами понесли тяжелые потери.

Загорелись два вагона с ранеными. Мы бросились их тушить, вытаскивая тех, кто не мог выбраться. Убитых было много. В стенах вагонов зияли огромные пробоины от осколков авиабомб. Самолетные пушки и пулеметы, прошивая вагоны насквозь, убивали людей и наносили тяжелые рваные раны. Погибли шесть или семь зенитчиков, несколько человек были тяжело ранены. Мы отцепили горящие вагоны, погрузили раненых в оставшиеся и на полном ходу повезли их в тыл. Было горько сознавать, что раненые бойцы, чудом избежавшие смерти на поле боя, гибли по пути в госпиталь.

По дороге остановились. Терчук послал меня к паровозу узнать, в чем дело. Подбежав, я увидел, как машинист и его помощники забивают пробоины от пуль и малокалиберных снарядов деревянными «чопиками» — заостренными колышками. Пробоину от крупного осколка таким способом не залатаешь, но мелкие дырки они ликвидировали быстро. Из тендера вылез пулеметчик, такой же чумазый, как и паровозники. Похвалился:

— Видел, как я «мессера» укатал?

— Не видел.

— Ну и зря. Пуль десять в гада всадил.

Я знал, что на паровоз сажают стрелка с пулеметом «ДА». Для спаренной установки там не было места. Обычно использовали один из запасных стволов, установив его на турели. Машинисты уже собрали молотки, колышки и занимали свои места. Они подтвердили, что «парень молодец»:

— Вдоль корпуса врезал, «мессер» аж подпрыгнул и свечой вверх пошел.

Врезать-то он врезал, но «мессершмитт» благополучно улетел к своим.

Сбивать немецкие самолеты было тяжело, и самым эффективным оружием считались наши истребители. Бой, когда наша батарея только отгоняла самолеты и не давала им отбомбиться по цели, считался удачным. А за сбитый и подтвержденный самолет одного-двух человек из батареи обычно награждали. Но сбивали «юнкерсы» и «мессершмитты» мы не так часто. И уж тем более мне не приходилось видеть, как сбивали самолет из ручного пулемета, винтовки или противотанкового ружья. Такие подвиги любят описывать в

художественной литературе, но в реальности это происходило очень редко.

— Все вы молодцы, ребята, — хвалил нас подвыпивший Терчук, когда мы похоронили убитых. — Только молодые слишком. Бьют вас, как курят...

На конечной станции, разбирая тот бой, старший лейтенант толково и деловито обратил внимание на наши ошибки:

— Взводным открывать огонь сразу, на пределе дальности! Не ждите, пока «юнкерсы» на шею сядут. Сбивать — хорошо, но главное — отгонять, не давать прицельно бомбить. Пулеметчикам открывать огонь с расстояния километра. Больше трассирующих. Немец сильного огня не любит, а поди разбери, какие трассеры идут, мелкие или крупные.

Около трех недель мы занимались вывозом раненых. Подружились с медперсоналом. Выбирали время для свиданий, целовались в укромных уголках. Нам, молодняку, этого хватало, а кто постарше и на ночь исчезали. Особенно на конечной станции, когда, выгрузив раненых, готовили вагоны, получали пополнение и боеприпасы. Была у меня любовь, худенькая рыжая санитарочка (прости, забылось имя!), с которой мы неумело целовались. Обещали, что не забудем друг друга, и даже спорили, куда поедем после войны — ко мне или к ней. Конечно, ко мне, у нас хозяйство, земля и своя больница в поселке. Моя девушка соглашалась, только просила посоветоваться с мамой. Какие искренние и наивные мы тогда были!

Медики нас неплохо подкармливали. В пути следования мы часто проскакивали станции, где были пункты питания. Сухой паек съедали за день-два. Медсестры и санитарки приносили нам молочную кашу, хороший суп с мясом. Особенно нравилось мне сладкое какао с молоком и пшеничным хлебом. Я какао до этого ни разу в жизни не пробовал. Очень пришлось по вкусу.

Линия фронта двигалась на запад. Подходил к концу сорок третий год. Истребители прикрывали нас редко, видимо, действовали на переднем крае. В бои с немецкими самолетами мы вступали почти каждый день. Правда, таких крупных налетов уже не случалось. Фрицам тоже самолетов не хватало. Налетит звено «Ю-87» в сопровождении пары «мессершмиттов», но мы уже школу хорошую прошли, ждем их. Все четыре пушки, как автоматы, работают, только гильзы звенят. И пулеметчики полосуют трассерами, патронов не жалея.

У «мессершмиттов» скорость шестьсот километров в час. Вихрем проносятся, сбрасывая несколько бомб и поливая все подряд огнем. Но и за эти секунды мы кое-что успевали. Помню, два «мессера» со стороны паровоза зашли. А там платформа с двумя орудиями, и впереди еще открытая ремонтная платформа со шпалами, рельсами и спаренным пулеметом на ней. Да еще один пулемет на паровозе. Врезали по немецкой парочке из всех стволов. Один «мессершмитт» хорошо зацепили да еще добавили из двух других орудий и пулеметов. Он в землю врезался в километре от эшелона, а второй отвалил, сбросил свои бомбы с высоты и пошел к линии фронта.

Но долг свой фрицы исполняли. Хоть и продырявленный, на издыхании был «мессер», но бомбы положил довольно точно и повредил паровоз. Успел прошить из пушек и пулеметов штук пять вагонов. Снова выносили мы тела убитых, а врачи спасали бойцов, получивших новые ранения. Погибли двое зенитчиков. Поврежденный паровоз, весь окутанный паром, кое-как оттащил состав на полустанок. Там часа четыре простояли возле заряженных орудий. Обездвиженный состав — легкая добыча для авиации. Но нам повезло, пошел дождь, небо заволокло тучами, нелетная погода.

На этом полустанке запомнился такой эпизод. Женщина продавала самодельные лепешки. Серые, с торчащими остяками, но горячие. Откинула с блюда полотенце — а от них такой дух идет! Запросила с нас дорого. Впрочем, все продукты в войну дорого стоили. Мы ее стали стыдить, мол, только из боя вышли, а ты с нас три шкуры дерешь. Она не отшучивалась и не оправдывалась, как часто делают торговки. Объяснила устало, почти равнодушно, что не от хорошей жизни торговать вышла. Молока купить не на что и чего-то там еще для детей. Мы примолкли, глянули на убогие домишки полустанка, серые пустые поля и, может, впервые за долгое время задумались, как в тылу наши матери живут. Купили, у кого деньги были, эти лепешки. Разделили по четвертушке, съели. Вкус я не запомнил.

Через несколько дней покидали эшелон. Расставались с медиками, особенно с подругами, слез не скрывая. Родными за эти три недели стали. Расцеловался я со своей санитарочкой, обменялись еще раз адресами.

И расстались навсегда. На войне редко продолжения таких историй случаются. Начальник поезда выделил нам спирту, продуктов, написал представление о награждении нас орденами и медалями. Мы дня три как опущенные ходили. Переживали, тосковали, особенно молодежь.

Во время недельной передышки нам дали как следует отоспаться. Правда, кормежка шла по другой норме, не хватало мяса и хлеба после привычной сытной фронтовой еды. Но мы, в общем, не голодали. Помню, наладили связь с жителями небольшой лесной деревни. Меняли трофеи, запасное белье, мыло на хороший домашний хлеб, картошку, яйца. Ну и, конечно, на самогон.

В этот период на нашей батарее заменили стволы на трех зенитках. Столько стреляли, что металл износился. Двоих ребят с воспалением легких отправили в госпиталь. Вот когда сказалась наша жизнь под сплошным холодным ветром и дождем на открытых платформах. На торжественном построении выдали награды. Для большинства это были первые медали или ордена. Награждали тогда мало. Комбат Терчук, ставший капитаном, получил орден Красной Звезды, человек восемь из батареи — медали. Меня наградили медалью «За боевые заслуги». Некоторые ребята были награждены посмертно. Как я понял, сыграло роль представление начальника санитарного поезда. В других батареях получили медали по два-три человека. Зато не обидели штабных. Почти у всех засверкали новенькие ордена, в том числе Отечественной войны,

очень уважаемый всеми орден. Получили медали кое-кто из писарей. Тоже старались, бумажки писали.

Пришло пополнение. Ребята худые, с торчащими из воротников шинелей цыплячьими шейками. Такими и мы были год назад. Знакомились, искали земляков, расспрашивали, как жизнь на гражданке. «Голодуют люди, — отвечали нам. — Похоронки идут, от почтальона все шарахаются. Скорее бы война кончилась!»

Полгода, с января до июля 1944 года, мы стояли, охраняя разные объекты. Склады, штабы, подходы к аэродромам. До линии фронта недалеко, но все же не передовая. Помню, что часто отражали ночные бомбежки немцев. Били почти наугад, на шум моторов, так как прожекторов не хватало. Немцы шли высоко. Когда попадали в цель (это случалось редко), самолет падал где-то вдалеке от наших позиций или тянул к себе. Как правило, результаты записывала ближайшая к месту падения самолета батарея или даже наши истребители.

Зима на северо-западе своеобразная. То слякоть с ветром и сырым снегом, то ударят морозы за двадцать. Причем погода менялась буквально в течение нескольких часов. Ночью заступаем, расхватывая «дежурные валенки», которых всем не хватало, а с утра уже липнет к подошвам мокрый снег, войлочная обувка намокает. Тогда обували сапоги или ботинки. Но это не слишком большая беда. Все же не передовая. Согреться можно было. Жили в тот период в землянках. Печка, а на ней огромный самодельный чайник с кипятком и чугунок с хвойным отваром. Отвар за-

ставляли нас пить два раза в день. Этим спасались от цинги.

Потери несли, конечно, меньше, чем в боях под Великими Луками или Невелем. Но людей теряли. Когда немцы летали бомбить днем, нередко паратройка самолетов снижалась и сыпала авиабомбы на орудия. Особенно если мы стояли близко от охраняемых объектов. В феврале, уже после ликвидации блокады Ленинграда, мы охраняли склады. Помню, короткий период жили в теплой казарме. Налетели штук двенадцать двухмоторных «Юнкерсов-88» в сопровождении истребителей. Бой был жаркий. В нем участвовал весь дивизион, усиленный зенитными 37-миллиметровыми автоматами.

Над соседней батареей немцы сбросили кассеты с мелкими осколочными бомбами. Они раскрывались, как чемоданы, и мелкие бомбы рвались с частым треском, словно стрелял огромный пулемет. Могло всю батарею выкосить, однако ребятам отчасти повезло. Контейнеры взорвались высоко, но раненых было много. Вышла из строя половина орудийной обслуги. Когда грузили в «студебеккер», на ребят страшно было глянуть. С ног до головы обмотаны бинтами, как куклы. Кому десяток, а кому все двадцать осколков достались. Стонут, кричат от боли. Старшина с термосом ходит и в кружке разбавленный спирт подает. У кого руки пробиты, сам в рот наливает. Мы самокрутки им сворачиваем, на закуску. Успокаиваем — все будет хорошо! А чего хорошего? У некоторых уже глаза закатываются, вряд ли до санбата довезут.

Прямыми попаданиями разбило два орудия. Вот там по-настоящему страшно стало. Груды железа, взрыхленная земля и разорванные трупы. Где — рука,

где — голова, кишки с веток палками снимали. Земля в липкую грязь не от воды, а от крови превратилась. Ножами сапоги отскребали. Похоронили останки товарищей, дали три залпа из винтовок. Вечная вам память! А склады через пару дней разбомбили. Ночью тяжелые бомбы сбрасывали. Рвануло так, что земля дрожала. Зарево, светло, как днем, только свет красный. И теплый воздух в спину толкает, будто огромный вентилятор дует. Молодая елка пушинкой метрах в ста над головой кружилась, а потом вспыхнула, как коробок спичек. В ту ночь мы сбили огромный бомбардировщик «Дорнье-217». Снаряд переломил ему крыло, и он свалился в километре от батареи.

Мы ходили смотреть. Таких громадин я еще не видел. Почти двадцати метров длины, два массивных мотора, толстый фюзеляж. Он брякнулся на ели и в глубокий снег, поэтому полностью не разбился. Развалился на несколько частей, два мертвых летчика в верхней кабине, в добротных меховых комбинезонах. Еще двоих позже поймали. Вернее, они сами на дорогу вышли — по лесу далеко не уйдешь, снег по пояс. Терчук тоже вместе с нами остатки бомбардировщика осматривал. Языком цокал, глядя на многочисленные крупнокалиберные и обычные пулеметы, которые снимали ружейники.

— Ну и громада! — сказал кто-то из бойцов. — Много, наверное, бомб берет.

— Четыре тонны, — ответил Терчук.

— А наши? — спросил кто-то из новичков.

И Терчук, и все старослужащие зенитчики хорошо знали тактико-технические данные наших самолетов, хотя это считалось военной тайной.

— «Пе-2» ему не уступает, — покривил душой капитан. — Врежет, мало не покажется.

К сожалению, до скоростного «Дорнье» нашим бомбардировщикам в то время было еще далеко. Они несли по тысяче килограммов бомб, лишь «СБ» (скоростной бомбардировщик) мог поднять 1600 килограммов. Позже появится наш знаменитый ТУ-2, не уступающий немецким бомберам, но это произойдет в середине сорок четвертого года. Ну, что же, воевали тем, что имели. И гнали немцев, несмотря ни на что.

Весну сорок четвертого я запомнил двумя событиями. Мы с Пашей Селезневым получили «младших сержантов», а меня чуть не убила фашистская бомба.

«Сотка» взорвалась недалеко от наблюдательного пункта, где размещались разведчики батареи. Меня послали к орудиям, так как связь барахлила. Пробежал я метров семьдесят, слышу свист бомбы. Стало жутко. В тот момент я отчетливо понял, что бомба летит в меня. В голове включился какой-то непонятный механизм, оттеснивший страх и панику. Я развернулся и побежал в сторону. А спустя несколько секунд тот же механизм дал команду: «Ложись!» Я брякнулся в хвою, закрыв голову руками. Ахнуло так, что меня подбросило метра на два и отшвырнуло в кусты. Потом гремели еще взрывы, но уже дальше. С высоты упала толстая сухая ветка и воткнулась в двух метрах от ног. А я не смог даже пошевелиться. Равнодушно думал: вот была бы дурацкая смерть, проткнуло бы, как вертелом.

В голове мутилось, тошнило, и, что хуже всего, я не чувствовал ног. Знал, что такое случается, если

сломан позвоночник. Вот тут я по-настоящему испугался. Остаться на всю жизнь обездвиженным казалось страшнее всего. Я, как червяк, извивался, хлопал ладонями по ногам. Потом меня подобрали ребята и отнесли в медсанбат. Помню, как, увидев первого человека в белом халате, я вскрикнул:

— Ноги... Ноги отнялись!

На большее сил не хватило. Со мной что-то делали, раздевали, всадили несколько уколов, а очнулся я утром в палатке на очень жестких нарах. Поверх досок лежало лишь байковое одеяло, другим одеялом я был накрыт. Топилась железная печка, а я снова ощупывал тело, ноги. Пришел врач, я пожаловался, что очень жестко. Он не стал мне объяснять, что так положено лежать при повреждениях позвоночника. Ощупал голову, подносил к носу молоточек, я косил по его командам глазами в разные стороны.

Сильно опух левый локоть, туго заполнив рукав нательной рубашки. «Ну, вот и рука сломана», — с тоской думал я. Локоть прошел через три дня, подозрение на трещину в позвоночнике тоже не подтвердилось. Снова стали двигаться ноги, и я с удовольствием пошел в кусты — справлять нужду. Самой серьезной штукой оказалось сотрясение мозга. Меня хотели отправить в госпиталь, но я соврал, что мне уже лучше. Не хотелось расставаться со своей батареей, к которой я привык.

Ночью я сползал со своего жесткого ложа и с удовольствием спал прямо на сосновом лапнике. Потом мне дали матрац, но оставили в той же палатке на семь-восемь человек. Я помогал санитарам и медсестрам ухаживать за обездвиженными ранеными. Не-

которых эвакуировали, а были такие, которых трогать было нельзя. Пару раз ко мне приходили ребята и, конечно, Гриша Селезнев. Приносили спирт, сахар. Мы устраивались на пригревающем весеннем солнышке и болтали о разных пустяках. После таких визитов я дня два ходил, как на празднике. Приятно, что о тебе помнят и ждут. И капитан Терчук, которого, по слухам, собирались назначить командиром дивизиона, тоже передал привет и американскую шоколадку, очень пригодившуюся на закуску.

Я пролежал в медсанбате почти месяц. Насмотрелся таких вещей, которые и на передовой не увидишь. Привозили солдат без рук, без ног. Смертельно раненных, которых даже в операционную не заносили. Я даже возмущался, как петушок. А санитары, в основном в возрасте, глядя на меня, мальчишку, объясняли: «Какой прок его оперировать? Все кишки осколками порваны. Он уже мертвый, только сердце бьется». Видел я лейтенанта, тоже контуженного, но у него были отбиты легкие и сломана грудь. Он долго и тяжело умирал, кашлял кровью, хотел что-то сказать, но не мог.

Привезли молодого, крепко сложенного бойца, лет двадцати. Про таких говорят: «Первый парень на деревне». Рана в ноге у него была не слишком тяжелая, мне казалось, что он капризничает. Но затем нога как-то быстро опухла, покраснела. Началась инфекция, и ногу по колено ампутировали. Парень плакал, никого не стыдясь:

— Мамоньки... кому я теперь, урод, нужен?!

Медсестры его утешали, а бойцы постарше грубо осаживали:

— Чего развылся? Руки целые, хрен на месте, да еще одна нога осталась. Протез наладят, будешь скакать, как кузнечик. Живой к матери вернешься. А мы доживем до победы или нет, один Бог знает.

Постепенно парень успокоился, прыгал на костылях, смеялся. Понял, что не самое худшее ему на войне досталось. Глянул я и на другую сторону медали. На бойцов, особенно из пехоты, отчаянно цеплявшихся за жизнь. Я ушел на фронт добровольцем, и мне было противно глядеть на некоторых людей. С годами я пойму многое. И страх оставить троих-четверых детей без кормильца, и тоску по матери, которая уже лишилась сына, а ты у нее последний. Люди переживали сильнее за родных, чем за себя. Но были и настоящие сволочи. Как говорится, из песни слова не выкинешь. Если взялся рассказывать — эту тему не обойдешь.

В числе легко раненных и контуженных, помогавших санитарам, был парень лет двадцати трех. Борис его звали, а родом из-под Ростова. Почти земляки — области рядом находятся. Может, поэтому он ко мне привязался.

Вначале на правах наставника (все же старше лет на пять), а потом я его крепко осадил, когда угадал сущность «земляка». Воевал он от Сталинграда, а может, врал. Но очень умело «косил» под больного куриной слепотой. На северо-западном направлении эта болезнь из-за недостатка витаминов была распространена, особенно весной. Конечно, профилактику проводили, и таблетки давали, и в воду разные экстракты добавляли. Но кто хочет заболеть, как его остановишь?

Едва смеркается, а в мае уже светлые ночи пошли, Борис охает, натыкается на все подряд, слепого изображает. Ложится после ужина и дрыхнет до завтрака. Раненых трудно обмануть. Некоторые знали, но молчали. Закладывать своих считалось последним делом. Но однажды, подвыпив — нам спирт дали за то, что могилу для умерших копали, я не выдержал. Выложил Борису все, что о нем думал.

Он сначала испугался — вдруг донесу. Начал убеждать, что я ошибаюсь. А потом, когда понял, что никому докладывать не собираюсь, покатил на меня. Ты, мол, зенитчик, не знаешь, что такое атака и сколько после нее в живых остается. Я в долгу не остался, накричал, что не ему меня учить. Друзей я похоронил достаточно и контузию получил в бою с немецкими самолетами, а не возле кухни отираясь. Боря опять, как перевертыш, каяться стал, мол, он и раненый, больной, а дома мать с младшей сестренкой остались.

— У нас в семье детей шестеро, — обрезал я его. — Старший брат погиб, я воюю, и следующий брат скоро в армию пойдет.

В общем, кончилась у нас с Борисом дружба. А потом угодил он под трибунал. Судили целую группу симулянтов. Бориса, троих самострелов и еще одного мужичка, который рану медным купоросом натирал. Заседание трибунала было открытым. Прочитают приговор, а в конце — «расстрелять!». Борис весь белый стал. Только после паузы объявляли: «Заменить расстрел на штрафную роту». Борис три месяца штрафной роты получил, потому что долго врачей обманывал. Верная смерть. Другие — по месяцу-два.

А одного самострела приговорили к расстрелу. За ним мародерство, еще какие-то грехи числились. Расстреляли в лесу, сразу же после оглашения приговора. Не на глазах у раненых, но выстрелы мы слышали. А в конце мая я был выписан и вернулся в свою батарею, которой по-прежнему командовал капитан Терчук. На дивизион кого-то другого поставили.

В июне — июле сорок четвертого началось мощное наступление сразу нескольких фронтов. Шли ожесточенные бои в Прибалтике. 27 июля был освобожден литовский город Шяуляй, от которого до Балтийского моря оставалось чуть больше ста километров. Насчет освобождения Шяуляя говорили по радио, писали в газетах, но история освобождения и долгих боев за город оказалась далеко не простой. В истории Великой Отечественной войны, изданной в 1960—1965 годах, говорится, что город Шяуляй был освобожден войсками 1-го Прибалтийского фронта 27 июля 1942 года. Однако во второй половине августа противник нанес сильные удары шестью танковыми, одной моторизированной дивизией и двумя танковыми бригадами. Прорвав оборону, немецкие войска устремились к Шяуляю, оборону которого держали 2-я Гвардейская армия и 16-я Литовская стрелковая дивизия. Ожесточенные бои длились до октября, пока немцы не были отброшены от Шяуляя, и продолжилось наступление наших войск.

Я не могу точно сказать, когда наш полк и наша батарея вступили в этот литовский город. В Шяуляе шли бои. Советские войска взяли часть города и полуразрушенный вокзал, возле которого предстояло

воевать нашему зенитно-артиллерийскому полку. Дали команду — готовиться к отражению танковых атак. В воздухе преобладала наша авиация. С танками дело обстояло сложнее.

У немцев к тому времени уже вовсю применялись новые танки «пантера» и «тигр» с лобовой броней толщиной 100 миллиметров, самоходки «фердинанд» — лобовая броня 200 миллиметров. Наши основные танки, Т-34 с 76-миллиметровыми орудиями, несмотря на свою маневренность и более высокую скорость, уступали этим машинам. Да и противотанковые пушки не всегда оказывались эффективными. Самоходно-артиллерийских установок САУ-85 и танков Т-34-85 с 85-миллиметровыми пушками еще не хватало. Наши зенитные орудия с хорошей оптикой и мощными зарядами смогли противостоять новым немецким танкам.

Снова рыли орудийные окопы, отсечные ровики для укрытия людей и боеприпасов. Разведка батареи разместилась метрах в трехстах впереди. Нас было пять человек с трофейным ручным пулеметом. Не поленились, долбили кирками и лопатами плотную землю, нашпигованную обломками кирпича, ржавыми осколками. Неподалеку размещалась позиция пехоты. Сбегали, перекурили, послушали, где находятся немцы. До фрицев было метров шестьсот, но отдельные группы, и в том числе снайперы, подбирались ближе.

— Не высовывайтесь лишка, — напутствовали нас.

А как не высовываться? У нас бинокль. Разведка затем и поставлена, чтобы по связи передавать на ба-

тарею, что творится на передке. Землянку мы вырыли знатную. Почти блиндаж. Перекрыли яму бетонными балками, которые смогли поднять, бревнами, нашли пару дверей, доски. Сверху насыпали слой битого кирпича и полметра земли. Да еще нас прикрывал кусок стены, сквозь которую мы могли вести наблюдение.

Только долго в укреплении нам сидеть не пришлось. Вначале на отблеск бинокля отреагировал снайпер. Влепил пулю точно в яблочко. Наблюдателю повезло, что он от окуляров оторвался, давал глазам отдохнуть. Но осколками стекла и пластмассы ему посекло щеку и ладонь.

Осколки мы вытащили, они в коже застряли, перевязали товарища. Доложили взводному, мол, нужен запасной бинокль. Где я вам его возьму? Хорошо, что одна половинка уцелела. Наблюдать все же можно.

Потом мой разведчик стал жаловаться, что раны сильно болят. Раны — одно название. Царапины. Но пришлось отправить его на батарею. Замену нам, конечно, не дали, и ночь провели вчетвером. Двое — спали, двое — дежурили. А утром немцы принялись крошить стену. После десятка гаубичных снарядов стена рухнула, и полетели 105-миллиметровые чушки в наше укрепление. Самодельный блиндаж рухнул, хорошо, что сами успели убраться. Заняли новую позицию, в развалинах дома. Шинели наши завалило, а летние ночи в Прибалтике сырые, холодные. Промучились. Пошли утром к пехотинцам. Стыдно было признаваться, что кроме бинокля еще и шинелей лишились. Пехота артиллеристов любит. Посочувствовали, покормили трофейным шпигом, дали пару

шинелей и плащ-палатку. Мало, конечно. Нам посоветовали:

— А вы с немцев снимите. Вон там свеженькие лежат. Как стемнеет, ползите. И обувкой заодно разживетесь.

Но скоро нам стало не до одежки. Пошли немецкие танки. Их было около десяти. В основном Т-4, обвешанные звеньями гусениц для дополнительной защиты, и два знаменитых «тигра». Громадины! Угловатые, высотой под четыре метра, длинноствольные 88-миллиметровые пушки с дульным тормозом. Танки двигались на большой скорости, километров под сорок, делая резкие повороты и уходя от прицельных выстрелов. Следом шли бронетранспортеры с пехотой. Наш дивизион просто пытались смять с ходу. Пока никто не стрелял. Только рев моторов и поворачивающиеся стволы орудий.

А потом загремело, заухало все подряд. Три наши батареи вели беглый огонь, а на нас сыпались мины, гаубичные снаряды и неслись трассы многочисленных пулеметов. Это была схватка с наступающими танками, которые не собирались отступать. Она совсем не напоминала давнишний бой под Ленинградом, когда мы били отступающего противника. Там пытались вырваться — а здесь кто кого! Бронебойный снаряд выбил сноп искр из брони Т-4. Еще один снаряд ударил в продолговатый броневой щит, прикрывающий ходовую часть другого Т-4. Я отчетливо видел отверстие на камуфлированной броне. Танк крутанулся, получил еще один снаряд и попятился, продолжая вести огонь. Он выпустил три-четыре снаряда. Почти обездвиженная машина была хорошей

мишенью. Она загорелась первой. Из боковых люков стали выскакивать танкисты.

Но и нашим батареям приходилось туго. Одно орудие подбросило и опрокинуло. Плотность огня была такая, словно кто-то вколачивал снаряды и мины из огромного скорострельного механизма. Вспышка — и тут же столб земли, камней. Снова вспышка, а то и две-три подряд. Вверх взлетали обломки досок, человеческие тела, тряпки, снарядные гильзы. Мне по-настоящему стало страшно. По существу, мы были уже не нужны. Какое к чертям наблюдение, если бой идет на дистанции прямого выстрела!

Взяв себя в руки, приказал открыть огонь по танкистам, выбегающим из горевших танков, и пехоте, до которой было еще далеко. Связь не работала, и я послал бойца на батарею. Трофейный МГ-42 раскалился. Кажется, кого-то из немцев я достал. Но в нашу сторону потянулись пулеметные трассы. Пули крошили кирпич, потом начали взрываться мины. Разведчика, сидевшего в развалинах, метрах в семи от меня, накрыло прямым попаданием. Ни фамилии, ни имени не запомнил, сколько лет прошло. Осталось в памяти, как вытаскивал из кармана гимнастерки документы, фотографии, стараясь не глядеть на живот и ноги, превращенные в месиво.

— Уходим, Алексей! Убьют! — уговаривал меня единственный уцелевший разведчик, молодой круглолицый парень.

Он был прав. Но я знал и другое. Бросать наблюдательный пункт без приказа нельзя. Трибунал, а в этой горячке, может, и сразу расстрел.

— Нельзя! Нельзя! — бормотал я, выглядывая из-за камней.

Три танка горели. Остальные пятились назад. Помню, что одного подбитого «панцера» тянул на тросе «тигр». И оба непрерывно стреляли. Связь с батареей не восстановили, но прибежал посланный мною разведчик и сказал, что Терчук приказал всем срочно отходить на батарею.

— Жуть, что творится, — рассыпая махорку, сворачивал он самокрутку.

Я подобрал пулемет, но разведчик попросил передохнуть и опять повторил, что на батарее творится жуть.

— Слышал уже. У нас тоже не сладко. Глянь, вон...

Он только сейчас разглядел труп, измочаленный, с вывалившимися внутренностями. Пронзительно звенели мухи. Они налетали на мертвечину, не обращая внимания на стрельбу. Мы выкурили на троих «козью ножку» и побежали к батарее. Наверное, вовремя. Потому что снова полезли танки.

Позиция батареи представляла из себя груды земли, камней, искореженного железа, множество стреляных гильз. Два орудия были разбиты. Но два уцелели. Из полугрузового «виллиса» сбрасывали ящики со снарядами, нисколько не заботясь, что они могут рвануть. Свалив последний ящик, «виллис» понесся прочь как ошпаренный, только шины завизжали. На батарее пахло едкой гарью взрывчатки, разлагающимися человеческими внутренностями и кровью. Я навсегда запомнил эти запахи в вагонах санитарного поезда, когда помогали разгружать тела живых и мертвых.

— Алексей, станешь наводчиком ко второму орудию.

— Есть.

Народу на батарее хватало. Далеко не каждый осколок находит свою жертву. Но опытных наводчиков было мало. Прибывший недавно младший лейтенант, командир огневого взвода, видно, опыта не имел. Он растерянно топтался в своей командирской гимнастерке со звездочками, а я запоздало спросил про своего друга Гришу Селезнева.

— Убили Гришку, — сказал кто-то из бойцов. — Вон там лежит.

Я шагнул было глянуть, но Терчук прикрикнул:

— Куда? А ну, на место. Ты теперь замкомандира орудия.

И пошел к оцарапанной осколками зенитке с обгоревшей от быстрой стрельбы краской. Не скажу, что меня сильно потрясла смерть Гриши Селезнева. Конечно, я его жалел, но у меня просто не было времени думать о нем. И еще я с тоской размышлял, что вряд ли останусь в живых сам. И торопливо сортировал снаряды.

— Подкалиберные береги! — посоветовал мне пожилой подносчик. — Их всего шесть штук.

— А бронебойных?

— Пока хватит. Осколочных и фугасных — тоже. Ты гля, как «тигр» раздолбали!

Мне показалось, что подносчик хорошо выпивши. Мелькнуло: «Откуда на батарее спирт?» А не все ли равно. Угловатую громадину «тигра» раздолбали от души. Видимо, долго не хотел умирать этот зверь. Массивную башню подбросило взрывом боеприпасов, но не скинуло на землю, а лишь сдвинуло и развернуло. Люк командирской башенки был скручен, как листок бумаги, а левая гусеница и передние ходо-

вые колеса были выбиты несколькими попаданиями. «Тигр» и сейчас продолжал дымить. Всего огнем трех батарей было сожжено четыре танка и разнесен бронетранспортер.

Я успокаивался, расставляя людей. Младшего лейтенанта Терчук послал командовать отделением бронебойщиков и пулеметчиков (два ПТР, «максим» и трофейный МГ-42). Офицер обрадовался, что снова при деле, и углублял окопы метрах в тридцати от орудий. Мне кажется, этот старательный лейтенант был хороший парень. Исполнительный и нетрусливый. Но возле орудий нужны были не командиры (хватало и Терчука), а опытные наводчики и заряжающие, прошедшие школу Ленинградского фронта.

Снова открыли огонь минометы, и комбат дал команду расчетам укрыться в отсечных ровиках. Возле орудий осталось по два человека, в том числе и я. Мне было восемнадцать. Как и большинство своих сверстников, я не верил в смерть. Кого-нибудь, но только не меня! И все же страшно сидеть у панорамы, пригибаясь при каждом взрыве. Потом снова пошли танки. Сколько, не могу сказать точно. Они вылетали камуфляжной лентой с двух направлений. Мы открыли огонь.

«Тигр»! Тот, второй, который уполз. Бронебойный снаряд ушел поверху. Второй ударил в «подушку» орудия и высек сноп искр.

— Подкалиберным надо! — кричали над ухом.

Командир орудия приказал целиться в основание башни. Я выстрелил, и снова сноп искр из массивной «подушки». Затем ударил немец. Он взял низковатый прицел, а может, его сбили другие орудия.

88-миллиметровый осколочный снаряд врезался в траншею, где сидел младший лейтенант со своими противотанковыми ружьями и пулеметами. От сильного взрыва на несколько секунд заложило уши. Сверху посыпались комья земли, ошметки чего-то мягкого, скрученный кусок ружья.

Мы всадили в «тигр» штук семь снарядов, но даже подкалиберные застревали в броне. Мы не могли нащупать нужное место. Все же что-то повредили в этой махине, и она, выпуская снаряд за снарядом, отползала назад. Вперед вырвался старый знакомый Т-4. Ему врезала по ходовой части соседняя батарея (тоже два побитых орудия), а затем добили мы. Сноп пламени отбросил башню вместе с пытавшимся выбраться танкистом.

Танки, описывая зигзаги, шли в лоб, а сверху продолжали сыпаться мины. За прицел первого орудия сел капитан Терчук. Это был критический момент боя. Кто кого! Терчук вбил снаряд в передок танка. На соседней батарее вместе с грохотом взорвавшихся боеприпасов закувыркался, давя людей, массивный ствол с казенником и откатником. Все кончилось както вдруг. Немцы прекратили атаку, оставив еще три подожженных танка. Взрывались боеприпасы, убегали уцелевшие танкисты, а наши орудия всаживали в них, в битые танки, бронетранспортеры снаряд за снарядом. Бронебойные, осколочные — все подряд.

Мы были как чумные. Отравленные ядом сгоревшего пороха и взрывчатки, наглядевшиеся, как гибнут наши товарищи. Снаряды не пощадили даже мертвых. Тела, уложенные в ряд и накрытые плащпалатками во время передышки, разбросало метров

на десять. В месиве разорванной плоти невозможно было определить, кому что принадлежит.

У нас осталось всего одно орудие. Второе перевернуло взрывом, согнуло ствол. Кругом лежали трупы, полузасыпанные землей и щебнем. Последняя атака обошлась нам дорого. Помню, меня поразило обилие ботинок, в которые были обуты большинство зенитчиков. И пустых, и с оторванными ступнями. Мне объяснили, что ботинки срывает от сильного удара взрывной волны. И, как правило, тело человека такого удара не выдерживает. Ломается, умирает...

Пошел дождь, смывая с нас копоть и грязь. Было легче копать могилы. Среди погибших я с трудом узнал своего дружка, Гришу Селезнева. Сколько мы тогда похоронили людей? Человек двадцать пять закопали и поставили пирамидку со звездочкой, сколоченную из снарядных ящиков. Сорок с лишним раненых отправили в санбат. Вечером ели перловку с говядиной, селедку и поминали погибших. Водки хватало. Привезли на полный состав батареи, а нас и половины не осталось. Очень жестокий был бой. Может, самый жестокий за всю мою войну.

В Шяуляе мы простояли долго. Несколько месяцев. Танки на нас так отчаянно больше не лезли. Вскоре нам заменили разбитые орудия, рядом окопалась пехотная часть со своими пушками и минометами. Стало веселее. Хотя сыпались на нас снаряды и мины, но разгуляться немцам не давали. Сразу открывали ответный огонь.

Врезался в память один эпизод незадолго до моего девятнадцатилетия. Однажды я выбирал позицию для наблюдения и вышел на поляну среди кустов. Про-

шел, не глядя под ноги, несколько метров и оцепенел. Вся поляна была усыпана противопехотными минами, которые лежали в траве буквально впритык друг к другу. Наступишь на одну, и сразу от детонации начнут рваться соседние. Поляна сразу превратится в огненный вулкан, уцелеть в котором просто немыслимо. Видимо, немцы рассчитывали, что какое-то наше наступающее подразделение наткнется с ходу на этот смертоносный пятачок. Потери были бы большие. Тем более кроме мин там, скорее всего, были установлены и мощные фугасы, рассчитанные на танки. Весь мокрый от пота, я кое-как выбрался с минного поля, доложил о находке начальству. Затем долгое время я невольно глядел себе под ноги. Этот минный «пирог» снился мне потом не одну ночь.

Линия фронта продолжала оставаться на месте до октября 1944 года. Немцы подтянули имеющиеся силы и отражали удары наших войск. Бои то затихали, то начинались вновь. Фрицы понимали шаткость своего положения. Мощный удар, и сто с небольшим километров до побережья Балтики наши танковые корпуса пройдут за считаные дни. Под угрозой окружения оказалось большое количество немецких частей: группа армий «Север» и оперативная группа «Нарва». Но глубоко заглядывать в стратегию нам бы никто не дал. Мы просто продолжали удерживать литовский город Шяуляй.

Меня снова вернули в разведку и дали приказ оборудовать вместе с минометчиками наблюдательный пункт. Выбрали место метрах в пятистах от батареи. Мы догадывались, что на позиции предстоит находиться долго и оборудовать ее надо как следует. В раз-

рушенном двухэтажном доме устроили наверху наблюдательный пункт. Укрытие и место для отдыха — в подвале. Наступил сентябрь, ночи стали сырые и холодные. Притащили из ближних развалин несколько пружинных матрацев, кое-какое уцелевшее тряпье, набрали сухой травы. Принесли массивную крышку от круглого стола, взгромоздили ее на кирпичи, а на стену повесили календарь за тридцать девятый год.

Первая же попытка растопить самодельную печку, даже в сумерках, сразу выдала нас. Полетели восьмидесятимиллиметровые мины, в нескольких местах обрушилась стена. Мы выследили немецкую батарею, и по ней открыли огонь минометчики. Немцы понесли потери и укатили на тележках оставшиеся минометы. Но и наш наблюдательный пункт засекли. Из-за груды развалин выкатила самоходная установка «Артштурм» и выпустила десяток снарядов по дому.

Второй этаж обрушился. Наши разведчики успели выскочить, а минометчика завалило обломками. Самоходка исчезла так же быстро, как и появилась. Мы кое-как откопали тело солдата, во дворе дома появился холмик со звездой на металлическом стержне. К сожалению, не последний. Менять довольно надежный подвал мы не хотели, а наблюдательный пункт перенесли на чердак каменного флигеля. Ничего более подходящего не нашли. Стояла метрах в ста пятидесяти кирпичная труба с отбитым верхом, но по ней лупили из пушек все, кому не лень, подозревая, что там находятся наблюдатели.

К нам подселили трех человек из взвода разведки гаубичного дивизиона. Ребята оказались веселые, простые, мы быстро сдружились. Стало легче дежу-

рить по ночам, когда шастающие по городу немецкие разведгруппы могли напасть в поисках «языка». Держали оборону на своей позиции мы не зря. С чердака выгоревшего флигеля мы просматривали довольно большую территорию. Помню, немцы установили ночью четыре тяжелых шестиствольных миномета и открыли огонь по нашим. Гаубичники удачно скорректировали свои шестидюймовки и обрушили на батарею осколочные снаряды. Утром, рассматривая перепаханную землю и груды кирпича, мы с удовлетворением отметили, что, по крайней мере, два «ишака» (их называли так за характерный воющий звук мин) разбиты. Трупы немцы, как всегда, забрали с собой.

На наблюдательном пункте я лишний раз убедился, насколько близки жизнь и смерть на войне. Старший из артиллеристов гаубичного дивизиона, лейтенант, единственный офицер среди нас, никогда не кичился своими звездами, орденом Отечественной войны и не лез командовать. Ему приходилось каждый день ходить на доклад к своему начальству. Была ли в этом необходимость? Вряд ли. Город, в котором идут бои, — не лучшее место для прогулок. За харчами мы ходили по очереди, раз в день, когда темнело. Заодно докладывали обстановку, хотя связь действовала постоянно.

Однажды, возвращаясь с харчами, я попал под сильный минометный обстрел. Меня спасло то, что я бросился в лужу, термос на спине вспороло осколком. Немного полежав, я пополз на НП. Меня чуть не добил снайпер, промахнувшись на полметра. Уже рассвело, но я понимал, что медлить опасно. Оставшиеся метры пролетел одним махом, вторая пуля за-

поздало ударила под ноги. Я предупредил ребят насчет снайпера, и мы все посоветовали лейтенанту пореже ходить на доклад. Он согласился, но поступил по-своему. Наверное, хорошая оптика у гада-фашиста была.

Лейтенант, тяжело раненный в грудь, все же дополз до НП. Боец, кинувшийся к нему на помощь, был тоже ранен. Вызвали артиллерию и шарахнули наугад из гаубиц и минометов по возможным укрытиям снайпера. Попали или нет — неизвестно, но тот угомонился. А во дворе дома появился второй бугорок — лейтенант истек кровью.

Получил благодарность от командира дивизиона за то, что вовремя подал сигнал о налете вражеских самолетов. Шестерка «Юнкерсов-87» под прикрытием истребителей шла низко. Дивизион их встретил огнем. Поврежденный «юнкерс», дымя, делал круг, разворачиваясь назад. Из окопов, из развалин по нему лупили из всех стволов. Добили. Он рухнул на нейтралке, и рядом упал летчик, который успел выпрыгнуть, но не сумел раскрыть парашют.

В другой раз я наткнулся на немцев. Их было двое. Спасло то, что держал автомат наготове. Как чувствовал. Ударил длинной очередью и свалил фрица. Второй отбежал и, спрятавшись за грудой кирпичей, открыл по мне огонь. Немецкие разрывные пули — поганая вещь. По-моему, в войну только немцы ими и пользовались. Попадет в живот, ни один хирург не заштопает. Я в горячке выпустил весь диск, вставил запасной. Ко мне на помощь прибежал разведчик из моего отделения:

— Леша, прижимай его очередями, а я обойду с фланга.

Так и сделали. Немец не выдержал и побежал. Мы стреляли ему вслед, но, видимо, торопились. Он убежал. А я подошел к мертвому. Это был первый немец, чье лицо я видел. Смуглый, в прорезиненной куртке, с автоматом. Автомат и документы забрал. Терчук сказал, что напишет представление на «отвагу» и за самолет, и за тот бой с танками. Может, и написал, но медаль «За отвагу» я так и не получил. Тем более вскоре Терчук принял дивизион, и ему стало не до меня, одного из десятков сержантов дивизиона.

В начале октября наша часть двинулась на запад, к Балтике. Прижатые к морю немцы предпринимали отчаянные контратаки. Немцы всегда берегли своих солдат, но здесь, недалеко от побережья Балтики, атаки уже обреченных частей вермахта были яростными до бессмысленности.

Мне пришлось видеть наступление, которое вела, наверное, целая дивизия. Шли танки, штурмовые орудия, бронетранспортеры, пехотные цепи. Я видел сражения, где перемалывались наши полки и дивизии, и вот пришлось наблюдать, как уничтожают немцев. Взрывы снарядов и мин покрывали огромное пространство. На штурмовку проносились над головами наши «илы», выпуская серии реактивных снарядов, пушечные и пулеметные трассы. Возвращались на дозаправку, а на смену их летели новые эскадрильи. Шли танки, проламывая ряды немецких бронированных машин.

Вела огонь наша батарея. Люди задыхались от дыма и порохового угара. Обматывали лица мокрыми тряпками. Каждый командир орудия сам выбирал

себе цель. Меня снова поставили наводчиком. Запомнилось, как приземистое штурмовое орудие, с короткоствольной пушкой сумело прорваться вплотную к батарее. На броне были отчетливо видны вмятины от снарядов, но самоходка продолжала двигаться и стрелять. Снаряд разметал расчет соседнего орудия. Самоходка крутнулась в нашу сторону. Расстояние не превышало восьмидесяти метров. Мы выстрелили одновременно, но слишком спешили. Наш снаряд прошел мимо, а немецкий фугас взорвался в дальнем конце окопа, разметал на куски одного из подносчиков, сбил нас взрывной волной. Нас спас уцелевший командир соседней зенитки. Пока мы поднимались, он выстрелил и попал в броню над пушкой. Оглушил экипаж. А мы от пережитого страха действовали как автоматы. Хоть и контуженые, оглохшие, кровь из носа и ушей, но снаряды выпускали один за другим. Раздолбали, взорвали самоходку, и убегавшему немцу под ноги снаряд влепили. Он метров пять прополз и замер, а рядом самоходка, как факел, горит. Никто из этого «артштурма» не уцелел. Весь фрицевский экипаж накрылся. А мы после боя для своих погибших братскую могилу копали. Какую по счету? Не вспомнишь.

В январе сорок пятого был взят Мемель. Позже его переименовали в Клайпеду, а как называется город сейчас, не знаю. Литовцы сделали все, чтобы исчезла память о наших солдатах, погибших в войне с фашизмом. В Мемеле мы опять вступили в бой с отступающими немецкими танками, бронетранспортерами, пехотой. Несли потери, хоронили товарищей.

Я был свидетелем, как из порта торопливо уходили последние корабли. Отход прикрывали эсминцы, возможно, крейсера (я не очень разбираюсь в классификации кораблей). Видел, как наши штурмовики сбрасывали тяжелые бомбы на транспорты, набитые войсками. «Илы» бросали тяжелые бомбы с небольшой высоты, почти в упор. Если один промахивался, то второй обязательно попадал. На моих глазах утонули пять или шесть немецких транспортов. Море было усеяно обломками, спасательными плотами, барахтающимися людьми. В ледяной воде Балтики они быстро погибали. А самолеты звеньями шли к горизонту, догонять другие транспорты. Потери на воде немцы несли огромные.

Мы снова рыли окопы для орудий, нам непрерывно подвозили снаряды. В тот период я уже отчетливо представлял конец войны. Наши бомбардировщики в сопровождении истребителей, волна за волной, группами по 50—60 самолетов летели на юг в сторону Германии. Самолеты шли с утра до вечера через каждые полтора-два часа. Я чувствовал гордость за нашу армию, представляя, что творится там, где самолеты сбрасывают свой смертоносный груз. Может, чувство мести не лучшее в человеке, но я не испытывал никакой жалости к людям, которые были обречены погибнуть под бомбами. Слишком много страшного я, девятнадцатилетний мальчишка, нагляделся на войне. Наверное, никогда не забыть, как в 1942 году за школьниками и женщинами гонялись «мессеры», когда мы рыли окопы.

Немецкие летчики пишут мемуары. Знаменитый ас фашистской Германии Эрих Хартман, обласканный Гитлером, а позже возведенный в «рыцари» некоторыми американскими историками, и прочие подобные ему герои, наверное, никогда не признались бы, что гонялись на своей мощной технике за детьми и женщинами. Развлекались? Или плюсовали к своей бухгалтерии якобы убитых русских солдат и командиров? Только военных среди нас не было. Для таких «рыцарей» мы были не более чем букашки. Раздавил и полетел дальше. И аппетит, наверное, хуже от этого не стал.

Но возвращусь к Мемелю. Наши самолеты шли добивать фашиста в его логове, как писали тогда газеты, но потери несли большие. Я снова был в разведке, все время следил за небом и заранее угадывал приближение наших возвращающихся самолетов. И моторы работали совсем по-другому, некоторые с перебоями. Шли уже не сплошным ровным строем, а сильно поредевшей группой. Тянулись поодиночке поврежденные машины. Зенитная артиллерия у немцев была сильная, и потери наши самолеты несли до самого конца войны. Я видел это своими глазами.

Ну, что еще добавить? Я прошел Прибалтику, там встретил Победу, как следует отметил ее с однополчанами. Как к нам относилось местное население? По-разному. В городах — неплохо, в селах — хуже. Помню, как уже после войны, в сорок шестом году, пошел в Каунас покупать сигареты. Недавно прошли выборы, итогами которых литовцы были, конечно, недовольны. Хозяин лавки, подавая мне папиросы, зло пробурчал:

— Убирались бы вы домой, в Россию!

Ну что ж, его мечта через 45 лет исполнилась.

Я же прослужил еще два года в Туркмении и в 1948 году демобилизовался в звании сержанта. Наградами нас сильно не баловали. Получил я медаль «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и позже — орден Отечественной войны. Считаю, что особых подвигов не совершил, просто выполнял свой долг. А погибнуть мог десятки раз. Повезло. Осколки и пули пролетали мимо. Судьба. А может, крепко молилась за меня мать.

Как живу сейчас? В общем, нормально. Квартира со всеми удобствами, военная пенсия, льготы, как участнику войны. Сын отслужил в армии, ушел в отставку подполковником. Помогает нам. Может, не все нравится мне в современной жизни. Разбазаривание страны, преступность, воспитание молодежи. Но я уверен, что плохое всегда когда-то кончается, и Россия будет сильной и богатой, справедливой страной.

СВЯЗИСТ, БРОНЕБОЙЩИК, ПЕХОТА...

Я был связистом, бронебойщиком, а после войны строил сталинский канал «Волго-Дон».

Шабалин С.М.

Степан Михайлович Шабалин — один из рядовых солдат Великой Отечественной. Война обернулась для него не только двумя тяжелыми ранениями, но и всеми тяжестями службы рядового бойца Северо-Западного фронта. Он прокладывал под огнем связь в лесах и болотах. Отражал танковые атаки с бронебойным ружьем в руках. Сам не раз ходил в атаку, вступая врукопашную с врагом.

Тридцать лет он служил в пожарной части, закончив службу на скромной должности старшего сержанта. Я всегда уважал Степана Михайловича за доброту и рассудительность. Перед вами дорога рядового Шабалина через войну...

Родился в селе Гондарево, Глазовского района Удмуртской АССР, 28 января 1924 года. Отец и мама — колхозники. Детей в семье было пятеро. Четверо сыновей и дочь.

Я был самым старшим. Закончил шесть классов и пошел работать в колхоз. Продолжать образование возможности не было. Заработков не хватало.

Расскажу немного про наше довоенное житье-бытье. Денег в колхозе тогда не платили, а раз в год, осенью, мы получали в зависимости от «палочек-трудодней» и урожая оплату за весь год. В среднем на каждого из трех работников (отца, маму и меня) приходилось килограммов по 120—150 необмолоченного зерна, в основном ржи, и воз-два соломы для скота. Зимой колхоз тоже подбрасывал немного соломы. Вот и все заработки.

Прожить на эти трудодни семье из 6—7 человек было невозможно. Помню, что половину своего приусадебного участка мы засевали ячменем, сажали много картошки (второй хлеб!), овощи: капусту, свеклу, репу, огурцы. Сушили связками грибы, которых в наших лесных краях хватало. Ну, а живности держали немного: корову, свинью, две-три овцы, десяток кур, трех-четырех гусей.

Больше не разрешали. Не хватало кормов, да и налоги били крепко. Корова отелится, а родители уже думают, куда теленка девать, потому что буквально через месяц явится учетчик, и придется за теленка платить налог, как за взрослую корову. По этой же причине и свиней до полного веса не выращивали. Мясо ели в основном по праздникам. На зиму резали пару овец. Отец делал подобие мешка из нутряного сала и набивал его кусочками соленой баранины. Мясо сохранялось несколько месяцев. Мама клала его вместе с жиром в суп или щи — считай, праздник!

Хлеб пекли в домашней печи. Вкусный, хороший хлеб. Но ближе к весне приходилось разбавлять ржа-

ную муку ячменной, и хлеб становился жестким, невкусным. В общем, жили, как повсюду в России. Друг другу помогали, а замков в нашем селе в те годы отродясь на двери домов не вешали. Если все куда-то уходят, палочку в щеколду вставят, вот и весь замок. И праздники отмечали, и молодежь на гулянки собиралась. Нормально жили, если не ныть. Кстати, спиртным в селе не баловались. Выпивали в основном по праздникам, иногда в воскресенье, если работы немного было. Пили в основном брагу, реже — самогон и совсем редко водку.

Вспоминаю и думаю: нормальная жизнь была, если только тяготы да нехватки без конца не вспоминать. А тяготы нам еще предстояли. Такие, о которых и не гадали...

Война обрушилась внезапно. Мы, мальчишки, радовались, как дурачки, мечтали: будем фашистов бить, ордена зарабатывать. А матери навзрыд плакали. С первых дней взрослые почувствовали, что долгой и страшной будет война и многие с нее не вернутся. А вскоре пошли похоронки.

Меня должны были забрать в армию по возрасту в начале 1942 года, но я и еще несколько десятков ребят и мужиков из окрестных деревень работали на строительстве железнодорожного моста через реку Сэпыч. Я возил на подводе гальку, песок, продукты, суп, кашу в термосах. Считался нужным работником, хоть и стремился на фронт. Мост был важным военным объектом.

В армию я был призван, как значится в моей красноармейской книжке, 9 октября 1942 года. Может, эти месяцы и спасли мне жизнь. Сколько моих ровесников погибли в страшной мясорубке сорок второго

года, во время бездарного наступления под Харьковом маршала-героя Тимошенко в компании с будущим главой страны Хрущевым. И позже сотнями тысяч погибали солдаты и командиры во время отступления на юг, к Дону, к Кавказу, в битве за Сталинград.

В ноябре 1942 года наш эшелон прибыл в город Свердловск (ныне Екатеринбург). Нас стали учить на связистов. Скажу, что учеба была организована хорошо. Мы, две учебные роты, занимали двухэтажную казарму. В шесть — подъем, зарядка, завтрак и до обеда занятия в поле или учебном классе. Учились премудростям полевой телефонной связи, без которой не может существовать ни одно подразделение.

Вроде простая вещь — стоят столбы вдоль дороги, на них изоляторы и нити проводов. Но не так все просто оказалось, когда сами за работу взялись. Теорию прошли, давай практику! Пилы, топоры, ломы, кирки, лопаты. Лес большой, выбирай нужную сосну, ошкуривай. Помню, первый столб поставили, а сержант, командир отделения, его плечом поддел и свалил. Надо яму глубже рыть, второй столб-подпорку проволокой прикрутить и трамбовкой изо всех сил мерзлую почву уплотнять.

Мороз под тридцать, а от нас пар валит. Кажись, нормально. Кажись...

— А ну, качните, — скомандовал сержант.

Качнули. Как гнилой зуб, наш столб шатается, а у нас сил нет. Темнеет.

— Ладно, одевайтесь. Завтра не уйдете, пока как следует не сделаете.

Вот так и учились. Протянули линию. Теперь изоляторы ввинчивать. Кто из мальчишек не помнит, как электрики на «кошках» по гладкому столбу взбирают-

ся? Полминуты — и он наверху. А у нас слабо получается. Соскальзываем, пыхтим. Кто нос разобьет, кто метров с четырех шмякнется. Ведут бедолагу в санчасть. Залеживаться не давали. Через день-два снова лезь. Потом учились в мерзлое дерево изоляторы ввинчивать, тянуть линию. Движок на две роты имелся. Учились контактной сварке. Ну, и полевую связь постигали. Катушка с полпуда на спине, и дуй вперед. Обрыв! Зачищай лежа концы и дальше иди. Или ползи. Смотря какая задача и где ты по учебному плану находишься. На «передовой» только ползком.

Два раза в неделю — стрелковая подготовка. Винтовку Мосина, нашу знаменитую трехлинейку, мы изучили до винтика. Пару раз в месяц ходили на стрельбище. Обычно выдавали по три патрона. Большинство ребят стреляли и владели штыком неплохо. Никакого другого оружия мы не изучали. Уже на фронте я познакомился с автоматом ППШ, пулеметом Дегтярева, трофейными автоматами.

Кормили хоть и однообразно, но голодными мы не ходили. На завтрак — картошка или суп, ломоть хлеба и сладкий чай. На обед — щи, суп с кусочками мяса или консервированной рыбой и каша: перловая, ячменная, пшенная. Ну и ужин — суп или каша, чай.

Очень много времени тратили на изучение уставов. Там надо было многое запоминать, зазубривать наизусть. А мы даже название уставов забывали. С утра учеба вроде ничего шла, а если после обеда, то засыпали. Один носом клюнул, второй, глядишь, уже полвзвода спит, аж похрапывают. Вдруг громкая команда:

— Взвод, смирно!

Мы вскакиваем сонные и выслушиваем нотацию,

что без уставов ни одна армия существовать не может. Но преподаватели не злые были. Обычно без нарядов обходилось. Выговорят и просят:

— Не спите, ребята! Не дай бог начальство заявится. Неприятностей не оберешься.

Мы понимали своих учителей. Большинство в возрасте, семейные, хватнули войну и снова на передовую не рвались. Если начальство увидит, что не справляется, могут с любым выпуском в маршевую роту включить. Из-за этого некоторые из шкуры лезли. Попозже расскажу, что получилось.

Занимались с нами строевой подготовкой (как мы ее не любили!), и, конечно, велась постоянная политучеба. Много вопросов возникало у нас, простых деревенских парней: почему отступили до Волги, почему немцы столько городов взяли? Но политработников не зря в армии держали. На все имелось объяснение. И вероломство Гитлера, и происки буржуазии. А главное: «Наше дело правое — мы победим!» А тут как раз победа под Сталинградом. Десятки освобожденных городов, разгромленная и взятая в плен 6-я немецкая армия во главе с фельдмаршалом Паулюсом.

Фраза «разгром немцев под Сталинградом» мелькала на страницах всех газет, в кинохронике, которую нам показывали. Гитлер на Волге крепкую оплеуху получил. Не зря три дня траур по всей Германии справляли. Мы искренне радовались нашему мощному наступлению, смертоносному огню «катюш», огненные стрелы которых застилали все небо. И знаменитые «тридцатьчетверки» мчались вперед, поднимая клубы снежной пыли, и колонны оборванных немецких пленных гнали на восток.

Если вспомнить учебу, то учили и воспитывали нас крепко. За эти пять месяцев мы почувствовали себя солдатами. Одни караулы чего стоили! Винтовка со штыком, десять патронов, пароль, отзыв. Лес, темнота, мороз трещит, а ты ходишь с трехлинейкой на изготовку и несешь полную ответственность за склады со снаряжением, боеприпасами, продовольствием. За безопасность своих товарищей, спавших в казарме.

Не знаю, как где, но у нас случаев сна на посту не было. О таком даже подумать боялись. Понимали, что это не зубрежка уставов, а самая настоящая боевая служба. Хотя всякое случалось. Был в учебке ушлый лейтенант, ко всем придирался. А его взводу мы не завидовали. То в столовую по три раза гоняет, мол, поют в строю плохо, то строевой в свободное время заставлял свой взвод заниматься. Хотел, чтобы начальники его старательность оценили.

Однажды ночью лейтенант заговорил зубы караульному и отобрал обманом винтовку. Невелика заслуга деревенскому парню лапши на уши навесить. Вызвал дежурного, поднял шум, крепко досталось начальнику караула и командиру взвода, где состоял курсант. Но командиру учебного полка, пожилому полковнику, кажется, это не понравилось. Курсанту влепили суток трое «губы» и объявили строгий выговор на комсомольском собрании. А лейтенанта полковник якобы не только не похвалил за служебное рвение, а выговорил, вроде того: «Нельзя с молодыми бойцами такие штучки затевать. Они на посту, а оружие не игрушка».

Как в воду глядел полковник. Спустя недели две разводящий сержант, проверяя посты, перепутал от-

зыв. Вместо слова «затвор» сказал «курок» или что-то вроде этого. Красноармеец, крепко накрученный на бдительность и видевший позор своего товарища, передернул затвор и заставил разводящего со сменщиком брякнуться лицом в снег. Сержант стал выкрикивать правильный отзыв, но возле его шапки раскачивался начищенный трехгранный штык. Вызвали начальника караула, да не сразу его нашли. Взбешенный на салагу сержант пытался вскочить, но ударил предупредительный выстрел. В общем, шума было куда больше, чем в первый раз. А того лейтенанта, который своими хитростями всю кашу заварил, с первой же группой выпускников отправили из учебного полка в другое место.

Всякое за пять месяцев случалось. Но больше по мелочам. То драка из-за какой-то ерунды, то старую шинель на новую поменяют. Впрочем, нового у нас ничего не было. Все обмундирование — б/у. Потертые шинели и гимнастерки, некоторые даже с заштопанными дырками от пуль и осколков. Ботинки поношенные, с обмотками. Но белье выдавали двойное, хорошие трехпалые рукавицы и гоняли так, что мы от холода не страдали.

Ребят многих я долго помнил, но время свое берет, имена и фамилии подзабыл. Тем более раскидали нас по разным местам.

В апреле 1943 года мы закончили учебу. Пять месяцев учились. Вот ведь какая непростая штука — связь. Позже, на фронте, мы это хорошо поняли. Пять-шесть месяцев артиллеристов и танкистов учат. Тем, кто постарше и с образованием, присвоили сержант-

ские звания, а большинство выпустили рядовыми, как и меня.

Я попал в отдельный батальон связи, недалеко от Ленинграда. Часто меняя дислокацию, мы оставались в основном в 5—10 километрах от линии фронта. Работы для нас было много. Порой ночь и две не спали. Прикорнешь на пару часов, вот и весь сон. Кроме знакомых телефонных столбов, занимались установкой и обслуживанием шестовой связи («шестовки»). Если объяснить проще, изготовляли двухметровые колья с металлическими наконечниками, с изоляторами наверху, и крепко втыкали их в землю в безлесной и болотистой местности строго по азимуту. Как я понимал, обеспечивали систему связи между полками, дивизиями, отдельными подразделениями.

Что можно вспомнить из того периода? В январе сорок третьего года была прорвана блокада Ленинграда, но ожесточенные бои на нашем, северо-западном направлении шли непрерывно. Обстрел передовых и вспомогательных частей шел постоянно. Не говоря о многочисленных немецких полевых пушках, по нас вели огонь и шестидюймовки, и 173-миллиметровые дальнобойные орудия, швыряющие снаряды весом 70 килограммов.

Мы несли постоянные потери. Конечно, не такие, как на передовой, но ощутимые. Многочисленные линии связи, которые мы обслуживали, часто нарушались во время обстрелов. Обычно по двое или по трое с винтовками, гранатами, инструментом, запасом кабеля мы шли искать повреждения. И вдоль дорог, и в лес, и в болото.

Особенно напряженно чувствуешь себя среди за-

мерзших пустынных болот или в глухом лесу. Немецкие группы нередко просачивались через линию фронта, погибали наши связисты, некоторые пропадали без вести. Идешь и настороженно смотришь по сторонам с винтовкой на изготовку. Мальчишки ведь! Мне всего девятнадцать в январе сорок третьего стукнуло.

Помню, однажды, в конце весны, когда снега почти не осталось, послали двух связистов восстановить замолкшую связь. Время идет, а они не возвращаются. Послали командира отделения и меня. Углубились в лес и видим два тела. Наши! Мы их по катушкам на спине угадали. Лежат неподвижно, на подтаявшем снегу пятна крови. Мы сначала подумали, что на засаду ребята нарвались. Сняли винтовки с предохранителей, патроны уже в стволе, гранаты приготовили и вертим головами по сторонам, ищем немцев. Тихо вокруг. Подождали минут пять, пальнули пару раз в кусты и осторожно приблизились к убитым.

Трупы уже закоченели. Меня словно обухом по голове. На фронте еще новичок, не привык к смерти. А тут сразу двое ребят из нашего взвода. Запомнил белые бескровные лица, у одного обмотка размоталась, и серой трехметровой лентой тянется. Осмотрелись кругом, поняли, что попали они под артобстрел. В лесах много подразделений стояло, ну, немцы и долбили, когда по данным воздушной разведки, а когда и наугад. Три воронки уже талой водой заполненные, а четвертый снаряд в сосну ударил, метрах в двадцати от наших.

Одного погибшего я хорошо знал, Василием звали. Из-под Костромы. Осколок попал ему в затылок. Из

шапки торчали пропитанные кровью лохмотья. Другой боец, чернявый, маленький, получил несколько ранений. Пытался ползти, да так и замер навечно. Мы срастили перебитый провод, забрали документы, оружие и поплелись в роту. Молча. Погибших на следующий день похоронили.

Одновременно мы учились, осваивали новую технику. Однажды после учений возвращались голодные. Почти бежали в сторону полевой кухни. А в тот период из Ленинграда по пробитому «коридору» выводили гражданское население. Смотрим, стоит у нашей кухни длинная очередь изможденных людей: мужчины, женщины, дети. Подставляют кастрюльки, котелки. Наш повар черпаком наливает им мясной суп — наш обед. Посмотрели мы на этих усталых, голодных людей, и взводный скомандовал:

— Пошли назад. Чего глаза лупить? Пусть люди едят. Вон тощие какие.

С кормежкой под голодным Ленинградом туго было. Всегда есть хотелось. Зимой все перемороженное: картошка, капуста. Бывало, из убитых лошадей похлебку варили. Варишь ее час, второй, пена темная идет, а мясо, как резина. Ребята голодные, торопят «повара»:

— Давай быстрее! Горячо сыро не бывает.

Однажды с жадности отделением бак из-под молока, полный такого старого мяса, съели. Без хлеба, соли. Когда, не жуя, последние куски заталкивали, испугались — вдруг заворот кишок случится. Обошлось. Болели мы тогда редко. А столько мяса больше никогда не доставалось. Если что добудем, старшина

поделит на крошечные порции, чтобы всем хватило. Запиваем для сытости кипятком, да еще если по самокрутке... Хорошо!

В конце сорок третьего года, в один из дней, война показала нам, чего стоят наши жизни. На рассвете немцы бомбили автоколонну. Нас подняли по тревоге. Отправились группой во главе с взводным лейтенантом. Убитых и раненых нам уже достаточно довелось увидеть. Но здесь мы просто опешили. Страшную картину увидели. На укатанной зимней дороге на расстоянии примерно километра стояли наши «полуторки» и ЗИС-5. Штук пятнадцать, не меньше. Одни догорали, воняя резиной. Другие были разбиты вдрызг прямыми попаданиями: мотор да рама оставались. Разнесенные в щепки деревянные кабины, кузова и колеса разбросаны вокруг. Из снега то рука, то нога торчит. Здесь я впервые узнал, как пахнет сгоревшая человеческая плоть. Из ЗИС-5 труп шофера вытаскивают, а он черный, обугленный, чуть больше метра. На сожженном лице белые зубы скалятся. Жутко.

Двое водителей, поотчаяннее, в сосняк через поле рванули. От одной машины обломки вокруг воронки остались, а второй повезло. Шофер и людей вывез, и машину спас. Так нам рассказывали. А самолетов было штук девять. Хватило, чтобы колонну раздолбать и смыться, пока наши «яки» прилетели.

Выжившие укатили в сторону фронта, раненых тоже увезли. Возле не до конца разбитых машин суетились ремонтники: откручивали колеса, разбирали моторы. Десяток бойцов расширяли кирками и лопатами большую воронку, а на обочине дороги лежали

погибшие. Много. Два длинных ряда мертвых — человек восемьдесят, а может, сто. Некоторые тела сильно обгорели, у кого-то руки-ноги оторваны. Повздыхали. Вот она, жизнь солдатская.

Лейтенант нам долго рот разевать не дал. У нас свое дело. Взялись за ремонт связи. Столбы почти не пострадали, если не считать нескольких щербин от осколков. Но провода во многих местах были перебиты осколками. «Кошки», то бишь когти для лазания по столбам, мы уже освоили хорошо. За полминуты на столб взлетали. Исправили повреждения, проверили связь. Работает. Лейтенант забрал большую часть бойцов, а сержанту и троим (в том числе мне) приказал проверить участок связи в лесу. Там что-то барахлило.

Ребята в село двинулись, а мы, четверо, зашагали в лес. День был не очень холодный, но ветреный. Мела поземка. Шли молча, подавленные жуткой картиной, увиденной на дороге. Может, поэтому и немцы нас не услыхали. А первым их увидел боец по кличке Лесник. Высокий, длиннорукий, лучше всех лазавший по столбам. Местность вокруг была болотистая, березки, осины. Лесник топтал тропу впереди всех. Вдруг повернулся и бросился к сержанту. Зашептал:

— Немцы... четверо, кажись.

Мы залегли кучкой, осторожно, чтобы не звякать, передернули затворы. Снегу было сантиметров сорок. Зарылись мы, одни головы торчат да стволы винтовок. Немцы впереди или наша разведка, мы еще не были уверены. До них было метров сто пятьдесят. Шли они тоже четверо, поперек нашего пути, и скоро должны были сблизиться метров до восьмидесяти. По характерному покрою белых курток, стволам автоматов мы

поняли — точно немцы. Сержант собрал несколько гранат и сунул Леснику. Тот рукастый, далеко умел их швырять. Скомандовал:

— Ползи вон туда. Только быстрее. Кинешь гранаты, когда мы начнем стрелять.

Парень кивнул и пополз, оттопыривая зад. Быстро полз, как бульдозер снег разгребал. Я бы так не смог. А мы, трое, выждав несколько минут, залпом ударили по немцам. Если можно назвать залпом нестройный треск трех винтовок. Попали в кого, неизвестно. Немцы мгновенно исчезли среди бугорков и осин. И сразу автоматы затрещали. Сначала длинные очереди, потом короче, но частые. Сержант вовремя команду подал. Сто с лишним метров для немецких автоматов расстояние немалое. Пули идут вразброс, хотя и густо.

— Бей по вспышкам! — услышал я команду.

Выпустил одну обойму, зарядил другую. Разрывная пуля по ветке в метре от меня звонко лопнула. Щеку обожгло. Я невольно головой в снег сунулся. И тут четыре гранатных взрыва — один за другим. Ветки сверху посыпались. А Лесник уже бьет из винтовки, с фланга. И мы лупим, только обоймы менять успеваем. Разглядел я, как двое немцев своего под руки тащат, а четвертый, как горохом, по нас очередями сыпет, своих прикрывает.

Боец рядом со мной вскрикнул:

— Ой, мама... больно!

Я было к нему сунулся, а сержант рявкнул:

— Стреляй! И целься лучше.

В общем, длился весь бой минут десять. Выпустил я свой запас, тридцать пять патронов. Винтовка пу-

стая и подсумок пустой. Потом вспомнил про обойму в левом нагрудном кармане. Вытащил ее и еще пару раз пальнул.

А про обойму в кармане отдельно поясню. Все знают, что солдаты смертные медальоны не любили. Считалось нехорошей приметой свои данные и адрес писать. Вроде как к смерти приготовился. А в роте у нас еще примета была. Все старались левый карман чем-нибудь набить. Книжку красноармейскую с комсомольским билетом, зеркальце металлическое, портсигар — у кого есть. А кто, как я, одну-две обоймы сунет. Понимаем, что защита от пули или осколка слабенькая. Только на войне во все поверишь. И в Бога, которого, как нам говорили, нет. И в чертей.

Закончился бой. Все Лесника хвалят. Он, рискуя жизнью, подполз к немцам и гранатами смял, оглушил их. Кого-то ранил. Потом, вспоминая этот бой, я понимал, что четыре автомата нас бы, в конце концов, достали. Спасибо сержанту, что навязал бой на довольно большом расстоянии, на котором немецкие МП-40, с их максимальной прицельностью 200 метров, значительно теряли свою эффективность. А немца, возможно, тяжело ранил наш сержант. Для трехлинейки полтораста метров — ерунда. Ну, и сыграло свою роль, что это был наш тыл и немцы торопились уйти.

Нашему пареньку пуля пробила ступню, раздробила несколько мелких косточек. Перевязали мы его и под мышки потащили домой. По дороге разболтались, расхвалились, что дали немцам жару. Мы хоть и связь, но фрицам-разведчикам не уступим! Улепетывали вовсю. Ну и накаркали. Несчастливый для нас тот день оказался.

На голоса, не слишком разбираясь, ударили по нас из своего же «максима». Пока мы кричали, матерились да, лежа в снегу, шапками со звездами махали, пулеметчики пол-ленты выпустили. Когда разобрались, подошли, у нас один связист уже доходит, весь белый, и огромное кровяное пятно парит. Две пули в живот угодило. Здесь же и умер. Сержант, старший из пулеметчиков, сказал, что ошибка вышла. Сначала немецкие автоматы стреляли, потом мы появились. Думали, что немцы наступают. До передовой всего три километра. Едва до кулаков не дошло, потом успокоились, перекурили это дело.

Сержант-пулеметчик из боевого охранения стал просить, чтобы мы молчали. Загремит под трибунал, а у него трое детей. Скажите своему начальству, мол, погибший в бою, от немецких пуль скончался. И тело тащить никуда не надо. Пулеметчики похоронят его, как положено. Мы согласились, тем более нам в помощь сержант своего бойца дал — раненого довести. Вот такой несчастливый выдался день. А паренек с пробитой ступней подхватил инфекцию, перенес несколько операций и месяца через три был направлен в тыловое подразделение. В обоз, как тогда говорили.

Часто мы дежурили на временных узлах связи. Наш батальон охватывал телефонными проводами десятки километров. Раций было мало, всего несколько штук. Главная нагрузка ложилась на телефонную связь. Имелись крупные узлы связи при штабах, на артиллерийских позициях, а были промежуточные узлы. Землянка с нарами и печкой, несколько человек связистов во главе с сержантом. Такая группа, время от

времени меняясь, обслуживала определенный участок.

Если кто думает, что жизнь в такой землянке, в стороне от передовой и подальше от начальства, штука приятная, то он глубоко ошибается. Я однажды на таком узле связи с месяц пробыл. Нас четверо было. Крошечная землянка, стол для аппаратов и земляные нары, на которых кое-как умещались трое. Ну, один человек возле аппарата постоянно дежурил. Менялись каждые два часа. Еще требовалось на посту стоять, чтобы фрицы врасплох не застали. Но с постом у нас не очень получалось.

Во-первых, кто-то раз в сутки за махоркой и харчами ходил. Это километров шестнадцать в два конца. По лесу, по болоту, протаптывая в снегу тропу. После такой прогулки с ног валишься. Мороз — плохо, а оттепель — еще хуже. Мы хвойные ветки на полу землянки через день меняли. Вода по щиколотку, а то и выше. Касками и котелками выгребали. А она со стен постоянно струится. Ночью спишь, вдруг под тобой оседает кусок земляных нар. Шлеп в воду! И ты следом. Все вскакивают. Начинаем сушиться, нары укреплять. Однажды пурга двое суток не стихала. Голодные сидели, но сержант никому не разрешил за едой идти. Нельзя. Заблудишься, замерзнешь.

И связь пропала. Сержант сам хотел идти, потом раздумал. Ему было положено на узле постоянно находиться. Послал парня, который вроде из местных был, из города Сольцы. Пошел по проводу и пропал. Сержант меня с собой взял, пошли сольцевского парня искать. Кричали, стреляли, наконец нашли. Он провод из рук выпустил и сразу ориентировку потерял. Отморозил пальцы на ногах, уши, нос. Когда

пурга утихла, я его повел в батальон. Весь опухший, кожа клочьями лезет, из-под нее кровь. В санбат отправили, а замены не дали.

Ну, я думал, что хоть харчей за те дни подкинут, а мне — котелок каши и хлеба полбуханки. Старшина объясняет, что нет подвоза. Я пригрозил, что пойду к ротному. Он еще один котелок перловки насыпал. Не досыта, но наелись. Зима сорок третьего — сорок четвертого голодной была. Ленинград еще в окружении находился.

Однажды, когда мы сильно голодали, сержант предложил выгрести, у кого что есть ценное, чтобы обменять на еду. Вывернули карманы, вещмешки. А что у солдата ценного? Наскребли денег, рублей семьдесят, запасное полотенце, четвертушку мыла, еще чего-то по мелочам. Наш старшой сходил в деревню. Но там голодали не меньше, чем мы. Принес штук десять вареных картошек и кусок соленой трески. Картошку мы смяли в момент, а рыбу покромсали на куски и запихали в три котелка. Едва дождались, пока вода закипит и рыба слегка проварится, принялись жадно запихивать в рот горячие, очень соленые волокна, да еще запивали горьким от соли бульоном.

Сержант сильно не наваливался, видать, в деревне подкормился, а нам сделалось плохо. Отравились солью. Рвало и несло нас, как паршивых щенят. В животе печет, перед глазами мутится. Я догадался, поставил на печку котелки, нагрели воды и тушили эту боль в кишках теплой водой. Промучились всю ночь, а потом упали и заснули. Отошли. Соленую рыбу надо в двух водах варить. Я это знал, но с голодухи забыл. Вот так, без обстрела и пуль, чуть не пропали.

В настоящий переплет наш батальон попал в разгар январских и февральских боев 1944 года. Шел прорыв укреплений, которые немцы за два с лишним года возвели вокруг Ленинграда. 14 января началась мощная артиллерийская подготовка. В ней кроме сухопутной артиллерии приняли участие корабли Балтийского флота. Мы не знали масштабов происходящего, но такого грохота я еще не слышал. Стояла пасмурная погода, авиации в небе не было. Стоял сплошной шелест высоко летящих снарядов, и следом мощные взрывы. Наступление в условиях лесной и болотистой местности шло тяжело.

Я видел огромные разбитые доты, похожие на плоские коробки. Мы влезли в один из них, раздолбанный и расколотый тяжелыми снарядами. Лобовая железобетонная стена была толщиной метра два. Все усеяно большими и мелкими щербинами. Большинство снарядов укрепления не брали. Дело решили 203-миллиметровые гаубицы. В одной из амбразур торчал длинный ствол исковерканной немецкой пушки. Несмотря на мороз, сильно пахло мертвечиной, видимо, после оттепели. Трупы немцев лежали повсюду. Многие разутые. Запомнился открытый люк в подвал. Броневая плита, повисшая на разбитых петлях, темнота, запах горелой взрывчатки и разлагающихся трупов.

Тела наших бойцов частично были похоронены, но несколько раз мы натыкались на целые поля, усеянные погибшими красноармейцами. В этом вопросе, как и в кровопролитных лобовых атаках, сказывалось явное пренебрежение к солдатским жизням. Ну, ладно, в дни наступления не до погибших было. Но ведь

многие павшие оставались лежать в северных лесах целые десятилетия! Маршалы и генералы уже издали свои героические мемуары, вздыхая, повторяли про трудную солдатскую долю, а тела погибших растаскивали хищники, содержимое карманов давно обшарили мародеры. До сих пор благодаря следопытам-школьникам да студентам извлекают из безвестности солдат той войны. Многих, хоть и безымянными, но в братских могилах хоронят. Ну ладно, отвлекся я. Возвращаюсь снова к январю сорок четвертого года.

Стояли на лесных дорогах и полянах сгоревшие «тридцатьчетверки». Башни у некоторых лежали рядом, вырванные взрывом боеприпасов. Только в одном месте мы насчитали семнадцать сгоревших танков. Ну, и немцам доставалось. Торчали из-под снега разбитые, раздавленные гусеницами пушки разных калибров, лежали трупы. Здесь, в этих лесах, следуя в боевых порядках, наш взвод влетел в засаду.

Пулеметчик из замаскированного окопа первыми же очередями срезал троих или четверых, шагавших впереди. Застучали автоматы. Немцев было человек десять-двенадцать. Заслон на просеке, среди которой угадывалась дорога. Зимой здесь не ездили, но пехота или лыжники могли пройти, вот фрицы и оставили прикрытие. Мы залегли и сразу открыли ответный огонь. Пусть наугад, не высовывая голов, но отпор дали. Автоматами половина бойцов была вооружена, и взвод сыпал густо, не жалея патронов. Мы уже давно не были теми неопытными новичками, которых привезли сюда восемь месяцев назад. Ребят скольких похоронили, многому научились, а злости и решимости у нас в избытке хватало.

Вот ты меня спросишь, как мы с пленными поступали? Я тебе встречный вопрос задам. Как ты поступишь, когда двое-трое твоих дружков мертвые лежат, еще один перебитые ноги тащит и вопит от боли в голос. Его добивают, а он ползет, жить хочет, и от каждого нового попадания вскрикивает. Сердце в комок от этих криков сжимается. Бил я из ППШ, уже не наугад, а целясь и переползая. И ребята стреляли из винтовок и автоматов. Жаль, что пулемета у нас не было. Против МГ-42, да еще из укрытия, трудно воевать. Взводный меня позвал, рукав полушубка вспорот, ладонь в засохшей крови.

— Степан, беги к пехоте. Они неподалеку. Проси помощь. «Максим» желателен.

Я пополз, потом побежал. Искать подмогу. Пехоту не нашел, а встретил минометчиков. Сидят, свои трубы к елкам прислонили, курят. Рассказал им ситуацию. Они отвечают, мол, мины кончились. Ждут подвоза. И мне советуют:

— Обойдите фрицев да шагайте дальше. Кому надо, добьют.

— Ну и пошли к... матери! — выругался я. — Они уже наших человек пять побили, раненому ноги по кускам рвут. В живых мы их все равно не оставим, а вы валяйтесь, елки хреном оббивайте!

Закинул автомат за спину и назад зашагал. Вот, мол, я какой парень! Наплевать на вас. Минометчики меня окликают:

— Постой! Сколько там немцев?

— С десяток, может, и больше. Но у них пулемет. Близко не подпускают. А то бы мы их гранатами закидали.

— Мы да вы! — передразнил меня пожилой минометчик. — Не торопись. Надо подумать.

Посовещались. Оказалось, у них на два миномета всего две мины остались. Но решили нам помочь. Показывай дорогу! Четверо со мной пошли, взвалив на плечи трубу и прочие железяки. Треск пулемета был слышен издалека, наши отвечали короткими очередями и редкими выстрелами — связисты большой боезапас редко брали. И без него хватает груза. Близко минометчики подходить не стали. Я с командиром расчета пополз к нашим. Невеселое дело. Старшего сержанта, помкомвзвода, пулей в голову убило, пока я за помощью ходил. Еще четыре тела, в том числе скончавшийся бедолага с переломанными ногами, на поляне лежат. Застывшие уже. А немцы продолжают стрелять. Им всю войну патронов почему-то хватало. У нашего лейтенанта глаза красные, выпученные. У взвода своя задача, а нас немцы зажали. Можно было обойти засаду, оставив убитых. Только все злые были и рвались отомстить за погибших товарищей. Лейтенант тоже настроился уничтожить немцев. Сержант-минометчик, оценив ситуацию, сказал:

— Надо бодягу быстрее кончать. Мы выпускаем обе мины. Вторая взрывается — вы все вперед. А там как бог даст.

— Другого выхода нет, — согласился лейтенант. Снял полушубок и перетянулся портупеей прямо на гимнастерку, не глядя на мороз. — Атакуем с огнем, патронов не жалейте. В траншее гадов прикладами и штыками добьем.

Мы дружно сбросили шинели, подпоясались брезентовыми ремнями. Подвесили гранаты и почувство-

вали себя в бою. Все насупленные, сосредоточенные. У меня в диске патронов штук тридцать осталось, не больше. Зато две «лимонки» и трофейный кинжал. Держитесь, сволочи!

Минометчики так себе оказались. Одну мину послали хрен знает куда. Вторая рванула тоже с перелетом, но уже ближе к траншее. Особого эффекта от взрывов не было. Земля мерзлая. Полыхнуло пламя, столб снега и сосновой хвои. Только немцы секунды потеряли, ожидая третью и четвертую мины. У них такого не бывало, чтобы минометы с двумя минами на позицию ставили.

Взвод впервые поднялся в настоящую, не учебную атаку. Стреляли, орали, матерились. Ударил пулемет, но волна уже накатывала на бруствер. Немецкие пулеметчики, не успев задрать ствол, рубанули кого-то по ногам. Фрицы не бежали, упрямо держались. Часть их мы положили последними патронами из опустевших дисков, магазинов и добивали прикладами, штыками, ножами.

Здоровенный, долговязый Лесник ударил стволом винтовки без штыка в лицо одного из немцев. Безжалостный удар был так силен, что ствол вместе с мушкой насквозь пронзил голову и застрял. Связист, матерясь, уперся сапогом в плечо уже умирающего немца, но винтовку выдернуть не смог.

Мелькали моменты рукопашной схватки, в которой я оказался первый раз. И этого раза мне хватило, чтобы понять — в бою убегать нельзя. Убегающего все равно добьют. У немцев не выдержали нервы. Замолк пулемет, они увидели, с какой злобой обычным стволом проткнули насквозь голову их товарищу, как ревут, обрушиваясь на них, страшные азиаты. Они ви-

дели нашего взводного в окровавленной гимнастерке, вращающего над головой, как дубинку, автомат с выпавшим диском. Немцы хотели отступить, прикрываясь огнем, но было поздно. Нас было больше, может, мы казались им лавиной, и немцы побежали.

Я всадил очередь в спину вымахнувшему из траншеи немцу. Он упал, приподнялся, и я снова нажал на спуск. Сдвоенно отстучала короткая очередь, кончились патроны. Я стащил фрица в траншею и несколько раз ударил прикладом. Потом кинулся вместе со всеми догонять убегавших, даже не сообразив подобрать автомат убитого фрица — мой был пуст и мог служить лишь как дубинка. Пытавшихся спастись немцев добивали штыками, прикладами. Кто-то рубанул саперной лопаткой. Каска, звякнув, выдержала удар, но боец продолжал молотить скрученным лезвием лопаты по шее и плечам. Немец все же вырвался. Наш лейтенант (ведь забыл его фамилию!) выстрелил из ТТ раза четыре подряд, и фриц свалился, как тряпичная кукла, на подломившихся ногах. Один уже вбежал между елями, почти исчез, но очередь догнала его. А другой боец, подскочив, добил штыком.

Я думаю, что сумел уйти один, максимум двое немцев. Остальные восемь остались лежать в траншее и на истоптанной поляне. Связисты уже собирали автоматы, отстегивали массивные кинжалы в кожаных ножнах, трясли найденные ранцы. Минометчики тоже принимали участие. Имеют право! Своими двумя минами они нам помогли. Но немцы и в сорок четвертом воевали с не меньшим ожесточением. За восемь немецких трупов, трофейный пулемет и автоматы мы заплатили пятью жизнями. Еще шестеро были ранены. Немцы дорого брали за любую победу

над нами. Помню, что молодому парню, моему ровеснику, очередью в упор почти напрочь отбило ноги повыше щиколоток. Кровь мы остановили, думаю, паренек выжил, но вряд ли сохранил ступни.

Это был рядовой эпизод. Боевое столкновение. Нас особо не хвалили, хотя командир роты одобрил трофейный пулемет и не отказался от «парабеллума» в подарок. Сказал что-то мельком про награды, но никто ничего не получил. Обычный бой, пусть и первый для большинства. За что награждать? Награждали тех, кто руководил прорывом блокады. Возле штаба увидел молодого полковника в кубанке и расстегнутой шинели. Смеялся, что-то рассказывая заместителям, а на груди сверкали и «Красное Знамя», и «Отечественная война», и что-то еще. Целый иконостас. Как таких бравых полковников не награждать?

Нашему взводу, можно сказать, повезло. И рота большие потери не понесла. А вот первой роте крепко досталось. Попали под отступающие танки. Из девяноста человек три десятка уцелело. И командира роты на гусеницы намотало. Едва опознали. В возрасте капитан, бывший учитель. Глянул я еще раз на бравого полковника и с неожиданной злобой подумал: «Ты, наверное, тухлую конину не жрал и в землянке не спал, опустив ноги по колено в воду!» Сам не знаю, что на меня нашло. Плюнул и зашагал по своим делам. Нервы.

27 января 1944 года была окончательно ликвидирована блокада Ленинграда. Но тяжелые бои вокруг города продолжались. 265-я, 372-я стрелковые дивизии и 5-й партизанский полк около двух недель сра-

жались в окружении, сдерживая контрудар немцев. В этой мешанине наступающих и отбивающихся частей принимал участие и наш батальон связи. 12 февраля был освобожден город Луга.

Запомнилась ночная бомбежка под Лугой. В небольшом поселке разместился штаб дивизии, еще какое-то начальство. Учитывая близость фронта, усилили караулы. Мы вырыли траншею на своем участке и ночами по очереди несли боевое охранение вместе с комендантским взводом и пехотными взводами.

Февраль сорок четвертого. Сильный мороз. За день намотались, устали. Но куда денешься. Шлепаем валенками, руки за пазухой греем. А в некоторых домах из закрытых окон свет пробивается. Патефон играет, женщины смеются. Что-то отмечают. Может, наши успехи под Ленинградом. Немцы были отброшены от города, понеся большие потери.

И вдруг гул самолетных моторов. Ударили зенитки, а на село посыпались бомбы. Кто успевал, выскакивали из домов и бежали прочь. К нам в траншею прыгнули несколько девушек из медсанбата. А село горит, дома от взрывов разлетаются. Один из зенитных снарядов попал в немецкий бомбардировщик. Я видел взрыв, огромная тень промелькнула над головой, но самолет упрямо тянул над лесом, к своим. Не знаю, разбился он или нет.

На рассвете разбирали завалы, собирали тела погибших. Те, кто выскочил из огненного кольца или спрятался в траншеях, опоясывающих поселок, — выжили. Но многие залегли в снегу, не рискуя бежать, видимые, как на ладони, под светящимися бомбами и ракетами. Почти все они погибли или получили тя-

желые ранения. Никто уже не завидовал вечернему веселью. Из нашего взвода три человека были сильно контужены и отправлены в санбат. А всего в батальоне были убиты и ранены более тридцати человек.

Говоря о людских потерях, скажу, что они были, конечно, несравнимо меньше, чем на передовой, но достаточно ощутимы. В январе погибли две трети личного состава первой роты, наша вторая рота потеряла двадцать человек, и вот новые погибшие. Из нашего взвода при бомбежке никого не убило, но один боец был ранен осколком, а трое контужены. Из этих четверых в батальон вернулся только один.

Хотя стояли сильные морозы, обмороженных у нас было мало. Постоянно бегали. А вот весной и осенью, когда в болотах ледяная жижа, многие простуживались. Кто своими средствами лечился, но немало с воспалением легких отправили в госпиталь. Из-за плохого питания многие страдали «куриной слепотой». В сумерках ничего не видели. Несколько человек, в том числе и я, попали в госпиталь. Лечение простое, побольше витаминов да сон. Вместе с кашей нам давали печень трески. Когда-то эта штука станет довольно дорогим удовольствием, а тогда мы съедали свои порции неохотно. Поили киселем из морошки. Эту штуку мы любили, и, когда дежурили на кухне, нам выдавали по лишней порции. В палатках и землянках, где мы жили, всегда кипятили хвойный отвар, и санитар строго следил, чтобы каждый выпивал кружку этого горького, но довольно эффективного средства против цинги.

Недели через три я вернулся в свой батальон. Взводный был у нас новый — старого перевели в дру-

гую часть на повышение. Мы часто его вспоминали. Решительный, справедливый командир. Дали нам нового лейтенанта, худого, очкастого, из бывших блокадников. Грамотный, закончил институт. Мужик он был неплохой, но у нас с ним как-то сразу не сложились отношения. Во взводе я уже считался стариком. Ребята устроили встречу, нашли спирта, до полуночи не спали, делились новостями, вспоминали погибших ребят.

Взводному это не понравилось. А тут как раз делали штатную перестановку. Требовался командир отделения. Лейтенант вызвал меня, как кандидата в командиры, но разговор у нас не получился. Он сказал, что мне не хватает дисциплины, выпивку устроил. Наверное, лейтенант правильное замечание сделал, но солдата надо понимать. А взводный разнудился, начал воспитывать. Меня заело. Он в батальоне всего неделю, а я уже год. В боях участвовал, к медали представлен. Короче, в сержанты я не попал. Дисциплина не та, образование малое, да и молодой еще. Может, оно и правильно. Связь — служба особая, техническая, здесь в командиры, как правило, ребят постарше, пограмотнее ставили. Ну и хрен с тобой! Проживу рядовым. А на душе кошки скребли. Я считался бойцом дисциплинированным, меня часто в пример другим ставили, а тут этот неприятный разговор.

Время от времени от нас забирали по нескольку человек на передовую, где требовались опытные связисты. А однажды пришла команда отправить на передний край сто пятьдесят человек. Пять укомплектованных взводов с сержантами.

Наверху не сильно задумывались, что во всем батальоне (три линейные роты и вспомогательные подразделения) едва наберется полторы сотни опытных связистов. Но приказ есть приказ. Начали собираться. Днем привели замену: блокадных мальчишек лет восемнадцати, раненых, выписавшихся из госпиталей, пожилых (так мы их считали!) мужиков лет за сорок. Наше начальство всполошилось. До этого связь содержалась в порядке, а что смогут новички? Проверили их. Большинство и понятия о постановке связи не имеют. О шестовой связи, «шестовке», контактной сварке и не слыхали никогда. А ямы в мерзлой земле долбить для столбов, на «кошках» карабкаться и на высоте изоляторы ввинчивать? Нечего и говорить.

Посмотрел начальник связи дивизии на эту нестройную шеренгу и только рукой махнул. Понял, что полки останутся без связи. А приказ выполнять надо. Скомандовал:

— Командиру каждой роты выделить по двадцать связистов. И к ним этих... помощников, которые покрепче.

Подчистили и тыловиков. Тех, кто связью раньше занимался, а потом «придурились» и в писаря да в обоз всякими хитростями перебрались. Набрали, как приказали, полтораста человек. Сержантов тоже не хватало, некоторым сразу звания присвоили. Ушел и мой новый командир взвода, хоть мог остаться. Совестливый, честный был мужик. Сказал так:

— Я в тылу насиделся. Пора и мне долги отдавать. — Меня по плечу потрепал. — А ты, Степан, оставайся. Учи моих земляков.

На передний край люди подавленные уходили. Знали, что трудно там выжить. Но почти никто не

уклонялся. Кое-кто из «придурков», тыловиков, хитрить было начал, но никого слушать не стали. Больной? Там, на передке, вылечишься. Всем собираться! Проводили мы ребят. Ушли они сразу, еще до ночи. Старшина всех на дорогу хорошо покормил, налил по сто пятьдесят граммов. До свидания, братцы! Или, скорее, прощайте.

А вскоре ушел на передовую и я. На фронте нередко бывает, что по приказу сверху срочно меняешь свою специальность на другую, не связанную с предыдущей. Понадобилось укомплектовать несколько рот противотанковых ружей, и в начале июня сорок четвертого года попал я на краткосрочные курсы стрелков ПТР.

Прошли месячную подготовку. Помню, что наряду с тренировками по уничтожению танков мы часто стреляли по вражеским «амбразурам». К длинному тяжелому противотанковому ружью я привык довольно быстро. Из трех пуль, как правило, двумя попадал в амбразуру, где находился «вражеский пулемет». Тренироваться с ПТР не простое дело, очень сильная отдача. И чтобы попасть, надо крепко вжимать приклад в плечо. Один из офицеров взялся за ПТР и, прижимая приклад не слишком сильно, нажал на спуск. Отдачей его отбросило к другой стенке траншеи, а пуля улетела неизвестно куда.

Учеба проходила быстрыми темпами. Почти не занимались ненавистной строевой подготовкой, химической защитой и прочей ерундой. Политзанятия только не забывали. Проводились регулярно. На фронтах наши войска активно наступали. В мае

освободили Севастополь. Шло большое наступление в Белоруссии. 3 июля освободили Минск. Белорусы шумно радовались, а вместе с ними и мы. Хорошие ребята. Их в нашем учебном взводе трое или четверо было. Простые, смешливые. Многие о своих семьях с лета сорок первого ничего не знали. Вот они немцев по-настоящему ненавидели. Кстати, моим вторым номером был вначале белорус Шумак Василь. С ним вместе и на передовую попали. К тому времени он сам командиром расчета стал.

В наших северо-западных краях тоже развернулось крупное наступление. 30 июня освободили Петрозаводск. Шли бои в Финляндии, на Карельском перешейке, между Ладожским и Онежскими озерами. Нашу противотанковую роту закрепили за стрелковым полком, разбросав по батальонам. В каждом по 7—8 расчетов. Конечно, противотанковые ружья для лета сорок четвертого года были слабым оружием против немецких танков. Где-нибудь в украинских степях, на открытой местности, ими можно было только дразнить усиленные немецкие танки Т-4, не говоря уже о «тиграх» и «пантерах».

Но в лесах северо-запада, где бои шли порой нос к носу, наши двухметровые ружья с патронами калибра 14,5 мм чего-то стоили. В этом я вскоре убедился. Как и понял — жизнь солдата на передовой такая короткая, что большинство просто счастливы, когда об этом не догадываются. Страшная была война. Трудно передать ее сущность словами. «Афганцы» и те, кто позже воевал в Чечне, меня поймут. А остальные... не уверен.

Рота, куда попали два расчета ПТР, мой и Шумака,

насчитывала сорок с небольшим человек. Командовал ей старший лейтенант Рудько, низкорослый жилистый мужичок со шрамом через всю скулу и вставными железными зубами. На гимнастерке висели две медали «За боевые заслуги» и были пришиты четыре ленточки за ранения. Как я узнал позже, старший лейтенант Рудько воевал с сорок второго года и, по его словам, «ему крепко везло». Был три раза тяжело ранен, но осколки, перебивая кости и кромсая тело, не добрались ни до сердца, ни до кишок. Эти места бывший рабочий часового завода из Челябинска вполне обоснованно считал уязвимыми. Даже больше, чем голова. Потому что в голову Рудько уже попадало. Один раз вскрыло каску, как консервную банку, и вырвало кусок кожи размером с ладонь, вместе с волосами. Череп слегка треснул, но выдержал, а черепная кость затянулась новой кожей с мягкими белыми волосами. И в подбородок попадал минометный осколок, выкрошив половину нижних зубов. Зубы приняли на себя удар осколка, не пустив его дальше к горлу, и Рудько, отлежав месяца три в госпитале, пришел в полк с новенькими железными зубами.

Все это, а также о своей семье рассказал нам с Шумаком старший лейтенант уже в первые дни. Он был искренне рад нашему приходу. Роту крепко потрепали в боях. Подмога, в виде двух сержантов с противотанковыми ружьями и помощниками, существенно увеличивала боеспособность роты. Людей у Рудько катастрофически не хватало, а ПТРов не было вообще.

Рота занимала полосу обороны метров четыреста. Я подумал, что, наверное, начальство специально отмеряло по десять метров на человека. Но оказалось,

что недели три назад, пока я учился, здесь шли бои. Атаки сменялись обороной. Приходило пополнение, снова атаковали, отступали под сильным огнем, пока полк окончательно не выдохся. Закопали в братских могилах с полтысячи погибших мальчишек: рядовых, сержантов, лейтенантов, и начальство временно угомонилось. Уже некого было гнать на убой. Сотни трупов остались лежать на «нейтралке», перед позициями полка. Невозможно их было вытащить в белые северные ночи, когда солнце не заходило круглые сутки. Тела истлевали, распространяя тошнотворную вонь.

Подвыпивший старлей, прошедший огонь и воду, не скрывая материл командование, угробившее почем зря массу людей. От него я узнал, что закопали в могилы, оставили на нейтральной полосе и отвезли в медсанбат (сколько их там еще умерло!) в два раза больше людей, чем насчитывается сейчас в полку. До немцев, где ближе, где дальше, но недалеко. Метров триста. Мин понатыкано, снайперы круглые сутки добычу выслеживают. И вместе с минометами сильно портят настроение пулеметы из дзота и двух бронеколпаков. Я и Шумак в ответ на теплый прием обещали с пулеметами разобраться.

Кроме Рудько в роте насчитывался единственный офицер — младший лейтенант, «шестимесячный», как их называли. Парень он был смелый, но совсем зеленый. Всего восемнадцать лет. Двумя другими взводами командовали сержанты из старослужащих. Как я понял, на сержантов, в том числе и нас, больше всего надеялся старший лейтенант. Из-за недостатков командиров отделений он закрепил за мной и Шума-

ком по два-три бойца. Вроде как отделения. Мы не возражали.

Так началась наша жизнь на новом месте. С утра пораньше мы оборудовали позиции. Основные и запасные. Пока копали, нанюхались мертвечины с затянутой туманом «нейтралки». Траншеи были неглубокие, копнешь ниже — вода. Поэтому дно было забросано еловыми ветками, а брустверы казались излишне высокими и не слишком надежными. Кроме нескольких землянок хозяйственный Рудько оборудовал два блиндажа, перекрыв их бревнами и железяками, снятыми с подбитой техники. Сверху все было присыпано землей. Блиндажи получились такими же низкими, как траншеи, в рост не встанешь. А выдержать они могли максимум мину «восьмидесятку» да трехдюймовый снаряд на излете. Но вслух я ничего не сказал. Зачем себе и людям портить настроение.

В роте Рудько мы пробыли больше месяца. За спиной у нас копошились саперы, наводя мосты и гати через болота. На нашем участке тоже готовилось наступление, сосредотачивались войска. Немцы бомбили и обстреливали тылы из дальнобойных орудий. Почти каждый день мы наблюдали воздушные бои. Как правило, шли они на большой высоте. Трудно было разобрать, кто кого сбил. Однажды подстреленный, дымящийся бомбардировщик «Хейнкель-111», покрытый, как гадюка, камуфляжными серыми узорами, прошел у нас над головами. Мы орали и стреляли в него из всех стволов. Он был крепко побит. Нижняя застекленная кабина была разворочена, а из дыры торчало то ли кресло, то ли тело пулеметчика. Пушка с огромным размахом крыльев огрызалась ог-

нем из четырех или пяти пулеметов. Мы с Шумаком тоже пальнули раза по три. Вроде попали. Попадали в него и остальные, но тяжелый бомбардировщик тянул к своим. Уже над немецкими позициями его догнали два «яка» и подожгли. «Хейнкель» рухнул вниз, никто из экипажа выпрыгнуть не успел.

Впервые за полтора года войны я находился так близко от немцев. Успел изучить некоторые их привычки. Одна из них — непременное желание мстить за своих убитых. В день, когда сбили «хейнкель», я удачно влепил несколько пуль из ПТР в амбразуру дзота. Видать, кого-то хорошо зацепил. Шумак обстрелял бронеколпак. Хотя немцы прикрыли амбразуру задвижкой, но тяжелые пули, вылетающие из нашей «кочерги» со скоростью 980 метров в секунду, просадили задвижку и тоже кого-то достали. Немцы ответили огнем из минометов. Напарник Шумака был убит наповал, еще три человека в роте получили ранения. Рудько дал команду больше не стрелять:

— А то совсем без людей останемся.

Только без стрельбы не получилось. Немцы выбивали у нас бойцов одного за другим. На рассвете обязательно давал о себе знать снайпер. Расстояние большое, оптика у фрицев сильная. То одного бойца подстережет, то другого. То сразу несколько пулеметов начинали стегать трассерами. Помню, что за первую неделю мы человек шесть закопали и около десятка в санбат отправили. Пустые окопы. Один человек на двадцать шагов. Старшина обе ротные повозки сторожил и за харчами ездил, а возчики с винтовками в окопах сидели.

Рудько разозлился. Мы с Шумаком и единственным помощником на двоих, отошли за окопы в ель-

ник, чтобы огонь на своих не наводить, и давай по дзоту бронебойно-зажигательными лупить. Патронов у нас хватало. Хоть дзот землей влажной засыпан, но пули и землю и бревна пробивали. Пошел дым, что-то затрещало, взорвалось, наверное, гранаты. Сгорел дзот. Вернее, обгорел да от взрывов сел на крышу. Немцы, которые тушить пытались и раненых вытаскивали, тоже под огонь попали. В роте два «максима» и «дегтярей» штук пять имелось, не говоря уже об автоматах. Люди убывали, а оружие оставалось.

По нас из минометов ударили, а комбат дал свою поддержку. Тоже минометный взвод немцев стал минами забрасывать. Целая война! Но угомонили фрицев. С неделю тихо было, и снайпер куда-то делся. Нас хоть и мало, но мы уверенно себя чувствовали. Один паренек из Саратова по-немецки хорошо матерился. По утрам им кричал, а нам переводил:

— Вы, пидоры, войну просрали. Еще снайпера притащите, «катюши» вызовем!

Да с бруствера трассирующей очередью для убедительности как врежет. Немцев угрозами не испугаешь, но людей они своих берегли. Если видят, что в ответ мины сыплются, лучше переждут.

Василь Шумак, хороший парень, родом из-под Молодечно. Мы над его говором подсмеивались, дразнили: «Мокрой трапкой по голому бруху!» Он не обижался, смеялся. Все ждал письма от родных. Из Белоруссии уже начали письма приходить.

Если говорить о привычках немцев, много слышал об их пунктуальности. Мол, по часам воюют. Действительно, завтрак, обед у них строго по расписанию, но насчет войны по часам наши сильно преувеличивают.

Немец хитрый и сильный враг. Ночью воевать они не любили, однако стерегли свои позиции четко. Дважды в этом убедился. Один раз, когда паренек неосторожно из-за бруствера с цигаркой высунулся, его пулеметная очередь мгновенно срезала. Две пули в лицо угодили — все мозги по окопу раскидало.

В другой раз через нашу траншею пошли в немецкий тыл разведчики. До половины «нейтралки» доползли, а потом немцы их высветили ракетами и ударили из пулеметов. Мы разведчиков поддержали огнем. Я раз восемь по вспышкам из ПТР выстрелил. Видели, как разведчики копошились, раненых пытались вытащить. Насчет этого они молодцы, не бросают друг друга. Из шести человек только один на рассвете выполз. Весь в крови, грязью облепленный. Руки, шея простреляны. Мы его перевязали, отправили в тыл.

Потом началось наступление, но наш стрелковый полк в нем не участвовал. Людей почти не осталось. Полк отправили на переформировку, а нашу роту противотанковых ружей закрепили за другим полком. Здесь нам крепко досталось. С месяц не выходили из боев. Однажды два танка на позицию прорвались и давай крушить гусеницами траншею. Крутнется на одной гусенице да на другой — от пулеметного расчета или бойцов в окопе лишь кровяное пятно на взрытой земле остается.

По-разному люди себя вели. Некоторые убегали. Их снарядами или из пулеметов доставали. Командир разбитой противотанковой батареи одну «сорокапятку» наладил, успел раза три выстрелить, подбил танк. Его вместе с пушкой снарядами на куски разорвало.

А по танку — это был тяжелый Т-4 с усиленной броней — я пять или шесть пуль выпустил. Расстояние хоть и небольшое, но мои пули броню не пробивали. В бензобак метил, но танк с бортов листами брони был прикрыт. Дострелялся я до того, что меня приметили, и с подбитого танка ударили из пулеметов. Едва с напарником успели в траншею нырнуть. Пули так густо шли, что бруствер смели и наше ружье исковеркали.

Танк все же бутылками с горючей смесью подожгли. Хоть и враги немцы, но жутко было слышать, как кричали горевшие заживо танкисты. По земле катались, пытались пламя сбить. Разве собьешь! Я с этой штукой знакомился. Не зря его «коктейлем Молотова» фрицы прозвали. Горючая масса к телу липнет, насквозь прожигает. Танкистов из автоматов добили, второй танк, когда отходил, под огонь самоходок попал. У тех пушки серьезные, 100-миллиметровые. Взорвали и этот танк. А мы убитых в воронку стаскивали. Неуютное место для погибших товарищей, вода кругом. Но выбирать не приходилось. Положили в два ряда и закопали, шинелями сверху прикрыв. А тех, которых танк в землю вмял, так в окопах и оставили. Сил и времени не хватило нормально похоронить.

Взамен разбитого ружья мне новое дали, а я рассчитывал, что меня обратно в связь переведут. Но решили, что с противотанковым ружьем я нужнее. Вообще, до поры мне везло. Осенью сильные бои шли. Василя Шумака тяжело ранило. Осколками перебило ногу. Я его сам перевязывал и шиной кости скреплял. Попрощались. Я ему позавидовал. В госпитале минимум два-три месяца пролежит. А там, глядишь, и

войне конец. Наступали наши войска активно, но и немцы дрались отчаянно. Не думал я, что война еще до мая сорок пятого будет длиться и меня два раза успеют ранить.

В декабре у нас вышла передышка. Жили в маленькой лесной деревне. Отмылись в баньке, спали под крышей. Хоть и набивалось в каждый дом человек по сорок, зато в тепле. Ночью по нужде встанешь, когда вернешься, твое место уже занято. Опять распихаешь ребят, наслушаешься матюков и тут же опять засыпаешь. Если бы кормили лучше, считай, курорт. Но кормили в тылу всегда хреново. Все переморожено. Душили перловкой и утром и вечером, а на обед — суп с запахом тушенки. Иногда конину в кашу клали, пока пережуешь, зубы ломить начинает. Правда, хлеба хватало. Отдохнули, и снова на передовую.

11 января 1945 года наша рота заняла позиции на переднем крае. Подровняли траншею, ниши для стрельбы и боеприпасов. Новым помощником у меня был рядовой Оганесян, веселый, хороший парень. У обоих в нишах лежали по 3—4 гранаты. Противотанковые и РГД. А в брезентовых сумках я и Оганесян имели по двадцать увесистых патронов для противотанковых ружей. Это не считая карабинов и штук по сто патронов к ним. Вооружены мы были хорошо.

Опишу немного передовую, которая была перед нами. Никаких рядов колючей проволоки или других сооружений я не видел. Ровное поле с редкими деревьями и островками кустарника. Поле было заминировано, а до немецких траншей — около километра. Уже в первые дни мы снова начали нести потери от снайперов. Они выползали на «нейтралку», выбира-

ли укрытие, хорошо маскировались и редкими одиночными выстрелами били наповал (реже ранили) неосторожно высунувшихся офицеров или бойцов. Охотились, конечно, больше за офицерами, пулеметными и противотанковыми расчетами. Пару раз пули пролетали совсем близко от меня. Значит, и я попал кому-то на прицел, но немец промахнулся.

Время от времени немцы напоминали о себе, кроме выстрелов снайперов, минометным обстрелом или выпущенными снарядами, но сильно нас не доставали. Во-первых, им сразу же отвечала наша артиллерия, а во-вторых, было не до нас. Неподалеку вели мощное наступление наши войска. По слухам, вот-вот должны были перейти в наступление и мы.

И действительно, в окопах мы пробыли считаные дни. Рано утром 14 января «катюши» и артиллерия начали артподготовку. «Катюши» отстрелялись быстро, выпустив несколько десятков огненных ревущих стрел, и сразу исчезли, уходя от немецкой авиации. А орудия продолжали долбить вражескую оборону, над которой висела пелена дыма, огня, что-то взлетало в воздух. Ночью саперы сделали проходы в минных полях, и, когда артиллерия смолкла, полк пошел в атаку, в том числе и наша рота. Часть немецких огневых точек была подавлена, но остальные вели сильный огонь. В цепи наступающих разрывались мины, со всех концов неслись пулеметные трассы. Вокруг меня падали бойцы, но я продолжал бежать, выбиваясь из сил. Знал, чем быстрее преодолею открытое поле, тем больше шансов уцелеть.

Меня ранило в первой немецкой траншее. Кто-то наступил на прыгающую мину-«лягушку». Штука

очень опасная. Весит четыре килограмма. Достаточно задеть еле заметную проволочку, вышибной заряд подбрасывает мину вверх. Она взрывается на высоте груди человека, разбрасывая в радиусе полусотен метров множество осколков. Взорвись она рядом со мной, исковеркала бы все тело. Но мне «повезло». Несколько осколков ударили в мякоть правой ноги, повредили колено. Удар был настолько сильный, что я сразу свалился.

Ребята меня наскоро перевязали, а я остался сидеть на льду, на дне траншеи, ждать санитаров. ПТР у меня забрали, карабин я поставил рядом, а под ноги положил две противотанковые гранаты. Отогнул усики, чтобы легче чеку выдернуть, и сижу. И вот здесь, в этой траншее, увидел я свою смерть глаза в глаза.

На бруствере появился немец в длинной шинели и, спокойно прицелившись в меня, нажал на спуск. Все как в замедленном кино. Вместо выстрела — щелчок. Немец передернул затвор. Кувыркаясь, вылетела стреляная гильза. Его винтовка была пустая. Видимо, в горячке боя он расстрелял всю обойму. Я отчетливо увидел блестящую пружину, подающую патроны. Немец потянулся к подсумку за новой обоймой. Не видел он, наверное, в измученном окровавленном мальчишке большой опасности. А я дотянулся до гранаты и, выдернув чеку, бросил гранату в немца. Он успел шарахнуться назад.

Порция взрывчатки, способная разорвать гусеницу танка, грохнула с такой силой, что я оглох. Кстати, правое ухо до сих пор от того близкого взрыва слышит плохо.

Подобрал я карабин, оставшуюся гранату, кое-как

вылез из траншеи. Оглянулся на бесформенный труп немца и пошел искать санитарную роту. Через час меня уже везли на подводе в санбат, а затем направили в госпиталь, в город Мариендорф. Врачи сделали одну, вторую операцию. Понемногу стал ходить, но некоторые осколки извлекли спустя лет двадцать, уже в волгоградской больнице.

После госпиталя, в начале марта, я был направлен в другой полк в качестве автоматчика. Снова шло наступление. Мы двигались у немцев по пятам, вступали в мелкие бои. Помню, как глупо чуть не погиб благодаря своей и чужой жадности. В одном из занятых немецких городков ребята набрали разных трофеев. В разбитом магазине чего только не было: и ткани, и обувь, и одежда. Трое или четверо солдат хорошо вещмешки набили. А один парень из Средней Азии затолкал в вещмешок отрез яркого панбархата.

— Войне скоро конец! Матери и сестрам подарок привезу.

Мне приглянулся немецкий котелок с плотной складной крышкой. Насыпал я в него сахарин (других продуктов не нашел), защелкнул крышку и в вещмешок сунул. А вскоре начался бой. Залегли, ведем огонь. А у парня с панбархатом вещмешок, как горб у верблюда на спине. Издалека видно. Немецкий пулеметчик по нему пристрелялся. Клочья из мешка полетели, а потом сам боец дернулся и затих. Убили. Кого-то еще так же подстрелили, а меня по мешку словно палкой ударили. Позже развязал я свой «сидор». Там вещей всего-то ничего. Пуля как специально этот котелок выбрала, пробила насквозь. И коробку с патронами зацепила. Вытряхнул я рассыпавшийся сахарин,

котелок с дыркой и с десяток порванных, сплющенных патронов к моему ППШ и зарекся в вещмешок лишнее класть.

Только недолго я провоевал. 22 марта 1945 года заняли мы позицию, и нам объявили, что предстоит атака. Вскоре началась артподготовка, и затем команда: «Вперед!» Не помню, как ворвались в первую траншею, все в горячке, под свист пуль и осколков. Едва не в упор наткнулся на немца. Он на секунду замешкался, я с ходу выпустил в него автоматную очередь. Тут мгновения все решают. Зевнул бы я, так и остался бы лежать в чужой земле, за тысячи километров от своей родной деревни.

Со всех сторон стрельба, крики, мат, гранаты взрываются. Погибают и наши, и немцы. Обидно в конце войны умирать. Да и опыт какой-никакой у меня накопился. Только успевал ловить на мушку или прямо с ходу бил по немцам. Троих или четверых уничтожил. Получайте, гады, за всех погибших товарищей!

И тут меня снова ранило. Немцы уже убегали, и по нас открыла огонь их минометная батарея. Рвануло рядом, вспышка, звон в ушах, и лежу я опять на земле. На этот раз несколько осколков попали в левую голень. Кое-как сел, размотал обмотку. Кто-то из командиров приостановился:

— Сильно тебя, Степан?

— Да нет. Кость, кажись, целая.

— Сможешь сам перевязать?

— Смогу.

— Перевязывайся, я санитаров пришлю.

Ну, перетянул рану, сижу жду. Автомат, гранаты наготове. Холодно, сыро, и кровь сквозь повязку со-

чится. Поднялся и побрел сам помощь искать. Нашел палку, ковылял кое-как, но шел. Заблудился и только к вечеру набрел на медсанбат — спасибо бойцы дорогу подсказали. Ну, а потом, оказав помощь, отправили в госпиталь.

Забегая вперед, скажу, что попал я не в свой санбат. После боя меня искали, не нашли и решили, что я погиб. Отправили на родину похоронку. Ну, вскоре разобрались, но история с похоронкой аукнулась мне лет через пять, когда я уже служил в системе МВД и работал на строительстве Волго-Донского канала Сталинградской области. Вызывают меня в штаб и говорят:

— К тебе земляк из Гондарево приехал.

Я обрадовался. Обнимает меня какой-то незнакомый мужчина, улыбается. Завязался разговор.

— Тебе, Степан, привет от Ильи Круглова.

Я удивился:

— Илья еще перед войной умер! Путаешь ты что-то, земляк.

А «земляк», не смущаясь, лепит еще какую-то несуразицу. Учителей неправильно называет, других соседей путает. Я не выдержал:

— Какой это земляк! Он не из нашей деревни. С ним разобраться надо, несет всякую чушь.

А через день мне объяснили, что это со мной чекисты разбирались. Дело в том, что многие бывшие полицаи в конце войны добывали документы погибших бойцов и по ним жили подальше от родных мест. Под такое подозрение попал и я.

В общем, прошел проверку.

Но вернусь к 1945 году. Подходил к концу апрель, я выздоравливал. И война заканчивалась. Меня определили в маршевую роту и готовили к выписке. Хотя я знал, что бои уже в Берлине идут, а было не по себе. Смотрел на своих соседей по палате. Кто с сорок четвертого воюет, кто с конца сорок третьего. Фронтовиков сорок второго года — очень мало, а сорок первого — вообще ни одного. Начисто подмела их война, единицы уцелели.

Я и по себе знал, какая короткая жизнь солдата в бою. Фронтовики арифметику войны хорошо знали. Сидим, бывало, в госпитале, в курилке, разговариваем, а судьба почти у всех одинаковая. Жестокая и страшная штука — бой. Один паренек, весь перевязанный, рассказывает: только из окопа вылез, выпрямиться не успел, а его взрывом в тот же окоп сбросило, осколками издырявленного. Другой и сотни шагов не пробежал — попал под пулеметную очередь. Спасибо санитары перевязали да вытащили, а то бы кровью истек.

Скажу откровенно — мне везло. Долгое время наши роты связи работали во втором эшелоне. У кого какая судьба. Послали бы раньше на передовую — может, и не было бы нашего разговора. Но могу сказать, что солдатский долг выполнял честно. И когда в бой послали, в воронках не отсиживался, от пуль не бегал. Потому и получал свою порцию вражеского железа. Мало кто под таким огнем выживал. А немцы в сорок пятом воевали с ожесточением. Боялись, что начнем мы мстить за те страдания и смерть, что они в Россию принесли. И чего греха таить, мстили им крепко.

Перед самой выпиской из госпиталя прилетела долгожданная весть — победа! Радость, конечно, великая. Достали спирта, вина, обед нам хороший приготовили, и отметили день Победы как следует. Помню, стрельба кругом, колокола звонят. Обнимаемся!

Многое, что происходило со мной на войне, я начал осмысливать по-другому спустя 10—20 лет после ее окончания. Война ведь такая штука, она на всю жизнь в человеке остается.

Как люди относились к смерти? Привыкнуть к ней было невозможно. Люди, глядя, как гибнут вокруг друзья-однополчане, испытывали страх. По-настоящему я воевал на передовой с июля сорок четвертого. Здесь каждый день кого-то убивали. Летом того года люди уже конец войны видели, да еще пропаганда подогревала. Больше писали об успешных наступлениях, а не о том, как мы, скажем, у Балтики по полгода на одном месте топтались.

Многие были уверены (судили по громким статьям, да и сами хотели верить), что война вот-вот кончится. Через пару или тройку месяцев. И, конечно, хотели дожить до победы. Остерегались, не торопились вперед лезть. Это нормальное человеческое поведение. Видел я и бесшабашных людей. На мой взгляд, от долгой войны у них что-то сдвигалось в голове. Разве нас врачи или психологи проверяли? «Сдвинутые» могли и на бруствер средь бела дня влезть или нужду справлять, отойдя метров десяток от окопа, где его немец свободно из пулемета мог достать.

Был такой солдат у Рудько, Михаилом звали. Он с сорок второго воевал. Его, как и старшего лейтенан-

та, раза четыре ранило и контузило. Но если ротный в своем уме оставался, то Михаил как-то опустился, плюнул на все. Его насильно бриться, умываться заставляли. Долговязый такой, вечно обросший. Рассказывал, что после войны всех вдов в деревне перепробует, пока не выберет, на ком жениться.

— А чего не девок? — поддевали его.

— С ними возиться, — подумав, отвечал Михаил, — а вдовам терять нечего.

— Тогда не дури, если хочешь бабу увидеть.

— Наплявать!

Я с Михаилом пытался раз-другой заговорить, а говорить не о чем. Начинаешь спрашивать, как тут дела обстояли год назад, а он на тебя не смотрит. Сам начинаешь рассказывать, а он не слушает. Брякнет что-то вроде: «Два дня в брюхе урчит» или «Штаны на коленях продрались, когда же новые дадут». Поднимется, и пошел по траншее, не пригибаясь. На смерть нельзя плевать. Вот так однажды шел, очередь немцы дали, и завалился Михаил в грязь. Глаза открыл и закрыл. Как будто не было человека.

Еще одного бойца вспоминаю, младшего сержанта. Тоже долго воевал. Две медали имел. Он был пулеметчиком, но когда после госпиталя его ставили первым номером на «максим», наотрез отказался. «Я в пулеметах не разбираюсь!» У тебя же в красноармейской книжке написано, что пулеметчик.

— Ошиблись. Я при лошадях все время был.

— Чего брешешь? — не выдерживал командир. — Младший сержант, а при лошадях. Иди к пулемету или под трибунал.

Наотрез тот сержант отказывался. И сутки в пустой землянке под стражей просидел, и угрозы выслушивал. Потом кое-как согласился вторым номером к ручному пулемету встать. Что, ротный не сумел его заставить? А вот не сумел. Под трибунал вполне мог отдать за невыполнение приказа, а «максим» принять заставить не смог. Правда, это не у Рудько в роте было, тот умел общий язык с солдатами найти. Причины упрямства младшего сержанта я понимал. «Максим» — это головная боль для немцев. Машина сильная, дальнобойная, но громоздкая. Когда огонь открывает, фрицы всегда его старались уничтожить. При большом количестве минометов им это часто удавалось. Особенно если расчет не успевал четырехпудовый «максим» на запасную позицию перетащить.

У меня на глазах два раза «максимы» разбивало. Один раз мина в пулеметное гнездо влетела. Первый и второй номера искромсало до неузнаваемости. Второй раз — из автоматической «собаки», была у немцев такая пушка, калибра 37 миллиметров. Она стреляла, как лаяла. Сволочная вещь, скорострельная. В пулемет два или три снаряда угодили. Одного пулеметчика наповал, а второго всего осколками издырявило. До санбата довезли, а дальше не знаю как. Поэтому тот сержант, как черт от ладана, от «максима» шарахался. Хотя должность почетной считалась. Если пулеметчик месяц-два повоюет, то наверняка с медалью (реже с орденом) ходит.

Сержант потом за первого номера у «дегтярева» стал. Трусом его не называли, но чувствовалось, что очень выжить хочет. Осторожно, с умом воевал. Когда

я по второму ранению убыл, он жив был. Лет под тридцать, семью имел, может, и вернулся к жене-детям.

Небрежно относились к своей жизни люди, которые уже все потеряли. В сорок четвертом многие уже знали о судьбе своих близких. Послушаешь, сам жить не захочешь. У кого жену с детьми бомбой завалило, у кого сразу три брата погибли. Такие трагедии, не приведи бог. Они пленных не брали. У нас снайперов, по сравнению с немцами, всегда мало было. Один парень, родню потерявший, почти каждый день на «нейтралку» вылезал. Стрелял метко. Редко когда «пустым» возвращался. Ротный его отпускал. Убитые немцы роте в зачет шли, а убить врага далеко не каждый мог. Я не раз замечал, как большинство молодняка стреляли. Затвор дергают и посылают пули куда попало. Многие до самой гибели так и не научились целиться.

В судьбу почти все верили. Только считали, что судьбе надо немного помогать. Вот хотя бы в нашем батальоне связи. Вспоминаю обычай — в левый карман что-то металлическое класть. Рассказывали, что какого-то бойца отцовский портсигар от осколка спас. Чушь все это! Один шанс из тысячи. Когда осколок на излете, он и так тебе ничего не сделает, если, конечно, в глаз или висок не попадет. А если ближе, то обычный осколок с трехкопеечную монету винтовочный ствол перешибал и все в тело вминал, аж ребра лопались. После такого удара мало кто выживал. Тут никакой портсигар или винтовочные обоймы не спасут.

Но судьба есть. В этом я уверен. Когда меня, раненого, немец добить хотел, кто мог подумать, что у

него винтовка не заряжена. Фрицы народ аккуратный, с пустым оружием не полезут. Да и любой солдат в бою следит за своим оружием. А тут полез на меня без единого патрона. Такие случаи очень редко бывают. И я как знал, гранату наготове держал, даже усики отогнул. Значит, предчувствовал.

И до этого случай был, когда мы хорошую позицию под подбитым танком заняли. Я вертелся, крутился. Вроде надежное укрытие, а душа не на месте. Напарник бурчал, когда я приказал менять позицию. Заняли пустой окоп, расширили его, а в танк через час немцы снаряд влепили. Он хоть и сгоревший был, но не до конца. Зачадил, разгорелся. Если бы мы там остались, как караси бы изжарились или снарядом убило. С одной стороны, судьба, а с другой — у меня опыт уже имелся. Не занимать слишком заметную позицию. Танк, как таракан на белой стене, выделялся. По нему бы все равно шарахнули. Это и заставило меня уйти и в земляной окопчик спрятаться.

Или взять старшего лейтенанта Рудько. По всем статьям, не дожить ему до победы. Бесшабашный, отчаянный. Водочку любил, да начальство его подхваливало. Сражался он храбро, но бойцов старался беречь. Не зря нам с Шумаком запретил немцев из ПТРов дразнить. А ведь дожил до Победы, отвоевав три года. Сам я, правда, его не встречал, но осенью сорок пятого однополчанина встретил. Он мне рассказал, что Рудько батальоном командует, капитана получил.

Насчет других однополчан? Встретил в шестидесятых одного из батальона связи. Он уже какой-то пост занимал, а я сержантом в пожарной охране ходил.

Начал хвалиться, особенно когда выпили за встречу. Обещал меня пристроить. Я трезво на вещи смотрю и ответил, что недавно лишь восьмилетку одолел! Куда мне прыгать! Он еще больше расхвалился. Я вижу, потерял человек чувство меры. Допили бутылку и разошлись. Он телефон мне забыл оставить, а я и спрашивать не стал. Меня работа в пожарной части устраивала. Коллектив дружный, начальник меня уважал, отпуск давал, когда я просил, премиями не обижал. Хотя какие тогда премии? Двадцать-тридцать рублей.

Еще одного парня встретил, Волкова Андрея. Тоже из батальона связи. Тот попроще, обрадовался мне. Отметили как следует встречу. Потом переписывались. Андрюха в Саратове жил, а в Волгоград к родне приезжал. Собирались снова встретиться — не успели. Умер он в начале девяностых.

Как отношусь к нынешней литературе и фильмам о войне? Я не великий читатель, но одну книгу за месяц-полтора осиливаю. Когда в пожарке работал, то вообще глотал все без разбору. Тогда книги добрее были, но брехливые. Пусть меня извинит товарищ Главный маршал, но когда я его воспоминания прочитал, то удивился. Словно учебник истории. Перечисление великих операций, взятых городов, как капитуляцию принимали. Разве война из этого состояла? Принято все на Сталина валить. Но разве Сталин заставлял наши истребители возле границы рядами выстраивать, чтобы их в один день всех сожгли?

Начальный период войны я не видел. Иначе бы до нашего разговора не дожил. Но под Ленинградом насмотрелся героических наступлений генералов.

До девяностых годов только их мемуары и печатали. Хотя бы одному ротному командиру или комбату дали правду сказать? Нет, конечно. Хорошие писатели Юрий Бондарев, Григорий Бакланов, они лейтенантами воевали, но им тоже всю правду не давали рассказывать.

Сейчас много выходит воспоминаний простых участников войны. Правильное и нужное дело. Они не врут. Чего им врать, как и мне? Красоваться не перед кем. Нам ведь хочется, чтобы дети и внуки знали, как все на самом деле происходило. А насчет фильмов? Запомнился мне «Ленинград». Суровый, правдивый фильм. А боевики, вроде «Разведчиков», просто обидно смотреть. Опять немцы дураки, суетятся, кричат не по делу. И косим мы их целыми рядами. Немца непросто было уничтожить. А сломать всю его армию с техникой, за которой мы едва поспевали, вообще огромное дело. Только какой ценой это заплачено! Огромной. Ну, ладно, закончим с войной. Хватит про нее.

Что сказать о своей послевоенной жизни? В 1947 году демобилизовался, вернулся в родное село. Братьев не узнать: кто подрос, а кто совсем взрослым стал. Сестра Рая — замужем. Пожил немного дома. Вдруг снова призывают. Прошел медкомиссию, и направили меня в Сталинград. Там как раз строился Волго-Донской канал. Приметил меня полковник Васин и перетянул к себе в войска МВД, в охрану лагеря.

— Мне фронтовики нужны. Сам знаешь, какая стройка важная. Жилье дам, питание у нас нормальное.

А лагеря вдоль строящегося канала цепочкой шли. Я запомнил Калачевский, Бекетовский, Красноармейский. Полковник Васин Калачевским лагерем командовал. В общем, я согласился и четыре года — с 1948 по 1952-й — работал с осужденными (их тогда называли «зэка») на строительстве Волго-Донского канала, который знает каждый. Можно сказать, был хоть и косвенным, но участником «исторической стройки». Канал назывался тогда именем Сталина. Сразу отмету в сторону все басни, которые ходили, что творился на стройке беспредел, поножовщина среди заключенных, в карты друг друга проигрывали, трупы в бетон заливали.

Не было такого. Хотя случалось всякое. Но дисциплину мы держали жестко. Полковник Васин на своем большом участке (да и многие другие начальники), понимая важность стройки, которая была на контроле у И.В. Сталина, больше нажимал на заинтересованность осужденных. Все знали, что по окончании строительства многих освободят по амнистии. Некоторые освобождались за хорошую работу и раньше.

Чтобы наладить порядок, Васин договорился со своим начальством. Осужденных с большими сроками — убийц, грабителей, матерых воров, направленных к нам, — мы тут же сажали в вагоны и переправляли в колонии подальше к северу. Знали, что толку от них не будет. А взамен получали «бытовиков», крестьян, воров с небольшими сроками. Они, а особенно мужики из деревень, работали на совесть. Подгонять не приходилось. Знали, что зарабатывают свободу. Земляные и бетонные работы — очень тяжелы. Но стройка продвигалась быстро. И кормили

осужденных, по меркам послевоенного времени, неплохо.

Но заключенные есть заключенные! Такой случай припоминаю. В конце рабочего дня собрали на стройзоне, то бишь возле котлована, рабочую смену. Одного человека недосчитываемся. У заключенных круговая порука, молчат. Обыскали все закутки, канавы, щели — пусто. Неужели сбежал? Это же ЧП на всю стройку. Но по каким-то признакам наши оперативники догадывались — здесь не побег. Васин примчался на своем «газике», оглядел строй заключенных, переговорил с бригадирами. Без результата.

— Ах так, зычье недобитое! Всем стоять, пока пропавший не найдется.

Запустил матом в три этажа и укатил. А шеренга заключенных по четыре человека в ряд стоит час, второй. Осень была. Ветер с пылью, холодно. Охранники голодные, злые. Зэки тоже едва на ногах держатся, но молчат. Противоборство — кто кого. Некоторые заключенные, послабее, на землю пытались присесть. Их пинками поднимают. Автоматы и винтовки наготове. В общем, часа три продержались заключенные. Потом паханы незаметно команду дали, выходят двое зэков:

— Мы попробуем найти. Кажись, видели, куда он пошел.

— Ну, идите, — разрешил старший конвоя.

Знает, что никуда они не денутся. С трех грузовиков прожектора все, как днем, освещают. Принесли тело, опустили на землю. В общем, какие-то свои счеты. Убили и мертвеца под камни спрятали, которыми котлован обкладывали. Заставили их труп до

лагеря на руках нести. Потом разбирались, кого-то судили, кого-то в другие лагеря перевели. Подобные случаи редкостью были. Хотя несчастных случаев хватало, как и на любой стройке. Кто в котлован свалится, шею сломает. Кто под удар электротока попадет. Концы трудно найти. Я про другое хочу рассказать.

Никогда не думал, что спустя три года мне придется столкнуться со своими бывшими врагами, немцами. Их в 1948—1952 годах работало на строительстве стокилометрового канала «Волго-Дон» большое количество. Сколько — сказать не могу, тогда все засекречивали, но количество военнопленных исчислялось тысячами.

Они содержались отдельно от заключенных, в специальных лагерях. Кто бывал в наших краях, видел поселки, построенные немцами вдоль канала. Добротные дома, с островерхими крышами, аккуратные ограды, асфальт. Названия поселков такие: «Один-Три», «Четыре-Пять», «Шесть-Девять». Это по нумерации шлюзов, возле которых они располагаются. Есть еще поселок Ильевка, все не упомню. Шестьдесят лет прошло, а поселки держатся. Качественно и аккуратно немцы строили.

Мне приходилось с немцами иногда общаться. В 1948—1949 годах, когда создавалась Германская Демократическая Республика (ГДР), многих освобождали. Оставляли работать осужденных за военные преступления: расстрелы советских пленных и мирных жителей, мародерство, насилие.

Они себя несправедливо обиженными считали. Мол, из других стран уже пленных отпустили, а их

все держат. Что характерно, виновными себя никто не считал. Мол, была обычная война, а они простые солдаты или офицеры. Немцы словно начисто забыли, что пришли на нашу землю с оружием, чтобы завоевать ее, сделать нас рабами.

Ну ладно, не нравились вам «большевики». Но ведь это не повод наши города бомбить, деревни сжигать, убивать всех подряд. Это объяснить им было невозможно. Общались мы чисто по рабочим вопросам, на другие темы разговаривать запрещалось. Но иногда прорывало. Они по-русски уже неплохо понимали. Бригадиры их с нашивками «КС» (команда самоохраны) кивали, соглашаясь со всем. Они на скорое освобождение надеялись.

А другие? Крепкие, здоровые мужики со злыми глазами. Смотрел я на них и думал, какой опасный у нас был враг. Они и в послевоенные годы побеги совершали, оружие захватывали. Далеко, конечно, не убегали. Ловили их быстро. Но ориентировки о побегах я неоднократно читал. Кстати, не так плохо их кормили. Я, ради любопытства, на листочке записал дневную норму: 400 граммов ржаного хлеба, 100 граммов крупы, 100 граммов рыбы, 20 — растительного масла, 20 — сахара. Под Ленинградом в сорок третьем мы и того часто не получали. Сейчас, спустя много лет, я к немцам спокойно отношусь. Им тоже досталось. Война добра никому не приносит.

Когда стройка закончилась, я с благодарностью за службу и хорошей характеристикой пошел в военизированную пожарную часть №7, которые входили тогда в систему МВД, и отслужил 32 года. Ушел на пенсию в 1984 году в звании «старший сержант». То, что

высоко по службе не продвинулся, — не переживаю. В коллективе меня уважали.

Уж сколько лет прошло, а иногда наведываюсь в свою старую пожарную часть, где мне каждый гвоздь знаком.

С женой, Марией Александровной, прожили с 1950 по 2003 год. Больше полвека. И неплохо прожили. Похоронил ее после тяжелой болезни. Вырастили двух сыновей и дочь. Все трое нормально работают, у всех семьи. Имею четырех внуков, правнуки пошли...

Награды? Орден Отечественной войны, медали «За боевые заслуги», «За победу над Германией», ну, и послевоенные, за добросовестную службу.

РАЗВЕДКА ОСОБОГО НАЗНАЧЕНИЯ

Мы готовились к штурму. Тоскливо было осознавать, что идут последние недели войны, но этот штурм оборвет жизнь многих из нас. Может, и мою...

Баринов А.Д.

★ *Этот рассказ о моем старшем коллеге по перу, журналисте, фронтовике Анатолии Денисовиче Баринове. Он ушел добровольцем на войну, имея бронь, будучи студентом знаменитого Театрального училища имени Щепкина. Он мог учиться, закончить его и работать в тылу по любимой специальности. И тем не менее Анатолий Баринов сделал свой выбор. Закончив специальные курсы, воевал в одной из дивизий Эстонского национального корпуса.*

Он занимался разведкой переднего края противника, изучал передвижение вражеских войск и расположение главных позиций. Участвовал в боях за освобождение Великих Лук, Нарвы, побережья и островов Балтики. Был тяжело контужен, а в холодных болотах под Ленинградом получил болезнь легких, сделавшую его инвалидом и заставившую навсегда

распрощаться с театральной сценой. Он стал журналистом, прожил долгую жизнь и не жалеет о своем выборе, сделанном в сорок первом году.

Я родился в 1916 году в селе Терса, Вольского уезда, Саратовской губернии. Отец, как и дед, был потомственным лесничим. Мама — домохозяйка. Детей было трое — я самый младший. Закончив семилетку в городе Балаково, поступил в ФЗУ на отделение судомехаников. Три года работал на волжских пароходах, ходил от Горького до Сталинграда и Астрахани. Хотелось продолжить учебу, и в 1936 году поступил на рабфак при Саратовском педагогическом институте. Учился неплохо, много читал. Особенно любил Толстого, Тургенева, Чехова, Помяловского, Шолохова. Зачитывался произведениями Бориса Лавренева, а фильм «Сорок первый», еще немой, снятый без звука, смотрел несколько раз.

Жили в общежитии. Как успевающий на «хорошо» и «отлично», получал повышенную стипендию — 115 рублей. Сумма для конца тридцатых годов приличная. Обед в студенческой столовой стоил 50 копеек. Булочка со стаканом молока — 12—15 копеек. Экономить мы не умели и, когда деньги подходили к концу, переходили на «диету» — крендель за пять копеек и стакан газировки без сиропа.

Учился я три года, но полученное среднее образование не удовлетворяло меня. После окончания рабфака я поехал в Москву, где поступил в знаменитое Театральное училище имени Щепкина при Академическом Малом театре. До сих пор удивляюсь, как сумел без связей с первого раза поступить в такое

знаменитое училище (оно приравнивалось к институту). Помогли хорошие преподаватели в Саратове, Балакове плюс упрямство и огромное желание стать актером.

Война обрушилась внезапно. Только что писали в газетах о дружбе с Германией, а уже немецкие войска взяли Брест и Минск. Нас, студентов, мобилизовали на оборонительные работы. Студенты нашего училища и еще нескольких институтов строили с июля 1941 года укрепления на Десне в Смоленской области.

Работали одни ребята. Рыли противотанковые рвы, траншеи, строили дзоты. Норма — восемь кубических метров земли на человека, как раз от темна до темна и, конечно, без выходных. Ночевали в сараях, палатках, на сене. Утром просыпаешься, а руки часто не разгибаются. Трешь их о росистую холодную траву, начинают отходить. А дружок мой, помню, даже мочился на пальцы — никак не разгибались. Тяжело.

А кому на войне легко?

Кормили нас неплохо. Каша пшенная, ячневая или перловая. Часто давали гречку. На обед — мясной суп или борщ, часто с тушенкой. На второе — каша, а ближе к августу — картошка. Кусочек-два мяса, сладкий чай. Не голодали. Но с одеждой было тяжело. Выдавали только рукавицы, и через месяц мы ходили, как оборванцы. Сами штопали, чинили брюки, обувь. Удивляюсь, как до сентября выдержали.

А на восток день и ночь шли немецкие самолеты. Небольшими группами по 10—15 штук. На нас «обращали внимание» на обратном пути. И хотя из нас

никто не носил военной формы или оружия, «рыцари Геринга» на это плевали. Бей любого! Сыпали остатки бомб, строчили из пулеметов, а мы гурьбой сбивались в заранее вырытые щели. Нашей группе повезло, убитых и раненых не было. Но на других участках хоронили ребят лет по семнадцать-двадцать, увозили в госпитали раненых.

Однажды пришлось стать свидетелем трагического эпизода, который врезался в память. Перегоняли шесть наших транспортных самолетов. Какой марки, не знаю, но с широкими крыльями и явно не боевые. Их стали догонять «мессершмитты», тоже шесть самолетов. Наши шли низко и медленно над землей, но сразу стали набирать высоту. Скрылись в облаках, однако «мессеры» легко их догнали.

Хотя бой шел довольно далеко от нас, непрерывный треск пулеметов мы слышали хорошо. Потом из облаков стали падать горящие, как факелы, куски фюзеляжей, крылья, моторы. Парашютов не видели. Уцелел ли кто из наших транспортников, не знаю. Вскоре «мессеры» низко над землей пронеслись в обратном направлении двумя группами: два и четыре немецких истребителя. Сердце сжималось от ненависти к этим гадам. Хотя бы один пулемет нам!

Кстати, забегая вперед, скажу, что на фронте, видя воздушные бои, а особенно наши горящие самолеты, мы, забывая о собственной безопасности, били по «мессерам» из пистолетов и автоматов. Такой сильной была ненависть.

Много шло беженцев, гнали стада коров, овец. Отступали наши части. Бойцы и командиры — измучен-

ные, усталые. Шли пешком, с винтовками, скатками. Помню, мы привели в траншею обессилевшего капитана лет сорока. Напоили водой, чем-то подкормили. Спрашивали, как там, на фронте?

— Прет немец... трудно остановить. Но ничего, сволочи, они свое получат. А меня черта с два живым возьмут! Один патрон остался.

Он вынул из кобуры наган и крутнул барабан, в котором действительно оставался один патрон. Из короткого разговора с капитаном мы поняли, что его подразделение вело бой, многие погибли, остальные по дороге попали под бомбежку, и капитан искал свою отступающую часть.

Пробыл он с нами минут двадцать. Попил еще воды и заторопился к дороге. Отступавшие солдаты выглядели, конечно, измученными, угрюмыми. Но, вспоминая июльские и августовские дни сорок первого года, скажу откровенно и даже с гордостью: я не видел паники или безнадежности. Шли солдаты и командиры из разбитых полков, батальонов, батарей, но эти люди не были побеждены. Они шли на восток, отступали, но видели впереди какой-то рубеж, на котором остановятся и будут дальше воевать.

Нашим приходилось туго. Помню такой эпизод. Закончив один из участков оборонительных сооружений, мы сдавали его военным. Приехали штук пять «полуторок» с командирами и бойцами. Глядим, бойцы без оружия. А до линии фронта километров двести, а то и меньше. Спрашиваем:

— Как же без оружия воевать будете?

— Как положено, так и будем, — ответил один из командиров. — Завтра винтовки и пулеметы подвезут.

Запомнился и другой эпизод. Закончив строительство закрытых орудийных окопов, мы помогали артиллеристам подкатывать к амбразурам и устанавливать полевые орудия, всего 10—12 штук. Я с удивлением увидел несколько громоздких старых по виду пушек, с толстыми стволами, на деревянных колесах, обтянутых шинами. Присмотревшись, разглядел на лафете выбитый в металле год выпуска — 1898. Да, наверняка немало повидала в жизни эта старушка, и не от хорошей жизни она будет отбивать немецкие танки. И все же чувствовали, что наша армия, отброшенная внезапным ударом немцев, без боев не отступает и сопротивление крепнет.

Уже в начале сентября, собираясь в обратный путь в Москву, мы увидели, как к колодцу подъехали три или четыре легковые «эмки». Вышли несколько командиров и водители. Напились холодной воды. Потом командиры отошли в сторону. С небольшого пригорка осматривали в бинокль местность, негромко переговаривались. Кто-то из студентов сказал мне, показывая на высокого военного в легкой кожаной куртке:

— Это генерал Качалов. Не слыхал о нем?

Позже я узнал, что командующий армией Качалов, уже воевавший и награжденный орденами, возглавит в здешних местах оборону и погибнет в бою, в горящем танке, не давая немцам прорваться. Генерал Качалов будет долго считаться пропавшим без вести, и лишь спустя годы станет известна судьба этого отважного и талантливого военачальника.

В Москву мы вернулись в конце сентября. Уже шли бомбежки.

Мы продолжали учиться, а ночами дежурили на крышах, гасили «зажигалки», которые бросали немецкие самолеты. Хотя говорили, что к Москве прорывается один самолет из ста, а остальных отгоняют или сбивают, Москву бомбили довольно часто. По слухам, одна или две бомбы попали в Кремль, но говорить об этом вслух никто бы не решился. Вообще разрушений было немного. Видел ли я, как падали сбитые немецкие самолеты? Нет, лично я не видел. Утверждали, что их обломками усеяны подступы к Москве. Так или подругому — не знаю. Ползли слухи, что правительство эвакуировано в какой-то дальний город. Я не видел в этом ничего особенного. Главное, в Москве остался Сталин, а значит, город не сдадут.

Видел я и растерянно мечущихся людей, выкрики тех, кто боялся прихода немцев, или, наоборот, тех, кто ждал их. В целом скажу, что Москва напоминала крепко сжатую пружину. Молчаливые суровые патрули, деловито проверяющие документы. С ними даже в разговор вступать не хотелось. Какие разговоры? Короткое внимательное изучение документов и — «Вы свободны!». Ладони под козырек. Видел и задержанных, которых куда-то молча вели. Те тоже молчали. Разбираться будут в комендатурах.

В октябре 1941 года театр и училище эвакуировали в Челябинск, куда мы добирались на эшелоне со всем нашим учебным имуществом целый месяц. Мне было двадцать пять лет. Я видел, как у военкоматов толпятся школьники, мальчишки 16—17 лет. Было не по себе, что люди воюют, а я здоровый, крепкий па-

рень, кандидат в члены партии, постигаю актерское мастерство. Я записался в декабре в коммунистический батальон, формировавшийся для направления в Керчь и Новороссийск. Уже собрался, пошел попрощаться с ребятами, и тут меня перехватил художественный руководитель театра Илья Яковлевич Судаков. Они стояли вместе с Николаем Семеновичем Патоличевым, тогда работавшим первым секретарем Челябинского обкома КПСС.

— Ты куда собрался? — спросил Судаков, увидев вещмешок за спиной.

— На фронт, — ответил я.

Кто такой Патоличев, я не знал.

— Тебя кто отпускал? — наседал художественный руководитель. — Вам что, просто так отсрочку дают?

Патоличев, выслушав нас и видя мою настойчивость, прекратил спор и сказал, что меня вызовут в военный отдел обкома. Таким образом, в коммунистический батальон я не попал. Много позже я узнаю трагическую судьбу десанта, особенно его первой волны.

Переброска войск через Керченский пролив проводилась в семибалльный шторм. Несмотря на сильный ветер, немецкие самолеты топили одно судно за другим. В основном это были небольшие сейнеры, деревянные рыбацкие шхуны и фелюги. Такое судно можно было потопить прицельной очередью крупнокалиберных пулеметов и авиационных пушек. И все же десантники овладели восточной частью Керченского полуострова, продвинувшись более чем на сто километров. Были освобождены Керчь и Феодосия. После разгрома немцев под Москвой это была еще

одна крупная победа. К сожалению, летом сорок второго немцы вновь овладеют Керченским полуостровом.

Через неделю меня действительно вызвали в обком, и я несколько часов заполнял подробнейшую анкету о себе, родителях, родственниках. Не знал, что и думать. В разведку, что ли, готовят?

На свои вопросы ответа я не получил, а спустя три месяца, в апреле 1942 года, был направлен в Свердловск на специальные курсы. Там я понял, почему меня так тщательно проверяли. Мы изучали топографию, спецсвязь, кодирование военных карт, специальные пароли, переговорные таблицы и всю остальную премудрость, обеспечивающую скрытое управление войсками.

Неплохо была организована боевая подготовка. Мы изучали не только винтовку Мосина, но и автоматы ППШ и ППД, пистолеты ТТ и наган. Правда, стрельб проводилось немного. Я довольно успешно поражал цели из винтовки. Раза три стреляли из автомата ППШ. Автоматическое оружие требовало иного подхода. Первый раз я запустил все пять пуль «в молоко». Инструктор терпеливо объяснял технику стрельбы. Запомнилось, что стрелять надо короткими очередями, а слишком длинные очереди — «перевод патронов» и могут привести к отказу оружия. Второй и третий раз я отстрелялся на «хорошо». В будущем мне это очень пригодилось. Но стрелять по-настоящему я научился лишь на фронте. На курсах выдавали слишком мало патронов. До стрельбы из пистолета мы не

дошли, а из нагана на единственных стрельбах я кое-как выбил «тройку».

Кормили так себе, но сильно не голодали. Каша, хлеб и сладкий чай на завтрак. Через день кусочек сливочного масла. На обед неплохие щи или суп и снова каша. Мяса почти не видно, но хоть запах есть. По воскресеньям нас старались подкормить получше: гречневая каша, иногда булочки к чаю.

На курсах учились ребята, как правило, закончившие девять-десять классов, техникум, кого-то взяли из институтов. Это накладывало отпечаток и на поведение, отношение к занятиям. Конечно, все мы были молодыми, любили дурачиться, но серьезных ЧП за все время не было.

Помню, на политзанятиях преподаватели хоть и не отступали от программы (Красная Армия всех сильней, немцы одурачены, венгры, итальянцы — плохие солдаты), но явных глупостей старались избегать. Учитывали аудиторию. О крупной неудаче наших войск под Харьковом высказывались очень осторожно, предпочитая повторять ничего не говорящие сводки Информбюро. Не забывали цитировать статьи о том, как «подразделение капитана К. или майора Н. подбило сколько-то танков и уничтожило 100, а то и все 500 гитлеровцев». Таких заметок в газетах было великое множество. Если судить по ним, от немецких дивизий пух и перья летели. Конечно, мы воспринимали это весьма скептически. Хотя в целом настроены были патриотично и рвались в бой. Просто не любили брехню. Но за правду в то время можно было легко попасть под трибунал. Когда вышел при-

каз № 227, политработники на все лады комментировали его (в нужном направлении!), подробно с нами изучали. Боевой жесткий приказ как руководство к действию. Ничего о героях сочинять не надо. «Ни шагу назад!» — куда яснее?

Учебу поджимали, учились с утра до вечера, и на месяц раньше срока, получив звание «младший лейтенант», я был направлен в Эстонский корпус, в 249-ю дивизию помощником начальника шифровального отдела.

Несколько слов об Эстонском национальном корпусе. Он был сформирован в 1941 году под Челябинском. Костяк его составляли эстонские коммунисты и добровольцы. Было много бойцов и других национальностей: русских, украинцев, белорусов, казахов. Всех не перечислишь. Зная о непростых отношениях прибалтов к Советскому Союзу, у многих, возможно, сразу возникнет вопрос: а как воевали эстонцы, которых в корпусе было больше половины.

Отвечу коротко. Воевали эстонцы храбро, как и другие бойцы. Будет лицемерием, если скажу, что эстонцы на «ура» встречали Советскую власть и присоединение Прибалтики к Советскому Союзу в 1940 году. Многие привыкли к своему укладу жизни, не принимали колхозы, часть прибалтов подверглись репрессиям, перед войной были высланы за Урал. Но большинство, взявшие винтовки и вступившие в Эстонский национальный корпус, понимали, что такое фашизм. Смерть, рабство, геноцид целых народов. Поэтому и сражались.

Буду всегда помнить грамотных, преданных своему делу командира корпуса генерал-лейтенанта Пэрна

Лембита и командира нашей дивизии генерал-майора Ломбака. В оперативной группе на передовой, рядом с нами, делил опасность и умело руководил полковник Фельдман. Помню высокого жизнерадостного капитана, помощника начальника разведотдела Рудольфа Казари, погибшего в бою и похороненного с однополчанами Николаем Тропихиным, Николой Варченко, Федором Ковальчуком.

Рудольф Казари погиб в бою в декабре 1942 года, выбивая засевших в подвале немцев. Он шел впереди и был убит автоматной очередью.

Имелись и такие, кто не прочь был перейти на сторону немцев. И переходили. Но россказни о массовом переходе к немцам — это неправда. У эстонцев своя гордость. Хотя обрабатывали их немцы крепко. И листовки бросали, и по радио на весь передний край выкрикивали призывы:

— Эстонцы! Переходите к нам. Завтра уже будете в Таллине!

Скрывать не буду, был случай, когда под Великими Луками рота, сагитированная своими командирами, пыталась перейти к немцам. Часть их при переходе была уничтожена, кто-то сумел добраться до немцев, остальных судил трибунал. Судьба мне их неизвестна. Это случилось в конце сорок второго года. Сотни городов Советского Союза, Прибалтика, Украина, Белоруссия были под немцами. Бои шли на Волге. Не каждый верил тогда в победу. Переходили к немцам, пытаясь спасти свою жизнь, а кто и за тем, чтобы повернуть оружие против Красной Армии. О других случаях группового перехода к немцам я не слышал. И не хочется даже вспоминать, зная, сколько павших

товарищей всех национальностей мы оставили в земле на пути к победе.

В октябре 1942 года нас перебрасывали под Москву. Темнота, стук колес. Несколько бойцов пели протяжную грустную песню на эстонском языке. Песня была знакома:

Мне часто вспоминается отчий дом,
И часто вижу сон о том,
Где отцовская крыша
Укрывала меня маленького.

Я с тоской слушал их. Второй год идет страшная война, и конца ей не видно. Вряд ли вернусь с нее живым.

Под Москвой пробыли недолго. В ноябре 1942 года нас перебросили на Калининский фронт. Калинин был уже освобожден, и нам предстояло, заменив понесшие огромные потери войска, выбивать немцев из других городов и поселков. Снова теплушка, стук колес, мерцает натопленная печка, а в приоткрытую дверь видны ночные заснеженные поля.

Перед отправкой каждый получил пластмассовый пенальчик и листок бумаги. Было приказано написать все данные о себе, адрес семьи. Смертный медальон. Многие бойцы тайком рвали бумажки и выкидывали. Считалось дурной приметой таскать эту посмертную штуку. Разговорился с соседом-офицером. Тоска, да еще вспомнил этот пенал, куда добросовестно вложил листок с адресом родителей.

— Выбрось ты его. Легче станет. Чего себя заранее хоронить? — посоветовал сосед по теплушке.

Подумал я и выбросил этот листок, а пустой пенал сунул опять в брючный карман. Я надеялся вернуться домой. Даже легче после этого стало.

Прибыли под Великие Луки. Город, занятый немецкими войсками, был взят в кольцо, и наша дивизия с первых дней окунулась в жестокие бои.

Основная моя работа проходила в составе оперативной группы штаба дивизии. Обычно нас было 10—15 человек, три-четыре автомашины, рация. Группу возглавлял кто-то из старших офицеров штаба дивизии. Мы координировали действия полков, держали шифрованную связь с руководством корпуса, армии. С оружием — автоматами, пистолетами, ручными гранатами — не расставались ни днем ни ночью. Обязательно выставляли караул, а ночами — усиленный.

Мы хорошо понимали, что оперативная группа с ее кодами, шифрами, секретной информацией — ценная добыча для немецкой разведки, и были всегда настороже, не подпуская близко ни одного постороннего человека. О том, чтобы попасть в лапы немцам, и речи не было. Имелся четкий план действий в чрезвычайной ситуации — быстрое уничтожение всей секретной документации, а дальше... отстреливаться до конца, и если не подоспеет подмога — последняя пуля в себя. Штаб группы с радиостанцией и основной документацией находился обычно за передним краем наших войск, в неглубоком тылу. Но разведывательные группы по 2—3 человека, в сопровождении кого-то из офицеров линейных полков и батальонов, практически каждый день находились на передовой.

Мы наблюдали за передвижением немецких войск, выявляли расположение артиллерии. Меняли дислокацию, изучали новые участки, забредая порой в тыл к немцам, так как в условиях болот и лесов сплошная линия фронта зачастую не существовала.

Ребята, которые помоложе, наблюдая за немцами, до которых порой было двести-триста метров, загорались:

— Давайте попробуем взять «языка»!

За «языков» в полковой разведке награждали орденами и медалями, но у нас была иная задача. Только оперативная разведка. Конечно, молодым хотелось активных действий, а нам часами приходилось сидеть в замаскированном окопчике, воронке (очень часто в воде). Лежали, не шевелясь, в высокой траве, под дождем или снегом. Помню, досталась полуразрушенная землянка. Насыпали гору земли, чтобы не по воде топтаться, и сидели по очереди возле узкой щели. Пусть холодно, но хотя бы не под открытым небом.

Немцы несли караульную службу четко. Малейшее движение или птица рядом взлетит, и сразу пулеметные очереди, мины. Хуже всего, если поддержки с тылу нет, и фрицы пойдут проверять, кто там шевелился. Тогда оставалась надежда только на себя. Автоматы, гранаты к бою, а дальше, как повезет. Иногда удавалось под огнем отползти. Порой разведгруппы гибли целиком.

Описывая деятельность наших групп на фронте, скажу, что хотя мы в атаку не ходили, но, находясь на передовой, попадали под бомбежки и артобстрел наравне с другими. И товарищей хоронили, и раненых эвакуировали. И сталкивались в бесчисленных на-

ступлениях, операциях, отходах порой чуть не в лоб с немцами. В бой нам ввязываться запрещалось, но бывали ситуации, когда и командиры, и солдаты брались за оружие, отбиваясь от немцев, которые обнаружили нас. У меня, как и других, всегда имелся запас патронов и гранат. И пополнять их приходилось довольно часто.

От древнего русского города Великие Луки, основанного в 1066 году и с давних пор бывшего одним из форпостов нашей столицы, до Москвы было километров четыреста с небольшим. Мощной, хорошо оснащенной немецкой группировкой командовал опытный и далеко не опереточный немецкий генерал Засс (в карикатурном виде немецких генералов частенько показывали в наших старых военных фильмах). Бои шли жестокие. Окруженный, разрушенный город командование вермахта приказало держать до конца. День и ночь на Великие Луки шли немецкие транспортные самолеты под прикрытием истребителей с боеприпасами, одеждой, продовольствием и всем необходимым для обороны города.

Здесь я впервые наблюдал массированную работу нашей зенитной артиллерии. Небо было усеяно ватными, вроде безобидными издалека, разрывами зенитных снарядов. Несколько раз видел прямые попадания. Яркая вспышка, взрыв, и несущийся к земле огненный клубок. Часть самолетов, получая повреждения, сбрасывали груз куда попало. Медленно опускались огромные мешки с парашютами или падали в снег без парашютов. Теряя высоту, транспортники и бомбардировщики оказывались под огнем пулеме-

тов, винтовок и автоматов. Потери немецкой авиации были большие.

Груз, предназначенный для окруженных немцев, нередко попадал к нам. Консервы, сигареты, одежда. Помню, я впервые увидел обычные сейчас целлофановые мешочки. В них находились небольшие буханки хлеба и стояла дата выпечки — 1938 год. По существу, хлеб был законсервирован и вполне съедобен.

Нас сильно донимали вши, хотя имелись баньки и вошебойки. Мне досталось трофейное шелковое белье. Эти насекомые, изводившие нас укусами, соскальзывали вниз и буквально хрустели в сапогах. Но это мелочи быта, к которым мы привыкали так же, как к холоду, обстрелам и недоеданию.

Однажды наша небольшая группа, находясь в октябре 1943 года на рекогносцировке, попала под огонь тяжелых орудий и минометов. Мы забрались слишком далеко на нейтральную полосу. Фрицы рассудили, что мы высматриваем в оптику их позиции не зря, и сделали все возможное, чтобы не выпустить нас живыми. Мы полезли в болото. Снаряды крошили хилые заросли берез и осин, вздымали фонтаны ила и мутной жижи. Осколок пролетел в метре от головы, перерубив надвое осину. Я невольно присел, хотя брели и так по пояс в воде. Следующий взрыв опрокинул меня в воду. Нашарил выбитый из рук автомат и побрел дальше.

Четыре часа провели мы в болоте. От осколков я спасся, но пребывание в ледяной воде едва не добило меня. Через день с высокой температурой попал в госпиталь. Началось воспаление легких, появились

туберкулезные очаги. Через какое-то время госпиталь эвакуировали, а меня и капитана-разведчика оставили в доме под присмотром медсестры. Оба мы были нетранспортабельны. Отлежав два с половиной месяца, я понемногу вылечился и вернулся в свою дивизию.

Ледяная болотная вода основательно подкосила здоровье. Давали знать о себе застуженные легкие, суставы. После госпиталя меня отправили в санаторий, но и это не совсем помогло. Отлежав после войны с осложнениями несколько раз в госпитале, я получил вторую группу инвалидности по болезни, перенесенной на фронте.

А весной сорок третьего года я узнал от медсестры, что мой товарищ, капитан-разведчик, умер. Сколько раз бывал под пулями и снарядами, участвовал в опасных операциях, но это проклятое болото убило его.

Я вернулся в свою дивизию в январе 1943 года. Понесшая тяжелые потери в течение нескольких месяцев до мая 1943 года дивизия находилась на переформировании. Мы получали пополнение, приводили в порядок технику, вооружение, получали новое снаряжение. Затем снова наступление и затяжные многомесячные бои. Через Чудское озеро и реку Эмайыги переправились вместе две дивизии нашего корпуса: 249-я и 7-я. Конечно, под огнем немцев.

Точно такая же оперативная группа 7-й дивизии попала под разрыв тяжелого снаряда и полностью погибла. Примерно через полчаса мы проезжали мимо этого места. Огромная воронка, обломки догорающих разбитых машин, останки наших товарищей.

Полчаса назад они были еще живы, смеялись, верили в будущее. В одну секунду их не стало.

Весной сорок четвертого года произошел случай, который надолго врезался мне в память. Немцев уже отбросили от Ленинграда. Продолжались сильные бои. Группа из пяти человек — майор, старший лейтенант-топограф, я и два сержанта — была направлена на рекогносцировку. Положение на участке нашей дивизии складывалось неопределенное. В одних местах полки и батальоны вырвались вперед, в других — отражали немецкие контратаки.

Майор Дунаев был мне не очень хорошо знаком, он прибыл в дивизию месяца четыре назад. Но человек был опытный. Воевал, имел ранение. Старший лейтенант-топограф (фамилии не помню, звали Борис) умудрился всю войну пробыть в тылу, преподавал в училище, а затем был направлен в наш корпус. Военного опыта у него практически не было, для него этот выезд являлся как бы стажировкой. Два сержанта, наши помощники и охрана, были ребята тертые. Я с ними ходил не первый раз.

Приехали на «виллисе» в полк. Командира только что увезли, он был контужен при бомбежке. Начальник штаба сказал, что полк удерживает позиции, и предложил нам пообедать, но майор Дунаев, чем-то раздраженный, резко отказался. Сделал замечание, что командиры и бойцы ходят небритые, грязные. Штабные-то все начищенные, блестящие, а те, кто на передовой, каждому снаряду кланяются — иначе не выживешь. В чистых сапогах там недолго проходишь.

Начштаба полка дал нам сопровождающего, и мы пошли на передовую. «Виллис» и одного сержанта-водителя пришлось оставить. Лейтенант, который нас сопровождал, местность знал неплохо, но Дунаев вертел по-своему. Когда в одном месте лейтенант сказал, что поляна простреливается, Дунаев усмехнулся:

— Если всего бояться, то до Берлина никогда не дойдем.

Кто такой Дунаев и кто такой лейтенант из полка? Дунаев руководил отделом, имел два ордена, а лейтенант, в стоптанных кирзачах, был взводным командиром, с нашивкой за ранение и без единой награды. Лейтенант промолчал, и мы прошли поляну благополучно. Уже вслед немцы высыпали десяток мин, но мы укрылись в лесу, под защитой деревьев.

Осмотрели в бинокли передний край. У нас со старлеем один бинокль на двоих имелся. Он у меня его все время из рук выдергивал. Вежливо, но настойчиво. Ему передовая в новинку, он и немцев близко не видел, разве что пленных. Так передвигаясь, мы очутились на ничейной полосе. Здесь, в лесу, среди бесчисленных ручейков и болот, сплошной линии фронта не было. Дунаеву это не очень нравилось.

— А если противник отсюда ударит? Здесь целый батальон свободно просочиться может. Хотя бы взвод с пулеметами выставили. Безобразие!

Он к лейтенанту обращался за неимением более высокого полкового начальства. Тот помалкивал, поджав губы. С характером был парень. А я подумал, какой к чертям батальон! И наши и немцы вымотаны, потери огромные. Раньше чем через месяц силы никто не соберет. Да и не наступают одним батальоном.

Какой с этого толк? А насчет взвода Дунаев явно хватил. Роты в полку насчитывали человек по сорок. Некем перекрывать. Хорошо хоть линию обороны коекак держали. На эти торфяники, болота да островки сил не наберешь. Майор это не хуже других знал, но что-то указывать надо было. Начальство все же.

Сели перекурить. Я после болезни легких не курил. По утрам и так откашляться не мог. Дунаев с нашим старлеем «Беломором» задымили, сержант от командиров в стороне держался, а лейтенант стал сворачивать самокрутку.

— Бери папиросы, — протянул ему пачку майор.

— Спасибо, я к своей привык.

— Гордый, что ли?

— Не в этом дело, — через силу улыбнулся лейтенант. — Нам папиросы редко выдают. Так что курим махорку.

— Ну, к махорке не привыкнешь, — изобразил улыбку Дунаев. — Когда в сорок втором отступали, я махорку вовсю курил. До сих пор горечь во рту чувствую, когда самокрутки вспоминаю.

Лейтенант никак не отреагировал на откровения майора, а я подумал: «Кто же тебя в отступлении махоркой вовсю снабжал?» Когда отступают, сутками хлеба и махорки не видят. Уж это я хорошо знал. Ну, а Дунаев все к лейтенанту привязывался.

— Как фамилия?

Лейтенант встал, руки по швам, самокрутка дымится.

— Лейтенант Герасимов, командир стрелкового взвода. Сейчас временно исполняю обязанности адъютанта старшего при командире батальона.

— Почему временно? Мне кажется, из тебя хороший помощник комбату получится. Или опять в окопы рвешься?

— Чего туда рваться? — глянул в лицо Дунаеву лейтенант Герасимов. — Только на должность адъютанта и без меня желающих хватает. Отдохну недельку-другую, а там, глядишь, чьего-то сынка пришлют. А меня снова на взвод.

— Зовут тебя как?

— Иван, — коротко ответил лейтенант.

— Да садись ты, Иван, — поморщился майор. — Воюешь давно?

— С марта сорок третьего.

Про семью и остальное Дунаев спрашивать лейтенанта не стал. Только буркнул что-то вроде, мол, в штабах не отдыхают, а служат. Я чувствовал симпатию к этому лейтенанту, лет на семь моложе меня. Хотя я тоже считался «штабным», но, по сути, был обычной рабочей лошадью, которую пихали во все дырки. По крайней мере, хоть старшего лейтенанта присвоили. Кто пошустрее, прыгнули уже выше и орденами обвешались. В штабах вопросы наград проще решаются. Дружишь с начальством или кадровиками, принесешь им с передовой трофейный «парабеллум», часы, угостишь пару раз водкой с хорошей закуской — можно разговор насчет ордена заводить. У меня с этим делом не густо было, а многие сверкали к сорок четвертому году целым иконостасом. Конечно, Иван-взводный рано или поздно орден получит, но чаще бывает поздно. Не доживают. Поэтому я воспринимал лейтенанта дружески. Как это нередко бывает, когда группу возглавляет решительный, но не знающий местности на-

чальник, мы вляпались в неприятную ситуацию. Нет, на этот раз обошлось без обстрела тяжелыми снарядами и ныряния в ледяную воду. Но примерно в полдень мы вышли на горбатую гриву посреди разлившегося озера-болота. Лейтенант пытался доказать Дунаеву, что мы слишком углубились в сторону немецких позиций, но майор отмахнулся.

А дальше получилось вот что. На этой гриве, поросшей осинами, березами, кустарником, успевшими выпустить первые листья, мы столкнулись с немцами. Не в лоб. Иначе бы они нашу пятерку покрошили в момент. Мы их заметили в бинокль. Небольшой вездеход-амфибия, станковый пулемет в окопе. Мы заметили этот пост с расстояния метров ста двадцати. Хорошо, что не успели вымахнуть на открытую поляну. Немцы нас пока не видели. Но я не сомневался, что увидят, а скорее почувствуют.

Не я первый обратил внимание, что на войне человеческие чувства обостряются. Зрение, слух, даже какое-то шестое чувство появляется. Кто-то веткой хрустнет, кто-то кашлянет в пилотку — и все. Пулемет на амфибии, пулемет в окопе. От нас через пять минут ничего не останется.

Немцев было человек восемь. Самое разумное было потихоньку отходить. Но немец (видимо, старший), взобравшись на вездеход, внимательно разглядывал озеро-болото, гриву и в любую секунду мог узреть нашу пятерку. Удивительно, что мы смогли подойти так близко незамеченными. Оставалось ждать. Вооружены мы были неплохо. У всех, кроме майора Дунаева, автоматы, по несколько запасных дисков или магазинов. У сержанта — три «лимонки», у нас

с лейтенантом — по две. Дунаев и старлей-топограф гранаты с собой не взяли. Впрочем, в этот час это не имело значения. На сто двадцать метров гранату не бросишь, а два пулемета выметут в нашем крошечном леске все подчистую. И наверняка фрицы постараются взять кого-то живьем. Оставалось только ждать. Наблюдать за немцами в бинокль Дунаев запретил. Взял это на себя. Я лежал, как более опытный, рядом с ним.

— Слушай, Анатолий, — снизошел он до имени. — В плен попасть не должен никто. Если кого ранят, ты знаешь, что делать. Эти сволочи пытать умеют.

Я молча кивнул. В такой ситуации любыми способами выбивают показания и немцы и наши. Майор сложил все карты и документы в свою полевую сумку и отобрал у меня одну «лимонку». Уничтожить в случае необходимости. Я знал, что гранатой документы не уничтожишь. Их просто разорвет на части, которые можно восстановить. Впрочем, советских документов у немцев хватало, а карты не представляли особой ценности. Наши позиции на них обозначены не были. А личные документы после смерти мало что могли рассказать. Ну, вышли русские офицеры на рекогносцировку. Обычная работа. Только проделали они ее тяп-ляп и попались.

Мне стало не по себе. Ждать надо было до ночи, а потом вся надежда оставалась на лейтенанта. Сумеет ли он вывести нас. Кроме того, беспокоило то, что, плутая по островкам сухой земли, мы вышли на немецкий пост с северо-запада. Значит, возвращаться надо мимо них. Или отступать на запад, все глубже в немецкий тыл. От напряжения у меня разболелась го-

лова и, что хуже всего, подступил кашель. Я давился, зажимая рот рукавом. Из глаз текли от напряжения слезы, а изо рта слюна. Я почти задыхался, но кашлянуть означало то же самое, что выстрелить себе в висок из пистолета. А заодно и остальным. Перетерпел. Аж дурно стало. Приступ наконец прошел, и я долго не мог отдышаться. Дунаев посматривал на меня с заметной тревогой, даже с испугом. Взял с собой чахоточного, который всех погубит. Потом майор успокоился и даже похлопал меня по плечу. Молодец, мол. Сумел сдержаться.

Пока лежали под носом у немцев, я много чего вспомнил. И с родителями попрощаться успел, и все варианты спасения перебрал. Если днем начнем отходить, грива полукругом идет, а это значит, метров пятьсот мы под огнем будем. Шансов выйти — ноль целых, хрен десятых. А что до вечера сумеем в крошечном лесном островке незамеченными пролежать, в этом я очень сомневался.

Судьба есть. И жизнью зачастую управляет случайность. Высоко в небе прошли на запад две пары наших истребителей. Экипаж амфибии засуетился, и вскоре машина уехала. Спасибо хоть, что не мимо нас прошла. Немцев осталось четверо. Почти равные силы, если не считать их станкового пулемета «Зброевка-Брно». С одной стороны, можем и бой принять, а с другой — с чего начинать? Лезть в лоб на пулемет или пытаться ползти через гриву?

Оставшись без начальства, фрицы вылезли из окопа. Один зашагал в нашу сторону. Без оружия, без каски. Помочился, не доходя до леска, потянулся и не спеша вернулся к траншее.

Костерок у них задымил. Крошечный, почти бездымный. Еду готовили. Но фрицы беспечными никогда не были. Пулеметчик наготове сидел. Только шевельнись, и полетят в нашу сторону пули. Допустим, снимем мы его и даже успеем еще одного достать. Оставшиеся двое за пулемет встанут. Да что там двое! Одного достаточно. Металл у «Зброевки» качественный, ствол толстый, ребристый. Пуль шестьсот без перегрева свободно выпустит, если не всю тысячу. Выкосит наш лесок, травы не останется. Очень мало шансов этот пост уничтожить. Не зря они на бугорке позицию оборудовали, а перед ними сто с лишним метров открытого пространства. Пожалуй, имеется только один выход — ночью к траншее подобраться.

Только майские ночи в здешних краях мало чем от обычного дня отличаются. Белые ночи. Сумерки сгустятся, и все. Чем больше времени проходило, тем отчетливее я понимал, что без боя не обойдемся. А тут еще один немец, но уже с карабином на плече, вплотную к деревьям подошел. Повозился, подобрал несколько веток для костра. Я даже дышать перестал. Сейчас заметит! Не заметил. А я подумал, если еще раз кто-то к нам двинет, надо стрелять. Одного мы наверняка уложим, а остальных в четыре автомата очередями прижмем — и броском вперед. Свои соображения я шепотом изложил майору. По команде Дунаева к нам присоединился лейтенант Герасимов. Старлей Борис и сержант лежали в десяти шагах позади. Дунаев напомнил мне насчет раненых, которые не должны попасть в плен, а я, ощупав рукава бушлата, убедился, что они промокли насквозь. Как и брюки. Не заметил, когда ледяной влагой пропитался. Чего

удивительного? Ладонью ковырнешь, ямка наполняется болотной жижей.

Мы все лежали наготове. Предохранители сняты. От напряжения сводило судорогой пальцы. Больше всего я боялся нажать случайно на спусковой крючок. Еще через час в нашу сторону двинулись сразу двое солдат. Может, за хворостом или по нужде. Солнце скатилось к горизонту, похолодало. Оба были в теплых камуфляжных куртках, один нес через плечо автомат. Что у второго было, я не разглядел, кажется, кобура на поясе. Как все повернулось бы, не знаю. Но к нам полз топограф, у которого не выдержали нервы. Да и мы, выбирая цель, поневоле делали какие-то движения.

Немцы что-то почувствовали и остановились, не доходя до нас метров тридцать. Вряд ли они думали, что под носом у них несколько часов сидят пятеро русских, но солдатская интуиция и осторожность сработали. Один снял с плеча автомат, а второй что-то крикнул своим, оставшимся на позиции. Пулеметчик скользнул в окоп, а другой немец, положив на колени автомат, остался сидеть на бруствере, глядя в нашу сторону. Это не был сигнал тревоги. Обычная настороженность, которая возникает и от возни уток на воде, и от шума летящего вдалеке самолета. Так или иначе, но медлить было нельзя.

Дунаев и я открыли огонь по стоявшим на поляне немцам, а взводный Герасимов — по тем двоим, в окопе. Все происходило одновременно, трудно было понять последовательность. У меня был немецкий автомат МП-40 с откидным прикладом. Мы с Дунаевым свалили обоих немцев первыми же очередями. Гера-

симов, кажется, зацепил пулеметчика. Сидевший на бруствере немец скатился вниз. Возможно, он тоже был ранен. Позади, хрустя сушняком, к нам бежали топограф и сержант. Сейчас мы кинемся все впятером и добьем тех двоих в окопе.

Но события приняли неожиданный оборот. Во-первых, оба ближних немца, которых мы посчитали убитыми, вскочили и бросились убегать. Но не к окопу, а в разные стороны, стремясь уйти в низину, к воде, сообразив, что в спину мы их добьем сразу. Кто думает, что тридцать пять — сорок метров дистанция для автоматов снайперская, тот глубоко ошибается. Мы зацепили их крепко, но не уничтожили. И неудивительно. Нам мешали ветки, от которых пули рикошетили, а выползать на открытое пространство было слишком опасно.

Я дал еще две очереди, свалил «своего» немца и тут же сменил магазин. Дунаев сделал ошибку, которая свойственна людям, мало стрелявшим из автоматов. Ни наши ППШ, ни немецкие МП не предназначены для непрерывной, почти пулеметной стрельбы. Майор ловил «своего» немца длинной, бесконечной очередью. Он его достал, и фриц свалился у воды, но автомат не выдержал очереди в полсотни патронов. Заклинило патрон в казеннике. А из окопа в нашу сторону гулко застучал массивный чешский пулемет «Зброевка-Брно». Закричал старший лейтенант. Я оглянулся. Он ворочался в трех шагах от меня и тянул на одной ноте приглушенный стон: «А-а-а!..»

Дунаев возился с заевшим автоматом. Герасимов, сержант и я стреляли по вспышкам пулемета. Майор неосторожно приподнялся, автомат вылетел из рук.

Дунаев влип в землю, прижимая окровавленную правую руку. Пули — обычные, трассирующие, разрывные — сбивали ветки, лопались крошечными взрывами на стволах деревьев, вспыхивали шипящими огоньками на коре низкорослых берез.

— Гранаты... надо гранаты, — бормотал майор. — Что с Борисом?

С Борисом было хуже некуда. Две пули пробили правый бок, развалив печень, изо рта текла кровь с зеленью. Жить ему оставалось немного. А насчет гранат? Как ни исхитряйся, а сто с лишним метров открытого пространства не преодолеешь. Мы и так стреляли, не поднимая голов. Пуля выбила диск в автомате взводного. Он отстегнул запасной с пояса умирающего топографа.

— Сержант, ползи! — почти выкрикнул Дунаев. — Мы прикроем.

Куда ползти? На смерть? Но майор рассуждал масштабами батальонов и полков. Что ему какой-то сержант, прошедший ранения, обреченную пехоту и случайно попавший в охрану штаба дивизии, где надеялся выжить.

— Не надо сержанта, — сказал я. — Мы попробуем снять пулеметчика.

Не получилось. Немец вставил вторую ленту и в ответ на наши короткие очереди запустил новый веер разномастных пуль. Сгнившая ветка, толщиной с кисть руки, шлепнулась мне на голову, разодрав щеку. Лейтенанту пробило мякоть плеча пониже погона. Пули с хлюпаньем прошили тело несчастного Бориса-топографа и подкинули вверх планшет майора, чудом не задев «лимонку», которой он собирался взорвать наши ценные документы. Сержант с тоской

посмотрел на меня, снял бушлат. На груди поблескивали две медали «За боевые заслуги» и две нашивки за ранения. Может, он рассчитывал, я еще раз скажу майору, что ползти бесполезно. Но я сказал другое:

— Ползи вдоль берега, там уклон.

Парень кивнул. Он знал это. Знал и другое — пулемет достанет его и у кромки воды. Он сумел проползти метров пятьдесят, пока мы с лейтенантом стреляли по окопу, тщетно пытаясь выцелить торчавшую каску пулеметчика и отвлечь его внимание. Сержанта ударило по ногам, он скорчился клубком, вокруг плясали фонтанчики мха и бурой болотной земли, шевелили уже мертвое тело.

Но, кажется, в этот момент лейтенант Иван Герасимов сумел оглушить немца одиночным выстрелом. Пулемет замолчал, и мы с Герасимовым бросились вперед, непрерывно стреляя. У меня закончились в автомате патроны. Я отшвырнул его и выдернул из кобуры свой старый потертый ТТ, прошедший со мной болота, долгую лежку с застуженными легкими в лесном домике. Он был моей последней надеждой, когда мы остались одни с капитаном-разведчиком и медсестрой посреди ничейного леса, и вот сейчас должен был выручить меня. Мы взлетели на бруствер. Пулеметчик возился на дне окопа, зажимая окровавленную голову. Второй номер пристраивал на раненой руке автомат. Мы застрелили обоих в упор.

Обычно спокойный, Дунаев суетился. Возможно, сказывалось ранение. У него было пробито предплечье и ладонь. Наскоро перевязав, мы убедились, что старший лейтенант и сержант мертвы. Их тела по приказу майора мы бросили в болото. Наскоро обшарили

карманы трех убитых рядовых вермахта и старшего унтер-офицера. Забрали документы, два автомата, пистолет. Затвор пулемета ловко выдернул лейтенант Герасимов и швырнул далеко в воду.

Мы очень торопились и едва не забыли драгоценную сумку майора с картами и моей «лимонкой». Немного поспорив, решили возвращаться тем же путем, хотя он вел на запад. Доверились лейтенанту, которого в спешке забыли перевязать. Перемотали рану на ходу. К своим вернулись под утро. Я подробно описываю этот эпизод, потому что наше начальство подняло шум. Как же, пропала оперативная группа штаба дивизии! Дунаев, предчувствуя будущее разбирательство, приказал нам говорить все, как было. За исключением двух «мелочей». Мы вовсе не заблудились, а вышли, проводя подробную рекогносцировку, на передовой немецкий пост, выставленный совсем недавно. И сидение на гриве длилось не пять часов, а всего полтора. Сколько надо, чтобы подготовиться и уничтожить пост.

Майор Дунаев за успешную рекогносцировку, решительное уничтожение поста противника и свое героическое ранение получил орден Отечественной войны 1-й степени, вторая у него уже имелась. Погибшего невезучего топографа обошли. В полку он пробыл недолго, и его толком не знали. Погибший сержант получил посмертно медаль «За отвагу». Лейтенант Герасимов, спасший всю группу, также получил «Отвагу» и был утвержден старшим адъютантом батальона. Меня награждать не стали, рассудив, что орден и две медали — вполне достаточно за четырех убитых фрицев. Мне объявили благодарность от име-

ни командира дивизии, кусочек плотной бумаги с лозунгом вверху «Смерть немецким оккупантам», подписями и печатью. Благодарность я бережно спрятал в свою полевую сумку.

Майора Дунаева после выписки из госпиталя куда-то перевели с повышением. Я служил с ним недолго. Это был опытный и далеко не трусливый офицер. Почему я не говорю «смелый»? Не знаю. После всего у меня остался какой-то неприятный осадок, который быстро рассеяла продолжавшаяся война. Чего не случается на фронте?

Летом сорок четвертого года корпус брал город Нарву, сильно укрепленный узел сопротивления немецких войск. Наши части были оснащены тяжелыми орудиями, минометами, танками и самоходными орудиями. С воздуха нас активно поддерживала авиация. В тот период командование уже отходило от тактики лобовых ударов, которые приносили большие потери. Приходили шифровки с прямым указанием: «Людей беречь!» Мощные укрепления Нарвы были разбиты авиацией и огнем тяжелых орудий. Конечно, были потери, но сравнительно меньше, чем в других операциях.

Здесь я снова видел смелость и трусость. Смелыми я не мог не гордиться. А трусость? Слишком многозначное слово для войны. Хоть и призывали беречь людей, но приказы взять тот или иной пункт никто не отменял.

Пехотная рота, преодолев три четверти расстояния, уже выходила на рубежи, но из каменных блиндажей и подвалов (доты были разбиты) ударили пуле-

меты и десятки автоматов. Минометы, поставленные почти вертикально, обрушили такое количество мин, что все утонуло в одной клубящейся туче огненных всплесков, дыма и падающих с неба осколков металла, камня, кусков оружия и человеческих тел. И все это полосовали сверкающие трассы длинных очередей. В дыму мелькнул капитан, размахивающий пистолетом. И тут же исчез, превращенный в ничто мощным взрывом. Убегал боец, неся перед собой перебитую в нескольких местах руку. Пилотка была натянута глубоко на уши, а отбеленная солнцем гимнастерка — густо испятнана кровью.

Бежали назад и другие бойцы. Молодняк и опытные фронтовики. Они знали, что на полосе, которую вспахивают заградительным огнем тяжелые мины, спасенья нет. Большинство оружие не бросили. Капитан, мой начальник, не хотел лишаться шифровальщика, но штабные, повыше рангом, отступили, а остальных кинули в бой. Пускать меня в атакующие ряды капитан также не решился. И в сорок четвертом достаточно наших бойцов и командиров попадали в плен. Если возьмут меня с моим знанием шифров и кодов, капитан, самое малое, отделается штрафбатом.

— Иди к минометчикам, — принял, наконец, он решение.

В минометах я не разбирался. Знал лишь, что там уже повыбило офицеров и мой командирский опыт пригодится. Когда, подхватив автомат, я, пригнувшись, побежал в сторону минометной роты, капитан вдруг крикнул:

— Иди в тыл... если хочешь.

Последние слова меня подхлестнули. Уйти в этой ситуации в тыл означало навсегда прослыть трусом. И я пошел к минометчикам.

Рота 82-миллиметровых минометов состояла из двух огневых взводов, по пять «самоваров» в каждом. Я ввалился в окопы первого взвода. Из пяти минометов стреляли два. Еще два были разбиты. А возле третьего копошился взводный, крепкий жизнерадостный карел Осипов, и еще один боец. Эстонский корпус был крепко разбавлен жителями прибалтийских районов, в том числе карелами. Кстати, воевали они очень неплохо. Осипов мне обрадовался и сообщил, что в миномете застряли две мины. Я невольно отшатнулся. Если они рванут, мало кто в окопе уцелеет.

Но Осипов свое дело знал. Наклонив трубу, поймал в широченную ладонь одну, затем вторую мину. Такое порой встречается в горячке боя. Когда произведен выстрел, наводчик должен обязательно выкрикнуть слово «Выстрел!». Только тогда заряжающий опускает следующую мину. Но если кто-то прозевает и мина опускается в ствол, когда оттуда не вылетела предыдущая, то в пяти случаях из шести происходит взрыв сразу обеих мин. Две мины — это семь килограммов взрывчатки и железа. Хватит, чтобы, рванув в узкой минометной трубе, уничтожить весь расчет.

— Продолжай! — скомандовал Осип и закурил, наблюдая, как сержант бережно опускает мину в ствол. — Выстрел! Ты мне в помощь, Анатолий?

— Вроде того.

— Это хорошо. У меня всего два сержанта остались.

— Убитых много?

— Вон в отсечном ровике трое лежат. Еще троих ночью похоронили и в санбат человек семь отправили. Почти все тяжелые. Вчера снарядами долбили, а сегодня пулеметы донимают.

Я оглядел в бинокль торчавшие, как гнилые зубы, обломки серых каменных укреплений, затянутых дымом. До них было чуть больше километра. В бойницах и среди развалин мерцали пулеметные вспышки. Где-то позади ухала батарея 122-миллиметровых гаубиц. Видимо, из-за нехватки снарядов стреляли с перерывами. Большинство взрывов было не видно. Видимо, гаубицы глушили немецкие орудия за стеной. Пулеметный огонь за тысячу сто метров для нас был не слишком опасен. Большое рассеивание пуль. Но бойцы передвигались пригнувшись.

Примерно с высоты второго этажа пробивались звуки крупнокалиберного «машингевера». Этот представлял реальную опасность. Из окопчика, чуть впереди взвода, бил в сторону развалин МГ-42.

— Толку мало, — сказал Осип, — зато душу греет. Взяли с запасным стволом и с запасом патронов на неделю. Пулеметчик, правда, слабый.

Осипов, недавно получивший младшего лейтенанта и орден Красной Звезды, вопросительно поглядывал на меня. И он и я знали, что стрельба из МГ на такое расстояние эффекта не принесет. Пошарив под ногами, карел достал фляжку:

— Трофейный ром есть. Хлебнем.

— Давай.

Хлебнув рому, запили его теплой водой. Карел объяснил мне, что немцы с утра два раза контратаковали.

Метров на шестьсот подошли, ближе не пустили. Это был намек на пулемет.

— Первый номер сюда присылай, — сказал он. — Ящичным поставлю.

В окоп спрыгнул чумазый боец. Доложил, что привез мины. Машину поставил в ложбине, так как сильно стреляют, а «студер» издалека видно.

— Конечно, аж вон с той стены, — зловредно согласился младший лейтенант. — Или помогай ящики таскать, или подгоняй машину поближе.

Для любого водителя разгружать машину занятие унизительное. Не абы какой шофер, а водитель американского «студебеккера», который не каждому доверят. Но минометная позиция выглядела страшновато. Воронки от прямых попаданий, скрученная разорванная труба, тела погибших бойцов, накрытые плащ-палатками. Ткань торчала колом от засохшей крови, а над ней жужжали крупные мухи. Сомнения водителя разрешил прилетевший снаряд, рванувший метрах в сорока от окопа.

Вместе с тремя бойцами он побежал разгружать машину, а я сменил в небольшом окопе ефрейтора-пулеметчика. Вторым номером со мной остался очень низкорослый боец лет восемнадцати, с круглой, как колобок, головой и конопатым лицом. Бойца звали Никита, а на передовую он прибыл с пополнением дней восемь назад. Прежде всего я проверил пулемет. Ефрейтор содержал его в свинячьем состоянии. Немецкая техника этого не любила, и я быстро прочистил казенник, заодно научив Никиту, как снимать затвор и менять ствол.

— Ловко это у вас получается, товарищ старший лейтенант, — оценил мои знания боец Никита.

Я заправил металлическую ленту и дал пару очередей в сторону немецких позиций. Потом мы расширили, углубили окоп, работая по очереди киркой и саперной лопаткой. Оборудовали запасную позицию, которая была завалена близким взрывом. Патронов действительно хватало, и лент к пулемету тоже. Зато не было еды. Никита сообщил, что кормили рано утром, в темноте. А что ел — непонятно. Обещали привезти обед. В полевой сумке у меня лежала плоская банка наваги в масле, но я решил ее поберечь. Если возят боеприпасы, то привезут и обед.

Позиция у нас была неплохая, на пологом бугорке. Сохранилась кое-где трава. Наши роты застряли метрах в трехстах перед немецкими позициями. С развалин их давно бы перебили, но разгуляться фрицам не давал артиллерийский огонь. Кроме гаубиц и нашей минометной роты неподалеку вели огонь трехдюймовые пушки ЗИС-3. Хотя они были защищены окопами, но большие прямоугольные щиты виднелись издалека. Пушки хорошие, мощные. От отдачи орудия даже подпрыгивали. Я насчитал семь пушек, наверное, остатки дивизиона, в котором по штату числилось двенадцать стволов.

Я осмотрел в бинокль передний край и выбрал место, откуда неподалеку друг от друга пульсировали пулеметные вспышки. Развернул МГ в их сторону. Кнопка предохранителя, расположенная на рукоятке, мягко щелкнула. Передернул затвор и дал пристрелочную очередь. За неполных два года на фронте мне приходилось стрелять из МГ-42. Но пулеметчик

из меня оказался неважный. Сейчас, стараясь не повторять ошибок, я бил очередями по пять-семь патронов. Достаточно было увлечься и подержать палец на спусковом крючке чуть дольше, как скорострельная машина выбрасывала сразу два десятка пуль. Сошки подскакивали, а пули разлетались куда попало.

Ничего не скажешь, пулемет немцы изобрели мощный. Тысяча двести выстрелов в минуту. Хотя такого темпа не выдержит ни один ствол. Я расстрелял ленту, и мы сменили позицию. Пристроившись на запасной, снова открыл огонь. Каждая третья-четвертая пуля оказалась трассирующей. Я видел, как они тянутся к каменным обломкам, но погасить вспышки чужих, спрятанных в укрытиях пулеметов было просто нереально. Разве что, если по теории вероятности, однадве из сотен пуль найдут свою цель. Наши трассеры кому-то надоели. Зашуршал один, второй снаряд. Потом ахнули сразу три или четыре. Ближайший — в полусотне шагов.

Я бросился на дно окопа, сдернув следом пулемет. Батарея 105-миллиметровых гаубиц перенесла огонь на противотанковые ЗИС-3, и я осторожно высунул голову. Каску носить не любил, считая, что толку от нее нет, только слышать мешает. Беглый огонь с закрытых позиций размалывал остатки дивизиона. Крайняя к нам пушка подскочила, уткнувшись стволом в землю. Как в замедленном фильме, отлетела станина, еще какие-то железяки. Орудие, качнувшись на стволе, перевернулось. К нам бежал артиллерист в серой нательной рубашке. Через его голову перелетело оторванное колесо. Артиллерист, видно, из бывалых фронтовиков, скатился в воронку. Если бы

не упал, следующий взрыв, ударивший между нами и дивизионом, изрешетил бы его осколками.

К нам в окоп посыпались комья земли, звякнула о цинк какая-то скоба. Снаряды падали минут двадцать, может, всего пять. Во время обстрела время течет совсем по-другому. Самый ближний снаряд разорвался в двадцати метрах от окопа. Земля ощутимо вздрогнула. На позиции дивизиона, вернее, его остатков, сдетонировали боеприпасы. Рвануло крепко. Нас встряхнуло с такой силой, что я влетел головой в нишу, и в глазах заплясали искры. Я испугался, что сломана шея, но, ощупав позвонки, убедился, что она крутится. Обвалилась стенка окопа. Никиту засыпало по пояс буро-желтым песчаником пополам с глиной.

Наши гаубицы усилили огонь, к ним присоединились другие стволы. Я высунулся из окопа. От семи противотанковых орудий ЗИС-3 осталось всего три штуки. Но они упрямо молотили по немецким позициям. Взлетели несколько зеленых ракет, зашевелилась залегшая пехота. Я снова открыл огонь из своего пулемета. Никита оказался сноровистым и умелым помощником. Ленты он набивал с удивительной быстротой. Очередная атака захлебнулась, временно замолчали орудия и гаубицы. Даже минометы нашего взвода замолчали. Никита вызвался сбегать узнать, как дела и привезли ли еду.

Бежать было всего метров пятьдесят, но маленького солдата все же успел обстрелять крупнокалиберный пулемет. Никита нырнул за бруствер, а я со злости дал несколько очередей в ответ. Никита вернулся через полчаса с котелком перловки и четвертушкой хлеба. Подмигнул, положил передо мной

булькнувшую фляжку. Сообщил, что взводный прислал водки.

— Сто граммов мне и сто пятьдесят — вам. Надо бы выпить!

Я был другого мнения. Во время боя как раз пить не надо. От страха и напряжения люди столько глупостей делают, а если еще глаза зальют! Мне было двадцать восемь лет, почти старик для Никиты. Но, пошевелив скрюченными от напряжения пальцами, неожиданно сглотнул слюну:

— Наливай.

Каша оказалась сухой и почти не пахла мясом. Хлеб пополам с ячменем, язык об устюки проколешь. Я вспомнил про банку с навагой. Никита ловко вскрыл жестянку трофейным ножом, понюхал содержимое, лизнул крышку.

— Надо ее с кашей смешать. Жирно и вкусно будет.

Я не возражал. Перловка получилась вполне съедобной, мы подмели полный котелок, а Никита еще насухо вытер корочкой дно. Напились воды, и я пристроился было вздремнуть. Но мой напарник оказался слишком разговорчивым. Во-первых, он рассказал мне про свою семью. Никита был родом из Пензенской области. В начале войны пропали без вести отец и дядька, потом под Курском убили старшего брата, а сестра померла от родов и «воспаления нутра».

— Холода стояли за тридцать, а ей рожать вздумалось. Померла Зина. Теперь у матери я остался и младшая сестренка.

Я выслушал это из вежливости, почти засыпая. Но Никита, хватив сто граммов (слава богу, что не налил

ему больше!), стал рассказывать о невесте и соседке-солдатке. С солдаткой он переспал, а невеста берегла себя до свадьбы.

— Во дура! Какие сейчас свадьбы? Боится, что я на ней не женюсь! Мое слово крепкое. А солдатка ничего. Года на четыре постарше. Вот я вам скажу, тарищ старший лейтенант, есть бабы, как бревно. А эта, разденешь ее, а она и так, и эдак. Даже днем не стеснялась. Такие штучки...

Мне стало противно. Никита был мальчишкой, лет на десять моложе меня. Ему хотелось выговориться, но я жестко обрезал его:

— Хватит все подряд нести. Невесты, солдатки...

В общем, я его отчитал, а спать мне расхотелось. Никита понял, что молол лишнее. Бормотнул: «Мол, чего тут такого?», потом извинился, стал набивать патронами очередную ленту. Я обошел наш двойной окоп, соединенный канавкой, стал выгребать лопатой землю. А Никита заснул, прямо с коробкой на коленях. Он даже подхрапывал, пуская пузырьки слюны. Все мое раздражение мгновенно улетучилось. Может, я и не вспомнил бы тот летний день. Таких много наберется в моей жизни на войне, но дальнейшие события остались в памяти надолго.

В принципе тогда мы считали наше положение устойчивым. Советские войска пробивали оборону Нарвы. Несмотря на приказы «людей беречь», предотвратить гибель многих бойцов и командиров было невозможно. Кто считает, что немцы в сорок четвертом воевали хуже, чем в сорок первом, — глубоко за-

блуждается. Они дрались отчаянно, постоянно контратаковали, даже в тяжелых ситуациях.

Я вдруг обратил внимание, что снаряды стоявшей далеко позади гаубичной батареи шуршат прямо над головой. Батарея изменила угол огня градусов на пятьдесят или больше. И шапки высоких фугасных взрывов поднимались на левом фланге. Именно фугасных, а не осколочных. Потому что снаряды, поставленные на осколочное действие, мгновенно разлетаются при ударе о землю веером осколков. В голове мелькнуло: «Танки!» Я поднялся на бруствер, взялся за бинокль.

Обтекая город, прямо через наши позиции шли на большой скорости танки Т-4. Длинноствольные, с усиленной броней и боковыми щитами, они двигались, описывая зигзаги. Их было 10—12 штук и по крайней мере две «пантеры». Навесной огонь гаубиц не причинял им вреда. Три противотанковых орудия ЗИС-3, все, что осталось от дивизиона, торопливо разворачивались. Мы с Никитой, подхватив пулемет и ленты, побежали к минометчикам.

Осипов тоже глядел в бинокль на приближающиеся танки. За ними двигались несколько штурмовых орудий, бронетранспортеры и две четырехствольные зенитные установки. Неплохой кулак, чтобы врезать нам сбоку в челюсть! Главное, что его никто не ожидал.

Мы с Осиповым напряженно следили за стремительно приближающимся клином. Если мы окажемся на пути, нас просто сомнут, размажут походя с нашими минометами. Открыли огонь противотанковые пушки ЗИС-3. Танки, разворачиваясь к ним лобовой

броней и меняя направление атаки, шли прямо на нас. Бойцы растерянно толпились вокруг. В воздухе почти ощутимо висел крик: «Бежать! Сейчас нас раздавят». Орудия подбили один танк, а в ответ шарахнули сразу три или четыре танка. Накрыли одну, а затем вторую пушку. Чаще стали падать гаубичные снаряды, но они танковую атаку не остановят

— Тащи все, что есть! — скомандовал Осипов старшине. — Расчетам по местам.

Тот понял его и закивал головой. Появились штук шесть противотанковых гранат. «Ворошиловские килограммы» — так называли эти тяжеленные штуковины, малопригодные для уничтожения танков. Швырнуть ее можно было метров на пятнадцать, кто посильнее — на двадцать. Разве танки так близко подпустят? Да и попасть надо было точно под гусеницу или броском сзади на крышку трансмиссии.

Тем не менее гранаты раздали бойцам понадежнее, а три миномета открыли огонь по танкам. Бесполезный, но хоть отвлекающий бойцов от дурных мыслей. Гаубичный снаряд попал в борт танка. Броневые плиты, защищающие ходовую часть, разорвало в местах крепления, повышибало нижний ряд катков, и танк остановился. Завертел плоской башней, ловя цель, но его со второго выстрела подожгло противотанковое орудие — последнее из дивизиона.

«Ура!» — кричал кто-то. Потому что горели два фашистских танка, продолжала вести огонь невесть как уцелевшая пушка ЗИС-3. Густо сыпались гаубичные снаряды, и, как автоматы, работали все три наши минометных расчета. Из тучи пыли выскочили четыре «доджа», с длинноствольными приземистыми

57-миллиметровыми пушками. Это были новые противотанковые орудия, которые, по слухам, крушили особыми снарядами любую броню. Пушки разворачивали под огнем очень быстро. Но прежде чем они открыли огонь, взлетел на воздух «додж», и перевернуло взрывом одну из пушек.

Получилось так, что дуэль между танками и батареей 57-миллиметровок шла через нашу позицию. Снаряды разных калибров с жутким воем проносились над головой. «Ура!» уже никто не кричал.

Вырвавшаяся вперед «пантера» была метрах в трехстах от нас. Я отчетливо различал ее скошенную под острыми углами броню и башню с огромной четырехметровой пушкой. Бронебойные снаряды рикошетили от брони, высекая снопы искр. Одна из болванок врезалась рядом с пушкой, брызнул целый фонтан раскаленных кусочков. Но «пантера» с короткой остановки разбила выстрелом 57-миллиметровку, а ее два пулемета подметали все вокруг.

Дело решило то самое последнее орудие ЗИС-3, перекошенное и, казалось, выведенное из строя. Оно закатило два снаряда в борт «пантеры». Пошел дым, из отверстий показалось пламя. Из люков начали выскакивать танкисты. Я вспомнил про пулемет и открыл огонь, зацепив механика-водителя, скатившегося по броне. Он пополз в сторону и ушел от моих пуль, прикрытый бугром. Обгоняя горящую «пантеру», следующий танк вел огонь по батарее, а один из пулеметов прошел веером по нашей позиции. Кто-то из бойцов вскрикнул. Сразу пять или шесть человек бросились убегать.

Снаряд, выпущенный этим или другим танком,

разметал всю кучу, разбросав куски человеческих тел. Мы с Никитой забились в узкий ровик, к нам втиснулись Осипов и боец с окровавленной рукой. Ровик был неглубокий, и, если бы танк наехал на него, от нас остался бы фарш. Но танки обошли минометную позицию, не желая терять времени. Батарея 57-миллиметровок была раздавлена. Небольшой вездеход «додж», прятавшийся поблизости, понесся прочь. Взрыв опрокинул его, он вспыхнул, как спичка. Старшина с противотанковой гранатой тщетно пытался втиснуться к нам. Двое бойцов метались по окопу. Их расстреляли из бронетранспортера, прошедшего совсем рядом.

Неизвестно, чем бы все кончилось, если бы командование не бросило навстречу немцам танковый батальон. Фрицы хорошо прошлись по нашим позициям. Возможно, навстречу им двигался такой же бронированный кулак. Но на дворе был сорок четвертый год, и знаменитые немецкие танковые клинья часто сталкивались с куда более мощной силой. Конечно, немцы, как всегда, дрались упорно. Мы насчитали потом семь наших сгоревших «тридцатьчетверок», не считая разбитой противотанковой батареи 57-миллиметровок и десятков погибших бойцов.

Но немецкую бронетанковую группу уничтожили почти полностью. Бой шел едва ли не у нас на головах. Кумулятивный снаряд мгновенно зажег и взорвал «тридцатьчетверку», сорванная башня валялась рядом, а из круглого отверстия с ревом вырывался столб огня. Горела солярка, промасленное тряпье, металл, человеческие тела. Немецкий Т-4 получил снаряд прямо в люк механика-водителя. Второй пробил

броню рядом, и горящий бензин полыхнул изо всех щелей.

Мы выбрались из нашего ровика. Я разыскивал пулемет, пока не убедился, что там, где его оставил, дымится воронка. Подобрал карабин. Мы, уцелевшие, жались к стенкам окопа. В этом лязганье и грохоте взрывов, горящих кострах металла человеку нечего было делать. Посреди окопа одиноко торчал миномет, а рядом с ним лежал наводчик, весь в крови, как будто облитый с ног до головы темно-красной краской. И этот миномет даже отбрасывал тень от клонившегося к западу солнца. Разве в аду бывают тени?

Тяжелый транспортер «Ганомаг», уходя от снарядов, уже дымившийся, влетел в низину. «Тридцатьчетверка» ударила по нему сверху из орудия. Угол наклона оказался недостаточный. Снаряд снес щиток с крупнокалиберным пулеметом над кабиной и взорвался метрах в пяти впереди, разворотив двигатель. Танк пронесся мимо, а мы кинулись добивать бронетранспортер. Восемь-десять немцев спрыгивали через борта вниз и лезли через заднюю дверцу. Они были оглушены, иначе перебили бы нашу слабовооруженную минометную команду.

Почти у всех фрицев были автоматы, а на борту торчал еще один пулемет. Старшина, вырвавшийся вперед, бросил противотанковую гранату. Она взорвалась ближе к старшине, чем к бронетранспортеру. Его и бежавшего рядом Никиту швырнуло на землю взрывной волной. Я выстрелил из карабина в унтер-офицера с несколькими нашивками. Промахнулся. Унтер поднимал автомат. Взводный Осипов торопливо высаживал обойму своего трофейного «парабеллу-

ма». Свалил унтер-офицера, еще одного солдата. Я, передернув затвор, выстрелил прямо в упор в крепкого рыжего немца, спрыгнувшего из задней двери. Он свалился мне под ноги. Следующего принял на штык минометчик и тут же упал, срезанный автоматной очередью. Высокий немец спокойно, как на учениях, расстрелял короткой очередью сержанта-наводчика, потом еще одного бойца. На него налетел, как коршун, наш боец в одной рубашке, ударил прикладом по голове. Приклад разлетелся на куски.

Действуя обломком карабина, он бил немца по лицу. В моем карабине кончились патроны, и я достал ТТ. Стрелять уже было некого. Подоспевшие минометчики из второго взвода добивали оставшихся немцев прикладами и сапогами. Из разбитой кабины вывалился контуженый водитель. К нему подскочили сразу трое и замолотили прикладами. Еще один минометчик пытался влезть в кучу-малу и врезать фрицу. Не хватало места. Тогда он сунулся в открытую дверцу кабины и выстрелил в сидевшего там старшего машины, тоже раненого, а может, и мертвого.

Ко мне ковылял мой напарник Никита. Лицо представляло ужасное зрелище. Оно распухло, стало уже не колобком, а как арбуз. Широкая рана опоясывала горло, скулы, из нее текла кровь. Маленький конопатый боец поддерживал голову и пытался что-то сказать. Он просил помощи. У меня мелькнула мысль, что его полоснули ножом и Никита делает последние шаги. Я силой положил Никиту на спину и оторвал пальцы от раны. Подошел старшина, тоже весь в крови, с выбитыми зубами, и шепеляво объяснил мне:

— Кашку сорвало... ремень шкуру порвал... не нашмерть.

Я понял, что противотанковая граната взрывной волной сорвала с него каску, а лопнувший ремешок разорвал, порезал кожу. Рана была неглубокая, но кровоточила сильно. Санитар, бинтуя конопатого помощника, сообщил, что у Никиты еще лопнула челюсть. Но жить будет!

— Медаль ему... может, орден, — доказывал старшина, хватая меня за гимнастерку.

Он был тоже контужен, и его увели. Вокруг лежали трупы: наши и немецкие. Наших было много. Снарядом убило командира роты, и Осипов принимал хозяйство: три уцелевших миномета и человек семнадцать бойцов. Бойцы, растащив трофеи, хлебнули рома и оживленно подравнивали окопы, подносили ящики с минами. Для погибших расширяли воронку и сколачивали деревянную пирамиду. На войне не принято долго горевать о погибших. Сегодня ты жив, а завтра тебя закапывают в такую же воронку.

— Тебе, Анатолий, наверное, в штаб надо? — неуверенно спросил Осипов.

— Могу остаться, — пожал я плечами.

— Ни к чему. Наши уже в городе, а мин кот наплакал. — Он помялся и попросил: — Ты там, в штабе, насчет наград напомни, кому положено. У меня бойцы по полгода воюют, а ничем не отмечены.

Полгода — это очень большой срок для минометчиков. Я пообещал, что сообщу замполиту полка, с которым был в хороших отношениях.

— Ты список черкни, а наградные, если что, потом оформим.

Сам Осипов владел карандашом коряво. Список составлял под диктовку боец из грамотных. Когда он выводил десятую фамилию, я выдернул листок:

— Стоп! Столько не пропустят.

Фамилии карела Осипова там не было, и я вписал ее сам. Замполит расспросил меня о бое, пробежал список. Провел черту, отделяя половину представленных. У него была хорошая память, и он размашисто внес от себя фамилию эстонца, единственного оставшегося в живых в минометной роте.

— Все, достаточно. Думаешь, ордена и медали ящиками привозят? Если на каждую роту по шесть-семь наград, это уже сотни полторы на полк получится.

Он запнулся. Может, хотел сказать, что и работников штаба надо наградить. Они тоже в стороне от операции не стояли. Я его понял и отправился к себе. Нарва была уже взята, кое-где стучали автоматные очереди и одиночные выстрелы. Выкуривали спрятавшихся немцев.

Сильные бои развернулись на островах Балтики, где размещались хорошо укрепленные немецкие гарнизоны. Помню, дивизия штурмовала остров Саарема. Пытались ворваться с ходу по двухкилометровой дамбе, но немцы успели взорвать ее в трех местах, буквально на наших глазах. Часть войск с тяжелой техникой остановилась, пехота пробивалась под огнем вперед. Саперы спешно заделывали огромные воронки, в которых плескалась вода. По узкой кромке уцелевшей дамбы двигались навстречу подводы с ранеными. Среди них увидел несколько знакомых лиц. На одной из подвод провезли тяжело раненную медсестру Валю

Кикс, которая воевала в дивизии с 1942 года. Лицо ее было серое и безжизненное. Позже я узнал, что взрывом у нее были сильно повреждены кости таза. Командующий армией, увидев Валю, переговорил с врачами и приказал выделить санитарный самолет. Девушку эвакуировали в Ленинград. К сожалению, раны оказались смертельные, и Валя Кикс умерла.

Мы упорно пробивались через дамбу. По нас били с закрытых позиций немецкие орудия. Вода вокруг дамбы кипела от сплошных взрывов. Часть прорвавшихся войск остановилась под сильным огнем. Творилось что-то невообразимое. Несколько наших эскадрилий штурмовиков и бомбардировщиков пронеслись в сторону немецких укреплений. Там загремели взрывы авиабомб. Артиллерия немцев замолчала, но буквально через полчаса после того, как вернулись на аэродром наши самолеты, налетели «лаптежники», немецкие штурмовики «Юнкерс-87», в сопровождении истребителей.

Вниз полетели контейнеры с небольшими бомбами-«лягушками». Контейнеры раскрывались на лету и выбрасывали десятки осколочных «лягушек». Когда эти сволочные бомбы ударялись о землю, срабатывал вышибной заряд. Бомбы рвались в воздухе пачками, словно молотил пулемет огромного калибра. Осколки и шрапнель летели сверху, и укрыться от них было трудно.

Бойцы, не слушая команд, метались под градом осколков, пытались добежать до кустов или небольшого соснового перелеска, но большинство погибли, убитые осколками. Я успел нырнуть в кювет. Со мной рядом лежал военный врач. У него не выдержали не-

рвы, и он постоянно пытался встать. Врача пугало, что мы лежим на открытом месте, и он показывал на островок кустарника, который бы нас все равно не укрыл.

— Лежи, если жить хочешь! — кричал я, более опытный, но врач вырвался и побежал через поляну. Пробежал он шагов тридцать. Бомба рванула рядом с ним, и он повалился на траву. Осколки буквально изрешетили его. Остров мы взяли с большими потерями.

Октябрь сорок четвертого. Балтика, полуостров Сырве. Мы прорываем укрепление немцев. Война идет к концу. Сколько ее осталось? Считаные месяцы, а может, недели? Как не хочется умирать...

На подмогу к окруженным в укреплениях немецким войскам подошли корабли. Тяжелые крейсера, эсминцы, канонерские лодки бьют из орудий главного калибра. Я почти оглох от сплошного рева и грохота взрывов. Такого огня я, пожалуй, не видел за всю войну, хотя каждый бой кажется самым тяжелым.

Огромные снаряды разносят на куски автомашины, пушки, разбивают танки. Вверх взлетают стволы сосен, целые фонтаны огня, земли и останки человеческих тел. По немецким кораблям бьют и наши дальнобойные орудия. Большими и малыми группами идут на штурмовку наши самолеты. Некоторые корабли горят. И в центре этой грохочущей дуэли — мы, живые люди. Секунда, и от тебя не останется ничего. Растворишься в огромной воронке, станешь сгоревшим прахом. И день, как назло, был солнечный. Яркий, теплый день.

Взрыв отбрасывает меня к стене чудом уцелевшего сарая. Что-то с силой бьет по голове, и я теряю сознание. Сколько пролежал, не знаю, но огонь не смолкает. Меня контузило комьями земли — спасла шапка. Из последних сил ползу к огромному валуну и без сил ложусь за ним. Осколки разлетаются сплошным веером. Несколько штук с силой бьют о камень, откалывая пластины древнего валуна. Я ощущаю даже мелкие осколки, а от крупных камень словно вздрагивает. Выдержит ли он?

Взрывы постепенно смолкают. Бьют уже в основном наши орудия, а немецкие корабли отходят в море. Какое-то судно горит, перевернувшись набок. Наши наступают, гоня немцев на песчаную косу к морю. Дальше им дороги нет. В одном, другом месте поднимаются белые флаги, но орудия и пулеметы в горячке боя продолжают крушить скопище военной техники и людей. Потом огонь смолкает. Тишина. Шатаясь, выхожу из своего укрытия и бессильно опускаюсь, глядя на море. Ко мне идет кто-то из санитаров. Живой...

Вспоминая эпизоды войны, убеждаюсь, какую роль порой играет случайность. Многие вернувшиеся с войны так и говорят: «Мне повезло». Однажды крепко повезло и мне.

На переправе у Чудского озера скопилась масса техники. Все ждали своей очереди. Осень, в машине холодно, а ждать еще долго. Я увидел вдалеке костер и решил сбегать погреться возле огня. На полдороге вспомнил, что оставил в машине портсигар, и, развернувшись, побежал за ним, зная, что с куревом у всех туго. И когда снова поспешил к костру, услышал

шелест падающего тяжелого снаряда. Снаряд взорвался у костра. Столб пламени, земли, горящих веток и разорванных человеческих тел. Много погибло и было ранено сбившихся погреться солдат и офицеров от этого шального снаряда. Меня спасла какая-то минута.

Можно сказать, что так же повезло и моему старому знакомому Осипову, командиру минометной батареи. Его представили к ордену Отечественной войны и вызвали в штаб полка. Пошли вместе с двумя кандидатами на награды и старшиной, недавно назначенным вместо выбывшего по ранению — с выбитыми зубами.

Шли не торопясь. Старшина, которому надоело нести пустой термос, навьючил его на бойца лет сорока пяти. Карел Осипов возмутился:

— Боец тебе в отцы годится, а ты на него термос вешаешь! Тяжело пустую посудину тащить? А ну, забирай обратно!

Старшина стал доказывать, что в армии существует субординация и не дело, когда рядовой шагает налегке, а старшина роты, средний командир, тащит термос. Боец, не желая портить отношения со старшиной, сгладил ситуацию:

— Мне даже так удобнее. Термос-то на лямках.

Осипов плюнул и продолжать спор не стал. Но ускорил шаг, демонстративно заговорив с сержантом. Старшина и двое бойцов с термосами немного отстали. Не заметили, как вышли на поляну с редкими осинами. Немцы ее пристреляли и с ходу пустили два осколочных снаряда небольшого калибра. Они взорвались за спинами старшины и двух бойцов с термо-

сами. Одного бойца убило наповал, а старшину и пожилого кандидата на медаль ранило. Причем пожилого бойца защитил термос, приняв на себя несколько осколков. Но на войне счастье улыбается немногим и счастливые концы случаются редко. Осипов скомандовал лежать. Однако старшина и боец побежали — не выдержали нервы. Следующие четыре снаряда (немцы выпускали их по два) накрыли обоих.

На этот раз термос не защитил минометчика, так и не получившего свою медаль «За отвагу». Жесть не удержит снарядные осколки. Старшина тоже погиб. Немцы выпустили еще десяток снарядов и затихли. Осипов вместе с сержантом осторожно выполз из зоны обстрела. Оглянувшись, командир роты заметил, что почти все снаряды легли с небольшим недолетом. Не ускорь он тогда шаг после спора со старшиной, тоже попал бы под раздачу.

Эту историю Осипов рассказал мне на марше во время случайной встречи. Мне нравился спокойный и рассудительный карел. Я хорошо помнил, как умело он командовал в бою. Красивый орден Отечественной войны очень ему шел. Прощаясь, я искренне пожелал Осипову дожить до Победы. Верю, что дожил.

Сильные бои развернулись на острове Эзель. Остров был укреплен особенно сильно. Глубокие рвы, бетонные доты, блиндажи, огромные завалы сосен, которые не обойти. Все напичкано минами. Танками и тягачами растаскивали завалы, и все опять под огнем. Квадраты немцами были заранее пристреляны, и огонь даже с дальних позиций велся довольно точно. Не говоря уже о дотах, защищенных полутора-

метровым слоем железобетона, откуда чуть не в упор били автоматические пушки и крупнокалиберные пулеметы. Эти серые бетонные глыбы разбивали тяжелыми 152-миллиметровыми снарядами, подтаскивая орудия как можно ближе.

В боях за острова, а особенно за Эзель, мы понесли огромные потери и в людях, и в технике, но задачу свою выполнили. После 22 ноября 1944 года сильно поредевший корпус отвели на отдых и переформировку. На материк. Мы расположились возле местечка Клоога, под Таллином. Получали пополнение, технику, учили прибывших новобранцев. В бой нас вводить не торопились, видно, хватало сил и без нашего корпуса, который практически несколько месяцев не выходил из боев.

Я с наслаждением сходил в баньку, попарился. Вместе с другими получил новое обмундирование. Хорошенько выспались. Достав спирта, помянули погибших товарищей. Мне с неделю пришлось ходить в санчасть, болели и кровоточили стертые ноги. Врач, знавший о моей болезни легких, долго простукивал грудь, слушал дыхание. На мой вопрос ничего определенного не ответил. Рекомендовал не застуживаться, пить чай с молоком и медом. Где только все это возьмешь? На предложение пройти обследование в госпитале я отказался. Я не ранен и не контужен. Не хватало, чтобы думали, будто я придуриваюсь.

Местные жители относились к нам настороженно, а порой и враждебно. До нас доходили слухи, что в других частях пропадали солдаты и офицеры. Караульная служба в дивизии была организована усиленно. Поодиночке за пределы частей выходить запрещалось.

В эти недели мне навсегда запомнился один эпизод. Нас привели в костел, где немцы перед уходом расстреляли большую группу гражданских людей. Кто они были, я не знаю. Но один из антифашистов рассказывал, что из костела вынесли много трупов женщин и детей. Расстреливали их торопливо, ожесточенно, в упор. От ударов разрывных пуль на светлых стенах остались многочисленные засохшие брызги и потеки крови. Пол был буквально залит кровью, его долго отмывали, но бурые следы так и остались. Как бы я хотел, чтобы тех фашистов привели сюда и ткнули мордой в эти страшные следы. Но ни в чьих мемуарах немецких «рыцарей» вы, конечно, не найдете ни одного слова об этом костеле и расстрелянных детях.

Неподалеку от Клооги находился крупный концлагерь. К нашему прибытию он был пуст. Местные жители рассказывали, что часть пленных угнали на запад, а большинство заставили разбирать железную дорогу. Рельсы увозили в Германию. После окончания работ все оставшиеся пленные были расстреляны. Ряды тел перекладывали шпалами и старательно сжигали. Показывали нам и ямы, куда закопали останки убитых. Позже с этими фактами разбиралась военная прокуратура и НКВД. В мемуарах немецких генералов и офицеров, которые мне неоднократно приходилось читать, вы не найдете ни слова об этом лагере, так же как и о массовых расстрелах в Бабьем Яре или детском лагере смерти Саласпилс. Вспомните слова песни над могилами погибших детей Саласпилса:

... на бетонную плиту положи свою конфету,
здесь когда-то лагерь был, лагерь смерти Саласпилс.

В мемуарах старательно перечисляются бои, взятые и оставленные города, полученные звания и награды. Но ни слова о массовых убийствах заложников, пленных и просто мирных жителей. Видно, не зря вечный ненавистник коммунистов Уинстон Черчилль отбросил временно в сторону всю свою ненависть к большевикам, увидев угрозу во много раз страшнее. Фашизм! И Англия воевала против Гитлера в союзе с Россией.

В конце февраля сорок пятого отдохнувший, хорошо подготовленный Эстонский корпус был переброшен в Курляндию, где шли сильнейшие бои с окруженной немецкой группировкой. Советская авиация непрерывно, волна за волной, шла в сторону немецких укреплений. Я видел группы бомбардировщиков, штурмовиков в сопровождении истребителей. Авиация сыграла большую роль в разгроме многочисленной немецкой группировки, засевшей в бетонных укреплениях, дотах, траншеях. Но и наши потери в воздухе были немалые.

Собранные в сплошную многорядную полосу зенитные дивизионы и батареи буквально испещряли небо шапками взрывов и густыми трассами 20-миллиметровок и тяжелых пулеметов. Я видел, как возвращаются со штурмовки наши поредевшие эскадрильи. Некоторые самолеты, сильно поврежденные, с трудом тянули над самыми соснами. Дотяните до аэродрома, ребята!

Немцы дрались упорно и ожесточенно, хотя всем было понятно, что войне приходит конец. На мой взгляд, играли в этом большую роль и крепкая дис-

циплина вермахта, и широко развернутая Геббельсом пропаганда о том, что «дикие азиаты» не пощадят никого. Пытки, издевательства, расстрел, а в лучшем случае — Сибирь, откуда никто живым не возвращается. Многие немцы после всего, что натворили на оккупированных землях Советского Союза, в это верили.

Мы готовились к штурму. Тоскливо было сознавать, что идут последние недели войны, ярко светит мартовское солнце, но этот штурм оборвет жизнь многих из нас. Может, и мою...

Но неожиданно, уже перед вступлением дивизии в бой, немцы выкинули белый флаг. Капитуляция!

Так для меня закончилась война.

Я воевал в исторических местах. Побережье Балтики никогда не было спокойным местом для России, начиная со времен Петра Первого. На островах и побережье сражались и гибли в Первую мировую войну наши прадеды. Моонзунд, Саарема, Эзель — это вехи нашей истории. Вспоминая их, известный писатель Валентин Пикуль оставил такие строки: «Смерть застала их здесь, и они доблестно погибли во славу Грядущего — ради нашего дня, читатель...»

Здесь высятся памятники нескольким поколениям российских воинов и моряков. Среди них есть знакомые мне имена погибших в 1944 году.

Я видел памятник «Русалка» в местечке Пирита. Он поставлен в честь русского крейсера «Русалка», который, выйдя в 1894 году из Ревеля в Петербург, бесследно исчез в холодных водах Балтики вместе со всем экипажем. Памятник вытесан из огромного

камня в виде носа корабля, а над ним — скульптура русалки с поднятым над головой крестом. На памятнике выбиты имена всего экипажа погибшего крейсера. Вечная память вам, так же, как и тысячам другим, погибшим в 1917—1918 годах и в годы Великой Отечественной!

Что еще добавить? Имею награды: ордена Красной Звезды и Отечественной войны, несколько медалей. Но это не так важно. Главное, мы победили фашизм.

В 1959 году после демобилизации я приехал в Сталинград и, прожив в городе-герое почти полвека, считаю себя сталинградцем. Это мой родной город. Не могу забыть, как, бывая на Мамаевом кургане, читаю имена погибших за Сталинград. Тысячи имен, и у каждого была мать. Я видел мать Героя Советского Союза Рубена Ибаррури — Долорес Ибаррури. Моя мама умерла 18 мая 1945 года, так и не дождавшись меня с войны.

...Иду по знакомой дорожке,
Вдали голубое крыльцо.
Я вижу в знакомом окошке
Твое дорогое лицо...

Это стихи о моей матери и, наверное, о тысячах других матерей, ждавших нас с войны.

СПЕЦНАЗ СОРОК ВТОРОГО

Мы прорывались ночью. Трассирующие пули проносились рядом. Одна из трасс прошила моего товарища, и он упал. Телогрейка на глазах пропитывалась черным. Меня потянули за руку. Быстрее! Ему уже не поможешь.

Полеев В.Г.

★ *Василий Григорьевич Полеев ушел на фронт добровольцем в семнадцать лет. Получилось так, что мальчишкой он попал в 27-ю воздушно-десантную бригаду. Первое свое задание выполнял в группе опытных десантников, заброшенных в тыл врага, взрывая немецкий понтонный мост через Дон, а затем пробивался через линию фронта, снова в Сталинград.*

О людях этой профессии, бойцах-десантниках, любят снимать фильмы, показывая их необыкновенные подвиги, сверхъестественное умение стрелять и сражаться.

Неоднократно встречаясь с Василием Григорьевичем Полеевым, я понял, что это не совсем так. Они были обычными солдатами, выполнявшими в самых сложных условиях свой долг. И все же я смело могу назвать их вполне современным, почетным словом «спецназ». Они были спецназовцами Великой Отечественной.

Я родился 26 мая 1925 года на Дону, в станице Потемкинской, Калачевского района, Сталинградской области. Места наши живописные, быстрая чистая река, поросшие лесом холмы на правом берегу, обширная пойма. Отец и мама работали в колхозе, детей в семье было трое: две сестры и я. Сестры были постарше.

Как все мальчишки, любил рыбалку. На Дону и сейчас рыбалка хорошая, а до войны — вообще отличная. Можно было увидеть рыбака, вытаскивающего из лодки сома килограммов на двадцать или здоровенного сазана с полпуда весом, и никто не удивлялся. Попадались крупные судаки, лещи, а вяленый синец и чехонь такие жирные, что на солнце просвечиваются.

В нашей мальчишечьей компании имелись свои любимые места. Обычно на перекатах, песчаных плесах. Ловили удочками, донками. Лучше всего клевало вечером, ночью или рано утром. Бывало, до конца сентября рыбалили. В этот период крупные судаки на малька хорошо брались. Разведем костер вечером на песке, сидим, что-то варим, разговариваем. Кое-кто уже покуривает. Взрослыми себя торопились почувствовать. Война нас быстро взрослыми сделала. Мне в мае сорок первого шестнадцать исполнилось. Я уже год работал в колхозе, закончив восемь классов. Летом собирался поступать в техникум, а какой там техникум, когда 22 июня немцы начали войну! Надежда на быстрый разгром врага не оправдалась. На фронте творилось что-то непонятное. Наши войска оставляли город за городом. Как и все, мы, мальчишки, переживали отступление Красной Армии.

В августе ушел на фронт отец. Из родни и знакомых тоже многих призвали. Женщины ходили растерянные, плакали, предчувствовали плохие вести. Посыпались осенью сообщения. В основном «пропал без вести», но много было и похоронок. Моя тетка так кричала, когда похоронка на сына, моего двоюродного брата, пришла! Ему и девятнадцати не исполнилось. Меня обняла и давай причитать: «Ой, Вася, какая судьба вам выпала!» Выкрикивала что-то еще, себя не помня. Я испугался, вырвался и убежал. А войны я не боялся. Матери как-то заикнулся, что добровольцем пойду. Она заплакала и уговорила меня глупостей не делать. Некоторые мальчишки ездили в район, записываться в армию. Кому отказали, а кому семнадцать исполнилось, взяли. Вроде в военные училища направили. Я им завидовал.

Когда под Москвой немцам нанесли хороший удар, я не сомневался, что скоро их погонят. Красная Армия всех сильней! В мае сорок второго началось наступление на Харьков. Мощное и успешное поначалу. А потом радио замолчало. Не то чтобы совсем, а заговорили про отбитые контратаки немцев, перечисляли, сколько фашистов убито, сколько их танков и самолетов уничтожено. В то время мы о трагедии, которая под Харьковом произошла, не знали. Зато появилось в хуторе много беженцев. А в конце мая пришел черный день для нашей семьи. Почтальон принес похоронку на отца. Он погиб под Керчью.

Описывать нашу беду не надо. Какие тут слова подберешь? Мы жили дружно, отца любили. И вот нет его и никогда не будет. Когда я собрался в военкомат, мать на этот раз меня не отговаривала. Может, для кого-то удивительно звучит. Сейчас от армии пыта-

ются уклониться, кто как может. А тогда настрой другой был. И еще такая деталь. Наши края казачьи, хотя слово «казак» с двадцатых годов означало едва ли не врага Советской власти. Веками сложилась традиция: как война, так казаки коней седлают. Хоть с плачем, но провожали мужей и сыновей на все войны.

Коня у меня не было. Добирался вместе с группой призывников пешком. Это было примерно в середине июня. В райцентре я соврал, что мне восемнадцать. Поначалу толком не проверили, а когда выяснилось, подошел ко мне лейтенант и велел собираться домой. «Куда я тебя дену? Приходи через пару месяцев — зачислим в училище, на танкиста или командира пехотного взвода». На танкиста я был учиться готов. Но домой он меня все же не отпустил, сказал, подумает. Я написал заявление, что прошу зачислить меня добровольцем в ряды Красной Армии, чтобы мстить за погибшего отца.

Поболтался еще дня четыре на призывном пункте. Харчи кончились, кормили раз в день жидким супом или кашей. Ходил голодный. Приезжали «покупатели». Уводили команды, а меня неожиданно приметил лейтенант с необычными эмблемами, который набирал людей в воздушно-десантную бригаду. Он рассказывал, что служба в воздушно-десантных войсках особая. Ребят берут смелых, которые будут действовать в составе парашютных десантов, драться с немцами в их тылу.

В сорок втором мало у кого имелись награды, а у лейтенанта блестел орден Красной Звезды. Сопровождавший его высокий светловолосый старший сержант имел медаль «За отвагу». И еще, что я приметил, хоть и мальчишкой был. Мне показалось, что у них и

вид другой был. Мускулистые, крепкие, хотя не сказать, что «амбалы». Словом, тертые ребята. Я полез в числе других записываться. А потом меня дернул за локоть мужчина лет тридцати и отозвал в сторону: «Ты парень молодой, мало в жизни понимаешь. В десант не иди, живыми оттуда не возвращаются».

Я сначала подумал, что провокация. Но мужчина, оглядываясь по сторонам, повторил, что лучше мне записаться в шоферы или радисты. Убеждал он меня с сочувствием, и я заколебался.

И все же я попал в команду, которую составлял лейтенант. Познакомился с сопровождавшим его старшим сержантом, разговорились. Сержанта звали Леонид Иванович Коваленко. Он выслушал мою нехитрую биографию и предложил: «Не раздумывай, иди к нам». До Сталинграда мы добирались пешком, переночевав в каком-то складе. Было полно мошки, в такую пору днем даже скотину стараются выгонять на луга реже. Наша команда, человек сто, представляла странное зрелище. Мало того, что одеты в рванье (все равно форму дадут!), да еще идем, размахивая руками, отгоняя мошкару. Поздно вечером пришли в Сталинград. По дороге троих или четверых недосчитались. Лейтенант с орденом сплюнул и сказал, что обойдемся без них. Это не бойцы.

— Так, что ли? — обратился он ко мне.

— Так точно, товарищ лейтенант! — бодро ответил я, хотя все лицо опухло от укусов мошки.

— Зовут тебя как?

— Красноармеец Полеев. Василий Григорьевич.

— Наш парень, — поддержал меня Коваленко. — Отца у него под Керчью убили. Хочет мстить.

— Ты еще не красноармеец, — усмехнулся лейтенант. — Для этого присягу принять надо. Лет-то тебе сколько?

— Семнадцать с половиной, — ответил я, твердо уверенный, что из Сталинграда меня домой не отправят — слишком далеко.

В Сталинграде, на призывном пункте, нас покормили и в тот же день отправили на «полуторках» через паромную переправу в Среднюю Ахтубу, поселок километрах в тридцати от города. Потом отметились в штабе и снова пешком шагали целый день к месту расположения части.

Я мало знал, что представляла тогда 27-я воздушно-десантная бригада. Но то, что это была не совсем обычная часть, понял быстро. С месяц я провел в учебном батальоне. Нас переодели в сильно поношенное обмундирование, ботинки с обмотками. Когда сдавали нашу гражданскую одежду, ко мне подошел какой-то парень, оглядел мои гражданские башмаки, довольно крепкие, и предложил:

— Буханку хлеба за них хочешь?

— Их же сдать положено. В фонд обороны, — возразил я.

— На положено хрен заложено! Соглашайся.

Я согласился, потому что все время хотелось есть. Ботинки исчезли, а хлеб я, конечно, не получил. Вскоре этот обидный случай сгладился в памяти, потому что началась учеба. Обычно занятия проводились по взводам. Сорок человек, а во главе младший лейтенант или сержант. Жили мы в палатках среди живописной Волго-Ахтубинской поймы. Подъем, пробежка километра два, зарядка, завтрак, изучение уставов,

строевая подготовка и так далее. Можно сказать, проходили курс молодого бойца. Но одновременно нас проверяли, как говорится, «на вшивость». Из взвода куда-то исчез курсант, который постоянно ныл, что «немцы прут и никак их не остановишь». Его не забрал особый отдел, а просто, как мы поняли, перевели в обычную часть.

Через неделю нам устроили кросс километров на восемь. Я едва выдержал. Спасли крепкие легкие, не отравленные табаком, и упрямство. Но еще двоих, «скапустившихся» на полдороге, тоже отчислили. Из-за чего-то убрали чернявого паренька. Якобы из-за национальности или из-за социального происхождения. Так потихоньку оставляли костяк, не сказать, чтобы самых крепких ребят, но упрямых и надежных. Через месяц подготовки человек двадцать, в том числе меня, перевели в военный городок. Снова разбили по взводам, и я неожиданно увидел старшего сержанта Коваленко. Он командовал взводом, и я упросил взять его к себе. Впрочем, уговаривать долго не пришлось. Коваленко, сразу узнав меня, спросил:

— Ну что, обкатали маленько? Выдержал?

— Нормально.

— Тогда пойдем со мной.

Было начало августа. Уже прочитали грозный приказ Верховного Главнокомандующего № 227 «Ни шагу назад». Мы приняли присягу. Шли ожесточенные бои в большой излучине Дона, откуда рукой подать до Сталинграда. Сводки Информбюро, как всегда, грешили туманными фразами. Я не знал, может, и нашу станицу оккупировали немцы. Шестого августа

фашистские части взяли станцию Тингуту, менее чем в ста километрах от Сталинграда. Я представлял фашистов, сжигающих наш дом, расстреливающих мою родню. Однажды не спал всю ночь, даже тихо плакал, чтобы никто не слышал.

Утром начиналась учеба, и я брал себя в руки. Занятия носили уже другой характер. Взводы по сравнению с учебным батальоном были меньшего состава, человек по двадцать пять. Почти исчезла строевая подготовка, меньше мучили уставами. По-прежнему делали по утрам долгие пробежки, но появились новые дисциплины. Каждый день по часу, разбившись на пары, изучали приемы рукопашного боя. Сержантов-преподавателей было двое. Один смуглый, жилистый, по фамилии Айдашев. Мы называли его «Айда». Конечно, за глаза.

Айдашев вел занятия очень жестко. Никто не любил быть у него спарринг-партнером. Он с такой силой шмякал о землю, что курсанты порой не могли долго прийти в себя. Если шли упражнения с учебным ножом или пистолетом, Айдашев безжалостно выворачивал руки, заставляя людей вскрикивать от боли. Однажды он нарвался на хорошо подготовленного парня. Тот не поддался и сам сбил с ног Айдашева. Сержант пришел в ярость и буквально измолотил парня. Мы возмутились, подняли шум. Пришел Коваленко, построил взвод и отчитал всех:

— Сержант Айдашев вас фашистов бить учит, а вы синяков испугались. Как же вы в бою себя поведете?

Но Леонид Иванович все же поговорил с инструктором, тот немного приумерил пыл. Хотя бы в нашем взводе. В других взводах он действовал по-прежнему.

Второй инструктор, наш, русский, из борцов, был душевнее, хотя заставлял нас проводить приемы в полную силу:

— Никаких касаний. Девок будете гладить! Резкий удар. Вот так!

И кто-то из нас катился по траве, а деревянный нож или пистолет летел в другую сторону. Мы старались, понимая, что это важно. Однажды один из парней сломал кисть руки. Его отправили в санбат. Разбираться, кто прав, кто виноват, не стали.

Кормили нас неплохо. Каждое утро, кроме каши и хлеба, — кусочек масла. На обед хороший суп, каша с мясом. Вокруг было много садов и плантаций. Я-то привык к помидорам, а те, кто с севера, прямо объедались ими. Хватало и яблок, которые мы приносили в гимнастерках, завязав воротник и рукава. Сторожа нас не гоняли, только просили не ломать стебли и ветви. Начальство предупреждало: если схватим дизентерию, будет расценено как членовредительство. Обходилось! Пока молодые, все впрок шло.

Много занимались боевой подготовкой. Изучали винтовку, ручной пулемет, автоматы. Коваленко учил нас разбирать и собирать немецкий автомат МП-40. Нам он нравился. Коваленко сразу предупреждал, что это оружие ближнего боя и все автоматы рассчитаны на стрельбу короткими очередями. Проводились стрельбы из пистолетов ТТ, наганов. Из ТТ я попадал точнее. Чтобы метко управляться с наганом, нужны навыки и сильные пальцы. У пистолета после каждого выстрела курок взводится автоматически, а чтобы выстрелить из нагана, надо приложить дополнительное усилие для взведения курка и лишь затем стре-

лять. На стрельбище мы иногда хитрили, незаметно взводя курок перед первым выстрелом. Это помогало попасть в цель, но последующие выстрелы уходили в края мишени или «в молоко».

Леонид Иванович Коваленко относился ко мне хорошо. Я был самым младшим во взводе. И, если быть объективным, во многом уступал другим курсантам. Хотя в неразберихе сорок второго года в воздушно-десантную бригаду брали порой случайных людей, но в основном ребята были проверенные, прошедшие отбор. Я подружился с Федей Марковым, бывшим киномехаником из-под Куйбышева. Он был худощавый, среднего роста, но хорошо развит физически. Крутил на турнике «солнце» — залюбуешься. Когда я спросил, где он так научился, ответил, что в его прежней части старшина был въедливый. Заставлял после ужина на турнике и брусьях заниматься.

— А у меня руки тренированные. Знаешь, сколько коробка с кинолентами весит?

Я не знал, и Федя сообщил, что две коробки тянут двадцать четыре килограмма. Приходилось таскать на себе и за десять, и за пятнадцать километров. Я любил кино и завидовал Феде, интересовался, где учат на киномеханика.

— Ерунда все это, ручку крутить да ленты склеивать. Человек должен настоящую профессию иметь. Я просто перед армией подрабатывал. А вообще-то моряком хотел стать. Может, и стану.

Преподавали взрывное дело. Но это была слишком сложная наука. Нас учили основам. Взрывников готовили специально, и все они, как правило, уже

имели какую-то подготовку. Я тоже прошел курс. Узнал, что основной взрывчаткой, которой пользуются десантники, являются тол и тротил. Несколько дней посвятили изучению разного рода взрывателей и дважды съездили на полигон, где взрывали с помощью бикфордова шнура толовые шашки. Тола выделяли немного, и взрыв небольшой шашки метров за сто гремел глухо и не слишком впечатляюще. Я ожидал большего.

Взвод Коваленко готовился для непосредственной работы в тылу противника. Я не знал, что в тот период решалась судьба о моем отчислении. Прежде всего, Коваленко не хотел брать на опасное дело семнадцатилетнего мальчишку, да и подготовка, по сравнению с другими, у меня была слабее. Как я понял, собирались перевести в одну из вспомогательных частей. Но события на фронте изменили мою судьбу.

В июле — августе уже вовсю шли налеты немецкой авиации на Сталинград. Бомбили Волжскую флотилию, нефтяные караваны, минировали фарватер реки. 8 августа немецкие бомбардировщики бомбили Красноармейские причалы, взорвали несколько барж с боеприпасами. Отголоски взрыва слышали даже мы, под Средней Ахтубой, хотя не знали в тот день, что случилось. Но главные события были впереди. 23 августа немцы обрушили сотни самолетов и буквально за день разрушили центральную и северную части города. В этот же день немцы прорвали фронт, и немецкие танки появились на окраине Сталинграда.

В подготовку взводов вносили изменения. Отбирали курсантов и куда-то увозили. Части 27-й бригады участвовали в боях за Сталинград, а в тыл забрасывались разведывательные и диверсионные группы.

Как-то вечером меня вызвал Коваленко и спросил, как идут занятия. Ответ выслушал рассеянно, потом заговорил о другом:

— Ты места на Дону хорошо знаешь?

— Неплохо. В Калач сколько раз сопровождал подводы с зерном. На рыбалке все вокруг исходил. К тетке в станицу Суровикинскую на катере плавал. Другие места знаю...

Коваленко расстелил на столе большую карту, склеенную из нескольких кусков. Карты и хождение по азимуту мы уже изучали, и я довольно уверенно находил хутора, которые он мне называл.

— Вася, — сказал он, — ты ведь понимаешь, в какую бригаду попал?

— Конечно. В десантники.

— Да ничего ты не понимаешь. Будем работать в тылу у немцев. Там законы другие. Попадешься живым, будут пытать, а потом убьют. Или на них работать заставят.

Мои слова звучали наивно, но я напомнил о том, что я комсомолец, что давал присягу. Вспомнил Зою Космодемьянскую, которая выдержала все пытки и с честью погибла. Леонид Иванович Коваленко не принадлежал к числу политработников. Он достаточно хорошо изучил меня и проверять мой патриотизм не собирался. Просто он откровенно и жестко объяснил суть предстоящей работы. Это не фронт, где кругом свои. А в тылу действуют в полной изоляции. Все силы — на выполнение поставленного задания. Остальное не имеет значения.

— Представляешь, что будем делать, если кто-то ногу сломает?

Я подумал и ответил, что понесем с собой. Повторил чьи-то слова, что «разведка своих не бросает».

— Чтобы нести раненого, надо четыре человека и плюс двое в дозоре. А если в группе всего четверо?

Я не знал, какого ответа ждал от меня Коваленко, и, помявшись, ответил, что раненого надо спрятать поглубже в кусты, а на обратном пути забрать.

— А если он к немцам в плен попадет? — настаивал старший сержант. — Они умеют языки развязывать.

Я догадывался, какого ответа ждет от меня командир взвода, но не мог вслух произнести, что человек, ставший обузой в глубоком тылу, обречен. Он обязан либо застрелиться сам, либо... Ну, не знал я точного ответа!

Из нас уже формировали группы или по крайней мере костяк будущих групп. Я познакомился с Федором Марковым и Саней Погодой. Оба были специалисты — минеры. Помню, взяв еще двух бойцов, мы возводили примитивный мосток через узкий ерик. С трудом ворочали тяжелые кривые бревна, перетаскивали по грудь в грязи и воде, сколачивали досками. Досок поблизости не было, и мы отрывали их от старого сарая. Там же добывали ржавые гвозди. Уже к вечеру на нашу работу пришел глянуть Коваленко.

— А почему мостик без перил? Так не пойдет.

Он был прав. Взрывники ушли, а мы, трое, сколачивали до ночи перила. Получились хоть и корявые, но достаточно крепкие. Искусанные комарами, но довольные, мы проверили крепость мостика и перил. Предположили, что здесь будет новая площадка для занятий. Постирали одежду, помылись и вернулись

к себе за полночь. Ужин нам, конечно, не оставили. Побурчав, легли спать. Утром, уже группой, отправились к нашему мосту.

Марков и я прикрутили к бревнам толовые шашки. Федя еще раз показал, как устанавливается детонатор и крепится электрошнур. Отойдя метров на восемьдесят, Марков настроил машинку с рукояткой, приказал всем лечь.

— Крути рукоятку. Резко, — скомандовал он мне.

Я крутнул раз и второй. Грохнул взрыв. Когда мы подошли к ерику, наш мостик был разнесен и разбросан. На воде покачивались оторванные щепки, и плавала вверх брюхом глушеная мелочь.

— Чего смотришь? — засмеялся Федя. — Собирай рыбу. Может, на уху хватит.

Запомнились марш-броски с наполненными всякой всячиной вещмешками. Выдали нам и винтовки с пятью патронами на каждую. В день проходили километров по сорок. На нары валились замертво. Тренировались, как бесшумно снять часового. По много раз подползали к чучелу в драной немецкой форме (где-то достали для такого случая) и вонзали нож в плотно набитый травяной мешок. Не обходилось и без досадных случайностей.

Ползти приходилось по тридцать-сорок метров. Видимо, специально нам подбрасывали сухие ветки. Впрочем, в начале сентября их и так в лесу хватало. Хрустнет под локтем сучок — все, задание сорвано. Я сообразил и начал подползать стороной, по траве, осторожно отодвигая сушняк. Один раз до того увлекся ползаньем, что уткнулся в сапоги сержанта Погоды.

— Ну, и что дальше? — насмешливо спросил Саня. — Ты хоть вперед смотришь?

Отчитал меня. В другой раз я кинулся на чучело с такой прытью, что поскользнулся. Но не растерялся, а мгновенно вскочил и, перехватив фашиста «за горло», вонзил нож точно в цель.

— Молодец, правильно сработал!

Саня Погода был с Урала. Успел повоевать, получил ранение. Хорошо разбирался в радиоделе, взрывчатке, гранатах. От него я узнал много полезного. Гранаты мы метали в основном учебные, добиваясь точности и автоматизма. Дважды бросали боевые: РГ-42, новую для того времени гранату, и знаменитую «лимонку». Я считал, что шестисотграммовая «лимонка» поражает осколками все живое чуть ли не в радиусе ста метров.

— Нет, — качал головой мой новый товарищ со странной уральской фамилией Погода. — На это не надейся. В «лимонке» тротила гораздо больше, чем в РГ-42, а корпус из чугуна. Ее взрывом сильно крошит. Можно, конечно, и на полста шагов фрица завалить, но это маловероятно. Слишком много мелких осколков. Крошево. Так что бросай точнее. Рассчитывай попасть не дальше десятка шагов от фашиста, да и то, если он в рост. Лежащего только в упор возьмешь. А РГ-42 вообще наступательная граната. Ее прямо под ноги или в окоп кидать надо.

На стрельбы ходили группами по десять-двенадцать человек. Это не сорок курсантов, когда по три патрона выдавали. Здесь патронов не жалели. Возглавлял группу Коваленко или Федя Марков, который являлся его заместителем. Коваленко учил меня правильной стрельбе из нагана.

— Это наше основное оружие. Автоматов не хватает, — объяснял он. — Все в Сталинград идут. Нас сбрасывают в тыл не для боя. Наше дело выполнить задание и с немцами без крайней необходимости в бой не ввязываться.

Какое предстоит задание, Коваленко умалчивал. Я с лишними вопросами не лез. Продолжались тренировки и боевые стрельбы. Из нагана я выпустил по мишеням штук семьдесят патронов. Стрелять научился более-менее прилично. Тренировались из ППШ на сто и двести метров. На сто — я выбивал неплохие результаты, на двести — похуже, да и то одиночными выстрелами.

Вот только с парашютом мне ни разу не удалось прыгнуть. Теоретически вроде все знал: как правильно уложить купол и стропы, как учитывать направление ветра, как приземляться, чтобы не переломать ноги, и как быстро и четко собрать парашют. Практически же не получалось. То воздушную тревогу объявят и единственный тренировочный аэростат прячут под защитную сетку, то какая-нибудь неисправность, то очередь до меня не дойдет. В общем, когда полностью экипированной группе объявили, что вылет состоится через сутки, я почувствовал себя неуютно.

— Держи себя спокойно, — сказал Коваленко. — Парашют уложен надежно. Твое дело шагнуть через дверку, а купол, как и у всех, будет открываться автоматически.

К тому времени группа была уже полностью укомплектована. Шесть человек, в том числе одна девушка, Зина Стебловская. Высокая, темноволосая, Зина напоминала наших казачек, но на вопрос откуда, засмеялась:

— Далеко. Да ты не обижайся, Васек. Чем меньше знаешь, тем лучше спишь.

Я буркнул что-то в ответ. Выделывается! Ребята проще себя ведут, не делают всяких секретов и мне вполне доверяют. Позже я узнал, что семья Зины Стебловской осталась в оккупации. Если бы до немцев просочились слухи о ее службе в десанте, родню наверняка бы расстреляли. Кстати, это касалось и меня. Коваленко запретил мне говорить кому-либо, из каких я мест, и вообще реже называть фамилию.

Зина не носила наград, а может, не имела их. Но я понял, что Стебловская не новичок в десанте. Это чувствовалось во всем. Держалась она уверенно, Коваленко ее давно знал. Зина немного говорила по-немецки. Единственный человек в нашей группе. В школах нам иностранный язык преподавали кое-как, да мы и не стремились его учить. Зачем? Есть вещи поважнее. Сейчас бы нам знание немецкого пригодилось.

Кстати, стреляла Зина отлично. У нее был обычный ТТ. Иногда она приносила консервные банки, расставляла их и сбивала одну за другой. С ней мог бы соперничать только Коваленко, но он добровольно отдавал ей первое место. Еще говорили, что Зина хорошо владеет приемами нападения и защиты. Она тренировалась отдельно, вместе с несколькими девушками-десантницами.

Как мы были экипированы? Добротная красноармейская форма без знаков различия, сапоги, которые мы хорошо разносили. У всех легкие телогрейки. Федя Марков и Саня Погода были вооружены автоматами

ППШ и пистолетами. Остальные — пистолетами и наганами. У всех десантные ножи, по две-три гранаты. В вещмешках — запас продовольствия на трое суток, индивидуальный пакет, по двенадцать толовых шашек, бикфордов шнур, по пачке-две патронов.

Задание мы узнали незадолго до отправки. Впрочем, Коваленко, наверное, знал заранее. Нам предстояло взорвать понтонный мост недалеко от станицы Потемкинской. Получилось так, что я стал едва ли не центральной фигурой в группе. Леонид Коваленко уточнял со мной маршрут, задавал десятки вопросов: какова ширина Дона, сила течения, где находятся открытые места и лес, есть ли поблизости мелкие хутора.

До вечера отдыхали, а затем нас отвезли на аэродром. Вылетели уже в темноте. Какой тип самолета, я не знал. Разглядел, что небольшой, одномоторный. Летели часа полтора и довольно высоко. Как я понял, летчики делали крюк, обходя Сталинград. Насколько я мог ориентироваться, южнее города нас обстреляли. Возможно, наугад. Под нами сверкнули три яркие вспышки, потом еще одна. Звуки доносились как из-под земли, их заглушал мотор, но встряхнуло нас крепко.

— Готовьтесь! — прокричал пилот.

Стыдно сказать, но я трясся, как мальчишка. А кем я был? Мальчишкой, с наганом и гранатами на поясе. И боялся я не столько немцев, которые могли встретить нас огнем с земли, сколько падения в черную пустоту. А вдруг парашют не раскроется? Говорят, был такой случай незадолго до моего прибытия в учебный лагерь. Стропы перепутались, и от парня остался один мешок с костями. Наверняка происходили и

другие подобные случаи, о которых предпочитали не распространяться, чтобы не портить нам нервы. Хотя слухи всякие ходили. На лбу пот выступил. Я незаметно смахнул его ладонью. Но времени на страх уже не оставалось. Первый из десантников, Саня Погода, карабкался на крыло, следом Зина Стебловская, а дальше моя очередь.

— Быстрее! — торопил Коваленко.

Старший сержант прыгал в тыл немцев не в первый раз и знал, как важно четко, без заминок, покинуть самолет и приземлиться, не отдаляясь друг от друга. Иначе группу придется собирать до утра. Я сжал зубы и, стараясь не смотреть вниз, полез на крыло. Парашют открылся автоматически. Толчок, и над головой повис круглый купол.

Приземлились, в общем, благополучно. Если не считать, что парашют Феди Маркова зацепился за большой вяз, а сам сержант повис в двух метрах от земли. Подрывник пытался рывком сдернуть купол, но ничего не получилось.

— Отцепляйся, — сказал Коваленко. — Сейчас все вместе что-нибудь придумаем.

Ветки вяза гибкие, крепкие, и группе пришлось повозиться. Перерезали ножами несколько строп и стащили купол. Торопливо орудуя саперными лопатками, закопали все шесть парашютов, притоптали яму, забросали ветками и пучками сухой травы. Теперь бегом от места приземления к Дону! Хотя с десантным грузом не очень-то разбежишься.

Самый тяжелый для Сталинграда месяц, сентябрь 1942 года, достаточно описан в литературе. Почти полностью разрушенный город горел. Потоки горя-

щей нефти плыли по реке. Зенитные орудия били и по немецким самолетам, и по танкам. Шли ожесточенные уличные бои, и линия фронта тянулась едва не по самому берегу Волги. Нам оставалась узкая полоска, которую немцы так и не смогли преодолеть.

С правой стороны Дона по ровной степи потоком двигались на Сталинград немецкие танки, бронетранспортеры и машины с пехотой.

Большими и малыми группами в сторону города шли в небе бомбардировщики, штурмовики в сопровождении истребителей. Над Доном и междуречьем постоянно вспыхивали воздушные бои, и люди напряженно следили за исходом неравных схваток — в 1942 году немцы в основном превосходили нас и в количестве, а особенно в качестве самолетов. Даже под Средней Ахтубой, в учебном лагере, мы с горечью видели, что чаще одерживают победы немецкие летчики, хотя доставалось и фрицам.

Почти вся немецкая техника и пехота переправлялись ночами по этим легким, но имеющим большую грузоподъемность мостам. Утром саперы отцепляли края моста, и небольшие буксиры отводили мосты в затоны или заливы, поросшие камышом, и тщательно маскировали. Ни техники, ни немецких частей поблизости от мест переправы и мостов не оставалось. В числе групп и отрядов, формировавшихся в составе бригады, готовились также группы для уничтожения понтонных мостов через Дон.

Авиации для нанесения днем ударов у нашей армии не хватало. Да и прежде, чем нанести такой удар, требовалось время, чтобы обнаружить мост. Кружить

над Доном не давали немецкие истребители. Ночные бомбежки мостов не приносили эффекта из-за отсутствия приборов ночного видения. Поэтому главная роль в уничтожении понтонных мостов через Дон возлагалась на диверсионные группы.

Старший сержант Леонид Коваленко был опытным десантником. За успешно проведенные операции был награжден медалью «За отвагу», а орден Красной Звезды получил в начале сентября. Группа подобралась опытная. Саня Погода, Федор Марков, Зина Стебловская, назначенный к нам незадолго до отлета Витя Калинчук уже участвовали в десантных операциях, воевали в составе частей бригады.

В Придонье с первых дней оккупации действовали небольшие партизанские отряды. Здесь, как и всюду на занятой врагом территории, шла борьба с немцами. Отряды в основном были сформированы из сотрудников НКВД, милиции, добровольцев, коммунистов и комсомольцев. Уже позже я понял, на какой риск шли эти люди. И много ли было «добровольности» в таких решениях?

Ведь Сталинградская область — сплошные степи. Лес идет неширокой полосой вдоль Дона, его притоков. Имеются довольно крупные лесные овраги (в наших местах их называют «балки»). Но это не то место, где могут скрываться партизанские отряды. Большинство наших южных лесов легко просматриваются с воздуха, даже когда деревья покрыты листвой. Зимой и поздней осенью все просматривается насквозь. Судьба большинства партизанских отрядов в тылу Сталинградского фронта оказалась трагической. Они

погибли почти полностью, сражаясь в окружении немцев.

У группы Коваленко имелись примерные координаты нужной им переправы — место нахождения передали партизаны. Без этих данных было бы просто невозможно найти тщательно замаскированное место. Несколько часов группа торопливо шагала в сторону переправы. Места вокруг были глухие: лес, заросли ивняка, болотца, овраги. Следов немецкой техники группа не видела. Зато встречалось много воронок от снарядов и бомб, поржавевшие каски, стреляные гильзы — следы летних боев. Видели несколько братских могил — песчаные осевшие холмы. На дощечках выжженные или написанные химическим карандашом фамилии и имена погибших. Кое-где и этого не было — в земле лежали безымянные защитники.

Часа через три группа разделилась на две части. Трое подрывников во главе с Саней Погодой остались в заросшей терновником лощине. Там же оставили мешки со взрывчаткой и продовольствием. Коваленко, Зина и я пошли дальше. Впереди уже виднелся Дон. Зина сняла камуфляжный комбинезон и, оставшись в простом платье, шагала впереди, делая вид, что собирает ежевику.

Через сотню шагов мы увидели что-то вроде причала — несколько бревен, забитых в береговой откос. Здесь, видимо, ночью цеплялись понтоны. Неподалеку под деревом стояла дощатая будка, из которой сразу вышел немец.

— Эй, фройлян, иди сюда, — на ломаном русском языке позвал он Зину.

Но Зина, ничего не отвечая, быстро пошла прочь в сторону, где лежали Леонид Коваленко и я. Немец тоже ускорил шаг. Скорее всего, он не подозревал, что здесь, далеко в тылу, девушка может находиться с диверсионной группой, а Зину посчитал легкой добычей, с которой можно заняться любовью. Зина побежала, сделала вид, что споткнулась и упала.

Немец уже ничего не видел вокруг, кроме своей добычи. Из-за кустов выскочил Коваленко и обрушил свой огромный кулак на голову немца. Тот свалился как подкошенный. Леонид сорвал с него автомат и, связав с моей помощью, повел «языка» к лощине, где ждали трое других парашютистов во главе с Погодой.

Медленно подбирая немецкие слова, Зина вместе с Коваленко допросили пленного. Немцу было за тридцать, и он хорошо понимал, что его ждет. Оставалось надеяться только на чудо. А может, его все же пощадят и оставят в живых? Умирать не хочет никто, и даже спустя много лет я вспоминал, что, рассказывая о затоне, где спрятан понтонный мост, немец не переставал говорить о своей семье, о том, что он антифашист, из семьи рабочих, и сам трудился на судостроительной верфи. Он никогда не стрелял в русских, был сапером. Он верил в чудо.

— Сколько человек охраняют мост? — спросила Зина.

— Драй. Три человека.

— А вооружение?

— Три винтовки.

— Пулемета нет?

— Машингевер? Найн.

— Поблизости другие посты есть?

— Нет, — покачал головой немец. — Их всех отводят подальше от переправы. Поверьте мне, я сделаю все, чтобы вам помочь.

— Ну ладно, — перебил его Коваленко. — Пойдешь впереди, будешь показывать, где находится мост.

Немец замолчал. Ему завязали рот, и цепочка из семи человек — шесть парашютистов и пленный немецкий сапер — двинулась по изрытому воронками придонскому лесу. Я уже примерно представлял, где находится этот затон. Лишь бы фриц не навел на какую-нибудь засаду.

Через полчаса сапер остановился и показал на камышовые заросли.

— Василий, Зина, оставайтесь с пленным, а мы вчетвером налегке пойдем вперед, — дал команду Коваленко.

Понтонный мост стоял в затоне, среди камышовых зарослей, и был сверху накрыт маскировочной сеткой. Разглядеть его с воздуха было почти невозможно. Да и само место, окруженное высокими тополями, было выбрано умело. Видимо, рассчитывая на хорошую маскировку и своего часового, трое саперов дремали после трудной бессонной ночи. На войне такая беспечность часто стоит жизни.

Десантники подползли на десяток шагов и бросились вперед. Двое саперов были убиты ножами, третий успел вскочить и побежал.

— Не стрелять! — крикнул Коваленко, уверенный, что на своих длинных ногах догонит немца.

Но Федя Марков не выдержал. Сухо треснул выстрел, и немец, сделав по инерции два-три шага, повалился лицом вниз. Для командира группы треск пистолетного выстрела прозвучал, как грохот.

— Ты в своем уме, Федор! — не выдержав, выругался старший сержант. — Задание провалишь! Ведь был приказ действовать только ножами.

Марков понуро промолчал. Он понимал, что из-за этого дурацкого выстрела нас могут услышать. Возможно, уже услышали.

— Боялся, что убежит, — наконец выдавил он.

Смертельно раненный немец скреб пальцами землю. Через несколько минут он умер. Настала тишина. Коваленко подал сигнал.

— Начали действовать! Времени в обрез.

Всего понтонов было семьдесят. К каждому предстояло прикрепить несколько толовых шашек, снарядить взрыватели и присоединить бикфордов шнур. Меня послали охранять подходы к затону, а подрывники минировали понтоны. Все они, в том числе Зина Стебловская, действовали быстро, но для меня, лежавшего в охране, время тянулось нескончаемо медленно. Неподалеку, за лесом, находилась родная станица, Потемкинская, мать и сестры, которых я не видел уже несколько месяцев, и на душе стало тоскливо. Увидимся ли мы еще?

Дон был пустынный. Высоко в безоблачном небе мерно гудели моторы немецких самолетов. Тройками шли на Сталинград тяжелые бомбардировщики «Дорнье-217». Каждый нес четыре тонны авиабомб. Технические данные наших и немецких самолетов я изучил хорошо. Насчитал двадцать четыре машины. Почти сто тонн взрывчатки обрушатся на город, если их не остановят наши истребители и зенитная оборона. Несмотря на кажущуюся медлительность, самолеты шли со скоростью 500 километров в час. Их со-

провождали истребители, штук двадцать, не меньше. Тяжко придется нашим!

По Дону прошел немецкий катер. Я вцепился пальцами в рукоятку автомата. Если катер свернет в затон, группе не уйти от его крупнокалиберных пулеметов. Я разложил на траве три свои гранаты. Катер, конечно, ими не возьмешь, но задержать можно, да еще три автоматных магазина в запасе! Я уже мысленно готов был к бою. В семнадцать лет не веришь в собственную смерть. Но катер прошел мимо.

Время, казалось, замерло! Ну, скоро они там? Где-то далеко на горизонте разгорелся воздушный бой. Наверное, наши истребители пошли на перехват немецких самолетов. Оставляя дымный хвост, вниз падал самолет. Но чей, наш или немецкий, я не разглядел. Было слишком далеко.

Наконец, Коваленко закончил подготовку и приказал всем отойти подальше. Шипя, загорелся бикфордов шнур, один за другим загремели взрывы. Вверх взметнулись фонтаны воды, куски камыша. Кажется, все! Дело сделано. Показались Зина Стебловская и Федор Марков.

— А где командир с Калинчуком? — спросил Василий.

— С фрицем разговаривают, — отозвался Марков.

Василий уже знал жестокие законы диверсионной войны. Пленных здесь не бывает, пусть даже действительно тот немец не хотел идти на войну и был когда-то антифашистом. Сейчас он был враг. И в голосе Федора Маркова была одна злость. В начале войны у него погиб брат, и с зимы не было известий от другого брата. Или убили, или в плену у немцев. У Калинчука

под Киевом осталась в оккупации вся семья. Война коснулась каждого из десантников.

Через несколько минут появились Коваленко и Калинчук.

— Пошли, — коротко скомандовал сержант. — Идем в сторону хутора Генераловского. Полеев — рядом со мной, будешь показывать дорогу.

Пока нам везло. Я хорошо знал здешние места и уверенно вел группу в сторону хутора Генераловского, выбирая наиболее глухие участки: балки, низины, заросли кустарника. Коваленко да и остальные не сомневались, что немцы обнаружили следы их «работы» и ищут группу. Шли несколько часов без отдыха, выбросив все лишнее: динамо-машину, электрошнур, взрыватели, взятые про запас. Из трофейного оружия сержант разрешил мне взять только автомат. Длинноствольные австрийские винтовки, которыми были вооружены немецкие саперы, были утоплены вместе с понтонами. Они бы только мешали пробираться в зарослях.

— Главное наше оружие — скорость! — вытирая пот, говорил Коваленко. — А если нарвемся на фрицев, то — внезапность. Сопли не жевать, гранаты под ноги, пуля в упор, и пробьемся через любого гада.

Леонид Коваленко был настоящим вожаком группы. Очень сильный физически, почти на голову выше любого из десантников, он действовал с врагом жестоко, и статьи о нем в тот период вряд ли бы пропустили редакторы газет. Такого авторитета не имели даже многие офицеры. Он шел впереди и внушал людям уверенность. Автомата он не имел, держа при себе неизменный ТТ, из которого стрелял мастерски. Впро-

чем, чаще пользовался тяжелым десантным ножом, взятом в бою у немецкого эсэсовца. Слово «спецназ» тогда не знали, но Коваленко и его группа вполне потянули бы на это звание, постигнув в совершенстве за месяцы войны ее хитрости и законы. Поэтому и выжили, выполнив несколько сложных заданий.

Невысоко над землей прошел самолет-разведчик «Шторьх». Скорость этого небольшого самолета всего 170 километров в час, и группа, услышав издалека шум мотора, успела даже заползти в камыши. Самолет прошел стороной.

— Нас ищут? — спросил я Леонида.

— Черт его знает. Может, по своим делам летит, а может, такую же группу выискивает. Ты думаешь, мы одни эти мосты рвем? Каждую ночь группы улетают. Без понтонов немцам не обойтись. Днем переправляться их наша авиация отучила. Ну, пошли дальше.

Когда парашютисты едва не падали от усталости, сержант объявил:

— Привал!

В узкой сухой балке, в зарослях терновника, впервые за сутки перекусили. Диверсионные группы снабжали по первым нормам — на голодное брюхо не навоюешь! Имелась в запасе американская тушенка, наши советские консервы, сахар, чай, сухари. Все внезапно почувствовали голод. Мне запомнились очень вкусные ржаные сухари. Окунешь в котелок с водой, и получается почти натуральный ржаной хлеб. Да еще когда намажешь его тушенкой! Наелись, да еще нервное возбуждение. Потянуло на сон. Коваленко видел: сил ни у кого не осталось. Скомандовал:

— Четыре часа сна!

Поделили ночное охранение на пять человек — каждому дежурить чуть меньше часа. Исключение сделали лишь для Зины Стебловской. Мне досталось дежурить третьему. Сменил Саню Погоду. Позевывая, я спросил:

— Ну как, тихо?

— Вроде тихо. Но будь настороже. Если совсем на сон потянет, прогуляйся вон до тех акаций. В темноте тебя никто не увидит, главное, слушай внимательно.

Вот она, вторая ночь в тылу врага. Звездное сентябрьское небо. Ковш Большой Медведицы, россыпь Млечного Пути. То же небо, те же звезды, что и два года назад, когда на донских плесах я ловил с приятелями судаков. Только как все перевернулось. Нет в живых отца, двоюродного брата. Пришли похоронки и в соседние дома.

Высоко в небе снова послышался гул тяжелых самолетов. Сталинград бомбили днем и ночью. Вдали прошла колонна грузовиков. Фары погашены, а оставлены лишь узкие щели. Их едва заметно, но у меня зрение острое, почти кошачье. До грузовиков километра три, значит, там одна из степных дорог, ведущих на Сталинград. У фашистов сейчас одно направление — Сталинград, Волга. Спать не хотелось, но я и сам себе не хотел признаваться, что жутко одному в ночи. По траве пробежал легкий ветерок, и, кажется, послышались чьи-то шаги. Патрон в патроннике, остается только сдвинуть предохранитель и нажать на спуск.

Прислонившись к дереву, я представлял, вот появится тень, за ней — другая. Провел стволом автомата слева направо. Стрелять придется без прицела —

мушку в такой темноте не углядишь. Но я их уложу, первых двух или трех гадов одной длинной, веером, очередью. И потом сразу пару гранат. Подсумок расстегнут, только протяни руку. Так просто фрицам меня не взять, а там подоспеют остальные.

Но воображаемый бой не состоялся. Зато спустя несколько часов группа наткнулась на следы настоящего боя. И это было скорбное зрелище. До боли знакомый по фильмам и парадам истребитель И-16 чадил, косо врезавшись в песок. Одно крыло было сломано у основания, второе — с рваными отверстиями пушечных пробоин. Я впервые видел так близко И-16. От задней части самолета остался лишь каркас, тонкий перкаль выгорел. По сравнению с металлическим корпусом «мессершмитта», который мне пришлось увидеть сбитым под Средней Ахтубой, И-16 был очень легкий и даже внешне сильно устаревший самолет. И все же на них дрались.

Мы подбежали к летчику, выброшенному из кабины и лежавшему шагах в десяти от истребителя. Комбинезон на нем тлел, и десантники торопливо отнесли тело в сторону. Пилот был мертв. Это была девушка лет двадцати. Все мы с горечью смотрели на нее.

Она, наверное, только что закончила училище и вот на этом устаревшем самолете до конца сражалась с немецкими истребителями! Были ли при ней какие документы, я не запомнил. Пистолет погибшей девушки Коваленко отдал кому-то из десантников. К сожалению, похоронить летчицу не удалось. Невдалеке продолжался воздушный бой, место было открытое, и рисковать группой Коваленко не мог.

Группа торопливо уходила на восток. Это уже была прифронтовая полоса, насыщенная войсками. На перекрестках степных дорог стояли замаскированные легкие броневики или мотоциклы с пулеметами. Свой тыл немцы охраняли повсеместно. В этот день группа едва не попала в засаду. Шли по низине, заросшей ивняком. Впереди, как всегда, Коваленко, шагах в пятидесяти — остальная группа. Вдруг сержант подал знак, и все залегли. Метрах в семистах, на небольшом холме, виднелись две каски и ствол пулемета. Присмотревшись в бинокль, Коваленко увидел у подножия холма мотоцикл.

Место для засады немцы выбрали не случайно. Здесь, в стороне от дорог, среди кустарника, по широкой низине, прорезанной извилистыми овражками, могли пробираться окруженцы, партизаны или диверсионные группы. Техникой эти непроезжие места не проутюжишь. Отползали цепочкой, вжимаясь телами в пожухлую, осеннюю траву. Десантников с холма уже видно не было, но немцы уловили какое-то движение. Застучал пулемет. Одна, вторая, третья очередь. Очереди следовали одна за другой, простегивая кусты, густую некошеную траву, срезая кукурузные стебли небольшого поля за овражком.

— Не двигаться! — передал по цепочке Коваленко.

Я впервые оказался под огнем и всем своим существом ощущал гудение тяжелых пуль. Каким незащищенным кажется собственное тело!

Пилотка, гимнастерка, телогрейка, тощий вещмешок на спине с остатками еды и санитарным пакетом. Разрывная пуля щелкнула о тонкий ствол акации. Вспышка крошечного взрыва разорвала деревце на

две половинки и отбросила верхушку в сторону. Рядом со мной лежал Витя Калинчук.

— Нас они не видят, — тихо говорил Калинчук. — На нервах играют. Вот если кто не выдержит, побежит, то всем конец будет. Насмотрелся я летом на такие вещи.

Пулеметчик, наконец, расстрелял ленту. Наступила тишина. Шестерка неподвижно лежала в бурьяне, а там, наверху, о чем-то совещались немцы. Затарахтел мотор мотоцикла, и тяжелый «зюндапп», переваливаясь через кочки, двинулся по полю. Дорогу мотоциклу преградила узкая глубокая балка. Объезжать ее было далеко, да и вообще вся эта низина не была рассчитана для езды на технике. К тому же немцы совсем не были уверены, что в шевелившейся от ветра траве находились люди.

Встав на пригорок, оба постовых разглядывали в бинокль окрестности. Десантников закрывали верхушки терновника, кочки и густая трава. Если бы немцы оказались более дотошными и все же полезли через колючки, схватки было бы не миновать. Но немцы, потоптавшись на бугорке и осмотрев все вокруг, снова сели на мотоцикл и уехали к своему посту на холме. А группа торопливо отползала к балке и, продираясь сквозь колючки, спешила прочь от опасного места.

В августе здесь шли ожесточенные бои. Прорываясь к городу, немцы наталкивались на упорное сопротивление наших войск. Тела погибших красноармейцев местные жители в основном хоронили, но о прошедших боях говорили траншеи, сгоревшие танки, машины, орудия. Я заглянул в одну из «трид-

цатьчетверок». Из распахнутого люка тянуло запахом мертвечины. В другом месте находились остатки артиллерийского дивизиона. Пушки были размолочены взрывами, вмяты в землю гусеницами танков. Останки двух погибших артиллеристов, без обуви, были расклеваны воронами. У одного из погибших оторвало ногу и вмяло грудную клетку. Из-под лохмотьев нательной рубашки торчали ребра и почерневшая ссохшаяся плоть.

Тяжелый немецкий танк Т-4, угловатый, с длинной пушкой, застыл на обочине. Боковой люк был вырван взрывом, правая гусеница змеей распласталась на земле. Крест на борту был закопчен, а возле него темнела пробоина. Металл спекся и отливал фиолетовым наплывом.

— Бронебойным уделали, — сказал Федя Марков.

Остальные промолчали, потому что, сколько хватало взгляда, валялись обломки наших советских пушек и танков. Артиллеристы даже не успели окопаться, их уничтожили на открытых позициях. Тогда немцы за считаные дни прорвались от Дона до Сталинграда, а теперь завязли в уличных боях. Но сколько погибло наших солдат здесь и сколько гибнет в Сталинграде каждый час и каждую минуту!

Во второй половине дня вышли к хутору Генераловскому. Коваленко направил Зину и меня выяснить обстановку. Оставили оружие, вещмешки, я снял гимнастерку, оставшись в нательной рубашке и фуфайке. Армейские кирзачи тогда носили многие.

— Ты креститься умеешь? — спросила Зина.

— Могу, если надо.

— Ну-ка, покажи.

Я перекрестился, и Зина сказала, чтобы я не забывал креститься, когда это будет делать она.

От лишних вопросов меня давно отучили, и я шагал молча. Осторожно приблизились к крайнему дому. Две женщины и старик, жившие там, смотрели на нас не слишком приветливо. Прибежали двое мальчишек, лет по семь-восемь, но старик их прогнал и велел молчать, что видели чужих. Слово «чужие» меня неприятно задело. Мы — свои, мы воюем с немцами. Но ничего этого я не сказал. Разговор вела Зина, вернее, отвечала на вопросы старика.

— Далеко идете?

— В Сталинград, — коротко сказала Зина.

— Каждый день его бомбят. Отсюда зарево видно. Небось от города ничего не осталось. Брат с сестрой, что ли?

— Да.

— Чего-то вы не похожи... родственнички. Братишка светлый, а ты — темная.

— Бывает, — устало согласилась Зина. — Немцы в хуторе есть?

— Ты с ними, никак, воевать собралась?

— Встречаться не хочется. Беженцы мы. В Сталинград возвращаемся.

Женщина, которая помоложе, рассказала, что немцев в хуторе нет. Километрах в шести южнее стоит зенитная батарея, но немцы появляются в Генераловском редко — раз или два в неделю. Сплошного фронта впереди нет, а позиции занимают отдельные части румын.

— Те вреднючие, — вмешалась жена старика. — Хватают все что ни попадя. Порося увидят, тут же по

нему из винтовки палят. Ведро или тряпку углядят — все тащат. Но до хутора им не с руки добираться: ерики да камыши. Тем и спасаемся.

Зина осторожно расспрашивала дорогу, но деду это не понравилось. Оглядев мои армейские шаровары и сапоги, ехидно заметил:

— Вам немцев не искать, а прятаться от них надо. Ходють всякие! Мальчишкам рот не закроешь, наболтают лишнего, и каюк вам.

— Кому каюк, неизвестно, — побледнела от злости сержант Стебловская. Она поняла, что дед примерно догадался, кто мы такие.

— Не знаю, как мальчишки, а если ты лишнее слово вякнешь, сгоришь вместе с домом. Обещаю!

— Да ладно вам! — испугалась женщина постарше. — И ты, дед, не мели глупости. Сейчас я вам молочка с хлебом вынесу.

Зина, успокаиваясь, подробнее расспрашивала дорогу. Я тоже кое-что уточнял. Бабка вынесла кувшин молока и четвертушку хлеба. Молиться уже было ни к чему, дед и так нас угадал. Мы поблагодарили, выпили молоко, а хлеб завернули в платок. Вначале шли неторопливо, потом ускорили шаг. Рассказали о встрече ребятам.

— Немцы с казаками заигрывают, — сказал Коваленко. — Обещают после войны землю вернуть. Кто-то верит. Ладно, пожуем, и в путь.

Шли, вернее, бежали, торопясь уйти подальше от хутора. Впереди старший сержант Коваленко, а за ним — след в след остальные. Группу замыкал Федя Марков.

Взошла луна, голубоватым светом окрашивая траву и отбрасывая густые тени одиноких деревьев. Узкие

глубокие балки казались черными колодцами. Впереди, за горизонтом, колыхалось далекое зарево — там горел Сталинград. Шли молча, иногда останавливаясь, настороженно вслушивались в ночные звуки. Как и каждую ночь, гудели самолеты — очередная эскадрилья или полк шли бомбить Сталинград. Уже доносились взрывы бомб и звуки орудийных выстрелов, до города оставалось не так далеко.

На румынский пост наткнулись рядом с поселком Абганерово. Взвилась ракета, и Коваленко, идущего впереди, окликнули по-румынски. Знавший несколько румынских фраз, сержант отозвался, что идут свои, и тут же скомандовал группе:

— На прорыв!

Позже детали этого короткого ночного боя сплелись для меня в яркие искры калейдоскопа. Замолотил совсем рядом, кажется, прямо под ногами, пулемет. Вразнобой стучали винтовочные выстрелы, частыми очередями огрызались два наших ППШ. Коваленко и Погода одновременно бросили гранаты, целясь в пулеметное гнездо. Одна перелетела за бруствером, вторая рванула в окопе. Федор Марков успел тоже бросить гранату и, присев на колено, стрелял из автомата по вспышкам.

— Не задерживаться! Вперед! — крикнул Коваленко.

При свете очередной ракеты я увидел человека, наполовину высунувшегося из окопа. Чужая форма, непривычная каска. Румын передернул затвор винтовки, но я опередил его. Автомат забился в руках, как живой. Румына отбросило к другой стене окопа,

винтовку вышибло из рук, а я продолжал давить на спусковой крючок автомата, пока не кончился магазин. Я перезарядил автомат. Трассирующие пули проносились рядом. Одна из трасс уткнулась в Саню Погоду, и он упал. Я наклонился над ним. Телогрейка на глазах пропитывалась большим черным пятном. Коваленко потянул меня за руку. Быстрее! Сане уже не поможешь.

Я успел пробежать еще десяток шагов. Яркая вспышка и удар по голове швырнули меня на землю. Со лба текла кровь, одним глазом я ничего не видел. Кто-то помог подняться, я побежал дальше. Вскрикнув, упал Витя Калинчук. У него случилось что-то серьезное с ногой, ступня бессильно болталась. Идти он не мог, и его подхватили под руки.

Бежали из последних сил. Федя Марков прикрывал отход, расстреливая последний диск. Румыны преследовать группу не решились. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, они предпочли отсидеться в траншее. Да и боевой дух румынских крестьян, согнанных немцами воевать в чужой стране, был невысокий. Русские дерутся за свою землю насмерть, а ради чего им подставлять свои лбы на чужбине?

Группу проводили беспорядочным огнем и несколькими ракетами, а затем все стихло. На рассвете, укрывшись в низине, осмотрели и перевязали раны. Тяжелее всех был ранен Витя Калинчук. Разрывная пуля раздробила ему ступню, от сильной боли по лицу катились крупные капли пота. Временами он терял сознание. Ему наложили шины и, чтобы хоть немного облегчить боль, налили спирта.

Осколок гранаты попал мне в лоб, но, к счастью, лишь скользнул по кости. Еще несколько мелких

осколков угодили в голову и шею. Левый глаз распух. Голову и часть лица туго перемотали бинтами. Ранен был и Федя Марков.

Израненная и истратившая почти все боеприпасы группа кое-как двинулась дальше. Вскоре мы вышли на передовые посты наших войск. Я и Федя Марков попали в медсанбат. Витю Калинчука сразу отвезли в госпиталь. Наверное, удар крепко врезал мне по мозгам. На следующий день я вскакивал с кровати, искал Леню Коваленко и просился в бригаду. Мне сделали укол, и я проспал почти сутки. Немного успокоился. Врачи объяснили, что черепно-мозговая травма — штука серьезная и может кончиться плохо. Так что лежи и не суетись.

Операцию признали удачной, и всю группу представили к наградам. Зина Стебловская получила орден Красного Знамени. Чем были награждены остальные, не помню. Я получил медаль «За отвагу». Медаль носил гордо, на больничном халате. Редко кто получает такие награды в семнадцать лет. Помню, случайно услыхал, как один из бывалых десантников сказал другому:

— Повезло этому парню, да и всей группе. Из шестерых человек пятеро вернулись. А под Голубинкой три группы сбросили, и все три, как в воду. Ни слуху ни духу. В живых, наверное, никого нет.

Тогда я еще не понимал, насколько опасна «работа» десантников в тылу врага. Редкая группа выходила без потерь, многие гибли в окружении, и часто никто не знал, где их могилы. Но урон десантные группы наносили значительный. За удачные операции и риск десантников наградами не обделяли.

После госпиталя меня направили на трехмесячные курсы. Я добился возвращения в свою бригаду, Леонид Иванович Коваленко, получивший звание «младший лейтенант», снова взял меня в свой взвод.

Была уже весна сорок третьего. Бригада, как и остальные войска, продолжала наступление, потом мы надолго застряли в обороне. Витю Калинчука списали по инвалидности, у него была ампутирована часть ступни. Зина Стебловская пропала без вести вместе с целой группой. Что с ними случилось, можно только догадываться. Скорее всего, они погибли в бою. Зина в плен бы не сдалась, это я знал точно.

Прыгать в тыл врага мне довелось уже после Курской битвы, в ходе наступления на Днепр. Если на Дону мы взрывали понтонный мост, то здесь нам дали задание уничтожить небольшой железнодорожный мост. Задание было примерно схожее. Но в пойме Дона мы могли скрыться в лесу, многочисленных камышовых зарослях. Кроме того, я неплохо знал свои родные места. На Украине нам пришлось туго. Я в полной мере осознал, что такое война в тылу врага. Группа состояла из одиннадцати человек. Старшим был Коваленко, заместителем у него — Федя Марков. Мы были хорошо вооружены. У всех — автоматы, имели кроме взрывчатки две железнодорожные мины, которые могли снести с насыпи паровоз вместе с передними вагонами.

Но уже при десантировании нас обнаружили немцы и полицаи. Мы трое суток уходили от преследования, потеряв пять человек. Одному из ребят пуля перебила руку. Рана воспалилась, пошла чернота. Парень сильно страдал. Гангрена перешла на плечо, а мы

отсиживались в степной балке не в силах ему помочь. Утром обнаружили его тело, уже остывшее. Короткая записка, начирканная в темноте корявыми буквами: «Прощайте все». И подпись. Он убил себя ударом ножа в грудь. Возможно, ему кто-то помог. На эту тему речь не заводили. Просто я вспомнил давнишний разговор с Леонидом Коваленко еще в Средней Ахтубе. Закопали товарища и пошли искать мост.

Нас отогнали от железной дороги далеко, да и взрывчатки оставалось совсем мало. Кончилась еда, а заходить в украинские хутора мы не рисковали. Нас четко инструктировали, что в селах достаточно людей, настроенных против Советской власти, и везде имеется полиция. И все же в одном из хуторов нам помогли. Хозяин накормил яичницей с салом, дал с собой мешочек творога и сырой картошки. Рассказал, где находятся немецкие и полицейские гарнизоны. Когда мы завели речь, что Красная Армия уже близко, он равнодушно отмахнулся:

— Шо, вона слаще нимцев? Эти гады все подчистую гребут, и ваши небось грабить будут.

Потом спохватился, сказал, что немцы молодежь угоняют в Германию, расстреливают заложников. Скорее бы Красная Армия пришла. Так я и не понял, чего хотел этот крестьянин. Через много лет понял: покоя и мира. Уйдут немцы, придут наши и заставят в колхозе от темна до темна задарма работать. Но такие мысли мне тогда в голову не приходили. Когда сидели на берегу озера в зарослях густого жесткого вяза, Коваленко пересчитал остатки патронов, взрывчатки:

— Получается так: на железку нам идти не с чем. Динамита пять шашек осталось. Патронов кот на-

плакал. Получается, что мы вроде дезертиров. Что-то надо делать.

Пять человек, оборванные, первый раз за последние дни наевшиеся досыта, чистили автоматы. У меня в диске ППШ осталось четыре патрона. Еще восемь в магазине ТТ. У остальных примерно столько же. Гранаты мы использовали, когда прорывались сквозь окружение. Помню, что мылись в уже захолодавшей воде, штопали, стирали обмундирование, брились. Я первый раз тогда брился. Смахнул за компанию с ребятами мягкую поросль со щек и подбородка. Надо мной смеялись:

— Васька-то мужиком стал! Ему бы еще бабу.

— Справишься с бабой, Васек?

Я что-то пробурчал в ответ, и все опять смеялись. Все же опытным командиром был Леонид Иванович Коваленко. Знал, чем встряхнуть людей. Когда высохла наша одежка и мы, вымытые, побритые (снова голодные), выстроились на берегу безымянного озерка, Коваленко отдал приказ:

— Будем выполнять свой долг — бить немцев. Обязательно брать документы. Они нашим пригодятся.

Насчет документов мы поняли правильно. На кой черт наступающим к Днепру войскам какие-то солдатские книжки? Их при наступлении мешками собирают. Но для нас эти книжки и «аусвайсы» станут доказательством, что мы не отсиживались в кустах, а воевали.

Долго наблюдали за степной дорогой, по которой нескончаемым потоком двигались и немцы и беженцы. Обгоняя толпу, проносились легковые машины.

На восток, навстречу нашим войскам, двигались танковые колонны, грузовики, набитые пехотой.

Вот бы эскадрилью-другую наших штурмовиков! Но не было в небе наших самолетов. Может, другие объекты бомбили, а может, по-прежнему не хватало самолетов. Мы поняли, что возле проселка нам делать нечего. Надо искать цель полегче и прежде всего разжиться патронами. Так получилось, что я почти всю войну пройду рядом с Леонидом Ивановичем Коваленко. Мне очень повезло. Не будь его рядом и не постигни я военный опыт своего старшего друга — не дожить мне до Победы! Он был человеком, о ком можно писать книгу. Коваленко обладал чутьем, без которого не могут воевать и выживать разведчики, летчики, танкисты (извините, если кого не упомянул!), то есть люди, которым надо принимать мгновенные, единственно правильные решения. И в этот раз, в бескрайней украинской степи, он быстро принял решение.

Мы наткнулись на степную речку. К началу сентября от нее мало что оставило раскаленное южное солнце. Это была извилистая низина с лужами мутной воды, соединенных между собой крохотным руслом, по которому пробивались родниковые струйки. Низина была глинистая, с проплешинами буро-зеленого солончака. На этом ложе удерживались остатки речки. Глина и солончак не давали влаге впитываться в землю. Кое-где попадались участки воды длиной метров сто-двести, окаймленные зарослями камыша. Кусты терновника, акации, редкие тополя вот и вся растительность.

Немцы сюда не стремились. Через солончаковую низину не проедешь — завязнешь. Укрытие от само-

летов и летней жары — хилое, вода для питья непригодная. Даже купаться в этих лужах было почти невозможно. Но все же сюда подъезжали беженцы, распрягали лошадей и, обессиленные, валились спать. Иногда подъезжал грузовик или два. Водители долго цедили мутную взвесь и заливали через фильтры в радиаторы.

Мы искали добычу. Прятались, наблюдая за немцами. Беженцы нас интересовали меньше, хотя ребята вслух высказывались, что не худо бы их потрясти. Это же фашистские пособники, старосты! Небось едой запаслись. Но в первую очередь мы нуждались в патронах. Без них группа была обречена. Помню, мы долго наблюдали из кустов за чешской «шкодой», возле которой топтались человек восемь солдат. Вместе с водителем и унтер-офицером — всего десять человек.

Расстояние не превышало ста метров. Но немцы были вооружены. На поясах висели полные подсумки патронов, за спинами карабины, кое у кого — автоматы. Нас изрешетят, забросают гранатами в момент. В другой раз подъехала открытая машина-вездеход. Там было всего четверо. Но у пулемета дежурил солдат. Кусты и крутой берег позволяли подползти метров на сорок. Ну, и что толку? Сорок метров — это десяток секунд бега, а МГ-42 выпускает в секунду двенадцать пуль. За десять секунд — сто двадцать. Хватит на всю оставшуюся группу.

Наконец, мы увидели мост. Нет, не тот, железнодорожный, который мы были обязаны взорвать. Это было бревенчатое сооружение длиной метров тридцать. В центре дубовые «быки», защита в половодье, по краям бревна-опоры. Мост был так себе. Мог вы-

держать грузовик, легкий бронетранспортер, небольшой тягач с пушкой. Танки и тяжелая техника здесь бы не прошли. Поэтому и охрана была небольшая. В чудом уцелевший бинокль Коваленко разглядывал мост. Я находился рядом с ним. Федя Марков и двое других десантников лежали позади.

Полицаев было четверо. Черные куртки, белые повязки, пилотки с трезубцем. Из оружия: ручной пулемет и винтовки. Иногда шли беженцы. Их останавливали, проверяли бумаги, что-то забирали, возможно, еду или вещи. За час наблюдения проехали двое немцев на мотоцикле. Видимо, это были «свои», местные немцы, из ближнего гарнизона. О чем-то поговорили с полицаями, и мотоцикл с ревом умчался. Потом проехал грузовик с солдатами. Судя по форме, чехи-саперы, может, венгры. Один из полицаев оседлал лошадь и неторопливо потрусил на хутор.

Впереди будут ожесточенные бои, форсирование Днепра, гибель многих товарищей. Но я навсегда запомнил тот сентябрьский день, когда мы с Леонидом Коваленко шагали прямо на стволы. Вряд ли кто, кроме Леонида, решился бы на такое. Сколько у нас было шансов на успех? Двадцать, десять... один из ста?

Прежде всего мы переоделись. Коваленко был в старой завалянной шинели, с оборванным хлястиком, которую мы вчера подобрали у дороги. Мы подбирали и другие вещи, потому что ночью было холодно. Сейчас этот хлам пригодился. Я снял гимнастерку, сапоги. На меня натянули свитер с рукавами едва не до колен. Из рукавов телогрейки быстро смастерили подобие поршней и примотали нищенскую обувку к ступням. Я получил самую длинную телогрейку (она

принадлежала Коваленко), завернули рукава, оборвали пуговицы, и я надел ее на свитер. Ничего удивительного в этом маскараде полицаи бы не увидели. Беженцы шли порой в таком хламье, босые или, наоборот, на сентябрьской жаре в шубах и полушубках, спасая зимнюю одежду. План действий был разработан. Коваленко взял у кого-то из десантников ТТ и, передернув затвор, сунул в карман шинели. Свой трофейный «парабеллум» Леонид завернул в пилотку. Я тоже зарядил свой ТТ и спрятал его на спине, за пояс.

Подобраться к мосту незамеченным было невозможно. Коваленко выбрал другой способ. Мы дождались группу беженцев и вышли на дорогу. Леонид шагал, опираясь на палку, сильно прихрамывая. Длинная завалянная шинель была распахнута. Я шел чумазый и нес узелок из-под творога, набитый тряпьем. В общем, мы вполне могли сойти за беженцев. А могли и получить очередь из пулемета. Но полицаи в сентябре сорок третьего не спешили накручивать на себя новые грехи. Красная Армия наступала. Лишняя кровь была «бобикам» ни к чему. Возможно, и на это рассчитывал Леонид. Впереди нас катила тележку с барахлом бабка с внуком и поминутно оглядывалась на нас.

— Не верти головой, мамаша, — весело проговорил Коваленко. — Или понравился?

Бабка ускорила шаг. Ручной пулемет был установлен на небольшом возвышении. Пулеметчик сидел рядом. Двое полицаев стояли у шлагбаума. Один держал винтовку наперевес, второй готовился проверять документы. Кобура с наганом была расстегнута.

— Стой! — крикнул нам полицай. — Откуда?

— Откуда и все. Спасаемся, — устало отозвался Коваленко.

— Бумаги е?

— Е-е! — закивал Леонид.

Опередить полицая с заряженной винтовкой было сложно, и Леонид применил нехитрый прием, который мог и не сработать.

— Вон и бабы наши, — показал он полицаю с винтовкой левой рукой куда-то в сторону.

Полицай обернулся. Леонид выстрелил в него из «парабеллума». Второй полицай с необыкновенной быстротой выхватил наган. Коваленко нажал на спуск три раза подряд и крикнул мне: «Пулеметчик!» Полицай с наганом, падая, успел выстрелить, и пуля отрикошетила от твердой, как камень, глины. Я торопливо опустошал обойму, целясь в пулеметчика. Но достал его все же Коваленко, выпустив два последних патрона.

Дальнейшее происходило, как в ускоренном фильме. К нам бежали трое оставшихся десантников. Полицай с пулеметом был жив. Из всех выпущенных пуль лишь одна разорвала кожу на скуле и, возможно, слегка оглушила его.

— Дяденьку, ридный... не убивай! — кричал он, протягивая мне навстречу заляпанные кровью ладони.

Он был не старше меня, и я не знал, что делать. Пистолет был пуст, про нож я забыл, а схватить пулемет не догадался. Подскочивший десантник выстрелил в него из автомата. Бабка, не выпуская тележку и внука из рук, с криком убегала прочь. Еще двое беженцев

прыгнули с откоса. Коваленко командовал быстро и уверенно:

— Федор и Гриша, закладывайте взрывчатку. Мост к чертовой матери! Остальным собрать оружие, патроны, документы.

Коваленко подхватил ручной пулемет Дегтярева. Я помог собрать запасные диски, повесил на плечо винтовку, набил карманы патронами. Гранаты заталкивал за пояс и в вещмешок, который мне подставил наш десантник. В небольшой будке нашли еще патроны, гранаты, кое-какую еду.

— Отходите! — крикнул Марков. — Взрываю!

Но взрывчатки не хватило. Перебило пару бревен центральной опоры. Мост осел и перекосился. Со стороны хутора уже хлопали выстрелы. Коваленко, встав на пригорок, выпустил несколько длинных очередей. Сменил диск.

— Федор, собирай гранаты.

— Не хватит, — отозвался Марков. — Здесь как минимум пару килограммов тола надо.

— Тогда поджигай.

В будке мы обнаружили пятилитровый бидон керосина. Для ламп и фонарей. Лихорадочно выламывали доски, крушили стол, лавки, заталкивая весь хлам в основание моста. Пыхнуло пламя, а со стороны хутора начал пристрелку наш «максим». Но в чужих руках. Полицаи под прикрытием станкового пулемета двумя группами, человек по семь, обходили нас с флангов. Доски и тряпье, облитые керосином, горели вовсю, но толстые бревна лишь дымили.

— Бросай туда гранаты! — кричал Коваленко.

Он стрелял из пулемета, не давая полицаям приблизиться. Они и не рвались под пули, но упорно об-

ходили нас. Десантник, стрелявший из винтовки рядом со мной, вскрикнул. Пуля попала в лицо, из уха брызнула кровь. Я попытался перевязать товарища, но кровь шла так обильно, что мгновенно пропитывала бинты и вату. Он умирал у меня на руках. Очередь прошла над головой, и я снова взялся за винтовку.

Федя Марков собрал в мешок гранаты, выдернул пару колец и едва не в упор швырнул тяжелый мешок под мост. У него оставалось три или четыре секунды. Он успел отбежать на десяток метров и бросился на землю. Отколотая взрывом острая щепка, как нож, вонзилась ему в бок. Несколько осколков попали в руки. Федор поднялся, вскарабкался на дорогу.

— Федя, лежи! — крикнул я. — Сейчас поможем.

«Максим» в руках полицаев молотил, не переставая. Когда я подполз, увидел, что у Феди раздроблено пулями плечо. Он пытался что-то сказать, но деревянная щепа пробила легкое, изо рта текла розовая пена. Не помня себя, я куда-то тащил Федю. Я знал его больше года, он показывал фотографию отца, матери, братьев. Я видел его невесту, и вот он умирал. Мой друг, с которым когда-то я начинал службу десантником. Наверное, правду говорил тот мужик на призывном пункте, что из десанта живыми не возвращаются.

Гранаты не причинили мосту особого вреда. Вышибли бревно и снесли часть перил. Но пламя уже лизало нижнюю часть бревен и вырывалось вверх через пробитые щели. Еще бы десять минут! Для нас этот проклятый мост, который мы никак не могли разрушить, стал бы хоть частичной местью за гибель наших товарищей. Но и медлить было нельзя. Мы подхватили Федю на руки, но он уже умирал. Пуля попала в

шею Михаилу, нашему товарищу, оставшемуся в живых, кроме меня и Леонида. Я перетянул шею тряпкой. Кажется, пуля не задела позвонки и артерию, а лишь прошла под кожей.

Мы медлили. И еще пять или шесть минут отстреливались. Мы не могли оставить Федю Маркова. У него началась агония. И лишь тогда побежали. Мы сумели уйти от полицаев. Потому что нам нечего было терять, и мы стреляли в рост, даже не ложась. Леониду пуля разбила бинокль, прошла вскользь по ребрам. Полицаи воевали смело и упорно, но не рисковали приближаться ближе чем на триста-четыреста метров. Они не хотели умирать от пуль обреченных десантников. Но мы выжили. Нам помогли наступившие сумерки. Мы шли всю ночь. Михаил шагал, шатаясь. Мы поддерживали его, и он повторял адрес, куда надо сообщить, если он умрет:

— Астрахань, Черноярский район... Я остался у матери один...

Тогда, осенью сорок третьего, было много семей, где сыновей уже не оставалось. На рассвете мы сменили Михаилу повязку. Нашли тряпки почище, мочились на них и обматывали шею, покрытую коркой крови.

— Выживешь, — повторял Леонид. — Тебе только разорвало кожу.

У Коваленко распух и посинел бок. Я наложил давящую повязку на сломанные ребра. Ручной пулемет с пустым диском перешел ко мне. Я набил диск патронами. Кроме этого, у нас оставалась винтовка с несколькими обоймами и две гранаты. В пистолетах было по два-три патрона — для себя.

Потом я не раз задумывался, надо ли было связы-

ваться с этим мостом. Мы потеряли Федю Маркова и еще одного товарища. Стоило ли это бревенчатое сооружение, которое мы до конца не успели сжечь, двух жизней? Забрали бы оружие, еду у полицаев, и бегом вдоль балки! У нас оставалось время и было оружие, чтобы отбиться. Коваленко не хотел оправдываться, но эти же мысли глодали и его. Немного позже он сказал:

— Нам дали задание взорвать мост, и мы его взорвали. Пусть другой, не железнодорожный. Но по нему через неделю, как крысы, полезут отступающие немцы. А метаться по степи и убегать мы не имели права. Мы и так бегали от немцев все эти дни.

Такие слова были несвойственны жесткому профессиональному десантнику. Это были слишком громкие слова. Но, возможно, они требовались, чтобы успокоить себя и нас. Доказать, что все делалось не зря. Наверное, я тоже слишком много вспоминаю про тот случай. Позже, на фронте, я видел гибель тысяч людей. А это был всего лишь рядовой эпизод войны.

Через сутки мы встретились с наступающей танковой частью. Позже добрались до своей бригады. Нас не хвалили, но и не высказывали претензий. Из группы в одиннадцать человек остались трое. Мы воевали, вернулись с оружием и после лечения снова встали в строй.

Я рассказал о двух эпизодах своего боевого пути. Если успею, что-то еще расскажу позже. Так сложилось, что практически всю войну я воевал в составе 27-й воздушно-десантной бригады, почти все время бок о бок с Леонидом Коваленко.

Правда, прыгать в тыл врага мне больше не пришлось. Учился на курсах минеров, потом воевал в боевых частях бригады и дважды был ранен, в том числе в ногу. Тяжелое ранение в колено не позволяло прыгать с парашютом. Я участвовал в боях за освобождение Донбасса, воевал в Венгрии, освобождал Вену. У реки Табор обнимались с американскими солдатами. Там и закончил войну. Был награжден орденами Отечественной войны и Красной Звезды, несколькими медалями, в том числе той самой, первой, «За отвагу».

После войны служил некоторое время в армии, трудился на различных предприятиях, а затем был направлен на службу в милицию. Сейчас — полковник в отставке, имею двоих взрослых сыновей, внуков.

Я БЫЛ НАВОДЧИКОМ «СОРОКАПЯТКИ»

Надо было срочно перебросить батарею через открытую лощину на другую позицию. Первые два орудия немцы накрыли. Половина расчетов погибла. Моя «сорокапятка» была третьей. Весь расчет смотрел на меня. Умирать никому не хотелось...

Романов Г.П.

★ *Я хорошо знал Георгия Петровича Романова и всю его большую семью. Дружил много лет с его старшим сыном. Георгий Петрович, высокого роста, широкоплечий, почти всю жизнь работал на оборонном заводе «Баррикады». Потеряв под бомбежкой в Сталинграде мать и отца, он ушел на фронт, не сумев их похоронить. Не смог он и вывезти из горящего Сталинграда жену и двухлетнего сына.*

Он служил в расчете знаменитой «сорокапятки». В 1943 — 1944 годах эти пушки уже устарели. Вступая в бой с немецкими танками, артиллеристы всегда несли большие потери. Пережить два-три серьезных боя считалось большой удачей.

Георгий Петрович Романов прошел Великую Отечественную, получив тяжелое ранение, заслужив три

ордена, медали и несколько благодарностей от Верховного Главнокомандующего Сталина И.В.

Я родился в 1914 году в селе Ерзовка, Дубовского района Сталинградской области. Родители простые рабочие, детей в семье было двое — я и старшая сестра. Окончил семь классов, работал в механических мастерских. В 1930 году вместе с родителями переехал в Сталинград, построили небольшой дом. В семнадцать лет поступил работать на завод «Баррикады», на котором трудился практически всю жизнь, если не считать тех лет, что воевал на фронте. Я довольно быстро освоил специальность артиллерийского слесаря — эта довоенная специальность значится в моей сохранившейся красноармейской книжке.

В 1939 году познакомился со своей будущей женой Шурой, и оба поняли — быть нам вместе. Забегая вперед, скажу, что так оно и получилось. Вскоре поженились, прожили вместе пятьдесят с лишним лет, вырастили двоих сыновей, дождались внуков. Старший сын, Валерий, родился в апреле 1940 года. А 22 июня началась война, которая перечеркнула всю жизнь нашей семьи на две части: до и после...

Завод, на котором я трудился, был оборонного значения. Если уж простые фабрики работали без выходных, то завод «Баррикады», выпускающий артиллерийские изделия, работал день и ночь. Многие даже ночевали на заводе, чтобы сэкономить время на дорогу и немного больше отдохнуть. Но часто выходило так, что отдыха не получалось. Отработаешь

смену, двенадцать часов, поужинаешь, а начальник цеха просит: «Надо бы еще пару часов потрудиться. Срочный заказ». Где два, там и три часа. За полночь спать ляжешь, а в пять утра будят. Опять что-то срочное. Мы понимали ситуацию, но люди до того выматывались, что просились от такой жизни на фронт.

Отдельные немецкие самолеты прорывались к Сталинграду с весны 1942 года, а девятого июля уже целая группа бомбардировщиков произвела массированный налет на промышленные объекты Кировского района. Пятнадцатого июля Сталинградская область была объявлена на военном положении. Вскоре начались почти постоянные бомбежки города. Двадцать третьего июля бомбили одновременно заводы «Баррикады» и «Красный Октябрь». Большинство бомб легли в стороне от цели. Сработали команды ПВО, которые начали жечь разный хлам, имитируя пожары.

Уже имелись немалые жертвы среди мирного населения, но никакого указания об эвакуации не поступало, и разговоры на эту тему пресекались. Я опасался за жизнь своих близких, но почти круглосуточная работа на заводе не давала возможности слишком задумываться на эту тему. Начиная с мощного налета сотен немецких самолетов 23 августа 1942 года, бомбардировки не прекращались ни днем, ни ночью. Бои шли на окраинах города, а завод «Баррикады» продолжал работать, выпуская оружие для фронта. В один из этих дней я был легко ранен осколком бомбы.

Но это казалось мелочью по сравнению с тем, что под бомбежкой погибли отец и мать, дом был разрушен. Спрятав в каком-то погребе жену и двухлетнего сына, я кинулся искать хотя бы тела родителей, чтобы

их похоронить. Кто-то из соседей видел, что отец лежал тяжело раненный на соседней улице. Но ни отца, ни мать в непрерывном грохоте бомб, густом дыму пожаров найти не смог. Практически все вокруг горело.

У меня уже была на руках повестка явиться на призывной пункт. Уклонение от явки означало трибунал. Я даже не мог вывезти из горящего города жену и двухлетнего сына Валеру. Попрощался с обоими. Жене сказал:

— Переждите бомбежку здесь, в погребе. А потом пробирайтесь к родне в Иловлю.

Никто из нас не знал, что расстаемся на долгих три с половиной года. Всех масштабов трагедии жителей Сталинграда, которых начали эвакуировать буквально в последний момент, ни я, ни Шура не могли даже представить. Как не могли представить, что в городе развернется ожесточенное сражение, которое будет длиться до февраля 1943 года.

Я побежал на призывной пункт. Бежал, как на передовой, под огнем, падая, когда слышал свист бомб, и пережидая очередную серию взрывов. О себе не думал. Хоть бы остались в живых жена и сын! Можно представить, что творилось на призывном пункте. Призывников, в основном мальчишек восемнадцати-двадцати лет, да и тех, кто постарше — мне было 28 лет, безоружных, необученных, — срочно выводили из огня, чтобы сформировать роты и батальоны, хотя бы наскоро обучить и вооружить. Меня, как опытного специалиста по артиллерийской технике, планировали отправить на курсы артиллеристов, которых на фронте не хватало.

Часть призывников, уже имевших военную под-

готовку, вооружали и присоединяли к вступающим в бой подразделениям. Я не хотел покидать Сталинград, желая быть ближе к жене и сыну. Может, как-то удастся им помочь. Но на мои просьбы пойти добровольцем ответили отказом.

— Нам специалисты нужны. Из винтовки любой выстрелит. А кто их танки уничтожать будет?

И начался мой долгий путь от одного города в другой. Начиналась учеба, но немцы продвигались вперед, и курсантов перевозили дальше на восток. Бог знает, сколько я пережил за зиму сорок второго — сорок третьего года, не зная, что с Шурой и Валерой. Слишком много тяжелого свалилось сразу. В один день погибли отец с матерью. Я часто видел во сне жену с сыном, двух единственных оставшихся на свете близких людей. Живы или нет? Весной сорок третьего пришло письмо от жены, что они живы, всю осень и зиму пробыли в осажденном Сталинграде, а весной добрались до поселка Иловли к родне, в семидесяти километрах от города.

Теперь я был спокоен. А нас, курсантов, перевезли еще дальше на восток. В каком-то городке я наконец окончил курсы артиллеристов, получил звание «сержант», самую главную специальность «наводчик», он же заместитель командира расчета противотанковой пушки калибра 45 миллиметров. Пробыв месяц в запасном полку, в ноябре 1943 года был направлен на фронт и сразу попал на передовую. «Прощай, Родина» — так называли солдаты наши пушки. Стояли батареи почти на одной линии с пехотой и сполна по-

лучали то, что сыпалось от немцев на передний край: мины, снаряды, бомбы.

Вроде и не слишком холодная зима на Украине, откуда начал я свой боевой путь, но за зиму намерзся так, что вспоминать не хочется. Днем порой растопит дождем лед и снег, хлюпает в окопах грязь, где по щиколотку, где по колено. Тащат бойцы охапки веток, кое-как насобирав их в голой степи, или несколько пучков камыша, а после заката — мороз. Шинель застывает, как колокол. Прыгнешь в окоп и висишь на твердой обледеневшей шинели. Обомнешь ее кое-как, а под ногами ледяная каша. Прутья и камышины, втоптанные в жижу. Холод пробивает до костей. Думаешь, неужели целая ночь впереди? Через час-два жижа замерзает, и сам начинаешь коченеть. Прыгаешь на месте, варежками хлопаешь. А от немца с воем летит серия мин, еще одна... Кажется, в тебя летят. Съежишься на льду и ждешь. Вот он, конец! А когда особенно сильный обстрел начинают, не выдерживали нервы. В кого-то попало, раненый рядом кричит: «Убили!» Не раз в эти минуты приходили мысли: лучше уж сразу, чем так мучиться.

Утром по траншее идешь: один убитый лежит, второй, третий в грязи утонул, лишь подошвы торчат. Пулемет разбитый, а возле него малец скулит, пальцы на руке поотрывало. Успокоишь, поможешь перевязать:

— Не плачь, паря! Живым домой вернешься.

Высматриваем кухню. Кто поглазастей, кричит:

— Вон она! Разбитая лежит.

Ну, все, значит, до вечера голодные будем сидеть! Солнце взойдет, как-то легче становится. Наши гау-

бицы по немцам шарахнут, пехота постреляет. Старшина хлеб с махоркой тащит. Запьем ломоть водой, покурим, оживаем.

На войне быстро обвыкаешь. Я потом стыдился своих малодушных мыслей о смерти. Жена, сын тебя ждут. Надо жить. Приходил опыт. Да и возраст уже не мальчишеский — тридцать лет в марте сорок четвертого стукнуло. Для восемнадцатилетних мальчишек — почти дядя. В общем, мне везло. Участвовал в наступлениях, отбивал танковые атаки, получил медаль «За отвагу», когда батарея подожгла несколько немецких танков и помогла пехоте сдержать прорыв.

Говорят, крепко запоминается первый бой. Здесь с тебя мигом слетает шелуха, остается подлинное нутро. Может, и не совсем грамотно выражаюсь, но так оно и было.

«Сорокапяткой» в статьях и книгах восхищаются. Вот какая геройская пушка и какие герои-артиллеристы. Истребители танков! Громко звучит. Может, так оно и есть, но если сказать прямо, то к концу сорок третьего года наша «сорокапятка» как противотанковое орудие безнадежно устарела. Даже новая улучшенная модель с удлиненным стволом. Повторять откровения других артиллеристов не буду. Пушка легкая, небольшая, скорострельная. Прицельность хорошая. Я на спор закатил на пятьсот метров снаряд в чердачное окно, где пулеметчик сидел. Только брызги полетели. Бронетранспортер или броневик наши снаряды легко пробивали.

Но ведь к зиме сорок третьего у немцев какие танки были? Про «тигр» и «пантеру» и говорить нечего.

У них лобовая броня 100 — 110 миллиметров. К счастью, они составляли лишь небольшую часть немецкого танкового парка. У Т-3 и Т-4, самых массовых танков, броню постоянно усиливали, довели до 50 и более миллиметров. Да еще броневые экраны и звенья гусениц навешивали. Они в нас свободно за километр снаряд всаживали, а наше расстояние — это 300 — 400 метров. Да еще надо изловчиться и в борт болванку засадить. В лоб — бесполезно. Подкалиберные снаряды хорошая штука, но также на небольшом расстоянии. Выдавали нам их поштучно. Редко когда в комплекте орудия десяток подкалиберных имелось. Это уже ближе к сорок пятому увеличили норму, если таковая была. Да и подкалиберные снаряды лобовую броню танков только в упор пробивали.

Ну, так вот, про первый бой. Наша шестиорудийная батарея входила в штат 190-го стрелкового полка. В полку имелись еще батареи трехдюймовых орудий. Но на левом фланге приняли удар мы, «сорокапятчики». Снега еще немного было, декабрь. Легкий морозец. Немецкие танки катили на нас с хорошей скоростью, маневрируя на ходу. Примерно штук 12 средних танков Т-3 и Т-4. А с бугра, как наседки, посылали в нашу сторону тяжелые 88-миллиметровые снаряды три самоходные установки. До них больше километра.

Атака, по существу, началась внезапно, без артподготовки, которая чаще вредит, чем помогает. Особенно я имею в виду нашу артподготовку с вечной нехваткой снарядов. Мы словно сигнал противнику даем своими жидкими залпами, мол, сейчас ударим! И когда атака начинается, немцы уже наготове. Не

скажу, что в тот раз мы зевнули, но какие-то минуты немцы за счет внезапности выиграли.

Я во втором взводе состоял, заместителем командира орудия. Взводный у нас ничего мужик, взвешенный. А комбат, Олихейко (мы его фамилию между собой часто в непечатном виде произносили), был суетливым и не слишком опытным. Хоть и капитан, а где-то вдалеке от передовой долго околачивался. Он начал звонить командиру полка, а у того свои заботы — немцы второй клин заколачивают. В общем, растерялся Олихейко. Орудия у нас в ровиках замаскированы, защитные сетки — хоть и небольшие. Нас разглядеть трудно. Но лишь до первых выстрелов.

Тогда и снег закоптится, и люди забегают. В общем, будем мы, как на ладони. Но это полбеды, если мы первый удачный залп сделаем. Шесть стволов — сила. С нужного расстояния (метров триста) можно пару танков сразу подбить. А там уже легче дело пойдет.

Наш Олихейко еще кому-то позвонил и приказал открыть огонь одним взводом. Ахнули три пушки первого взвода. Недолет. Расстояние за шестьсот метров. Второй, третий залп. Мы, затаив дыхание, следим. Ну, может, один снаряд из девяти в цель попал, но броню не пробил. А взвод себя обнаружил. Во-первых, ударили по взводу две самоходки, и с остановки — передние танки. Остальные продолжали вперед катить.

Позицию первого взвода накрыли сразу. Там черт-те что творилось. Вспышки взрывов, земля мерзлая взлетает, обломки зарядных ящиков. Одно орудие перевернуло, от второго куски посыпались. Третье орудие, как из преисподней, снаряды один за другим посылает. Подбили один танк. А остальные уже бли-

же к нам подвинулись. Идут наперерез, вот-вот борта подставят.

Взводный между орудиями бегает, а они друг от друга метрах в сорока стоят. Не спешите, ребята! Огонь по команде. А Олихейко свою команду торопится дать. Мы с нормального расстояния стреляли. Я «свой» танк хорошо видел, он навстречу двигался. Пришлось бить в лоб. Промахнулся, высоковато взял. «Снаряд!» — кричу. А снаряд уже в стволе. Заряжание у нас быстрое, и расчет слаженный. Второй снаряд от брони отрикошетил, только голубая искра проскочила. А нам уже «подарок» от самоходки несется. 88 миллиметров ударили в задний бруствер. Осколки в основном поверху пошли. Но одному из расчета осколок каску пробил и сорвал вместе с ухом. Боец упал, катается, кричит, кровь хлещет.

Я на секунды замешкался, командир орудия, старший сержант Вощанов, меня оттолкнул, хотел сам за прицел встать. Но меня столкнуть трудно, я его на голову выше и физически крепче. «Не лезь!» — крикнул и снова выстрелил. Этот танк мы подбили. Наша пушка или другая, не поймешь. Работали, как автоматы, только гильзы звенели.

Танки бы нас расколошматили, на батарее три или четыре пушки оставались. Правда, и у немцев один танк горел, второй отползал кругами в низину, с порванной гусеницей. Но у них была другая цель. Они прорывали наш левый фланг, и следом за первой группой танков шла вторая с бронетранспортерами. Тогда уже завязывался узел будущего корсунь-шевченского побоища, и немцы совершали тактические прорывы, преследуя какие-то свои цели.

Наш взвод, развернув орудия, бил в борта и кормовую часть уходящих в снежной круговерти немецких машин. По нас стреляли самоходки с холмов и разбили одно орудие. Может, добили бы и остальные, но подключились наши гаубицы. Взрывы тяжелых шестидюймовок заставили отползти самоходки. Часть снарядов обрушилась и на прорывающиеся танки. Остановить их не сумели, но еще один подбили. Мы хорошо подковали бронетранспортер. Он загорелся. Из него выскочили человек двенадцать фрицев и, пригибаясь, побежали прочь.

Они были в шинелях и хорошо заметны на снегу. Мы подожгли подбитый гаубицей танк и принялись посылать осколочные снаряды в убегающих. Все были злые, снарядов не жалели. Почти весь экипаж бронетранспортера был уничтожен. Может, кто-то бы и спасся, но к горящим машинам побежали пехотинцы и добили притаившихся или раненых фрицев.

После боя мы похоронили девять ребят из батареи. Все молодые парни, и двадцати лет не исполнилось. Отправили человек двадцать пять раненых в медсанбат. Вот и считай: в батарее около шестидесяти человек вместе с коноводами было, а осталось чуть более двадцати. Раненые в основном тяжелые. Пострадали от осколочных снарядов. Жутко смотреть на разорванные тела, внутренности, оторванные ноги, руки. Заряжающий, который как резаный кричал, дешево отделался. Его лишь оглушило и ухо осколком срезало. Вертит в руках разодранную каску и глазам не верит, что жив остался. Нашего взводного ранили.

Увидел я и первые трофеи, за которыми ребята успели сгонять: автомат, ножи, часы, удобные немец-

кие котелки. С любопытством разглядывали. А потом приводили в порядок три оставшихся орудия. В нашем взводе два уцелело, в первом — одно. А весь бой с полчаса длился. Это считая то время, что мы по убегающим немцам стреляли.

Кроме наших трех пушек, самоходки разбили две дивизионные трехдюймовки, и пехоте попутно досталось. Они отдельно своих хоронили, чтобы далеко тела не носить. В общем, за три немецких танка и бронетранспортер заплатили мы не дешево.

Медаль «За отвагу» получил я, когда поддерживали в наступлении пехоту. Мешал вкопанный в землю танк. Стреляли и другие точки, но этот досаждал особенно. Комбат дал задание командиру орудия Вощанову уничтожить танк.

Ударили мы метров с трехсот. Снаряды башню не берут, а танк в нас шарахнул. Вощанова ранили, заряжающего убили. Комбат кричит: «Стреляйте!» А что толку? Далеко. Попросил двух бойцов в подмогу, и покатили пушку в обход. Наши коноводы куда-то далеко забились, поэтому на руках «сорокапятку» катили. Запарились, пока в снегу упирались. А снарядов всего штук восемь прихватили. Я примерился. Виднелась лишь башня со стволом. Ничего, хватит и этого!

Я за командира и за наводчика действовал. Попал с третьего снаряда. А после пятого танк загорелся. Немцы выскочили и по снегу уползли прочь. Пошла наша пехота. Другие немцы стали траншеи покидать, а у нас всего два-три снаряда. Выпустили их, в кого-то попали. Немцы крепко отстреливались, когда отходили. Пулеметчики местами меняются и отходят,

прикрывая пехоту. Мы из карабинов стреляли, но немецкие МГ-42 нам охоту быстро отбили. Очередь как врежет по щиту, мы зайцами в снег нырнули. С карабинами против немецких пулеметов не навоюешь. Жалел я, что снарядов мало взяли.

Наша пехота цепями двигалась. Пулеметчики быстрее за своими. Мы им вслед из карабинов постреляли, и пошел я за трофеями. Лежит немец лицом вниз, шинель, ранец. Я часы и пистолет хотел найти. Сержантам пистолеты не полагались, но считалось шиком их иметь. Особенно почему-то «парабеллумы». И вот когда я нагибался, ударила очередь, вторая. Я в снег бросился, спасибо, что глубокий. Это меня спасло. Оказывается, отходящая группа фрицев меня заметила и обстреляла. Обошлось. Но интерес к трофеям я приумерил. Хотя обзавелся позже и «парабеллумом» и часами. А одежду с убитых никогда не брал. Считалось дурной приметой.

За тот бой меня и наградили медалью «За отвагу». Не скажу, что подбитый танк все решил. Сил у наших войск уже хватало. Но чем-то мы помогли. По крайней мере, спасли несколько жизней пехотинцев, заткнув пасть этому танку.

Что еще про первую зиму сказать? Намерзлись под завязку. Рыли, конечно, землянки, ночевали в отбитых блиндажах. Но зима суетная была. Часто меняли места дислокаций, наступали. Сколько орудийных окопов вырыли — не сосчитать! На землянки сил не оставалось.

Сильно досаждала немецкая авиация. Чуть зазеваешься, истребители уже над головой. Бомбы сыплют-

ся, пушечные и пулеметные очереди. В один из таких налетов про судьбу невольно вспомнил. Вырыли землянку, печку растопили, а тут команда: «К бою!» Выскочили, и к орудиям. Небольшая бомба попала в нашу землянку. Глядим, а на ее месте груда дымящейся земли и жердей. Мне свой вещмешок жалко стало. Там теплое белье лежало, хорошая трофейная бритва и что-то из еды. О жизни как-то и не подумал. Останься мы в землянке, даже могилу копать бы не пришлось.

Несли большие потери от немецких минометов. Мины сверху сыплются — укрыться трудно. Этого добра у фрицев хватало. С утра начинали обстрел. Перекурят, и снова мины летят. В отличие от пехотных траншей, мы свои позиции маскировали тщательно. Но от случайности не спасешься. Десять мин мимо пролетят, а одиннадцатая в цель врежет. Мы от минометного огня в отсечных ровиках спасались. Узкие, глубокие, они неплохо защищали. Меня после Вощанова назначили командиром расчета. Я в отдельном ровике, рядом с орудием находился. Продолжал выполнять обязанности наводчика. Наводчик — главное лицо при орудии, я прицел никому не доверял.

Однажды мина ударила в наш окоп и попала в ровик, где снаряды. Нас что спасло? Во-первых, не поленились для снарядов длинный и глубокий ровик выкопать. Во-вторых, боеприпасов было немного, в основном бронебойные. Они такой сильной детонации не дают. Но шарахнуло крепко. Всех оглушило, а одного бойца контузило и осколком подошву ботинка пробило. Перевязали и в тыл отправили.

Пушку перевернуло, осколками посекло, но при-

цел я при себе держал. Снарядами соседи поделились, и через полчаса можно было вести огонь.

Но это удача. Судьба. В соседней батарее обычная мина посредине окопа ударила. Когда она в замерзшую почву бьет, взрыватель мгновенно срабатывает, даже воронки не остается. Там осколки дел натворили. Командира расчета и заряжающего — наповал, еще двоих тяжело ранило. А снаряды невредимые. Собрали пушкарей поопытнее, и срочно укомплектовали расчет.

Вот такие вещи случались. Невеселые...

Свой первый орден Красной Звезды я получил приказом от 21 июля 1944 года. История этого ордена такова.

Пехотный батальон 190-го стрелкового полка, куда входила батарея, брал какую-то высоту. И полк был в боях уже изрядно потрепан, и от батареи из шести 45-миллиметровок остались лишь четыре. Сильный пулеметный огонь прижимал батальон к земле, да еще две немецкие полевые пушки калибра 75 миллиметров добавляли жару.

С этой штуковиной, выпуска начала тридцатых годов, я был знаком еще по работе на заводе. Нас, артиллерийских слесарей, знакомили с иностранными пушками, их особенностями. Что-то полезное мы использовали в своей работе. Коротоствольная, с массивным щитом, она неторопливо посылала шестикилограммовые снаряды, разбивала станковые пулеметы и накрывала в воронках и мелких ложбинках залегшую пехоту. Требовалось перекинуть за бугор наши «сорокапятки». Без их поддержки атака

срывалась и прибавлялось все больше убитых и раненых. Батарея стояла в низине, прикрытая соснами и кустарником. Чтобы добраться до позиции, требовалось преодолеть метров восемьдесят открытого пространства.

Вначале, как всегда на «ура», рванули две первые упряжки с двумя «сорокапятками» и расчетами. Только немцы про эту проплешину хорошо знали. Первая «сорокапятка», преодолев две трети расстояния, угодила под разрыв снаряда, перевернулась. Убило кого-то из расчета и одну из лошадей. Остальные бойцы, кто раненый, кто контуженый, кое-как доползли до спасительных сосен.

Вторую «сорокапятку» разнесло прямым попаданием на полпути, а оставшихся в живых артиллеристов добили еще несколькими снарядами и пулеметным огнем. Погиб и командир взвода. Смотрел я на это месиво, лужи крови, исковерканные пушки и с тоской понимал, что сейчас наступит моя очередь. По телефону из штаба кричат, торопят командира батареи, тот оправдывается, а бойцы угрюмо ждут. Страшно, когда знаешь, что на верную смерть идешь. А идти придется. Заставят.

— Романов, ну что, видел? — с непонятной злостью спросил комбат. — Теперь твоя очередь.

В расчете у меня был ездовой. Бойкий, находчивый. Звали Никита. Когда расчет голодал, всегда надежда на него была. Походит, пошарит по окрестностям. Где картошки или молока выпросит, огурцов нарвет, а то и кусок мяса притащит. А был Никита уже в возрасте, постарше меня, сообразительный, много чего повидавший.

— Не торопись, сержант, — посоветовал он. — Подумать надо.

Думал он недолго и взял командование в свои руки. Приказал четверым крепким бойцам держать лошадей изо всех сил под уздцы, а сам Никита с другим ездовым давай лошадей кнутом охаживать. Били не на шутку. Лошади ржут, на дыбы становятся, а бойцы на уздечках повисли, держат на месте. Никита скомандовал:

— Отпускай!

Ребята мгновенно отпустили уздечки, и в стороны. Кони, ошалев от боли, так рванули, что немецкие артиллеристы и пулеметчики не успели взять прицел. Ахнул позади взрыв, защелкали по соснам разрывные пули, но упряжка с орудием влетела в прогалину и была уже в безопасности.

Расчет, кроме Никиты, переполз через открытое место, а ездовой взялся за «переправку» последнего, четвертого расчета. Упряжку отвели немного подальше и таким же манером проскочили прогалину. А следом перебрался и расчет. Только чудес на войне не бывает. Хоть и перегнали пушку, а двое из расчета на этой вспаханной снарядами полосе остались. Одного осколками накрыло, а второй слишком торопился, поднял голову и угодил под пулеметную трассу. Только каска в воздух взлетела, а из головы красное с серым брызнуло. Я все это видел, даже застонал от отчаяния. Много уже смертей нагляделся, а внезапная гибель еще двоих ребят как по живому резанула. Пойдут к матерям и женам похоронки. Невольно себя убитым представил.

Комбат, взводный — зеленый лейтенант, да я, командир расчета — вот и весь командный состав батареи, в которой остались два орудия. Посоветовались, оглядели местность и быстро выкатили «сорокапятки» на прямую наводку. Немецкие 75-миллиметровые пушки, со щитами, похожими на поставленные торчком обеденные столы, только выгнутые посредине, имели горизонтальный угол обстрела всего пять градусов. То есть оставались минуты, чтобы прицелиться и ахнуть, пока немцы разворачивают станины.

Хоть и малый калибр у наших «сорокапяток», зато хорошая точность и скорострельность. Плюс наводчики опытные. Ударили по обеим короткостволкам вперемешку осколочными и фугасными снарядами. Вспоминал, как больно бил в глаза резиновый ободок оптического прицела после каждого выстрела. Одну немецкую пушку накрыли прямым попаданием, вторая нащупала нас. Били по ней, не жалея снарядов. Она была хорошо прикрыта, и наши снаряды вспахивали бруствер или взрывались с перелетом. Да и снаряды 45-миллиметровки весили всего тысячу двести граммов. Чтобы накрыть немецкое орудие, требовалось прямое попадание. Немцы тоже мазали. Но их чушки, даже если в цель не попадали, разбрасывали большое количество осколков. Мы в щит второй пушки наконец попали. А он покатый. Взрыватель сработал с запозданием, и снаряд взорвался в воздухе.

Зато ответная шестикилограммовка ударила едва не под колесо соседней «сорокапятки». У них и та́к расчет неполный был, а новый взрыв оставшихся разбросал. Кто убит, кто ранен. Комбат сам за прицел второй «сорокапятки» встал. Снова открыли огонь из

двух орудий. Добили мы эту чертову пушку! Остатки снарядов выпустили по пулеметным гнездам. Кого-то подавили удачными попаданиями, другие умолкли, захлестнутые волной атакующих.

Передав раненых санитарам, закурили. С одной стороны — радостно, что сыграли решающую роль в наступлении. А с другой... Я считал оставшихся в живых из батареи. Уцелело не больше четверти людей. Осталось всего два орудия. Чему радоваться? За бруствером лежали в ряд накрытые плащ-палатками и шинелями трупы артиллеристов. Там же — лейтенант, наш взводный, который пробыл на переднем крае суток трое. А с повозки сгружали еще тела. Тех, кто погиб, когда миновали открытую лощину. Если бы не находчивость Никиты, всю батарею там бы оставили.

Старшина привез еду. Тоскливая, обычная на фронте картина после жестокого боя. Термосы с кашей, хлеб, водка, махорка на всю батарею, а нас всего человек пятнадцать осталось. Еда в глотку не лезет. Выпили по кружке, повторили, стали ужинать. Голодные. Не заметили, как термосы опустели.

Сходили, глянули на разбитые немецкие пушки. Короткий толстый ствол, колеса с пружинистой необычной резиной. Орудие вроде массивное, а весит, как наша «сорокапятка». Мы его легко втроем-вчетвером ворочали. Пересчитали попадания. Немецкие артиллеристы уже с вывернутыми карманами лежали. У некоторых и сапоги стащили. Нам даже обидно стало. Мы автоматы искали, но их уже пехота забрала. Зато нашли в блиндаже да в окопах штук пять одеял. Пехоте тяжело тащить, а у нас конная тяга. Забрали, потому что ночью сильно знобило — ночи на Украине

влажные, прохладные. Гранатами трофейными разжились с длинными рукоятками.

Я одну как запустил, она метров шестьдесят пролетела. Нашу так далеко не кинешь. Поспорили, почему у нас в армии таких гранат нет. Древесины, что ли, для рукояток не хватает? Так и не пришли ни к какому выводу. А граната — мы их «колотушками» называли — слабая. Завидовать нечему. Мы больше на свои «лимонки» надеялись. Сильная вещь. В расчете всегда запас «лимонок» имелся. Автоматов мало было. Поэтому при случае мы всегда немецкие автоматы брали.

За этот бой я получил орден Красной Звезды. Наградили орденами и медалями еще несколько человек из батареи, в том числе Никиту.

Первый орден Отечественной войны я получил осенью сорок четвертого года. Орден среди офицеров и солдат очень почетный, высокий по статусу, и многие мечтали получить именно его.

После небольшой передышки и переформирования снова началось наступление. Батарея получила недостающие орудия до полного комплекта. Часть карабинов заменили автоматами. Наконец-то догадались! Нужная вещь для «сорокапятчиков», которые шли бок о бок с пехотой, отбивали и танковые атаки, и вступали в ближний бой с немцами.

В августе наши войска начали освобождение Польши. Бои шли на редкость ожесточенные. За Польшей — Германия, и немцы упорно держали этот последний форпост перед границами рейха. Форсировали многочисленные речки, большие и малые.

Стрелковый полк, в состав которого входила наша батарея, получил задачу форсировать одну из таких рек и создать небольшой плацдарм для дальнейшего наступления.

Река не очень широкая: где шестьдесят метров в ширину, где — поуже. Только не все просто. С западной стороны высокий крутой берег, а с нашей, восточной, песчаная и галечная отмель, открытая со всех сторон. Целый день выбирали место, искали все, что могло пригодиться для переправы. Понтонов не было. Разобрали какую-то сторожку, пилили сухие бревна, стволы деревьев и сколачивали плоты для пушек. Бойцы вязали охапки хвороста. И все это с оглядкой на небо: вдруг появятся немецкие самолеты. В заводи нашли две спрятанные рыбаками лодки. Удача!

Всю работу производили в лесу, подальше от реки. Там же, тщательно замаскированный, находился полк. Сколько на этих переправах людей потеряли! Поэтому действовали очень осторожно. Уже в темноте переправили на правый берег на найденных лодчонках разведчиков и саперов. Осмотрели откосы, обезвредили несколько мин. Осторожно проверили берег и мигнули фонариком — давайте! Первыми переправлялась усиленная пулеметами стрелковая рота, два минометных расчета и взвод «сорокапяток». Больше к берегу никого не подпускали. Лишние люди, лишний шум — всех перебьют на воде!

Я вспоминал, что теплой, даже жаркой была та сентябрьская ночь. Вместе с другими выгребал тяжелым самодельным веслом, упираясь сапогами в ящики со снарядами. Рядом пушка. Четыре весла и руль. Медленно, очень медленно приближался берег. Хоть

и прикрывали нас десяток саперов и разведчиков, но какой участок могли они контролировать? Двести, триста метров... Ударят с флангов скорострельные МГ-42, и поплывут по воде трупы.

А тут еще, как назло, тихо не получается. С треском переломилось весло на соседнем плоту. Мат, ругань. Кто-то выпустил из рук ремень, которым держался за бревно, забулькал, замолотил по воде ногами.

— Помогите!

— Цыть! — зашипел командир батареи, который вместе со взводным сопровождал первый орудийный взвод.

На соседнем плоту тоже старательно выгребает давний приятель, земляк из Сталинграда, Коля Бажанов. Вместе на поселке «Красный Октябрь» жили, потом судьба раскидала по разным фронтам, а на переформировании встретились снова. Ездовые с лошадьми плывут рядом. Вместе с ними Никита, по-прежнему ездовой в моем расчете. Сколько за эти месяцы бойцов потеряли, а мне и Никите пока везло.

Наконец берег. Полезли наверх. Немцев не слышно, хотя стрельба доносилась и справа и слева. Правда, далеко. Бойцы догадывались, что на правом берегу торопились закрепиться передовые части соседних полков и дивизий. До утра без отдыха копали орудийные окопы, щели для укрытий. Пехота рыла свои укрепления. Сновали взад-вперед обе лодчонки, подвозили оставшиеся на левом берегу дополнительные боеприпасы, продовольствие. Я еще подумал: вот самое время перебросить весь батальон и артиллерию.

Но, видно, не зря такими небольшими группами занимали плацдармы. На рассвете немцы разглядели

десант и сразу открыли отсечный огонь из гаубиц по реке и песчаной отмели, где еще копошились люди, готовили к переброске оставшийся груз. Вдребезги разнесли обе лодки. На отмели горели и взрывались ящики со снарядами, лежали несколько тел. А потом атака.

Видимо, у немцев людей на сплошную оборону не хватало, и к местам прорывов бросали мобильные группы хорошо подготовленных солдат. Не киношную атаку пришлось увидеть мне, когда цепи белогвардейцев, как на параде, идут на Анку-пулеметчицу. Здесь всё было по-другому. До леса — метров четыреста, а перед ним поле, подлесок, кусты ивняка, густая нескошенная трава. Как из-под земли возникали фигуры в пятнистых куртках. Под прикрытием пулеметов, перебежками, ползком стремительно двигались вперед и тоже вели на бегу непрерывный огонь.

Командир батареи был у меня новый. Капитан Макарчук из опытных вояк, с лиловым шрамом на горле. Может, и голос от этого хриплый. Или от водки. Но командовал четко. Приказал замаскированные орудия держать наготове, но огонь ни в коем случае не открывать. Только по команде. Командирам орудий, наводчикам и заряжающим быть возле пушек, а остальным вести огонь из карабинов и автоматов по атакующим немцам.

Умело действовали фрицы. Чуть не сбросили наших в реку. Их станковые и ручные МГ-42 головы не давали поднять. Как метлой, сносили брустверы плюс огонь десятков автоматов. В наших «максимах» вода в кожухах от бешеного огня закипала. Редко когда немцы с такой яростью кидались в лоб. Сначала артил-

лерией, бомбами всё вспахивали, а тут атака с ходу, внезапная и напористая. Тот день запомнился мне на всю жизнь. Кажется, никогда в такой тяжелой ситуации не бывал. Люди гибли один за другим. Командир пехотной роты, молодой старший лейтенант, уже достаточно повоевавший, с орденом Красной Звезды, видимо, растерялся. Подбежал к капитану и закричал, размахивая пистолетом:

— Бей осколочными! Видишь, фрицы на шею садятся. Чего ждешь?

А командир батареи, Макарчук, невзрачный, в выгоревшей гимнастерке, тоже с орденом и ленточками за ранения, насмешливо спросил:

— Какие тебе снаряды? В роте пять «максимов», не считая «дегтяревых». Люди в окопы попрятались. Гони их всех наверх. А пушки для танков берегу. Их «максимами» не возьмешь.

Старлей что-то еще доказывать пытался, но немцы зашевелились. Новая атака. Капитан автомат в руки взял и говорит:

— Себе тоже найди автомат. С пистолетом не навоюешь. Все, беги к своим, а то я сам твою роту под команду возьму.

И столько спокойствия и уверенности было в комбате, что я понял, повезло нам с командиром. Отбили атаку. Старлей и его взводные заставили всех стрелять. Много у них народу погибло. Очень сильный огонь немцы вели. Но отогнали фрицев. Кто посмелее из наших, смотались за трофеями. Обшарили немцев, которые ближе лежали. Принесли несколько автоматов, ранцы, фляжки со шнапсом.

Макарчук глянул на солдатские книжки, выдран-

ные из петлиц эсэсовские знаки, кинжалы. Только головой покачал:

— Эти в покое не оставят. Скоро наша очередь.

И действительно, через полчаса выползли три танка Т-4 и с ходу открыли огонь по траншеям пехоты. Пушки они пока не видели. Прав был Макарчук, не открывая позиции. Все три «сорокапятки» ударили одновременно. Потом успели выпустить еще снаряда по четыре и поджечь один танк. Два оставшихся, обвешанных звеньями гусениц для дополнительной защиты, перенесли огонь на батарею. Расстояние — чуть больше двухсот. Вот и вспомнишь слова: «Прощай, Родина!» Я снова ловил в прицел основание башни танка, гусеницы. После нескольких снарядов танк замер, пошел дым, а рядом с соседним орудием раздался взрыв. «Сорокапятку» перевернуло, разбросало расчет.

Две оставшиеся пушки продолжали вести огонь. Танк, в который я попал, загорелся, а последний, третий уполз в лес.

— Коля! — окликнул я земляка. — Живой?

— Живой, — отозвался Коля Бажанов.

А через десяток минут близким взрывом накрыло вторую «сорокапятку». Пригибаясь, подбежал Бажанов и двое оставшихся бойцов из его расчета. Оглушенный взрывом, кричал мне:

— Принимай в свою команду — мы теперь безлошадные.

А вскоре оторвало колесо и сплющило осколком ствол моей родной «сорокапятки». Тяжело ранило двоих из расчета. Бойцов перевязали, отнесли вниз, к воде, где под обрывом был устроен временный ла-

зарет. Сели покурить. У Николая Бажанова рука пробита, правда, кость не задело. Хлопали в разных местах противотанковые ружья, а из-за реки редко и равномерно били наши гаубицы. Лес невозможно было узнать. Некоторые деревья вырвало с корнем, от других остались одни голые стволы. Обгоревшие дубы растопырили во все стороны обрубленные черные ветки.

Где-то правее, километрах в десяти, раздавались глухие взрывы. Возможно, главное направление удара развивалось там. Убитых было много. Убирать не оставалось сил. Внизу, под обрывом лежали человек сорок тяжело раненных. Из моего расчета в строю остались трое: я, Никита и подносчик снарядов.

— Добьют нас, если вечером подмоги не будет, — как-то равнодушно проговорил комбат. — А ты, Георгий, везучий. Вокруг воронка на воронке, пушку разбило, а у тебя ни одной царапины.

— Сплюньте, товарищ капитан, — отозвался Николай Бажанов, — а то сглазите. У Георгия сыну четыре года.

И, правда, сглазил капитан. Только ранят меня много позже, и надолго растянется мой обратный путь домой.

Под прикрытием артиллерии и уцелевших бойцов, вечером начал переправу батальон за батальоном, весь остальной полк. За взятие плацдарма, уничтожение двух танков противника и проявленное мужество я был награжден орденом «Отечественной войны» 2-й степени.

Война продолжалась. Снова наступления, бои. Гибли и получали ранения люди. На их место при-

ходили новые. Неожиданно и нелепо погиб повозочный Никита. Смелый сообразительный солдат, но порой бесшабашный. Пошел в брошенный хуторок разжиться харчами и нарвался на выходящих из окружения немцев.

Тело нашли только к вечеру. Присыпанное падающим снегом, замерзшая лужа крови и вырванные клочья шинели на груди. Погиб от автоматной очереди навылет, пущенной в спину. Выдолбили в мерзлой земле неглубокую могилу, наскоро сколотили памятник-пирамидку, дали залп. Прощай, Никита!

Мне и Николаю Бажанову пока везло. Воевали вместе. Позже я был награжден вторым орденом «Отечественной войны» и получил три благодарности от Верховного Главнокомандующего Сталина И.В. Те потертые половинки плотной бумаги с портретом Сталина ценились солдатами не меньше, чем медали, и хранятся у меня до сих пор. Вот короткий текст благодарностей от Верховного:

«...Сержанту Романову Г.П. — за отличные действия в боях за освобождение города Волковыска».

«...Сержанту Романову Г.П. — за отличные действия при прорыве обороны противника на южной границе Восточной Пруссии и взятие городов Найденбург, Едвабно, Алендорф».

«...Сержанту Романову Г.П. — за отличные боевые действия по окружению и ликвидации окруженной группировки немецких войск юго-восточнее Берлина».

Не подумай, что хвалюсь. Просто ценю я эти благодарности. А 28 апреля 1945 года меня тяжело ранило.

Только что вышли из боя. Орудия еще не остыли. Наступила тишина. Весна, первые листья, скоро войне конец... Я услышал характерный вой падающей мины. Взрыв за спиной, удар по ноге, по всему телу, и вот уже небо где-то вверху перед глазами. Не шевельнуться, не вздохнуть. Наверное, конец, — тоскливо пронеслось в голове. Не дождались меня Шура с Валеркой... И потерял сознание. Урывками вспоминал, как бегали, суетись друзья, перевязывали ногу. Николай Бажанов, земляк, друг боевой, как-то сумел убедить танкистов и подогнал танк.

— Надо быстрее в госпиталь. Кровью истечет.

И пошли госпиталя. Диагноз: «Множественные, слепые осколочные ранения нижней трети левой голени». А если проще: размолотило пучком осколков мышцы и кости. Операция одна за другой. Дадут передохнуть и снова режут, что-то вычищают хирурги, снова накладывают гипс. Ампутировать предлагали, чтобы не рисковать жизнью, но я отказался.

Сначала лежал в Германии. Как сквозь туман мелькало в памяти, как осторожно меня голого обмывала молодая медсестра. Стеснялся... А чего стесняться? Плыло все перед глазам, и тело чужое.

— Ты держись, солдат, — раздавался женский голос.

Держался. Перевели в другой, третий госпиталь, и лишь 10 января 1946 года был выписан по инвалидности из эвакогоспиталя в городе Сызрань, Куйбышевской области. Восемь месяцев в госпиталях пролежал. Через сколько-то дней я шел по улице небольшого донского городка Иловля.

— Валерка, отец твой вернулся. Беги, встречай, — кричал кто-то.

Подбежала Шура, держа сына за руку.

— Валера, это же папа твой!

Помню, в доме Валера сидел у меня на коленях. Я гладил его по белобрысым волосам, раздавал нехитрые подарки: губную гармошку, конфеты в ярких обертках. Шуре — какой-то платок, что-то еще по мелочи. Я говорил и никак не мог наговориться с Шурой. А потом как-то неожиданно прилег и задремал. Сильно уставший был.

Чем закончить воспоминания о своей военной судьбе? Неделю-другую я передохнул, помог свату немного подремонтировать дом и отправился в Сталинград на свой завод «Баррикады». Приняли меня сразу, в тот же самый цех. Работал, приезжал к семье в Иловлю, а в конце сорок шестого перевез Шуру и сына в город, где снял маленький домишко в поселке «Красный Октябрь». С год там пожили, а потом мне дали маленькую комнату в тесной трехкомнатной квартире. Печка, колонка с водой на улице. Чего еще надо в разрушенном войной городе! Живи и радуйся!

Вскоре переехали соседи, и завод передал нашей семье вторую комнату, а спустя несколько лет и третью. До 1974 года я работал на заводе «Баррикады». Часто ездил в командировки испытывать с военными свои артиллерийские изделия. Устранял неполадки, что-то улучшал. Офицеры к моему мнению прислушивались, а на Доске почета завода фотография висела постоянно. Часто приходил к нам в гости с семьей мой однополчанин Николай Бажанов.

Давала знать о себе нога, в которой так и остался довольно крупный осколок. Хирурги решили, что трогать его не надо.

Никакими привилегиями я не пользовался. Работал в две смены, а когда приходил, то Шура всегда готовила мне тазик с теплой водой. Отогревала, растирала натруженную за смену ногу, которая так и не зажила. С меня то снимали, то заново давали инвалидность. В конце концов надоели хождения по больницам. И так проживу!

Георгий Петрович Романов умер, прожив с женой Александрой Ивановной долгую жизнь — пятьдесят шесть лет. Лежат они рядом на Краснооктябрьском кладбище.

Вечный вам покой...

Штрафники, разведчики, пехота

Я СЛУЖИЛ В РАЗВЕДКЕ

Самую почетную награду я получил не за добытых «языков», хотя их насчитывалось более двух десятков, а за немецкий танк, который захватил вместе с экипажем. И такое в разведке бывало.

Мельников И.Ф.

★ *Об Иване Федоровиче Мельникове я впервые узнал из короткой статьи в толстой книге о кавалерах ордена Славы. Потом получилось так, что встретил его в городской библиотеке, где проводилась встреча с ветеранами. Разговорились, встретились еще, и родился этот документальный рассказ о военном пути старшины — разведчика Ивана Федоровича Мельникова. С его разрешения я изложил события от первого лица, так, как мне рассказывал Иван Федорович.*

Родился я 19 сентября 1925 года в городе Сызрань Куйбышевской области. Отец, инвалид Гражданской войны, умер вскоре после моего рождения, мать — рабочая. Через какое-то время мама вышла замуж, и отчим заменил мне отца. Он работал в ОСОАВИАХИМе, был добрым, хорошим человеком,

позаботился о том, чтобы я получил образование. В начале лета 1942 года я закончил два курса железнодорожного техникума, немного поработал.

Я мечтал стать летчиком и приписал себе в документы лишний год. Вместе с двумя одноклассниками мы сбежали из дома и, забравшись тайком в железнодорожный состав, рванули из Сызрани в Сталинград поступать в Качинское летное училище. Когда приехали в Сталинград, оказалось, что училище эвакуировано. Помню, как голодные бродили по городу, размышляли, что делать дальше. То, что Сталинград прифронтовой город, не понимали. Не обратили внимания и на вой сирен, означающий воздушную тревогу.

Начался воздушный налет. Посыпались бомбы. Мощные взрывы поднимали столбы земли на десятки метров вверх, рушились дома. Спрятаться, залечь в какой-нибудь канаве мы не догадались, а побежали к Волге. В головенках мелькали мысли переправиться на левый берег. То, что ширина Волги километра два с лишним, мы не задумывались. Что стало с моими одноклассниками — не знаю. Близкий взрыв оглушил меня, я метался по берегу, пока не сбило с ног очередным взрывом.

Очнулся на берегу без одежды, все тело болит, в ушах звон. Контузило. Меня подобрали бойцы какой-то воинской части, отнесли в санроту. Когда пришел в себя, накормили, одели, стали расспрашивать. Я твердил, что хочу учиться на летчика. Исправлений в документах не заметили, судя по ним, мне через месяц должно было исполниться восемнадцать лет. То есть формально я был почти совершеннолетним.

Сталинград уже вовсю бомбили, военной подготовки я не имел, и мне выдали предписание на учебу в Моршанск Тамбовской области. Мол, парень грамотный, будешь учиться там на летчика.

В Моршанске летного училища не было. Ни о каких летчиках разговор не шел. Вместе с группой ребят я попал в пулеметно-минометное училище. Обстановка на фронте была, как никогда, тяжелой, шло мощное немецкое наступление на юге. Начались бои на подступах к Сталинграду. Двадцать третьего августа 1942 года фашисты прорвались к Волге, а на город обрушились волна за волной сотни вражеских самолетов. Центр города за день был превращен в развалины, погибли тысячи людей. Окажись я в тот день в Сталинграде, вряд бы уцелел.

Моршанск, небольшой, очень зеленый городок, раскинулся на высоком берегу реки Цна. Напоминал многие провинциальные города России. В центре — двух- и трехэтажные здания, а все остальное — частные дома с садами и огородами. Курильщики хорошо знают город по знаменитой моршанской махорке и сигаретам «Прима». Ну, а для меня с конца августа 1942 года и до апреля 1943 года он стал местом учебы.

Пулеметно-минометное училище располагалось в центре Моршанска. Несколько рот занимали большой кирпичный дом. Рота — 120 курсантов, взвод — 40. Учили нас как следует. Постигали боевую подготовку, устройство минометов и пулеметов, расчет стрельбы, тактику боя. Например, из 82-миллиметрового миномета я сделал за семь месяцев около пятидесяти боевых выстрелов. Считаю — нормально. В других учи-

лищах, как я позже узнал на фронте, боевых стрельб проводилось куда меньше. Изучали станковые пулеметы «максим» и ручные Дегтярева.

Больше внимания уделялось все же минометам. До войны их недооценивали. Немцы, широко применяя минометы с первых дней, наносили нашим войскам серьезные потери. Для точной стрельбы требовалось постичь целую науку. Мне в расчетах помогало полученное в техникуме знание математики и физики. Оценки по большинству предметов были хорошие и отличные. Но, к сожалению, мешали (как ни странно звучит) мое умение чертить и музыкальный слух, я был запевалой. Из-за этого меня перебрасывали из роты в роту. Я оформлял наглядную агитацию, выпускал стенгазеты. Когда роту готовили к проверке, я и рисовал, и вышагивал в строю, запевая «Каховку», «По долинам и по взгорьям», «Катюшу». За наглядную агитацию и прохождение четким строем с песней рота получала хорошие баллы.

При этом меня никто не освобождал от сдачи зачетов. Учебу в училище вспоминаю добрым словом. Командиры относились к нам внимательно. Питание для военного времени было хорошим. Утром — каша, масло, сладкий чай. На обед — мясные щи, суп, каша или картошка с мясом, компот. По окончании училища мне было присвоено звание «старший сержант». Я мог командовать минометным или пулеметным расчетом, но моя военная судьба сложилась иначе. Я попал в 202-й гвардейский полк 68-й гвардейской дивизии, входящей в состав Степного фронта. Дивизия находилась северо-восточнее Харькова. Буквально в первые дни меня «сманили» в разведку.

Слово «разведчик» всегда было окружено ореолом загадочности, какой-то тайны. В разведку брали только добровольцев. Про вылазки в тыл врага рассказывали легенды. Отважные разведчики проникали в фашистское логово, бесшумно снимали часовых и приводили ценных «языков». В апреле 1943 года мне было семнадцать лет (по документам — восемнадцать). По существу, мальчишка, умевший хорошо петь и не нюхавший войны. Я, не раздумывая, дал согласие и был назначен командиром отделения взвода пешей разведки. Когда меня познакомили со взводом, я сразу заметил, что наград у разведчиков больше, чем в пехоте. Не сказать, что бойцы были увешаны медалями и орденами, но более чем у половины имелись награды.

Хотя я именовался командиром отделения, науку разведки пришлось постигать с азов. Первые недели никем не командовал. Учили меня, как организована немецкая оборона, где расположены посты, пулеметные точки. Помню утомительные дни наблюдения за передним краем противника. С раннего утра и до темноты, вечером и ночью. Глаза до того болели, что я промывал их холодной водой. Затем привык. Давал глазам отдых, учился сосредоточить внимание на нужных участках. Командиром взвода был лейтенант Федосов. Не скажу, что он был очень опытный разведчик. Дело в том, как я понял, рядовых и сержантов на офицерские должности выдвигали редко. Специальных разведучилищ не было. Командирами в разведку назначали отличившихся офицеров из стрелковых подразделений.

Федосов воевал с лета сорок второго, был ранен, считался грамотным командиром. В разведвзвод пришел месяца за два передо мной. Меня «натаскивали» двое опытных разведчиков. Рядовой Саша Голик из моего отделения и сержант, фамилию которого я не запомнил. Голик, небольшого роста, жилистый, много раз ходил в тыл, имел две медали. Кажется, одно время был сержантом, но за пьянку был разжалован. Тем не менее это был подготовленный, обстрелянный специалист, который мог ответить на любой вопрос. Я испытывал страх перед минами. Саша подробно рассказывал, какие мины могут встретиться, успокаивал меня.

— Нам же саперы помогают. И не думай, что мины невозможно угадать. Неделю простоят — в земле ямка образуется, и трава желтеет.

— А если мины день назад поставили?

— Значит, будет бугорок. Опять же, трава по цвету отличается.

— Попробуй ее различи ночью, — вздыхал я.

Первую вылазку за «языком» запомнил хорошо. Это произошло дней через 8—10 после моего назначения. Группа состояла из пяти человек: помкомвзвода, рядовой Саша Голик, еще один опытный разведчик и двое нас, новичков. Было начало мая, ночи — короткие. Через передний край двинулись часов в одиннадцать вечера. У всех были автоматы ППШ, гранаты, ножи. Нас сопровождали трое саперов. Доползли до середины нейтральной полосы, метров триста, и показали направление: «Двигайте туда, мин нет!» Старший пытался заставить их проползти

с нами еще сколько-то, но саперы исчезли. Была ли у них такая инструкция или они просто боялись, не знаю.

Колючая проволока в этом месте отсутствовала, но ракет на освещение переднего края немцы не жалели. Они взлетали то в одном, то в другом месте. Некоторые медленно опускались на парашютах, и тогда несколько минут приходилось лежать неподвижно. В общем, ползли мы медленно, замирая, когда вспыхивала очередная ракета. В одном месте сильно пахло мертвечиной, в другом я ощутил под локтем металл и застыл. Оказалось, крупный осколок снаряда, врезавшийся в землю. Открыл огонь немецкий пулемет. Трассы шли далеко от нас. Значит, пока не заметили. Чем ближе была немецкая траншея, тем сильнее колотилось сердце. Я знал, что на ночь в траншеях остаются только немногочисленные часовые и дежурные пулеметчики. Однако казалось, что лезем прямо на стволы. Еще метр-два, и ударят в упор из автоматов и пулеметов. Вот и траншея. Один разведчик остался наверху, а четверо спрыгнули вниз.

Метрах в пятидесяти справа коротко простучал пулемет. Прижались к стенке траншеи и замерли. Я был уверен, что нас обнаружили. Ударили еще две короткие очереди, и пулемет смолк. Старший группы изменил направление. Мы собирались двигаться влево, но оставлять за спиной пулеметную точку было нельзя. При отходе нас бы расстреляли. Зато существовала опасность, что без шума ничего не сделаем. Часовой плюс пулеметчик или два. Так практически и получилось. Часовой вышел нам навстречу. Его схватили помкомвзвода и Саша Голик. Часового свалили мгно-

венно, заткнули кляпом рот и принялись связывать. Он отчаянно сопротивлялся и, хотя кричать не мог, ударом сапога переломил жердь на стенке траншеи. Она лопнула с треском, напоминающим пистолетный выстрел.

Кстати, глушить «языков» ударом приклада не практиковалось. Во-первых, почти все немцы, включая офицеров, находились на переднем крае в касках. Во-вторых, удар по голове (если фриц в кепи) трудно рассчитать. Ударишь посильней — можно убить, а рисковать мы не хотели. Поэтому и тренировались, чтобы сразу свалить «языка», обездвижить и связать его. У опытных разведчиков всё занимало считаные минуты. Хотя большинство немецких солдат в передовых частях были крепкие, физически хорошо подготовлены, и справиться с ними было непросто.

Этот немец успел только лягнуться. Связанного, с кляпом во рту, его вытолкнули наверх. Помкомвзвода, второй сержант, крепкий рослый парень, и новичок быстро потащили пленного в сторону наших позиций. Голика и меня оставили прикрывать отход. Мы замерли. Может, все бы и обошлось, но спустя минуты три пулеметчик что-то разглядел. Выпустил ракету, а следом длинную очередь. Мы побежали к пулеметчику. Саша с разбега ударил его ножом, потом еще раз, нашарил документы, и мы выбрались из траншеи. Я рвался бежать напрямик, но Голик толкал меня в сторону.

— Уходим тем же путем. Мины!

По нас открыли огонь, когда поравнялись с остальными. Залегли. Потом, развязав руки немцу, поползли, подталкивая его. Путь был выбран, в общем, удач-

ный. По склону, где густо росла трава. Нас потеряли из виду. Два пулемета били в сторону. Но трассы шли веером, низко над землей, охватывая большой участок нейтралки. Я представил, как раскаленный пучок с легкостью прошивает тело. Вот она, смерть, совсем рядом. Ракеты вспыхивали одна за другой. Нам ничего не оставалось, как ползти. Я знал, что скоро будет небольшой уступ, а дальше низинка. Хоть бы добраться до нее!

Я потерял всякое представление о времени и куда мы ползем. Поминутно оборачиваясь, следил за пулеметными трассами. Саша вдруг выругался: «Ты что делаешь, сука!» Я думал, ругают меня, но это на несколько секунд приподнялся новичок, когда спрыгивал с земляного уступа. Пули его миновали. Однако немцы разглядели группу. В нашу сторону посыпались мины. Разброс осколков у 80-миллиметровых мин довольно большой. Нас пока спасало то, что недавно прошли дожди. Мины взрывались в рыхлой почве, выкидывая осколки вверх.

Помкомвзвода ранили недалеко от наших траншей. Он упал, потом, шатаясь, побежал в рост. Поднялись с четверенек и мы. Ввалились в траншею и минут пять не могли отдышаться. Заместитель взводного был ранен смертельно, разрывная пуля ударила в основание плеча. Перевязать это место трудно, старший сержант истек кровью по дороге в санроту. Разведчику из новичков досталось штук пять мелких осколков. Ранен был и «язык», светловолосый парень с нашивками ефрейтора. Осколок пропахал ему щеку и оторвал кусочек уха, второй — чиркнул по шее. Пленного перевязали и увели в штаб.

Скажу еще такую деталь. Как я позже убедился, разведгруппы уходили в тыл натощак. Везде ли был такой порядок, не знаю. Но в нашем взводе перед выходом на задание никогда не ели. Логика простая. Человек налегке двигается быстрее и ползти удобнее. Играла роль и солдатская примета, что ранение в пустой живот менее опасно, чем в полный. Зато, когда вернулись, наелись от души. Разносолами нас не встречали: каша с мясом, сало, лук и граммов по двести пятьдесят водки. Кроме нас, за столом сидели взводный и старшина.

Большинство ребят проснулись, но за стол больше никто не садился. Лежали, курили, слушали, как прошел поиск. Не привыкший к алкоголю, я быстро окосел и полез на нары.

Проснулся поздно. Ребята, засидевшиеся за столом, еще спали. Их никто не беспокоил. Вскоре я узнал, что утром пленного допрашивал командир полка. Раны ефрейтора сильно кровоточили, он пытался симулировать, изображая тяжелую контузию. Потом все же заговорил. Начертил план обороны позиций своей роты, рассказал что-то еще по мелочи. Командир полка остался недоволен, и дальнейший допрос поручил кому-то из офицеров штаба. Про погибшего помкомвзвода коротко сказал:

— Представить посмертно к ордену.

Про нас речи не заходило. День мы втроем отдыхали. Раненого новичка отвезли в санбат. Голик достал где-то спирта. Я в то время почти не пил, лишь поддержал компанию. Саша выпил изрядно, но не пьянел. Мы сидели вдвоем в тени дерева, и разговор шел

откровенный. Я узнал, что две недели назад почти целиком погибла группа из пяти разведчиков. Их засекли посреди нейтралки, вернулся лишь один человек. Рассказал он и том, что помкомвзвода мечтал получить рану. Устал от войны. Вот и накликал. Только не рану, а смерть.

— Много разведчиков гибнет? — спросил я.

— Думаешь, в пехоте слаще? Сейчас вроде тихо, а когда наступление, за одну атаку половина людей в ротах убывает. — Он неожиданно перевел разговор на другую тему. — А командир полка зря привередничает. Чего ему надо? Привели ефрейтора, убедились, что напротив нас та же часть стоит. Значит, перемещений пока нет и внезапного наступления не жди. Помкомвзвода жаль. Хороший был парень и разведчик опытный. Пусть Федос покрутится без помощника. Сам в поиск ходить не любит, а теперь придется.

Помолчав, Саша сказал неожиданную для меня вещь:

— Ты, Ваня, у нас новичок, хоть и старший сержант. Только вчера боевое крещение получил. Тонкостей разведки еще не знаешь. Запомни одну вещь. У нас не принято вперед других лезть, свое «я» выставлять. Федос за разведку отвечает. Ему что ни прикажут, все выполняет. Людей порой зря гробим, лезем, не зная броду, на мины и пулеметы, лишь бы начальству угодить. Ты научись различать, когда приказ, а когда на дурость науськивают. Ордена, звания обещают. В общем, если чувствуешь, что дело дохлое, лучше уклонись, попроси времени на подготовку, а ребят на смерть не тащи.

Я не совсем понял сказанное. Дадут приказ — куда денешься! Но что-то в голове отложилось. Понял, что лезть в герои торопиться не надо. В конце разговора Саша Голик, как бы между прочим, сказал, что, наверное, ему вернут сержантские лычки, а раненый новичок в разведку не вернется.

— Сам ты как? — спросил меня.

— Ничего. Все нормально.

Убегать из разведки я не собирался. На переднем крае тоже гибнут люди. Почти каждый день полк терял людей. То от мин, которые немцы сыпали по несколько раз в сутки, то от выстрелов снайперов.

— В разведке можно жить, — закончил разговор Саша Голик. — Мы хоть спим по-человечески, и на убой не гонят. Ты парень грамотный, крепкий. Держись поближе ко мне.

Мы пожали друг другу руки. Так я приобрел хорошего боевого друга. Мы были разные. Саша Голик закончил пять или шесть классов, вырос в глухой деревушке в Саратовской области. В нем не было рисовки, излишнего самомнения, хотя он имел немалый боевой опыт и две медали. Саша подмечал многое. Рассуждал по-крестьянски практично и хотел не только нормально воевать, но и выжить. Голик оказался прав в своих предположениях. Новичок, которого мы навестили в санбате, явно притворялся, что ранения тяжелые, жаловался на слабость и боли в голове. В разведку он возвращаться не собирался, а позже, прикрываясь ранением, сумел попасть в полковой обоз. В то время я презирал таких людей. Позже стал понимать их, сделался более терпимым. Саше Голику вернули за удачный поиск сержантские погоны и назначили

командиром отделения. Фактически же он исполнял обязанности помощника командира взвода. Меня это устраивало.

Если на участке нашего полка в мае сорок третьего стояла относительная тишина, то для меня месяц был заполнен большими и мелкими событиями. В течение мая я трижды ходил в поиск. Первый раз — неудачно. Нас обстреляли, ранили разведчика, второй влез локтем на мину. Ему оторвало руку и снесло полголовы. Немцы открыли сумасшедший огонь из пулеметов, погиб еще один разведчик. От полного уничтожения группу спасла густая трава, в которой мы затаились. В общем, почти все разведчики вышли из строя. Вместо «языка» мы кое-как вынесли тела убитых.

Когда делали «разбор полетов», выяснилось, что парень, попавший на мину, растерялся, пополз в сторону мимо отмеченного саперами прохода. Но прежний страх перед минами снова сковывал меня. Вторая вылазка завершилась удачно. Мы выкрали часового и благополучно доставили к своим. Я был в этом поиске заместителем Голика. Меня хвалили и говорили, что становлюсь настоящим разведчиком. Конечно, это было не так. Чтобы стать специалистом в разведке, требуются месяцы и постоянная тренировка.

Третья вылазка тоже завершилась взятием «языка». Один разведчик был убит. «Язык» сообщил в штабе какие-то ценные сведения. Меня представили к медали «За отвагу», которую я вскоре получил. Я очень гордился этой наградой. Медаль «За отвагу» высоко ценилась среди бойцов и офицеров. Давали ее за конкретные боевые дела на поле боя с указанием, что

совершил представленный к медали. Кстати, в сорок третьем (по крайней мере, в первой половине года) наградами никого не баловали. Представляли многих, но получали награды единицы. Больше ограничивались благодарностями. А вскоре я вляпался в ситуацию, которая едва не стоила мне жизни и лишний раз показала, что разведка очень непростое дело.

В обязанности разведчиков входило наблюдение за передним краем. Каждый день несколько человек выползали на нейтралку и следили в бинокли за немецкими позициями. Действовали, как правило, парами. Это была тоже разведка, и причем очень рискованная. Если несколько раз вылазки обошлись для меня с напарником нормально, то в очередную вылазку мы выбрали неудачную позицию, закопавшись под тяжелый немецкий бронетранспортер. Сгоревшая во время мартовского наступления немцев восьмитонная машина уткнулась остатками передних обугленных колес в землю. Шестиметровый корпус более чем наполовину защищали снизу гусеницы и металлические, в полтора ряда, колеса. Чем не укрытие!

Я не учел одного. Раньше мы прятались в незаметных окопчиках среди кустов и далеко вперед не выползали. В этот раз подобрались метров на триста к немецким траншеям. Сквозь просветы в гусеницах я отлично видел лица врагов. На участке, длиной в полкилометра, насчитал шесть пулеметов, в том числе один крупнокалиберный. Два из них были хорошо замаскированы и раньше огонь не вели. Я с удовольствием нанес пулеметные точки на карту. Нас заметили ближе к вечеру. Или уловили отблеск бинокля в лучах переместившегося к западу солнца, или

мы слишком много двигались, разминая затекшие мышцы.

Сначала влепили несколько пулеметных очередей. Пули плющились, рикошетили от металла. Мы затаились. Потом заработали минометы. Мина взорвалась, влетев в открытый десантный кузов в метре над нашими головами. Ощущение было как от удара молотом по железной бочке. Минометный обстрел выдержали, даже приободрились. Но за нас взялись крепко. Ударила с закрытой позиции 75-миллиметровая пушка. Это было серьезнее. По нас выпустили десятка два снарядов. Несколько штук снесли верх кузова, разорвали его почти пополам. Два фугаса рванули под гусеницами. Вышибло металлическое колесо, меня отбросило в глубину нашей норы. Я оглох, у обоих текла кровь из носа и ушей. По движению губ уловил фразу, которой напарник оценил мою сообразительность:

— Пиндец! Хорошее место выбрал, старшой. Здесь и останемся.

Он был недалек от истины. Под прикрытием пулеметных очередей к нам ползли трое немцев. Бронетранспортер служил им прикрытием от огня из наших траншей, до которых было полкилометра. До немцев, как я упоминал, метров триста. С моей стороны было непростительной авантюрой лезть под нос фрицам, да еще тащить за собой подчиненного. Конечно, мы много разглядели за день наблюдения, редко кто подбирался к немцам так близко. Но что стоили эти сведения, если мы оказались в ловушке!

А трое немцев умело и быстро ползли к нам, им был знаком каждый метр, да еще прикрывали пулеметы. Какую гадость от них ждать, можно было толь-

ко догадываться. Забросают бутылками с горючей смесью, и поджаримся живьем. Им, небось, и кресты и отпуска за ликвидацию русских разведчиков пообещали. Мы открыли огонь из автоматов. В щель от выбитого колеса сразу полетели пули немецкого МГ-42. Напарнику пробило насквозь щеки. Он лежал на дне окопчика и отплевывался кровью. Я выпустил остаток диска наугад, вставил запасной и переполз к передним колесам.

Кто видел, как бьет автомат ППШ, представляет клубок пламени, вылетающий из ствола и отверстий кожуха. Отличная мишень! Меня снова загнали в окоп, но кого-то из немцев я крепко зацепил. Продолжал стрелять, меняя места, держа автомат над головой. Меня и напарника спасли наши минометчики, открыв беглый отсечный огонь. Мы вылезли из-под бронетранспортера и сумели отползти метров на семьдесят. С час пролежали в глубокой воронке. Я почти оглох и, выкопав выемку, наблюдал за немецкими траншеями, готовый открыть огонь, если нас попытаются взять живыми. Напарник мучился от боли, стонал, рвался куда-то бежать, пока не получил пулю в руку. Начало смеркаться, и мы кое-как доползли до своих.

До сих пор не понимаю, как нас немцы выпустили живыми. Нахожу лишь одно объяснение. Позиции фрицев были сильно прорежены, солдат не хватало, да и наши минометы шорох навели. Ну, и, конечно, везение. Эта разведка стала для меня уроком. Кстати, реакция на результаты была разная. Лейтенант Федосов нанес на карту замеченные нами огневые точки и хвалил меня за решительность. Потом сразу пошел

к начштаба докладывать о результатах. Саша Голик после ужина, когда я немного успокоился, отчитал меня:

— Ты головой соображаешь? Залез фрицам под самый нос. Ведь я тебя предупреждал: есть смелость, а есть глупость. Тебя сегодня Бог спас, а напарник в госпиталь угодил.

Видя, как я сник, Саша обнял меня, сказал, что я смелый парень. Мы выпили еще, я признал свою неосмотрительность. На этом инцидент был исчерпан. Кстати, утром, перед строем, лейтенант Федосов объявил мне благодарность за добытые важные сведения. Но я уже получил от Голика и остальных старых разведчиков оценку своего «подвига». Благодарность выслушал и коротко ответил, ни на кого не глядя:

— Служу трудовому народу!

Как и положено по уставу.

...Была середина июня. В воздухе висело предчувствие большого сражения, которое позже назовут Курской битвой. Мы стояли южнее Курского выступа. Наша дивизия входила в состав резерва Главного командования. Большинство подразделений находились в 15—20 километрах от линии фронта. Полк также отвели во второй эшелон. Несмотря на удаленность от переднего края, все подразделения спешно окапывались, рыли глубокие щели. Наш взвод вел наблюдение. Не за немцами, а скорее выполнял функции специальных постов и патрулей. Мы проверяли документы у водителей машин, следующих вне воинских колонн, задерживали подозрительных военнослужащих, гражданских лиц.

Не знаю, попадались ли среди них шпионы, но мы добросовестно передавали их в комендатуру и особый отдел. Запомнился парень лет восемнадцати. Он кинулся убегать. Бежал быстро, мог скрыться в кустарнике, и мы открыли огонь. Пробили ему голень. Он катался по земле, кричал от сильной боли. Когда перевязали и стали допрашивать, беглец сознался, что его призвали в армию, а «мамка» спрятала в дальнем сарае.

— У нас отец и два брата погибли. Кроме меня, трое малых остались. Мамка сказала, что все равно немцы придут, хоть один мужик в семье уцелеет.

Мне показалось, что парень не совсем нормальный. Я посоветовал ему в особом отделе каяться и не болтать лишнего про «мамку» и про то, что придут немцы. В сентябре 1943 года, когда шло наступление, часть бойцов и командиров нашего полка передали из 4-й армии резерва Главного командования в 1235-й стрелковый полк, входящий в состав 52-й армии. Пополняли части, понесшие серьезные потери в ходе Курской битвы и дальнейшего наступления. Я попрощался с Сашей Голиком, другими ребятами и вместе с группой солдат, сержантов и офицеров прибыл на новое место службы. Такой же разведвзвод и должность та же — командир отделения пешей разведки.

Командиром взвода был старший лейтенант Чистяков. Коротко стриженный, в пилотке, легких брезентовых сапогах, он встретил меня доброжелательно. Познакомил со взводом, расспросил о службе и сказал, что нуждается в опытных разведчиках. Опытным я себя не считал. Но если учесть, что половина взвода были новички, то здесь на меня смотрели как

на бывалого командира отделения. Я откровенно рассказал, что в поисках участвовал всего несколько раз.

— Ничего, — успокоил Чистяков. — Войну ты уже понюхал, под огнем побывал. Медалью «За отвагу» так просто не награждают. А что лишнего не хвалишься, это хорошо.

Чистяков был более опытным командиром, чем Федосов, более решительным, изобретательным. Он «перетягивал» к себе во взвод саперов, радистов, артиллеристов. У нас был свой переводчик, не слишком большой знаток, но умевший перевести нужные вопросы и ответы. Хотя взвод считался пешим, Чистяков обзавелся двумя трофейными мотоциклами. Имелось достаточное количество биноклей и хорошая стереотруба. Автоматы были наши, пистолеты и ножи у некоторых разведчиков — трофейные.

Фронт на участке армии какое-то время стоял на месте. Мы находились километрах в восьмидесяти от Полтавы. Расстояние до немецкого переднего края составляло от 400 до 700 метров. Мощных укреплений противник возвести не успел. Спешно минировались подходы, немцы устанавливали по ночам бронеколпаки, зарывали в землю танки. Я знал, что долго стоять на месте не будем. Шло наступление на Днепр, и передышки были короткими.

Два дня я вел вместе с отделением наблюдение за передним краем, а затем был направлен с группой за «языком». Полковая разведка действовала очень активно. Зная, что скоро возобновится наступление, такие группы посылали часто. Командир полка требовал информацию о тех войсках, которые нам противостоят. Группу возглавлял сержант Михась,

белорус из-под Орши. Вначале я думал, что это его имя, оказалось — фамилия. Так его все и называли. Жилистый, с очень сильными цепкими руками, он имел немалый опыт и напоминал мне Сашу Голика. Два человека были из моего отделения. Ваня Уваров, тоже крепкий парень, до войны занимался борьбой. В группе был еще паренек из-под Казани. Фамилию его я не запомнил.

Каждая вылазка за «языком» словно нырок в холодную воду. Заранее представляешь, как ползешь через нейтралку, замираешь при свете ракет, а что ждет впереди, один Бог знает. Мы взяли зазевавшегося часового и благополучно вернулись. По нам открыли огонь, когда группа уже была рядом с нашими траншеями. Помню, что пленного вначале допросили прямо в землянке Чистякова. Как вели себя пленные? Они прекрасно знали, если начнут отпираться, изображать героев, хорошего не жди. Говорить все равно заставят, а за упрямство могут и пристрелить.

Отмечу сразу, в сентябре сорок третьего года фрицы не чувствовали себя побежденными. Их вера в Гитлера и в мощь своей армии была крепкой. Кроме того, они боялись за своих близких, которых могут отправить в концлагерь, за «предательство». Тот пленный изворачивался, плел очевидные вещи, которые мы знали и без него. Потом разговорился, но мы никогда не верили пленным. Поэтому всегда старались взять контрольного «языка». А вот с контрольным у нас получилась неувязка.

В ночь, когда я отдыхал, на другом участке предприняли новую вылазку. С одной стороны, лезть за «языком» два раза подряд было опасно. А с другой,

несмотря на строгие приказы начальства, немецкие солдаты на переднем крае несколько расслаблялись, считая, что русские две вылазки подряд не повторят. Повторили. И нарвались на неожиданность. Немцы осветили передний край «люстрами». Так мы называли большие светящиеся ракеты, которые запускали из минометов. «Люстры» медленно снижались на парашютах, заливая все вокруг ярким светом. Разведгруппа оказалась как на ладони. Несмотря на то что ребята лежали неподвижно, по ним открыли такой огонь, что они вынуждены были отползать. Четверо разведчиков погибли, а двое оставшихся в живых получили ранения.

Хотя разведчики стараются унести с собой тела погибших товарищей, в данном случае все четыре трупа остались на нейтральной полосе. По ним весь день тренировались или вымещали злобу немецкие пулеметчики. К вечеру тела представляли собой жуткое зрелище. Бесформенные, изорванные пулями трупы со снесенными лицами, отбитыми руками. Командир разведки полка и наш взводный Чистяков собрали сержантский состав взвода, обсуждали причины трагической неудачи.

— Нельзя каждую ночь людей гонять, — сказал один из сержантов.

Капитан, начальник разведки полка, его не оборвал, а терпеливо объяснил, что сейчас такая ситуация. Вот-вот начнется наступление, а мы не знаем, кто перед нами.

— Давайте на разведке выезжать! — раздался тот же голос. — Четверых угробили, посылайте еще.

— Не возьмем контрольного «языка», пошлют роту и две в разведку боем. Там не четверо, а все сорок или шестьдесят за паршивого «языка» полягут.

Это вмешался Чистяков. Он спокойно разобрал случившееся. Пришли к выводу, что надо было лежать и не шевелиться. Немцы случайно в кого-то попали, а остальные задергались. Поэтому и постреляли группу, как в тире. С одной стороны, лейтенант был прав, а с другой... попробуй лежать неподвижно, когда в тебя из пулеметов садят.

Двое суток мы наблюдали за передним краем. Я получше познакомился со взводом, своим отделением. Ребята хорошо отзывались о командире взвода. Авторитетом пользовались сержант Михась, помкомвзвода Василий Бессчетных. Отдельно упоминали кавказца, я запомнил только его национальность — табасаранец. Одна из небольших народностей, насчитывающая тысяч семьдесят человек. Он держался немного в стороне от других и был знаменит тем, что в разведку ходил только один. «Языков» приводил, плотно замотанных капюшоном, а руки связывал тонким сыромятным ремешком.

Мне было интересно с ним познакомиться поближе. Кавказец, лет двадцати, был хорошо сложен, широкий в плечах, на ремне висела кобура с массивным немецким «вальтером» и кинжалом, тоже трофейным. Говорили, что он не брал с собой автомат, а действовал чаще кинжалом. Пожали друг другу руки, но разговора не получилось. Он назвал имя, которое я сразу забыл, односложно ответил на два-три моих вопроса и прикрыл глаза, когда я начал что-то говорить. Возможно, табасаранец плохо меня понимал, а скорее

всего, просто не имел желания разговаривать. Ребята называли его Казбек. Или по созвучию с именем или по названию горы, которую знал каждый. «Казбек» считались тогда лучшими папиросами.

Михась, служивший во взводе давно, сказал, что Казбек парень своеобразный, лучше к нему не приставать. Узнав, что я учился в железнодорожном техникуме, Михась уважительно покивал и сообщил, что перед войной работал год путейцем-ремонтником под Оршей. Семья осталась в оккупации, а сам он сумел выбраться на одном из последних эшелонов. Видел, как станцию бомбили немецкие самолеты. Получилось так, что Михась и Ваня Уваров стали моими близкими друзьями. В разведке вообще отношение друг к другу очень теплое. Хотя вначале присматриваются и принимают в коллектив после совместных вылазок в немецкий тыл, где человек быстро проявляется. Случалось не раз такое, что ребят отчисляли. Но об этом позже.

Вторая вылазка за контрольным «языком» закончилась также неудачно. Немцы выдвинули метров на сто вперед боевое охранение. Нас обстреляли из пулемета уже издалека. Поднялся шум, и мы от греха убрались назад в траншею. Стало ясно, что в ближайшее время ночная охота ничего не даст. Было принято решение сделать это днем.

Дело в том, что сентябрьское наступление, все больше отодвигая линию фронта на запад, практически полностью не прекращалось. На одних участках фронт ненадолго замирал, шло срочное пополнение

полков людьми и техникой. На других — удары продолжались. Немцы, ранее избегавшие оставлять свои части в окружении или полукольце на опасных выступах, чтобы не попасть в «котел», теперь оборонялись с ожесточением. По правому берегу Днепра строился знаменитый Восточный Вал, система мощных укреплений. Главной задачей немецких частей являлось замедлить наступление Красной Армии, дать возможность перебросить через Днепр как можно больше людей и тяжелого вооружения.

Один из таких выступов образовался перед нами. Немецкая оборона врезалась в наши позиции метров на семьсот. Прямоугольник шириной не более четырехсот метров насквозь простреливался нашими орудиями и пулеметами. Немцы упорно за него держались, хотя несли большие потери. Взять этот «прыщ» было нелегко, болотистая речка, бронеколпаки, блиндажи, минные поля. Подготовка к наступлению еще не была завершена, но полк уже располагал достаточным количеством артиллерии и тяжелых минометов. Вряд ли из-за «языка» командование дало бы разрешение на операцию. Силы копились для наступления. Но этот «прыщ» мешал всей дивизии, и его решили подрезать.

Ближе к вечеру открыли огонь гаубицы и тяжелые минометы. Огонь обрушился на среднюю часть прямоугольника, одновременно имитировалась подготовка к атаке с обеих сторон. Немцы не стали рисковать жизнями нескольких сотен своих солдат и офицеров. Начался отвод людей в сторону основных позиций. Фрицы отступали организованно, но сильный огонь вносил сумятицу. Отход превращался

кое-где в бегство. Всё это происходило на небольшом пятачке. Пока пехотные роты имитировали атаку, два отделения разведвзвода и группа саперов проникли на восточный край пятачка. Почти все немцы его уже покинули. Спешно взрывали бронеколпаки, блиндажи, поджигали из огнеметов прибрежный лес, кустарник. Перед этим Чистяков пытался убедить командира полка провести атаку силами одной или двух пехотных рот, но получил отказ.

Пехоту у нас никогда не жалели, посылая в лобовые атаки. Но перед наступлением действовал приказ беречь людей. Сверху решили, что пока не время вводить в бой стрелковые роты. Возможно, это было правильно. Хотя немцев осталось мало, пулеметов у них хватало. Мы перебрались по колено в грязи через пересохшую речку и сразу попали под огонь. По существу, для меня это был первый открытый бой. Запомнились отдельные эпизоды. Упали сразу двое саперов и один из разведчиков. Кто-то поднялся, пули вырвали клочья из гимнастерки на спине, и человек вновь ткнулся лицом в землю. Мое отделение шло через кусты, которые с одного края горели. Показались убегающие фигуры, мы открыли огонь. Сгоряча забыли, что нам нужен «язык». Я крикнул: «Стреляйте по ногам!»

Рядом со мной упал разведчик. Пули попали ему в лицо и горло. Ранения были смертельные, он умер у меня на глазах. Не дай Бог кому видеть агонию умирающих людей, которым невозможно помочь! Всё сжималось внутри от страха и ненависти. Пулемет продолжал бить в нашу сторону, мы отвечали автоматными очередями. Неподалеку вел огонь еще один

пулемет. Чистяков подбежал ко мне и показал направление.

— Уничтожь его! И постарайся взять кого-нибудь живьем.

Я разделил отделение на две группы. Поползли, огибая пулеметные вспышки с двух сторон. Укрытие у немцев было довольно простое, но крепкое. Бетонная плита, уложенная поверх окопа, узкая амбразура на высоте полуметра. Обзор у пулеметчиков был неплохой, учитывая, что гнездо располагалось на бугорке. Когда ползли, вдруг увидели немца. В руках он держал трубу огнемета, за спиной висел увесистый баллон. Расстояние не превышало метров пятнадцати. Нас было четверо. Если бы фриц успел заметить группу, то сжег бы нас за несколько секунд. На войне кому-то везет, а кому-то нет. Немец стоял к нам спиной, когда услышал шаги, хотел обернуться, но было поздно. Мы открыли огонь все четверо. В огнеметчика попало не меньше двух десятков пуль. Он свалился на подломившихся ногах, как кукла. Загорелся баллон, из гибкого шланга, пробитого пулями, брызнули струйки огненной жидкости. А в нашу сторону снова ударил пулемет. Он стрелял под углом, но зацепил одного разведчика.

Мы оттащили парня за кусты. У него были пробиты рука и ладонь. Сильно текла кровь, я оставил второго разведчика перевязать раненого. Вдвоем с Ваней Уваровым поползли, огибая пулеметное гнездо. Неподалеку пробежали двое немцев и скрылись из виду. Потом появился еще один. Мы выстрелили ему в ноги и, забыв про пулемет, бросились к упавшему солдату. Впрочем, это был не рядовой солдат, а фельдфе-

бель. Он ворочался, зажимая перебитую голень. От сильной боли громко стонал. Видя, как сильно течет кровь, торчат осколки кости, я понял, что как «язык» немец нам не пригодится. Живого врага оставлять за спиной нельзя. На войне не бывает красивых жестов. Мы добили фельдфебеля, забрали автомат, вынули из кобуры «вальтер» и снова двинулись в сторону дота.

Здесь мы уже действовали спокойно. Зайдя с тыла, бросили две гранаты перед амбразурой и у входа, защищенного не слишком толстой металлической дверью. С полсотни слов по-немецки я знал и предложил немцам, сидевшим в доте, сдаваться. К нам присоединился третий разведчик и двое саперов. Немцы раздумывали. Саперы бросили под дверь толовую шашку. Взрыв вмял ее внутрь. Прямо на амбразуру шла цепь наших пехотинцев. Я испугался, что немцы откроют огонь, и заорал, кое-как подбирая слова, чтобы вылезали быстрее и не вздумали открыть огонь. В руке у меня была зажата граната РГ-42 с небольшим разбросом осколков. Я собирался бросить ее в амбразуру, но один из немцев попросил дать честное слово, что их не убьют. Еще он спросил с сильным акцентом: «Вы НКВД или солдаты?».

— Солдаты! — закричал я. — Не тронем мы вас. Вылезайте быстрее, пока остальные не подоспели. Гранатами забросают.

Так бы оно и случилось. Наступающей пехоте было наплевать на «языков». В атаках пленных не брали. Фрицы это поняли. Двое, поддерживая друг друга, выбрались через щель между смятой дверью и косяком. Оба были контужены, но передвигаться могли. Я сразу же отправил их, как было приказано, в сопро-

вождении разведчиков в штаб полка. Втайне надеялся, что нас наградят. Всё же пленных мы взяли в бою, неся потери.

Не поленился заглянуть в нору, где сидели пулеметчики. Укрепление хоть и не дотягивало до полноценного дота, но было сделано добротно. Земляные стены укреплены бревнами, амбразура прикрывалась заслонкой толщиной сантиметра четыре. Пулемет МГ-42 с оптическим прицелом стоял на треноге. Меня поразило количество боеприпасов. Не меньше двадцати коробок с пулеметными лентами, несколько цинковых ящиков с патронами, ящик с небольшими круглыми гранатами, величиной с гусиное яйцо. На гвозде висели противогазы и огнетушитель. Ваня собрал несколько банок консервов и сложил их в брезентовую сумку. Ящик с подходящими для нас компактными гранатами придвинул к ногам. Командир пехотного взвода, парень года на два постарше меня, попытался наложить лапу на пулемет.

— У нас всего один «дегтярь» во взводе остался, — пояснил он.

Я был злой на пехотинцев. По существу, нам пришлось воевать вместо них, мы потеряли несколько человек убитыми. Посоветовал младшему лейтенанту выметаться. Трофеи, в том числе пулемет, принадлежат нам. Пулемет мне был не нужен, разведвзводу он не полагался по штату. Мы и автоматы трофейные держали на всякий пожарный. Глядя фильмы о разведчиках, сплошь вооруженных немецкими МП-40, скажу, что это ерунда. Пользоваться трофейным автоматом опасно. Можно словить гранату или ответную очередь от своих. Поэтому мы брали с собой только ППШ, а

позже легкие и удобные автоматы Судаева. К сожалению, их поставляли в 1943 году очень немного.

— Брось, земляк, — почуял мое настроение младший лейтенант. — Зачем разведке пулемет? Хочешь, я тебе часы хорошие подарю?

Часов у нас хватало. Но взводный подарил мне действительно хорошие австрийские часы, со светящимися стрелками и компасом. Впрочем, пулемет мы бы все равно ему отдали. Бойцы быстро собрали сошки, корпус МГ-42 с запасным стволом и двумя затворами в отдельном футляре. Немцы пунктуально предусматривали все для бесперебойного огня пулемета вплоть до сменных частей.

Всего разведвзвод захватил четырех «языков». Через сутки началось общее наступление. Сомневаюсь, что от наших пленных была великая польза. Ведь планы заранее были утверждены на уровне командования фронта. Если бы даже немцы сообщили сверхсекретные сведения о наличии огромного числа орудий и мощных укреплений, вряд ли наступление бы отменили. В любом случае, данные, полученные от «языков», сыграли положительную роль. Наступали не вслепую. Нашему взводу эта вылазка обошлась дорого. Мы похоронили пятерых погибших разведчиков, еще семь или восемь убыли в санбат. Только что укомплектованный взвод потерял треть личного состава. Получил второе ранение и лейтенант Чистяков. Несмотря на это, он снова остался в строю.

Наша дивизия в числе других войск наступала на Полтаву, которую немцы превратили в крупный укрепленный пункт. Разведка двигалась в первых рядах,

вместе со штурмовыми отрядами. Пешком мы бы не успевали. Кроме двух мотоциклов, нам выделили полуторку. Еще один мотоцикл мы захватили у отступающих немцев. Какая задача у разведвзвода в наступлении? Та же. Быть глазами и ушами полка.

Мы мотались по проселочным дорогам, выискивали узлы обороны, артиллерийские заслоны и тут же сообщали о них командованию. Иногда шли вместе с танкистами и десантниками на броне. Здесь я увидел еще одну сторону войны. Как дерутся и гибнут в горящих машинах танкисты. Пропаганда создала из Т-34 ореол непобедимого танка. К сожалению, к лету сорок третьего года немецкие «Тигры» и «Фердинанды» по большинству показателей превосходили Т-34. Этих машин у немцев было сравнительно немного, зато сильной противотанковой артиллерии хватало. Я видел, как фрицы подбивали наши танки с такого большого расстояния, что трудно было засечь вражеские орудия и самоходки. Разведчики не имели права ввязываться без крайней нужды в бой. Танкисты же во время наступления на Днепр практически не выходили из боя. Скажу откровенно, что жестокость танковых боев меня потрясла.

Никому (кроме штабных прилипал) не приходилось легко в той войне. Но что чувствовали в тесных железных коробках люди, идущие под огонь орудий, можно только представить. Однажды я увидел сразу десять или одиннадцать сгоревших «тридцатьчетверок». Жуткое зрелище. Почти все трупы, лежавшие рядом, сильно обгорели. А уж что осталось от тех, кто был внутри, лучше не рассказывать. Головешки, комки угля.

Мы тоже несли потери. Если разведка не замечала вовремя засаду, нас немцы пропускали. Ожидали передовые части. Но ребята, оказавшиеся в кольце, как правило, были обречены. Так получилось с группой из четырех человек на двух мотоциклах. Они шли на М-72 с коляской и на одиночном трофейном «зюндаппе». Ребята не заметили закопанных на обочине дороги два «Фердинанда». Наших разведчиков пропустили. Фрицы не стреляли даже из пулеметов, когда они подъехали к хорошо замаскированным траншеям. Ребята увидели немцев с запозданием, уже приближались наши головные танки и грузовики с пехотой. Дали красную ракету, но было поздно. Дальнобойные орудия «Фердинандов» подбили и сожгли четыре танка и несколько грузовиков. Чудом вырвался один из разведчиков на «зюндаппе» без коляски. Гнал под пулями по степи. Когда вернулся, его едва не расстреляли. Спасло то, что разведчик был ранен, а мотоцикл сплошь исклеван пулями.

Солнечный сентябрьский день стал для нашего полка «черным днем». На дороге горели танки. Кроме «Фердинандов» открыли огонь с закрытых позиций гаубицы и тяжелые минометы. Снаряды и мины добивали разбегающихся бойцов, которые даже не видели, откуда стреляют. Развернули батарею 76-миллиметровок, но «Фердинанды» они взять не могли, слишком толстая броня. Не успевшие окопать свои орудия, артиллеристы гибли от попаданий 88-миллиметровых снарядов. Всю батарею уничтожили меньше чем за полчаса. Среди воронок и перепаханной земли торчали согнутые стволы, нелепо задран-

ные вверх станины, лежали тела погибших артиллеристов.

Но свою задачу они выполнили. Местонахождение «Фердинандов» и немецких гаубиц было установлено. По их позициям открыли огонь наши шестидюймовые гаубицы, а затем с тыла атаковали танки и пехота. Позже мы проходили мимо. Оба «Фердинанда» догорали, огромные массивные машины с шестиметровыми пушками, способные пробить броню наших танков за два километра. С десяток гаубиц были смяты, расплющены орудийным огнем и гусеницами танков. Угадывались серые пятна убитых немецких артиллеристов. Бой был жестоким, пленных после него не осталось. В тот день полк потерял погибшими более двухсот человек. Кроме самоходок, минометов и гаубиц, немцы вели огонь из пулеметов. Все они были уничтожены, раздавлены вместе с расчетами. Кто-то пытался спастись на грузовиках и легких вездеходах, но мало кому удалось уйти. Быстроходные «тридцатьчетверки» оставили на обочинах цепочку догорающих машин и десятки немецких трупов.

Командир полка отчитал Чистякова, сгоряча грозил трибуналом за то, что разведка прозевала немецкий заслон. Трудно определить степень вины наших разведчиков. Почти все попавшие в засаду ребята погибли, а «Фердинанды» открыли огонь с расстояния более километра. На таком расстоянии, да еще на ходу, трудно различить хорошо замаскированные, закопанные в землю самоходки. А гаубичный дивизион вообще находился за пределами видимости, укрытый холмами. Были допущены ошибки и танкистами. «Разбор полетов» не проводили. Похоронили погиб-

ших и двинулись дальше. Чистяков и все мы переживали случившееся. Но во время наступления немцы постоянно оставляли засады и сильные заслоны. Каждую засаду вовремя не обезвредишь. Война есть война. Ваня Уваров сказал мне так:

— Прем вперед без остановки, вот и влетаем. А с другой стороны, как не спешить, если фрицы за Днепр свои войска спешат перебросить. За рекой один немец троих будет стоить. Бить их надо, сволочей, пока не переправились.

Двадцать третьего сентября была освобождена Полтава. Мы на двое суток задержались на ее окраине. Ремонтировали технику, отсыпались после нескольких бессонных ночей. Обсуждали тот случай. Сержант Михась говорил, что глупо винить разведчиков, которые погибли и все же подали сигнал об опасности. Во время стремительного наступления такие вещи неизбежны. А нас все дни гнали без остановок: «Вперед! Нельзя давать немцам передышку». В честь взятия Полтавы хорошо выпили. Чистяков, загибая пальцы, перечислял погибших из разведвзвода. Текучка была страшная. Кто продержался полгода, считался старожилом, а с сорок второго года остались двое или трое разведчиков.

За освобождение Полтавы в дивизии многих награждали. После того случая с «Фердинандами» мы, разведчики, оказались вроде как в опале. Начальник штаба и его помощник по разведке побывали у нас. Посмотрели на наш поредевший взвод. Сам Чистяков, худой, желтый после двух ранений, оставшийся в строю, попросил пополнения. Начальник штаба не ожидал, что мы несли такие потери:

— А чего удивляться? — усмехнулся лейтенант Чистяков. — Нас же гонят и вместо пехоты. Воюем...

Напомнил, как мы брали «языков», потеряв в бою пятерых убитых и несколько тяжелораненых. Начальник штаба имел влияние на командира полка. Пополнение нам дали. Мало того, Чистякова наградили орденом Отечественной войны, а пять-шесть разведчиков медалями. Среди них был и я. Получил вторую медаль «За отвагу». А пополнение? Что толку с необученных ребят. Так, для количества. Учили их на ходу, так как дивизия и полк непрерывно вели наступательные бои.

На подступах к Днепру я попал в заваруху, из которой едва выбрался. Полк двигался пешим порядком. Но шли быстро, останавливаясь на короткие ночевки и дневные привалы по пятнадцать-двадцать минут. У бойцов разваливались ботинки. Подвязывали подошвы проволокой. Несмотря на то что шел конец сентября, было по-южному тепло, почти жарко. Бойцы шли мокрые от пота, некоторые падали от усталости. Хорошо, что часть боеприпасов перегрузили на подводы, захваченные у отступавших фрицев.

В то же время ночи стояли холодные, ночевать было негде. Практически все поселки и отдельные дома сжигались немцами при отступлении. Поверьте, что при температуре плюс 6—8 градусов, да еще на голой земле, спать почти невозможно. Люди падали от усталости, а ночью просыпались от холода. Зажигать костры запрещалось. Немецкие ночные бомбардировщики не дремали, из темноты на огонь не раз летели бомбы.

В тот день мы двигались, как обычно, «гребенкой», охватывая группами главный шлях и боковые ответвления, более или менее наезженные проселочные дороги. По одной из боковых дорог шла наша полуторка, в которой находился я и еще несколько разведчиков. Остальной взвод «пешей» разведки двигался на мотоциклах и лошадях. Мы, словно пальцы огромной ладони, ощупывали путь впереди полка. Миновали очередной сожженный хутор: остатки глинобитного дома с рухнувшей крышей, сгоревшие сараи, гумно. Очень хотелось пить, но в колодец немцы бросили дохлую лошадь. Из глубины шла дикая вонь. Других источников или ручьев поблизости не было. Облизнули потрескавшиеся губы, глядя, как водитель заливает в радиатор холодную, но отравленную заразой воду. Даже огород с помидорами и бахча с арбузами были смяты колесами и гусеницами машин.

Нашли несколько расколотых арбузов, немного помидоров, разделили на всех. Нас было человек восемь-девять: два сапера, помкомвзвода Бессчетных, я, Ваня Уваров и еще трое-четверо разведчиков. Единственная рация во взводе была у лейтенанта Чистякова, двигавшегося по основной дороге. Мы же в случае опасности обязаны были подать сигнал красными ракетами.

Миновали хутор. За нами увязалась собачонка. Мы бросили ей несколько кусков хлеба. Она глотала их на бегу, не жуя. Хотя до Днепра оставалось не меньше тридцати километров, мы на каждом бугре вставали в рост — не видна ли голубая полоска реки. Все с нетерпением рвались к Днепру. А чего рваться? Дойдем,

а там начнется переправа, во время которой людей гибнет больше, чем в атаках.

У одного из бугров вдруг увидели отходящий немецкий обоз. Шесть больших подвод на резиновом ходу, ездовые, цепочка солдат человек двенадцать. Вооружены мы были хорошо. Кроме автоматов, имели трофейный чешский пулемет «зброевка» и наш «дегтярев», снятый с подбитого танка. Немцы, заметив нас, замерли. Мы с ходу открыли огонь и на полном газу кинулись догонять обоз. Немцы дали несколько ответных очередей. Человек пять бросились убегать, остальные стояли у повозок с поднятыми руками. Кого-то из бегущих мы достали пулеметным огнем, один или два нырнули в неглубокую балку.

Согнали пленных в кучу. Винтовки и автоматы они уже сложили на землю. Прежде всего мы искали воду. Нашли несколько канистр. Я выпил литра два. В подводах было разное имущество: шинели, брезент, телефонный кабель, несколько ящиков с патронами. Короткий допрос пленных ничего не дал. Они объяснили, что уже неделю отступают и ничего не знают о других частях. Посадили двух унтеров и одного солдата постарше в полуторку и в сопровождении двоих разведчиков отправили в полк. В любом случае, «языки» были нужны.

Помню, почти все переобулись в добротные немецкие сапоги с подковами. Портянки прилипали к коже и отрывались клочьями. Не пожалели воды, обмыли сбитые, кровоточащие ноги. Надрали материи на портянки, кто-то надел по две пары носков, найденных в телегах. Искали еду, но, кроме куска сырой подсолен-

ной свинины, ничего не нашли. Следом за полуторкой отправили подводы с остальными пленными, тоже в сопровождении конвоя. Осталось нас пятеро — Бессчетных, Ваня Уваров, я и два сапера. Пошли пешком. Надеялись, что «полуторка» скоро вернется. Шагали бодро, в новых сапогах, фляги с водой полные. Да и вообще, наступление поднимало дух.

Километра через три увидели еще один дымящийся хутор. Шагали осторожно, вовремя заметили орудийные окопы, мелькание лопат. Там окапывались, готовясь к обороне, немцы. Километрах в полутора от хутора было небольшое кладбище. Я таких кладбищ раньше не видел. Посреди голой выжженной степи, как оазис, стояли огромные, высотой метров по двадцать тополя, под ними вязы. Ну и, конечно, кресты, каменные плиты. Нас спасло то, что по укоренившейся привычке мы шагали молча друг за другом. Да еще пригнулись и прибавили шагу, чтобы нас не заметили из сгоревшего хутора. Когда дошли до кладбища, услышали неподалеку голоса. Мы замерли, затем бросились в траву среди деревьев.

Ваня Уваров осторожно осмотрелся, прополз в глубину кладбища. Вернувшись, доложил, что немцев человек пятнадцать, роют орудийный окоп для 75-миллиметровой пушки. Еще там находится легкий вездеход с пулеметом. Вот тут нам стало не по себе. Кладбище стояло в стороне от дороги. Основной заслон немцы спешно оборудовали среди развалин хутора, а на кладбище устанавливали орудие, чтобы открыть огонь с фланга. Будь кладбище поближе к дороге, они бы всю батарею здесь укрыли, очень уж место удобное.

Мы поняли, что вляпались в ловушку. Чудес на свете не бывает. Повезло, немцы нас пока не заметили. Не ожидали, что из степи появится пешая группа русских. Но уйти вряд ли удастся. Или артиллеристы заметят, или из хутора разглядят. Да и не могли мы просто так уйти и подставить передовые части под удар. До немцев было метров двести. На таком расстоянии не обязательно видеть врага, его можно уловить чутьем опытного солдата. Ничего в этом сверхъестественного нет. Мы в разведке не раз угадывали, есть ли в траншеях немцы, хотя оттуда не доносилось ни звука.

— Затворами не щелкать, — запоздало предупредил нас Василий Бессчетных, — огонь открывать только по моей команде.

Соображения у всех хватило не взводить затворы и не греметь гранатами. Лежали мы неподвижно, ожидая наших. И полуторка должна была вернуться, и передовые части не могли обойти хутор стороной. Но было по-прежнему тихо, только негромко переговаривались немцы, готовя орудие к бою. Мы шепотом обсудили, что делать при появлении наших. Любой вариант сулил нам оказаться между молотом и наковальней.

Дальнейшее надолго оставило в моей душе нехороший осадок. Показалась полуторка. Выпустить условленные красные ракеты означало для нас смерть. Фрицы окружат и уничтожат нашу группу в считаные минуты. Что мы сделаем с тремя автоматами и двумя винтовками против полутора десятков немцев и пулемета? Мы смотрели на Василия Бессчетных, ожидая

его решения. Он вышел из-за деревьев и, встав в рост, отчаянно замахал автоматом, скрещивал руки, показывая, что ехать сюда нельзя. Но ребята на полуторке не поняли его и прибавили газу, махая руками в ответ.

Тогда Василий выпустил две красные ракеты подряд. Это был сигнал опасности. Разведчики, видимо, посчитали, что опасность в хуторе, а не на островке деревьев среди могил. Они тоже выпустили вверх две красные ракеты и, не снижая скорости, мчались прямо в ловушку. Все происходило быстро. Из-за тополей вывернулся вездеход с пулеметом. МГ-42 дал на ходу одну и другую пристрелочную очередь, а потом ударил в полную силу, выпуская двадцать пуль в секунду. Бледная при свете дня трасса уткнулась в полуторку. Машина завиляла, остановилась и вспыхнула.

Мы открыли огонь по вездеходу, до которого было метров сто. Кого-то зацепили, но пулемет повернулся в нашу сторону, и веер пуль хлестнул по земле, стволам деревьев. Мы уже лежали в траве, которая укрыла и спасла нас, потом поползли за деревья. Он бы нас добил, этот легкий бронетранспортер с пулеметом МГ-42, но показались танки, идущие в сторону хутора. Транспортер попятился в свое укрытие, захлопала противотанковая пушка и орудийная батарея с хутора.

Фрицы огнем с фланга подбили один танк, но две других «тридцатьчетверки», отделившись от колонны, на большой скорости помчались к кладбищу, бегло стреляя из орудий и пулеметов. Они раздавили пушку, а вездеход сумел скрыться. Мы тоже пытались участвовать в этом коротком бою. Застрелили немец-

кого артиллериста. Увидев нас, танкисты не удивились. Покурили, даже похвалили, что мы дали красные ракеты:

— Молодцы, разведка!

И с ревом умчались, оставив вдавленную в землю пушку и мертвые тела немецкого расчета. Мы пошли к горящей полуторке. Из трех человек там остался в живых лишь один. Молодой парень-разведчик, тяжело раненный в грудь и лицо. Мы понесли его в хутор, который уже пропахали наши танки, колонной шла пехота. По дороге тяжело раненный разведчик умер. Встретили лейтенанта Чистякова. Василий Бессчетных пытался рассказать о случившемся. Все мы чувствовали вину за гибель троих товарищей, Чистякову было не до переживаний. Он приказал похоронить погибших, и мы двинулись дальше. Судьба сберегла в тот день всех пятерых, оказавшихся в ловушке. Никто даже не был ранен. Когда похоронили троих товарищей и дали залп, Ваня Уваров с горечью проговорил:

— Что-то мы не так сделали. Сидели у немцев под носом и все выжили.

— Радуйся, дурак, — сказал пожилой сапер, — нашей вины тут нет. Кому какая судьба.

На правый берег Днепра мы перебирались ночью через понтонный мост. На берегу наши войска уже захватили плацдармы, саперы навели переправу. Нам не пришлось форсировать реку на плотах под огнем противника. Но вскоре я был ранен.

Проводили разведку и зашли в небольшое сожженное село. Нас было человек семь вместе с саперами. Местность вокруг оставалась пока ничейной.

Немцы отступили, а наши ждали результатов разведки. Слишком часто натыкались на засады и мины, поэтому части двигались осторожно. По нас открыли огонь из пулемета. Стреляли издалека. Тактика у немцев была примерно такая. Сильным огнем заставить нас залечь, потянуть время, пока мы вызовем подмогу, а потом исчезнуть.

Мы решили разделаться с пулеметом самостоятельно и, если удастся, взять «языка». Разделившись на две группы, осторожно обошли пулеметное гнездо с флангов. Пулеметчики заметили меня и развернули стволы. Что-то ударило по ноге. Боли вначале не почувствовал, потом стало жечь в голени. Сильно текла кровь. Меня перевязали. Повезло, что не перебило кость. Я остался лежать, а ребята забросали пулеметчиков гранатами. Было уже не до «языка», так как ранили еще одного разведчика. Я доковылял до развороченного гранатами окопа. Помню, зажимая дырку во фляжке, мне дали выпить рома. Я сделал несколько глотков, невольно поглядывая на изрешеченные осколками тела немецких пулеметчиков. Хоть «языка» и не взяли, зато не подставили под удар передовую роту.

Около месяца лечился в медсанбате. Когда выписали, нога еще толком не зажила, и меня прикомандировали к военной комендатуре. Это была как бы небольшая передышка от войны, но здесь мне пришлось захватить кусочек знаменитого Корсунь-Шевченковского сражения в феврале сорок четвертого года. Многие знают картину известного художника Кривоногова П. А. «Корсунь-Шевченковское побоище». Бескрайнее заснеженное поле, заваленное тру-

пами немецких солдат и разбитой техники. Это было место прорыва, куда устремились из «котла» окруженные немцы.

Часть из них прорвалась, но потери немецких войск были огромны. Чтобы перекрыть все выходы из окружения, кроме регулярных частей, формировались отряды и группы из выздоравливающих раненых, тыловиков, работников штабов и комендантских подразделений. Я командовал в звании старшины отрядом в шестьдесят человек. Что-то вроде усиленного взвода. У нас имелся «максим», два ручных пулемета, мы поддерживали батарею 76-миллиметровок.

Лежали прямо в снегу, выкопав окопчики в колеях от машин, укрывшись в воронках. Батарея вела непрерывный огонь. «Студебеккер», подвозивший боеприпасы, загорелся. Ящики со снарядами сбрасывали прямо в снег. Потом водитель, отчаянный парень, отогнал грузовик в сторону. Я видел, как он ехал на горящих шинах, а когда спрыгнул, огненным шаром взорвался топливный бак.

Я стрелял из автомата. Выпустил все три диска. Перезаряжать их не было времени. Я взял автомат погибшего бойца, потом винтовку. Стреляли все непрерывно, хотя многие не имели опыта. Немецкий танк пошел прямо на батарею, разбил одно орудие (второе было повреждено миной) и вспыхнул метрах в ста двадцати от наших позиций. Немцы прорывались отчаянно. Правее нас опрокинули и полностью уничтожили стрелковую роту. В прорыв устремились сотни немцев. Мы стреляли им во фланг, некоторые падали, остальные продолжали бежать.

Меня позвали к парторгу. Пожилой мужчина был

ранен четырьмя пулями в руку и шею. Он считал, что умирает, пытался что-то сказать, передать документы. Я увидел, что крупные артерии на шее не задеты, помог его перевязать и заверил, что он будет жить. Натиск немцев к тому времени немного ослаб. Я подозвал крепкого рослого бойца, дал ему в помощь двух легкораненых, и мы отправили парторга в санбат. Воевал он, кстати, смело. Утоптанный, пропитанный кровью снег возле него был засыпан стреляными гильзами.

Мы провели в дозоре всю долгую холодную ночь. Люди моего сборного взвода (многие в возрасте) мерзли. Чтобы согреться, прыгали, толкали друг друга, а в снежной полутьме мелькали вдалеке тени. Выходили из окружения остатки немцев. Мы давали очередь-другую, иногда посылала снаряд батарея, в которой остались два орудия, оба поврежденные. Утром нас накормили, а к полудню дали приказ возвращаться в часть. Из шестидесяти человек у меня осталось менее тридцати. Хоронила погибших специальная команда.

Уцелевшие бойцы рассчитывали на награды, особенно тыловики. Для них такой бой был героическим событием. Дрались большинство неплохо, хотя несколько легкораненых улизнули без моего разрешения. Но немцев на своем участке не пропустили, хотя человек двенадцать погибли, а два десятка получили ранения. Отступать нам категорически запрещалось, и приказ мы выполнили. Никого из моего сводного отряда не наградили. Мы считались прикомандированным подразделением. Кому заполнять наградные листы, так и не решили.

Бой был ожесточенный, мы понесли большие потери. Я был бы рад, если бы хоть трое-четверо человек получили медали. Я считал, что ребята заслужили. Позже я видел, что многие штабные офицеры щеголяют с новенькими орденами за успех в Корсунь-Шевченковском сражении. Оставалось утешаться только солдатской присказкой: «Не за ордена воюем!» Ну, и ценить то, что мы остались в живых. Немцы всегда боялись плена, лагерей в Сибири, где якобы невозможно выжить из-за страшных морозов. Прорывались они отчаянно, и некоторые наши роты были выбиты почти полностью.

В марте сорок пятого года я был назначен помощником командира разведвзвода 120-го стрелкового полка, 69-й Севской стрелковой дивизии. Принимал участие в боевых действиях на территории Германии, но особенно врезались в память бои на подступах к Праге. Шел май 1945 года. Покончил с собой Гитлер, был взят Берлин. Но немцы, особенно эсэсовские части, упорно тянули войну, пытаясь прорваться к нашим союзникам, где рассчитывали на снисхождение. Трагические события развернулись в Чехословакии, которая в основном была освобождена нашими войсками. Однако в стране и в Праге оставалась мощная немецкая группировка.

Пятого мая началось народное восстание в Праге. Я позволю себе привести некоторые цифры из исторических источников. В восстании прямо или косвенно участвовала почти вся взрослая часть населения чехословацкой столицы. В ночь с 5 на 6 мая на улицах были воздвигнуты 1600 баррикад, которые защища-

ли 30 тысяч человек. Защитники Праги испытывали сильнейшую нехватку оружия и боеприпасов. Седьмого мая положение восставших стало критическим. Немецкие танки, разбивая баррикады, продвигались к центру города. Эсэсовцы словно не понимали, что война уже проиграна. Расстреливали всех подряд, в том числе заложников, которых выгоняли из домов и убивали под их собственными окнами. Чешское радио постоянно передавало сообщение, что Прага сражается, но требуется срочная помощь, иначе город и население будут уничтожены.

Четвертым Украинским фронтом, в который входили наш полк и дивизия, командовал генерал армии Еременко А. И., решительный и энергичный военачальник, воевавший в Сталинграде. Колонны советских войск по горным и лесным дорогам шли в сторону Праги. Без нужды старались не ввязываться в бои с многочисленными немецкими частями, пробивавшимися по всем дорогам и через леса на запад. Прага! Вот была цель, которая стояла перед нами. Но по пути в период шестого-девятого мая приходилось часто вступать в бои, чтобы пробить путь.

Разведка, как всегда, двигалась впереди. Транспорта хватало, нам досталось много трофейных машин и мотоциклов. Вспоминается, как меня вызвал командир полка и приказал проверить один из городков, откуда не вернулась разведгруппа. Мы сразу же выехали на двух трофейных машинах. Уже при въезде в городок нам замахали местные жители, стали рассказывать, что наших разведчиков «побили немцы», и проводили к месту боя.

Шли последние дни войны, и гибель товарищей воспринималась особенно болезненно. Я увидел два мотоцикла (один сгоревший) и четыре трупа разведчиков. По ним открыли огонь, когда они въехали в городок. Стреляли из пулемета и нескольких автоматов. Находившийся в коляске сержант, командир отделения, так и остался сидеть в сгоревшем мотоцикле. Тело было сожжено до костей. Опознали его по часам и закопченным наградам. Как ни странно, в кармане несуществующей гимнастерки сохранились документы. Когда я взял их в руки, они рассыпались в пепел. Нападение оказалось внезапным. Лишь один из разведчиков успел выскочить, дать ответную очередь. Его тело, изрешеченное пулями, лежало на тротуаре у стены здания. Кобура для ракетницы была пуста, возможно, он пытался подать сигнал опасности, но не успел. Его ракетницу и автомат немцы унесли с собой.

У нас не было времени похоронить ребят. Я забрал документы и награды погибших. Попросил одного из чехов с красной повязкой на руке и звездочкой на пилотке похоронить ребят неподалеку на площади. Он согласно закивал и попросил, чтобы я написал их имена и даты рождения. На листке бумаги я быстро набросал короткий текст, примерно такого содержания: «Здесь геройски погибли в бою за освобождение Чехословакии советские воины...» и перечислил фамилии.

Вернувшись, доложил командиру полка о случившемся. Немецкий отряд, численностью около батальона, ночевавший в городке, сразу покинул его и двинулся на запад. Продолжали быстрое движение и

наши колонны. Темп марша на Прагу был стремительный. Командование торопило: «Ваша цель — Прага, не задерживайтесь ни на час». Машины шли без остановок, хотя в селах и городах путь преграждали сотни людей с цветами, бутылками вина. Кругом висели национальные флаги и флаги красного цвета с серпом и молотом. Встречали нас очень тепло. Так как мы не останавливались, на ходу передавали еду, вино.

Были и другие встречи. С отрядами немцев, которых мы нагоняли. Танки с ходу открывали огонь, мы стреляли прямо из машин, заставляя немцев убегать в лес. На обочине горели подожженные, взорванные немецкие автомашины, бронетранспортеры. У нас появлялись погибшие и раненые. Так как очень спешили, то несколько раз оставляли тяжелораненых на попечение местных жителей. Они сами просили об этом, показывали свои партийные билеты, партизанские удостоверения. Да мы и так видели, как радуется все население освобождению от восьмилетней немецкой оккупации. Мы верили им, и чехи заботились о раненых, передавая их затем шедшим позади медицинским ротам и санбатам.

О том, каков был темп нашего марша на Прагу, говорит такой эпизод. Из леса нас обстреляли немцы. Получив отпор, отступили. Колонна, не задерживаясь, шла вперед. В одной из машин, рядом с нами, бойцы сидели очень плотно. Пуля попала одному из них в голову и убила наповал. Возможности остановиться не было, и погибшего бойца несколько часов везли стиснутого со всех сторон. Я видел, как выгружали на короткой остановке застывший в той же позе труп. Времени было в обрез. В несколько лопат бы-

стро вырыли неглубокую могилу и сразу похоронили, обложив холмик сосновыми ветками. Таких могил по дороге на Прагу было много.

Уже перед Прагой произошел случай, в который могли и не поверить, не будь вокруг много свидетелей и полученный мною орден Славы 3-й степени. Мы ворвались на небольшую станцию. Она была сильно разрушена, горели вагоны, платформы с техникой. С одной из платформ сполз немецкий танк Т-4. По нему собрались открыть огонь, но так как немецкие танкисты не стреляли, я крикнул:

— Подождите! Я их живьем возьму.

Сейчас трудно сказать, что подтолкнуло меня на этот рискованный и, прямо скажем, безрассудный шаг. Конечно, захватить целый и невредимый немецкий танк вместе с экипажем всегда считалось подвигом. Однако такие вещи случались крайне редко. Немцы могли меня срезать пулеметной очередью и даже застрелить из пистолета. Помню, я обежал танк сзади, крикнул, чтобы немцы сдавались. Танкисты пытались вырваться из лабиринта разорванных рельсов, глубоких воронок, опрокинутых платформ.

Они не открывали огонь, видимо, опасаясь, что наши ударят в ответ. Но я не питал иллюзий. Знал, если танк вырвется из узкого пространства разбитых железнодорожных путей, то вполне вероятно, сразу откроет огонь из своей длинноствольной 75-миллиметровой пушки и попытается прорваться. Тем более в передовой группе был всего один или два наших танка, а остальная техника — легкие бронетранспортеры, пулеметы — ему была не страшна. Немец-

кий танк перевалил через один, другой путь, сдвинул с места мешавшую проехать платформу. Я вскарабкался на трансмиссию. Сразу завертелась башня, меня едва не смахнуло пушкой.

Я мгновенно вскочил на башню. У меня имелись автомат, пистолет и две «лимонки». Гранаты в этой ситуации были бесполезны. Но перебить экипаж и зажечь танк очередями через смотровые щели мог вполне. Немцы это понимали не хуже меня. Я дал очередь вдоль брони, продырявил, смял торчавший пламегаситель пулемета и закричал, подбирая немецкие слова:

— Останавливайтесь и сдавайтесь. Иначе я открою огонь.

Танк проехал еще метров семь и остановился. Изнутри крикнули, чтобы я не стрелял, немецкий экипаж сдается. Открылся боковой люк, на землю полетели пистолеты, автомат, а затем вылез с поднятыми руками экипаж, пять танкистов. Их увели, а умельцы уже сели за рычаги, проверили пушку. Помню, что наспех замазали кресты и нарисовали несколько красных звезд, в том числе на крыше башни. Танк, с его сильным орудием и запасом снарядов, оказался не лишним в нашей передовой колонне. Какое-то время он участвовал в бою, посылая немецкие снаряды в своих бывших хозяев. Я был награжден орденом Славы, которым горжусь больше, чем остальными орденами и медалями.

Наша так называемая подвижная группа фронта прошла за последние сутки 200 километров и к вечеру 9 мая вступила в Прагу. Война была уже закончена, подписан акт о капитуляции, а в Праге еще звучали

выстрелы и гибли наши бойцы. Встречали нас, как и повсюду в Чехословакии, цветами и объятиями. Раздавались крики: «Наздар, дружба, русские братики!» Так было. Я ничего не преувеличиваю и не умиляюсь. Кругом накрывали столы, передавали бутылки с вином и чешской сливовицей.

Какой-то парень в пилотке с красной лентой крикнул: «Ловите!» и бросил нам что-то вроде огромной гранаты. Мы жили еще войной и едва не открыли огонь. К счастью, успели вовремя разглядеть и поймать двухлитровую оплетенную бутыль с чешской водкой. Обнимались, пили с чехами. Молодые девушки целовали нас. А после, когда напряжение спало, с этой двухлитровой бутылкой произошел небольшой конфуз. Мы сели перекусить и всем отделением незаметно прикончили ее. Дарили бутылку от души, поэтому и шла водка легко. Сказалось напряжение последних дней, бессонный марш. Мы заснули и проспали целую ночь. Нас охраняли жители Праги.

Тогда на это смотрели нормально. Все праздновали освобождение Праги и нашу Победу. За столы садились по сотне и больше человек. Поднимались тосты за Победу, за Сталина, за советско-чехословацкую дружбу. Пройдет двадцать три года, и я увижу по телевизору совсем другую картину. Снова наши танки на улицах Праги, но уже совсем другие лица пражан. «Русские, убирайтесь домой!» И выстрелы в спину с чердаков и окон. Я не берусь судить о политике. Возможно, мы делали что-то не так. Мой рассказ о войне. Я думаю, что жители бывшей Чехословакии, даже те, кто был в сорок пятом детьми, не забудут, как русские

«братики» спасали Прагу. Эту память не уничтожишь, даже если снять с постаментов советские танки, освобождавшие в сорок пятом страну, и убрать их в запасники музеев.

Ну, а мой рассказ подходит к концу. Я служил в Советской Армии до 1965 года. Ушел в отставку майором. До 1985 года работал директором кинотеатра. Женился в 1953 году. Жена, Нина Николаевна, тоже фронтовик, к сожалению, рано ушла из жизни. Живу с дочерью, внуками. Пока есть силы, встречаюсь с ветеранами, вспоминаем военные годы. Это часть моей жизни, которая не забудется никогда.

Я ВОЕВАЛ НА СЕВЕРО-ЗАПАДЕ

Пуля попала мне в правый бок и вышла из левого. Считай, проткнула насквозь. Это случилось минут через двадцать после начала атаки на Карельском перешейке. До санбата я добирался на своих ногах четыре часа. После таких ранений редко выживают. Я выжил.

Устименко В.П.

★ *Василий Пантелеевич Устименко ушел на фронт добровольцем в конце декабря 1943 года, когда ему только исполнилось семнадцать лет. Был в оккупации, нагляделся на «завоевателей». После учебы в запасном полку был снайпером, затем ручным пулеметчиком. Воевал на Карельском перешейке, в Прибалтике, участвовал в знаменитой Моонзундской операции. Два тяжелых ранения, орден Великой Отечественной войны, медали «За боевые заслуги» и «За победу над Германией».*

Василий Пантелеевич выглядит в свои преклонные годы бодро. До сих пор позволяет себе перед обедом стопку водки — 50 граммов. Половину наркомовской нормы. С женой, Клавдией Кирилловной, прожил 63 года. Имеют сына, дочь, шесть внуков, правнуков. Многие эпизоды

войны вспоминает до мелочей, хотя ушли из памяти фамилии боевых товарищей, названия населенных пунктов. В его воспоминаниях напрочь отсутствует патетика или намеки на что-то героическое. Выполнял приказы, ходил в атаки, стрелял по врагу, лежал в госпиталях. Все, как обычно бывает на войне.

Я родился 25 декабря 1926 года в небольшом хуторе Коротовка (домов пятьдесят) Кантемировского района Воронежской области. Мама, отец работали в колхозе. Детей в семье было четверо: старший брат Петр, две младших сестры и я. Жили до войны, как и все. В колхозе получали палочки — трудодни, а больше кормились своим подсобным хозяйством. Высаживали большой огород: соток двадцать картошки, кукуруза, капуста, огурцы, помидоры и так далее. Проблемой был полив — дождей в наших краях выпадает мало. В специально вырытой яме на огороде собирали талую воду. Ее хватало до середины лета, а затем огород поливали ведрами из колодца. Натаскаешься тяжелых ведер — к вечеру руки отваливаются.

Имели в хозяйстве корову и десятка два кур. С кормами было туго, на большее не замахивались. Кстати, до коллективизации хозяйство в семье держали большое, но не вступать в колхоз было нельзя. Окрестят врагом Советской власти или кулаком, неприятностей не оберешься.

Жили, конечно, бедновато. Одежку донашивали друг после друга. Основная еда — картошка, молоко и хлеб. Летом — овощи. Мясо по большим праздникам, да и то зимой. Но от голода не помирали, соседи друг друга поддерживали. Учились в школе, ходили в лес

за ягодами, купались в нашей крошечной речушке, которая летом пересыхала. Но все внезапно перечеркнула война. Женщины с плачем провожали на фронт мужиков и восемнадцатилетних сыновей. Рыдали как по мертвым. И действительно, с призыва сорок первого года никто в хутор не вернулся.

И сама война казалась непонятной. Красная Армия всех сильней — так считали мы. Но почему так быстро продвигаются на восток немецкие войска, занимая огромные пространства, город за городом? Разгром фашистов под Москвой ненадолго поднял настрой людей. Ну, сейчас гадов погонят! Однако весной сорок второго снова началось наступление немецких войск. Брата Петра забрали в армию, а наша семья перебралась в Краснодарский край. Помню, месяца полтора жили на вокзале на станции Белореченская. Пришли немцы. С территории вокзала всех выгнали. Мы успели захватить часть вещей, в том числе самое ценное — швейную машинку, и двинулись дальше. Больше года прожили в станице Самурская. Дальняя родня помогла нам купить небольшой заброшенный домишко. В нем и жили впятером: отец, мать, две сестры и я.

Что могу сказать про «завоевателей»? Немногое. Так как я шарахался и от немцев, и от полицаев. Молодежь угоняли в Германию, мама достала справку, где я значился на год моложе. Гребли всех подряд. В декабре сорок второго мне исполнилось шестнадцать лет, рос я парнишкой крепким и вполне мог угодить под облаву. Я не был свидетелем массовых казней, фашисты вершили их где-то по-тихому. Но однажды по

станице прошел шум, я, как всегда, спрятался. Оказалось, что немцы вычислили семью партизана. Отвели за околицу двоих его детей, лет по 13—14 (мальчик и девочка), заставили выкопать яму и расстреляли. Жителей с ближайшей улицы согнали смотреть на казнь, произнесли какую-то речь о том, что партизанам и их семьям пощады не будет. Об этом событии в станице говорили долго.

Несколько раз к нам в дом заявлялись на ночлег группы немецких солдат по 5—7 человек. Говорили так: «Папа, мама — спать!» Не обращая на нас внимания, занимали кровати и топчаны, раскладывали на столе еду, что-то варили или подогревали на печке. В теплое время мы уходили из дома и ночевали в сарае, а зимой сбивались в чулан. Утром немцы исчезали, а мы, дети, нюхали, скребли пустые консервные банки, подбирали недоеденные корки. Жили очень бедно, брать у нас было нечего. Соседи жаловались, что фрицы хватали все подряд: молоко, яйца, ловили кур. Делалось это с сознанием своей правоты, будто они хозяева. Кажется, пустяк — поспи в чулане. А там темно, холодно, еду не подогреешь. Мама с младшей сестренкой Аней заберется в теплый угол комнаты, чтобы не простудить малую, да и то когда немцы заснут.

В общем, мы для фрицев были чем-то вроде насекомых. Шевелятся в углу, лишь бы не мешали. Наши постояльцы могли изрубить на дрова лавку или доски, приготовленные для ремонта, хотя под навесом у нас всегда имелись дрова. Но поленья крючковатые, мерзлые, зачем с ними возиться! И что в чулане температура, близкая к нулю, их не интересовало. Рус-

ская скотина выносливая, переночует. А угон молодежи в Германию? Парни и девки прятались, где могли. Находили и гнали на станцию.

Отец постоянной работы не имел. Подрабатывал в разных местах. Иногда брал меня с собой. Расплачивались с нами зерном, картошкой, реже — яйцами, молоком. Ходили на поля, собирали кукурузу, выкапывали замерзшую свеклу, картошку. Однажды повезло. Среди развалин мельницы набрали мешок зерна. Я с мамой его перетирал, пекли лепешки, варили кашу.

Потом к нам приблизился фронт. Немцы строили укрепления, выгоняли жителей. Мы перебрались в поселок Черная Речка. Священник местной церкви взял отца звонарем, а семье выделил для жилья сторожку. Добрый человек был. Сам он не бедствовал, прихожане продукты несли. Кое-что попроще перепадало и нам: свекла, кукуруза, картошка. Однажды подарил литровую бутылку старого подсолнечного масла. Оно было мутным и горчило. Наша жидкая похлебка или каша с таким маслом казались вкусными.

Когда пришла Красная Армия, конечно, радовались. Солдаты, хоть и усталые, запыленные, но улыбались нам. Грузовики, пушки, техника под брезентом. Недолго гады-фашисты на Кубани хозяйничали! Но вскоре в семью пришло горе. После нескольких запросов матери прислали четвертушку серой бумаги. Похоронка на моего старшего брата Петра. Ему в сорок третьем исполнилось двадцать лет. Похоронка у нас в семье до сих пор хранится: «Уважаемая Ефросинья Антоновна! Сообщаем, что ваш сын Устименко Петр Пантелеевич погиб 13 сентября 1943 года в бою

за социалистическую Родину. Похоронен возле села Ново-Викторовка Допропольского района Донецкой области». Подписи командира части и кого-то еще из командиров. Я после войны все собирался к брату на могилу съездить. Посылал запросы в Министерство обороны, мне ответили, что он похоронен в братской могиле № 47 под селом Ново-Викторовка. Никак не собрался. А сейчас тем более. Здоровье не позволяет. Да и страна там совсем другая. Украина. Где не очень-то наших погибших бойцов уважают.

В армию меня призвали 25 декабря 1943 года. Вернее, я сам напросился. Было мне шестнадцать лет, а через день исполнилось семнадцать. В этом возрасте я и прибыл в 76-й запасной стрелковый полк в город Бийск Алтайского края, где проходил подготовку до мая сорок четвертого года. Рота, в которую меня зачислили, готовила снайперов. Но в основном осваивали первоначальную воинскую подготовку.

В шесть утра — подъем, физзарядка на морозе, завтрак, занятия.

Учили многим дисциплинам: боевая и тактическая подготовка, химзащита, политзанятия, уставы. Винтовку Мосина, нашу знаменитую трехлинейку, я мог разобрать-собрать с закрытыми глазами. Изучали также автомат ППШ и самозарядную винтовку Токарева. Тренировались бросать гранаты, но только учебные. Занятия по теме «Взвод в обороне, взвод в наступлении» проходили в лесу или на пустыре, вооруженные деревянными винтовками. Обучали, как правильно целиться, но боевых стрельб проводилось мало. За

четыре месяца я сделал выстрелов 12—15, в том числе несколько из винтовки с оптическим прицелом.

Уже позже, на фронте, понял, что большим недостатком учебы было малое количество боевых занятий. Что такое для снайпера пятнадцать выстрелов? Ерунда. Или деревяшки вместо гранат бросали. Когда настоящие РГ и «лимонки» на фронте выдали, бойцы терялись. Навыка не было. На гранаты смотрели с опаской — вдруг в руках взорвется. Нередко бросали, как попало, забывая выдернуть кольцо.

Один из вопросов, которые мы часто задавали нашим командирам, — как выбирать позицию для снайперской стрельбы. Какое расстояние наиболее оптимальное? Нам отвечали, но общие фразы меня не удовлетворяли. Я и сам понимал, что надо изучать подходы к вражеским позициям, быть осторожным, хорошо целиться и т. д. Один из офицеров, видимо, не имея достаточного опыта, ответил нам, что на месте (то есть на передовой) будет видно. Каждого из нас закрепят за опытным наставником, он будет показывать все на практике. Конечно, такой ответ многих не удовлетворял. Но будущее показало, что в словах офицера имелся определенный смысл. Допустим, вести снайперский огонь где-то в степной местности, когда расстояние до немцев километр, — одно дело. А в северо-западных лесах позиции врага могут быть среди деревьев в ста метрах.

В общем, первоначальную подготовку получили. Мы научились владеть оружием, ползать по-пластунски, имели представление о вражеской технике и тактике боя. Окрепли после скудных тыловых

пайков. Кормили нас хоть и однообразно, но еды хватало. На завтрак каша, увесистая пайка хлеба, сладкий чай, через день порция сливочного масла граммов десять. Масло давали иногда и вечером. За столами мы сидели по десять человек. В кашу (пшенную, перловую, реже — гречневую) наливали черпачок растопленного жира. Его же добавляли в щи, суп. Запах этого жира долго стоял во рту. Хоть и противный, зато лишние калории. Мясом не баловали, но в полку было подсобное хозяйство. Это помогало разнообразить пайки.

В начале мая сорок четвертого года выпускников погрузили на эшелон и повезли на запад. Ехали весело, с песнями. Молодежь рвалась в бой. На фронтах дела обстояли неплохо, наши везде наступали. Кое-кто уже загадывал, когда конец войны. Скажи нам тогда, что половина бойцов в эшелоне до Победы не доживет — никто бы не поверил. Не представляли мы, какие жестокие бои предстоят. Тем более пропаганда вещала, что немцы удирают без оглядки, авиация, танки и артиллерия у нас самые лучшие. Да еще партизаны в тылу фрицев бьют, эшелоны взрывают.

Бодрые, в хорошем настроении, дружно пели «По долинам и по взгорьям», «Катюшу», «Землянку». На полустанках нам махали руками, улыбались молодые железнодорожницы. Кто побойчее, просил адреса. Если было время, успевали записать на клочке бумаги фамилию-имя девушки, ее адрес. Кричали: «Обязательно напишу!» И слышали в ответ: «Буду ждать».

Эшелон выгрузили ночью на какой-то станции под Ленинградом.

Сначала ехали на грузовиках, потом разделили на группы и пошли пешком. Нас было сорок человек, полный маршевый взвод. Шли по сосновому лесу: огромные деревья, валуны, небольшие ручейки с холодной чистой водой. Группу возглавлял лейтенант. Временными помощниками у него были наши сержанты. Им выдали винтовки, да еще имелся пистолет у лейтенанта. Вот и всё вооружение на сорок человек. По времени еще не наступил рассвет, но вокруг было светло — стояли белые ночи. Для многих и для меня это тоже было в диковинку.

Дошли наконец до своих. Свои — это 119-й стрелковый полк. Раскидали нас по ротам и взводам. Мое снайперское образование оставили без внимания. Выдали обычную винтовку, штук сто патронов, две гранаты. Какое-то время стояли в обороне. От Ленинграда до линии фронта было тогда километров сорок. На других фронтах уже продвинулись далеко на запад, а здесь наши части стояли пока на одном месте.

Среди бойцов насчитывалось довольно много ленинградцев. От них я услышал страшную правду о Ленинградской блокаде. В их рассказы верилось с трудом. Замерзший ледяной город, трупы на улицах и хлебные пайки по 100—200 граммов. На ленинградцев мы смотрели с уважением и сочувствием, некоторые из них целиком потеряли семьи. Они были настроены решительно. Мстить за погибших. Я часто вспоминал старшего брата Петра. Не мог представить его мертвым, ведь мы были с раннего детства всегда вместе. Старше на три года, он всегда защищал меня. И вот братишка ушел из жизни. Я тоже был настроен мстить за него.

До позиций финнов было метров двести, а местами меньше. Мощные укрепления, противотанковые надолбы. Полоса укреплений тянулась, по слухам, на сто километров до Выборга. Недели три стояли в обороне. Укрепляли позиции, рыли окопы, щели. Земля была каменистая. Порой выкопаешь яму по колено, потом долбишь камень. Пытаешься его обойти, а под тобой целая каменная плита. Приспосабливались и оборудовали окопы возле валунов, которых кругом хватало. Низкие ходы сообщения тоже обкладывали камнями. Период до 10 июня можно было назвать затишьем. У нас шла подготовка к наступлению. Как бы скрытно она ни проводилась, но от солдат трудно что утаить. Наступления ждали со смешанным чувством напряжения, страха и одновременно с нетерпением.

Какие эпизоды вспоминаются из того периода? Финны вели себя тихо. Понимали, что война проиграна. Но боевые действия вспыхивали то на одном участке, то на другом. Светлыми ночами проползали во вражеский тыл разведчики. Почти всегда эти вылазки заканчивались стрельбой, взрывами мин. Проползут в сторону врага человек пять или шесть, возвращаются двое или трое. Иногда тащат «языка». С финнами было тяжело воевать. Это говорили и немногие уцелевшие к 1944 году бойцы, прошедшие финскую войну 1939—1940 годов. Народ лесной: охотники, лесорубы. Рослые крепкие парни, способные терпеливо сутками сидеть в засадах, хорошо стрелявшие. Порой проникали в наш тыл их мелкие разведгруппы. Но как бы умело они ни действовали, успеха финны добивались редко. Слишком много наших войск было сосредоточено. Кругом стояли посты, засады. Финны

попадали под огонь и отходили. Иногда утаскивали с собой зазевавшегося бойца.

Я получил наконец снайперскую винтовку. Числился по-прежнему рядовым красноармейцем в роте, только именовался теперь снайпером. А что толку? Стрелять не разрешали. Я фамилий своих товарищей и командиров уже и вспомнить не могу. Слишком много времени прошло с тех пор. Взводный лейтенант был у нас какой-то нерешительный. Он привык к тому, что мы не стреляем и в нас не стреляют. Его такое положение вполне устраивало.

Он часто ставил меня наблюдателем, а оптический прицел служил вроде как бинокль. Я финнов порой на мушке держал крепко — расстояние всего двести метров! Уложил бы наповал. Особенно злили меня артиллерийские наблюдатели и офицеры. Вот она, рожа, смотрит на нас в бинокль, с напарником разговаривает! Я как-то предложил:

— Товарищ лейтенант! Давайте я наблюдателя прихлопну. Сколько ребят погибло, финны блокаду Ленинграда держать помогали. Чего их жалеть?

— Ни в коем случае! — услышал в ответ.

Лейтенант долго и нудно объяснял, что нельзя выдавать наши позиции. Будто финны их не знали! Но пострелять все же пришлось. Во-первых, в соседнем батальоне за пару дней убили и тяжело ранили сразу несколько бойцов и офицеров. «Кукушка» работала. Во-вторых, возмутился кто-то из разведотдела дивизии или корпуса. Наши разведчики гибнут, а вы дрыхнете на солнышке. Словом, дали мне «добро». Только финны попрятались. Услыхали, что ли, про этот приказ. Но я все же цель поймал. За две сотни метров уло-

жил неосторожного наблюдателя. Потом еще кого-то. На позицию роты обрушились финские минометы. Им ответили наши орудия и минометы.

Увидел я первых убитых. Боец в издырявленной гимнастерке, весь кровью залитый. Второго миной за бруствер выкинуло, а нога до колена в окопе осталась. Мы бедолагу обратно втащили, а у него живот разорван. Пытались перевязать, кровью истек. Ребята мне сказали:

— Всё, Василий. Двоих «шюциков» пришиб (шюцкор — была такая фашистская организация у финнов), и будя. А то нас всех из минометов перебьют.

Но спустя несколько дней мы поневоле в бой вступили. Финны ждали наступления и послали очередную группу разведчиков. Она прорывалась с боем из нашего тыла. Подумали, что финны пошли в атаку. Мы открыли огонь в сторону укреплений. Ротный сориентировался быстро, бой шел на стыке нашей и соседней роты. Захватил с собой расчет пулемета Дегтярева, отделение бойцов и меня как снайпера. Мне запомнился рослый финн в камуфляжной куртке. Он прикрывал группу. Смелый был парень, стрелял из автомата, перебегая от дерева к дереву или прячась за большими камнями.

Я его снял, когда он замешкался, меняя диск своего автомата. Попал в грудь, чуть ниже горла. Он свалился на месте. Часть группы ушла, но еще трое финнов и наш солдатик, которого пытались взять в плен, остались лежать на нейтральной полосе. Кого-то за ноги подтянули, кого веревкой зацепили. Взять финнов живьем всегда было сложно. Лесные жители каждый шорох слышат. Мы надеялись, что хоть один

в живых останется. Но братья-славяне били по разведчикам, не жалея патронов. Все три финна и наш бедолага-боец были издырявлены пулями. В качестве трофеев нам достались два автомата «суоми», похожие на наши ППШ, только под немецкий патрон 9 миллиметров, пистолет и три ножа. Ножи у финнов были из хорошей стали, очень острые. Один нож полагался мне — все же это я автоматчика снял. Но финский нож понравился взводному, и он попросил меня подарить нож ему. Чтобы не портить отношений, я нож отдал. Хотя было жалко расставаться с хорошим трофеем.

Уничтожение вражеской разведгруппы обошлось нам немалыми потерями. Финские разведчики были хорошо подготовлены, у всех автоматы. Наряду с обычными пулями стреляли разрывными. Человек шесть наших бойцов погибли, сколько-то раненых отправили в санбат. Некоторые вряд ли выжили. Разрывная пуля в грудь, живот — верная смерть. Да и в руку или ногу если попадет, считай, инвалид, а то и кровью истечешь, пока до врачей донесут. За эти пули я на финнов разозлился. Оказывается, вы, суки, почище фашистов! Ну, думаю, теперь я вас щадить не буду. Не хуже вас стрелять умею. Но свое будущее на фронте не угадаешь.

Рано утром 10 июня 1944 года началось наступление наших войск на Карельском перешейке. Оно велось на северном участке, а 21 июня повели наступление 7-я и 32-я армии. Где-то здесь, в направлении городов Метрега, Обжа воевала наша дивизия и 119-й стрелковый полк. Советским частям противостояла сильная войсковая группа «Олонец», в которую

входили пять пехотных дивизий, четыре отдельных бригады и ряд более мелких подразделений. В Финляндии размещалось довольно большое количество немецких войск. Гитлер пока не торопился бросать их на передний край. Зато немцы снабжали финнов артиллерией, в том числе тяжелой, стрелковым оружием. Самолеты, появляющиеся в небе, были также в основном немецкие.

Меня ранило часов в шесть утра 22 июня 1944 года. Мы шли в атаку на железобетонные противотанковые надолбы. Под их защитой, среди деревьев и камней, располагались финские траншеи, пулеметные гнезда. Был приказ непрерывно стрелять на ходу, а возле линии укреплений бросать гранаты. Несмотря на сильный огонь мы преодолели нейтральную полосу, вышли к надолбам. Я стрелял на бегу из своей снайперской винтовки. Целиться возможности не было, разве когда приляжешь на минуту за камень. Нас подгоняли: «Быстрее, вперед!» Подбежав к вражеским траншеям, я успел бросить обе свои гранаты. Мелькнуло лицо финна, кто-то вскрикнул, а мне словно раскаленным прутом проткнуло бок.

Я упал, затем попытался шевельнуться, но пуля ударила рядом. Так повторялось раза три. Я лежал неподвижно, потом понял, что изойду кровью, и заполз за большой камень. Кое-как стащил гимнастерку и перевязался. Пуля попала в правый бок на уровне поясницы и вышла из левого бока. Я был семнадцатилетний мальчишка, мало что сведующий в анатомии, но пробитый насквозь живот не обещал ничего хорошего. Рана в брюшную полость почти всегда считалась смертельной. Тем не менее у меня хватило

сил зажать рану и остановить кровь. Сколько-то пролежал, мимо прополз санитар.

— Ну, что, живой? — спросил он.

— Живой, — стараясь казаться бодрым, ответил я. — Брюхо вот насквозь просадило через оба бока. Помру, наверное.

— Выживешь. Какие твои годы!

Санитар оказался опытным. Снял мои кое-как наложенные бинты. Кровь уже запеклась и не текла. Он промыл спиртом раны, наложил мазь и снова перевязал. Потом показал на огромный валун, шагах в пятидесяти.

— Двигай туда. Там пункт сбора раненых, а я поползу за другими. Вон их сколько лежит.

Бойцов лежало, действительно, много. Кто мертвый, кто шевелится, просит помощи. Кое-как опираясь на свою снайперскую винтовку, добрался до валуна размером с двухэтажный дом. Возле него лежали прямо на траве человек пятнадцать-двадцать раненых. В основном тяжелые. У кого грудь и живот перевязаны, у кого — голова. На перебитые ноги шины наложены. Стоны, кровь, мухи. Возятся с ранеными санитар и медсестра, а их всех оперировать надо. Подносят новых. Кого в сторону оттаскивают и лица тряпками закрывают. Эти уже отмучились. Полежал я там с часок. Идет стрельба, никто за нами не торопится. Я попробовал встать. Получилось. Медсестра говорит:

— Если можешь, шагай. Вон телефонный провод тянется, возьмись за него и дойдешь до санбата.

Я еще раз оглядел бедолаг, которых никак не донесут до медсанбата, и двинулся по проводу. Прошел

шагов двадцать, в воздухе зашелестела мина. Упал лицом вниз. Мина взорвалась в стороне. Переждал, пополз дальше. Ползти трудно, невольно привстал. Шелест и тишина. Через секунду взрыв. Какой-то опыт у меня имелся, знал, когда шелест замолкает, надо срочно падать. Упал, полежал, пошел дальше. Третья или четвертая мина едва не добила. Порвала провод, я успел плюхнуться на землю, каменными крошками обожгло лицо. А винтовку все же не бросаю. В нас крепко вдолбили, что оружие бросать ни в коем случае нельзя. Тем более, винтовка снайперская, дорогая. Их в полку всего-то штуки три-четыре было.

Путь до санбата в памяти не отложился. Помню, что шел через болото, к счастью, пересохшее. Кто-то показал мне медсанбат. Дальше — как в анекдоте. Попал в сарай, где повар готовил еду. Сел я возле него, немного очухался. Точно запомнил, что в сарае оказался в 10 часов утра, а ранило меня в шесть. То есть четыре часа прошло. О чем-то поговорили, повар наполнил котелок наваристой лапшой с говядиной.

— Ешь, парень, — и в кружку граммов сто водки налил.

— Мне нельзя, — возразил я. — Рана в живот. Может, кишки порваны.

А есть хочется. Ну, думаю, четыре часа прожил, значит, и дальше проживу. Выпил я водку, хотя до этого не употреблял и свои порции отдавал ребятам во взводе. Съел котелок лапши, поблагодарил повара и добрался наконец до врачей. Сдал винтовку, показали мне койку в большой палатке. Ложись и жди. Раненым раздавали завтрак: хлеб с консервированной американской колбасой и чай. Меня кормить не

хотели — ранение в живот. С непривычки к водке во мне играл хмель. Я упорно требовал колбасу и сказал, что живот уже проверил, съел целый котелок лапши. Чтобы шум не поднимал, меня накормили.

Потом хирург долго возился со мной, обрабатывал раны, а затем отправил с группой раненых в госпиталь. Там снова осматривали и пришли к выводу, что мне крепко повезло. Пуля прошла через полость живота и не задела жизненно важных органов: позвоночника, мочевого пузыря, печени. Оперировать не стали, снова чистили раны и делали уколы против воспаления. В общем, как врачи сказали: «Повезло тебе, парень. Не иначе как в рубашке родился».

В эвакогоспитале мы лежали в палатках по 10—12 человек. Кормили хорошо. Имелась неплохая библиотека. Я с удовольствием прочитал томик рассказов Чехова, Джека Лондона. Газеты я не любил, статьи были похожи друг на друга. Наши войска везде героически наступали. Про то, как лейтенант запрещал мне во врага стрелять, конечно, нигде бы не написали. Как тяжелораненые полдня, а может, день, на жаре лежали и помирали, тоже не напишут.

В газетах и политинформациях — война другая. Мы наступаем, враг бежит. В те дни шло мощное наступление наших войск в Белоруссии. Третьего июля освободили Минск. Три года столица Белоруссии была в оккупации. Политрук читал нам о разгроме крупной немецкой группировки под Минском. Я запомнил, что взяли в плен 12 немецких генералов. В эти же дни по улицам Москвы провели 60 тысяч пленных немецких солдат и офицеров. Это была крепкая оплеуха по самолюбию арийцев. Огромную колонну возглавляли

генералы, полковники. Поливальные машины струями воды очищали, как после заразы, улицы, по которым шли немцы.

Продолжалось наступление на Карельском перешейке. Шло оно тяжело. Преодолеть линию Маннергейна глубиной 100 километров, которую строили и до войны и заново укрепляли с 1941 по 1944 год, было нелегко. В свежих выпусках кинохроники показывали, как авиация и тяжелые орудия разбивают доты. Солдаты стоят на обломках железобетонного дота, высотой метров восемь, и салютуют в честь успешного прорыва.

Раненые, которые прибывали с Карельского перешейка, рассказывали, что драться приходится за каждый километр. Густой лес, болота, огромные валуны затрудняют наступление. Толщина дотов достигает двух метров. Сержант-артиллерист говорил, что их тяжелое 152-миллиметровое орудие подкатили на расстояние трехсот метров. Только тогда смогли трехпудовыми снарядами разбить дот.

— Сначала пошли трещины, потом куски бетона отваливаться начали. Пехота гранатами финнов выбивала. Пленные с поднятыми руками выходят, как пьяные шатаются. Кровь из носа и ушей идет. Крепко дерутся, сволочи!

Финны были сыты этой войной, но ни за что не хотели пускать русских в страну. Боялись мести, репрессий, не хотели колхозов. Я сам хоть недолго воевал, но скажу, что финны — солдаты очень сильные. К дальнейшему сопротивлению их подталкивали и немцы. Для Финляндии и для нас это обернулось десятками тысяч погибших. В любом случае противо-

стоять Красной Армии финны не могли. Карельский перешеек был взят. В сентябре сорок четвертого года правительство Финляндии подписало с Советским Союзом перемирие.

Я вышел из госпиталя 8 августа, пробыв на лечении полтора месяца. Попал в 188-й стрелковый полк, который находился в обороне на территории Латвии. Перед этим едва не погиб из-за глупой случайности. Какой короткой может быть жизнь на войне, я в очередной раз убедился, когда наша команда из госпиталей и призывников, закончивших курсы первоначальной подготовки, шла на передовую. Лейтенант, сопровождавший группу, долго водил нас по лесу. Чувствовалось, что дорогу он толком не знает. Мы явно заблудились, но лейтенант признаваться в этом не хотел.

Он приказал нашему маршевому взводу (человек 45) тихо сидеть и ждать его возвращения. Думаю, что с его стороны это было правильное решение. Один, без лишнего шума и суеты, он бы нашел дорогу. Вести дальше неорганизованную, отвыкшую от передовой или вообще не нюхавшую войны группу было слишком рискованно. Тем более шли мы, переговариваясь, трещали ветки под ногами, кто-то курил, несмотря на строгий запрет. Лейтенант ушел, а мы остались одни. Дружно задымили, начались разговоры. Оружие всем раздать не успели, кое у кого имелись винтовки, в том числе у меня.

Через час или полтора ждать надоело. Как всегда, нашелся самый умный и знающий боец. Кажется, это был один из сержантов. Он уверенно показал направ-

ление, где взлетали ракеты и вроде бы слышались голоса. Хуже нет на войне таких умников! Сначала его не слушали, но еще через час не выдержали и самые дисциплинированные. Ночь сырая, комары. Сколько можно ждать? Сами найдем позиции полка. К сожалению, позиции полка в ту ночь сменились. Несколько рот продвинулись вперед. Сплошной линии обороны, которую найти легко, не было.

В общем, двинулись, сами не зная куда. Неожиданно влетели в канаву глубиной около метра. Кто-то упал, заматерился, брякнула упавшая винтовка. Дальше началось невообразимое. Темная августовская ночь мгновенно превратилась в день. Одна за другой взлетали ракеты. Некоторые опускались медленно на маленьких парашютах. Мы были залиты мертвенно-белым светом, а прямо по нас били пулеметы. Закричали раненые, поднялась суматоха. Нас спасла канава. Как позже выяснилось, это была межа между земельными участками. Кто-то остался лежать мертвым, но основная часть взвода успела укрыться.

Те, кто имел винтовки, спустя несколько минут открыли огонь наугад, не высовываясь. Мы боялись, что немцы подползут и забросают нас гранатами. Команду взял в свои руки более опытный сержант. Когда ракеты стали взлетать реже, он приказал отползать назад. Боец рядом со мной слишком торопился. Он полез из канавы и подставил спину. Удары пуль о живую плоть невозможно спутать с другим звуком. Боец лишь успел вскрикнуть и свалился в канаву. При свете ракет я видел его лицо с открытыми глазами и сливающиеся в одно черное пятно пулевые отметины на гимнастерке. Выждав минуту, я перевалился через

край канавы и быстро пополз. Этой науке меня хорошо учили в запасном полку, да и на Карельском перешейке пришлось поползать.

Уже на рассвете мы натолкнулись на лейтенанта. Я ожидал, что он будет просить нас не говорить никому о его блужданиях. Но парень был с характером, приказал перевязать раненых, сверил свой список. Не хватало несколько человек. Нас привели в батальон, разделили по ротам и взводам. Жидкое, конечно, подкрепление. Но мой новый взвод насчитывал всего человек пятнадцать, там рады были любому пополнению. Взводом командовал белобрысый младший лейтенант лет двадцати. Спросил, знаю ли я ручной пулемет.

— Вообще-то, я снайпер, — ответил я.

— Вообще-то, в роте нет ни одной снайперской винтовки, — в тон ответил взводный и заулыбался. — Если снайпер, то пулемет осилишь.

Я получил повидавший виды «дегтярев», запасные диски, а вторым номером поставили пожилого мужчину. Впрочем, тогда и тридцатилетний казался мне пожилым, а моему помощнику было лет за сорок. Малоразговорчивый, он боялся фронта, обстрелов. Но добросовестно таскал запасные диски, и вскоре мы с ним подружились. Теряются из памяти имена и фамилии. Не запомнил я имени своего помощника, как и белобрысого командира взвода. Все называли взводного «Кострома». Может, он был оттуда родом или фамилия похожая. Командир он был решительный, повидавший войну и любивший пошутить. Меня он называл Василий Иванович (почти Чапаев!). Несмотря на то что я был самым молодым во взводе,

присвоил мне «ефрейтора» и обещал медаль за меткую стрельбу.

Через два дня меня вызвал командир роты. В землянке у него сидел лейтенант из штаба полка, который той ночью вел нас к передовой. Оказывается, от лейтенанта потребовали отчет по каждому бойцу и послали искать погибших. Да и неизвестно, сколько там погибло, а сколько попало в плен. Лейтенант явно нервничал. Я знал, что за пропавших без вести, а особенно — угодивших в плен, спрашивают строго. Меня удивило, при чем тут я? Ротный приказал сопровождать лейтенанта. Поглядев на мой громоздкий ручной пулемет, добавил:

— Оставь его. Возьмешь с собой автомат.

Командир взвода Кострома выдал мне ППШ с запасным диском, посоветовал не лезть на рожон, и мы отправились искать канаву, возле которой обстреляли маршевый взвод. Взяли еще сержанта, который выводил группу из-под огня. Шататься по переднему краю — дело невеселое. Здесь, в лесистых местах Прибалтики, фронт представлял из себя «слоеный пирог». Наши войска продвигались вперед. Некоторые места просто обходили, оставляя в окружении мелкие очаги обороны. Как правило, через день-два немцы, боясь плена, отступали. Но некоторые части держали позиции упорно, особенно в труднопроходимых местах. Мы шатались по лесу часа три. Печальное зрелище представляли места недавних боев. Разбитые орудия, повозки, грузовики. И тела убитых. Очень много. Особенно наших. С некоторых убитых

сняли ботинки, сапоги, исчезли шинельные скатки, вещмешки, немецкие ранцы.

Запомнилась поляна, где буквально навалом лежали не меньше сотни красноармейцев. Оружие в основном забрали, а тела начали разлагаться. Вонь стояла жуткая. В другом месте в огромной воронке увидели обломки нашего бомбардировщика. Скрученные куски крыльев, дюралевой обшивки, наполовину сгоревшие, покрытые толстым слоем окалины. Один из двигателей, пропахав землю, валялся метрах в пятидесяти от воронки. Если экипаж не успел выпрыгнуть, от них ничего не осталось. Невольно вспомнилась фраза: «У летчиков не бывает могил».

Дважды мы натыкались на позиции передовых рот. На вопрос, где немцы, командиры неопределенно показывали рукой на запад. Одна из рот закрепилась на островке среди болота. В окопах на глубине полуметра стояла вода. Братья-славяне вырыли ячейки для стрельбы лежа, а в качестве укрытий использовали стволы поваленных сосен. Стояла липкая жара, постоянно хотелось пить. Я увидел нехитрое приспособление для очистки болотной воды. Ведро, наполненное песком, с отверстием на дне. Затем мутную воду пропускали через фильтры от противогазов. Угостили и нас. Вода пахла гнильцой, но была холодная и, по уверениям бойцов, неплохо обеззаражена. Некоторые солдаты, больные малярией, сидели с желтыми лицами, кутались в шинели.

— Вы бы поменьше шатались, — посоветовал нам капитан, одетый, несмотря на жару, в телогрейку. — Подстрелят фрицы, пропадете ни за грош.

То, что мы ищем погибших бойцов, лейтенант го-

ворить не стал. Проводим разведку. Вскоре увидели межевую канаву. Осторожно двинулись вдоль нее. Немцы день или два назад отступили, а мы наткнулись на тела наших ребят. Их было восемь. Семь рядовых и один сержант лежали в канаве и возле нее, облепленные мухами. Тела, сплошь продырявленные пулями, уже вздулись, плотно растянув гимнастерки. Смерть сразу меняет людей. Порой через час трудно опознать погибшего, а здесь прошло трое суток. Огонь пулеметов в упор был настолько плотный, что некоторым бойцам досталось по десятку и больше пуль.

Кроме того, мы знали привычку немцев пристреливать пулеметы, ведя огонь по нашим погибшим ребятам. Наверное, это доставляло им удовольствие. Приятно убить врага два-три раза, превратить его голову в месиво костей и обломков черепа. Война не бывает мужественно-красивой. Мы молча глядели на погибших. Может, не надо вообще говорить, что я видел на войне? Чернуха. Не так давно появившееся слово. Разбрызганные мозги, выбитые и выклеванные воронами глаза, разорванные животы. И сладкий, тянучий запах тлена, от которого новичков иногда выворачивает наизнанку. Но сержант и я не были новичками.

— Паскуда! — не обращаясь к лейтенанту, сплюнул в его сторону сержант. — Восемь душ ни за хрен погубил.

Лейтенант сказал, что его послали сопровождать нас, толком не объяснив дороги. Достал из планшета список фамилий и приказал искать документы и смертные медальоны. Как мы рылись в разлагающейся

плоти, один Бог знает. Смертные пеналы-карандаши с фамилиями и адресами обнаружили у двоих или троих. Часть красноармейских книжек была покрыта коркой крови. Сержант осторожно соскребал финкой кровь, мы угадывали отдельные буквы и восстанавливали по списку фамилии, имена. Пытаясь перевернуть одно из тел на спину, я слишком сильно дернул за руку. Кисть с легкостью отделилась, повиснув на сухожилиях. Не выдержав, я заматерился.

Лейтенант сделал отметки в своем списке, завернул в газету красноармейские книжки, комсомольские билеты и две медали. Мы истратили фляжку воды, отмывая руки. Потом сержант, оттянув затвор, дал длинную очередь наугад. Нам издалека ответил немецкий МГ-42. Мы хорошо знали рычащий звук этого скорострельного пулемета. Стреляли с расстояния метров восьмисот, если не больше.

Немцы нас толком не видели, пули шли в стороне, сбивая ветки. Мы, обрадовавшись невесть чему, открыли огонь из обоих автоматов. От наших очередей толку не было — один шум. Мы с сержантом, злые и раздраженные, могли хоть так сорвать злость на фрицах. Лейтенант не стал делать замечание насчет бесполезной стрельбы и тоже опробовал свой новый автомат. Мы выпустили по полному диску и, пригибаясь, пошли назад. Совместная стрельба, месть за погибших ребят, сблизила всех троих. На обратном пути мы курили папиросы лейтенанта и рассуждали, что вполне могли пришить кого-то из немцев. Всё же двести с лишним пуль выпустили. Взводный Кострома встретил меня, как всегда, весело. Стрельбу он слышал и одобрил:

— Молодцы! Дали фрицам просраться. Скоро война закончится. Иди, Василий Иванович, обедай. Заслужил!

— Есть, — козырнул я, — и пошел есть остывшую ячневую кашу с тушенкой.

Скажу несколько слов о своем взводе и обстановке тех августовских дней, когда я прибыл из госпиталя на передовую. Взводный Кострома пользовался среди бойцов большим авторитетом. Воевал он года полтора, был ранен, имел орден. Должности старшины во взводе не полагалось. Хозяйственные обязанности исполнял небольшого роста, всегда вежливый сержант лет тридцати. Мне он не нравился. Постоянно терся возле взводного, мог с улыбкой всучить дырявые ботинки или штаны. Когда бойцы возмущались, сочувственно хлопал себя по бокам:

— Ах, Одесса-мама! Старшина роты гнилье подсунул.

Сержант изображал из себя бывалого рубаху-парня, но получалось у него плохо. И родом он был не из Одессы, а мелкого городка в верховьях Волги. Звучная кличка Одесса к нему не приклеилась. Он был трусоват, неискренний. Чаще его называли «завхоз» или по имени, которое я не запомнил.

Пользовался авторитетом помкомвзвода, рослый старший сержант из Донбасса. Украинские словечки и поговорки в его разговоре звучали к месту. Шахтер — так уважительно называли старшего сержанта. Фамилия, к сожалению, давно исчезла из памяти. Во взводе имелись еще несколько бывалых бойцов, костяк подразделения. Наград у солдат и сержантов

было мало. В пехоте всегда большая текучесть (или точнее назвать — смертность). Представят к медали, а боец уже убыл по ранению или погиб. Тех, кто воевал с сорок первого, — не было ни одного. Может, имелись бойцы, призванные в сорок втором, но я сомневаюсь. Срок пребывания во взводе исчислялся неделями, реже месяцами.

Полк срочно укомплектовывали людьми и оружием. В нашем взводе уже через неделю насчитывалось более тридцати человек — почти полный состав. Станкового пулемета во взводе не было, зато имелись три ручных «дегтяря» и штук шесть автоматов. Нас хорошо обеспечили патронами и гранатами. Брали, сколько могли унести. Бывалые солдаты переговаривались между собой, что предстоит скорое наступление.

Кострома ходил озабоченный. Часть новичков прошли краткий курс подготовки. Знали немного лишь винтовку, всего боялись. Команды выполняли хоть и старательно, но неумело. Взводный организовал срочное обучение, отводя в ближайший тыл по 5—6 человек. Если автомат новички освоили быстро, то ползать толком не научились. Уже через десяток метров начинали хитрить, передвигаться на локтях, задирая зад. Сержанты пихали их сапогами и грозили:

— Отстрелят зад или хозяйство между ног, какой ты после этого мужик? Крепче к земле прижимайся. Как к бабе.

Многие из этих безусых ребят к женщинам никогда не прижимались. Не успели. Но настроены были, особенно те, кто побывал в оккупации, воинственно.

От наших позиций до немецких расстояние составляло метров двести пятьдесят. Редкий лесок, в котором уцелели лишь отдельные деревья, трава, воронки от снарядов. Колючей проволоки не было. Снайперы нас не допекали. Зато у фрицев имелась привычка перед завтраком обстреливать наши окопы из ротных 50-миллиметровых минометов. Их уже снимали с вооружения из-за слабой эффективности. Но, видимо, у немцев скопилось столько мин, что их некуда было девать. Каждое утро мы получали десятка три, а то и полсотни килограммовых «огурцов». Большого урона они не приносили, мы заранее прятались в «лисьи норы», ямы, выкопанные в стенках окопов.

В один из дней мина попала в окоп, где располагался пулеметный расчет нашего взвода. Пулеметчик был убит наповал, а его помощник, получив несколько осколков в спину, закричал так, что мы вылезли из своих нор. Со злости ударили по фрицам в ответ. Я выпустил два диска. Открыли огонь наши 82-миллиметровые минометы. Жрите, гады, это вам не сорок первый! Потом стрельба помалу затихла. Я сходил глянуть, что с ребятами. Вынести тело днем не было возможности. Погибшего оттащили в угол окопа, накрыли шинелью. Я видел сапоги, изорванные осколками, земля сплошь пропиталась кровью. Возле «дегтярева» стоял уже другой боец. Развязавшуюся обмотку он втаптывал в бурую от крови грязь. Обычно спокойный, младший лейтенант Кострома прикрикнул:

— Возьми лопату, почисть окоп. И обмотку приведи в порядок.

С минуту наблюдал за суетившимся солдатом:

— Успокойся. Ты же хороший пулеметчик. Сколько патронов в наличии?

Кострома прекрасно знал, у кого сколько патронов и гранат. Спросил парня, чтобы отвлечь. Тот, приставив лопату к ноге, доложил, что патронов достаточно. Штук восемьсот. Два диска осколками попортило. Остались три.

— Василий Иваныч с тобой поделится, — кивнул взводный в мою сторону. — Он запасливый парень.

— Поделюсь, — согласился я.

Вернулся к себе. Напарник сидел мрачный. Он работал в тылу на мельнице, имел броню, но летом сорок четвертого его забрали на фронт. Передовую он боялся. «Лисья нора», которую вырыл, была такая глубокая, что мне пришлось наполовину ее уменьшить, набросав земли. От сильного взрыва она могла обвалиться и похоронить обоих живьем.

— Сегодня его, а завтра нас, — завел обычный тоскливый разговор второй номер. — Немцы каждое утро из минометов бьют, а мы молчим. И завтрак не принесли...

— Кашеваров минами накрыло, — брякнул я, поддразнивая помощника.

Дурачок, семнадцать лет. Смерти я не очень боялся. Точнее, не верил в нее, как большинство молодых. Как это меня могут убить? Уже пытались. Насквозь пробили пулей, а я выжил. Чтобы поднять мрачное настроение второго номера, начал рассказывать анекдот. Внезапно накатил рев самолетов. Мы упали на дно окопа. Это были наши штурмовики, летевшие в сторону немецких позиций на высоте метров сто. «Илы» всегда поднимали настроение. Я знал, что че-

рез пару минут на фрицев обрушатся бомбы и ракеты. Принесли в термосах кашу, хлеб и сахар. Оказывается, полевая кухня застряла, и еду поднесли с опозданием, под шум самолетов.

Потом я отобрал, как обещал, два диска для нового пулеметчика. У нас их имелось штук восемь. Массивные круглые диски к «дегтяреву» не были достаточно надежными. Если долго не стрелять, то в набитом патронами диске слабела пружина. Таких ненадежных дисков у нас было штуки три. Мы держали их на всякий случай, зная, что стрелять из них длинными очередями нежелательно, может перекосить патрон. Но для нового пулеметчика я отобрал два надежных диска и отнес их. Пулеметчик чистил окоп. Обрадовался мне. Покурили, обсудили события на фронте, поговорили о семьях. Скорее бы эта долбаная война кончалась!

Шло наступление наших войск в Прибалтике. 26 августа был освобожден город Нарва. Мы продвигались в глубь Эстонии. Сильные бои развернулись в конце августа. Немцы оказывали отчаянное сопротивление. Помню, как на одном из участков батальон за день три или четыре раза поднимали в атаку. Хотя нас поддерживала артиллерия и минометы, продвигались вперед тяжело. Дня два топтались на месте.

Сам не знаю, как уцелел во время атак. Отчасти сыграла свою роль команда взводного не лезть пулеметчикам вперед, а поддерживать пехоту огнем. Хоть и не лезли вперед, а находились в рядах атакующих. Люди падали под пулями десятками. По ложбине мимо меня цепочкой ползли раненые. Санитаров не

хватало, тянули друг друга. Жутко было видеть, как полз солдат с оторванной ступней, замотанной бурой от крови нательной рубашкой.

Я расстрелял пять или шесть дисков подряд. Пулемет раскалился. В этот момент немцы пошли в контратаку. Я хотел помочиться на ствол, но что-то внутри перехватило, не мог выдавить ни капли. Помощник вылил на кожух остаток воды из фляжки. Ствол шипел и парил. Редкий лес представлял невообразимую картину. Многие деревья были перебиты снарядами и крупными осколками. Одинокая сосна горела, как свечка, дымила влажная хвоя, кое-где прорывались языки пламени. Дым висел слоями, а из него возникали все новые фигуры людей. Бежали наши бойцы. Падали, стреляли, а метрах в ста приближалась цепь в характерных массивных касках. Немцы редко снимали каски. Они были у них толстые и более надежные, чем наши. Но пули брали и немецкие каски, пробивая насквозь вместе с головой. Оставалось только попасть.

Я вставил в пазы очередной диск, передернул затвор. Впереди возникли сразу пятеро немцев. Их фигуры плыли в белесом хвойном дыму. Нажал на спуск и повел стволом слева направо. Сейчас я их смахну одной длинной очередью! Пулемет бился в руках, все пять немцев упали. Потом «дегтярев» замолк. Я дергал заклинивший затвор. Сорвал диск. Из казенника торчала лопнувшая гильза. Трое немцев поднялись, исчезли в низине, затем отползли и двое других. Я промахнулся или в лучшем случае легко ранил двоих. А длинной очередью раскалил казенник, в котором застряла гильза.

Я растерялся. Пожилой помощник протягивал нож. Я пытался поддеть застрявшую гильзу, но безрезультатно. Над головой засвистели пули. Верхушка бруствера разлетелась от попаданий нескольких разрывных пуль. Опасность отрезвила меня. В горячке боя я понаделал ошибок, не такой уж опытный был из меня пулеметчик. Нельзя стрелять длинными очередями и надо менять позицию. Как только немцы засекают пулемет, по нему открывают огонь. Мы отползли по траншее в сторону. Бойцы, сумевшие уцелеть после неудачной атаки, стреляли из винтовок и автоматов. Я взял себя в руки и сумел выбить гильзу. Вставил диск. Хотя цель не видел, выпустил наугад несколько коротких очередей. Ко мне подбежал взводный:

— Почему прекратил огонь?

— Пулемет перегрелся.

— Помочиться не можешь?

— Не могу, — признался я. — Мы его водой охладили. Дайте еще одного бойца, диски набивать.

Взводный поймал за рукав легко раненного в ногу солдата и приказал помогать моему расчету.

— Я же ранен, — пожаловался тот. — Надо быстрее в санбат.

— Какой к черту санбат! Не видишь, как фрицы лупят. Из траншеи не высунешься, сразу убьют. Помогай пулеметчикам, если жить хочешь.

Вскоре открыли огонь наши орудия и появились три танка с десантом на броне. При поддержке танков мы продвинулись на километр. В то время немцы уже активно использовали «фаустпатроны». Один танк подожгли, второй подбили. Его тянула на тросе един-

ственная уцелевшая «тридцатьчетверка». Экипаж поврежденного танка, развернув пушку, посылал снаряд за снарядом в сторону немецких укреплений.

К вечеру немцы снова пошли в контратаку. Вначале вели сильный огонь из минометов. Стреляли уже не мелкие «пятидесятки», а батарея батальонных минометов. Одна из мин взорвалась в пяти шагах перед нами. Помощников и меня засыпало землей. Легкораненый, который мне помогал, попросился в тыл. Сказал, что немеет нога и кружится голова.

— Переждал бы обстрел, — предложил я.

— Нет, я пойду. Иначе сознание потеряю.

У каждого своя судьба. Паренек был молодец, полдня оставался с нами, раненный. Пополз, потом встал, наверное, собирался бежать. Мина шарахнула рядом с ним. Его подбросило, как тряпичную куклу. Убило наповал. А в нашу сторону перебежками приближались фигуры в касках, во френчах, камуфляжных куртках. Били наши минометы, стреляли по всей цепи винтовки, автоматы. Мы заняли немецкие глубокие траншеи, обложенные жердями с удобными гнездами для стрельбы. Нас пытались из них выбить. Я стрелял более спокойно. Сумел заставить залечь группу, бежавшую к нам. Двое фрицев после моих очередей остались лежать и уже не встали.

Рослый боец выволок из ниши ящик немецких гранат-колотушек. Отвинчивал колпачок на рукоятке, дергал за шнурок и с матюками швырял гранату в сторону залегших немцев. Когда он бросил их штук пятнадцать, я не выдержал:

— До фрицев почти сто метров, а ты от силы на шестьдесят кидаешь. Какой толк?

— Толк? — переспросил здоровяк и засмеялся. — Пусть лежат и трясутся.

Его смех показался мне каким-то ненормальным, истеричным. Впрочем, мы почти все были контужены или с трудом соображали, находясь целый день под обстрелом. Трупы лежали на каждом шагу. На них уже не обращали внимания, просто переступали. Мой пожилой помощник смирился с мыслью о смерти. Без конца шевелил губами, возможно, молился. Но диски набивал и подавал мне вовремя. Когда подошли к концу патроны, стал собирать их в патронташах и вещмешках. Свои обязанности в опасной ситуации выполнял хорошо.

Немцы уже в сумерках попытались снова атаковать. Наши подтянули дополнительные орудия и минометы. Огонь из всех стволов был такой мощный, что атака быстро захлебнулась. Рота снова собралась вместе, осталось в строю меньше половины бойцов. Уже в темноте привезли ужин, но мы, пошарив по блиндажам, нашли консервы, сало-шпиг, маленькие буханочки хлеба в целлофане. Разжились и спиртным. Несмотря на ругань офицеров («заснете, перебьют всех!») многие крепко выпили. Я тогда не пил, но воды не хватало, и я с жадностью опрокинул две кружки кисло-сладкого вина. Может быть, и опьянел, но хорошо набил брюхо. Попробовал первый раз в жизни сардины, консервированные сосиски, прибрал кусок копченой колбасы. Затем старшина и наши повара принесли гречневой каши с мясом, хлеба, водки. От каши я не отказался, а водку пить не стал.

Кострома вместе с помкомвзвода Шахтером обходили позиции взвода. Полтора десятка человек за-

нимали участок обороны метров сто двадцать. Один человек на семь-восемь метров. Даже соседа не видно. К тому же половина уцелевших уже спали, крепко выпившие после напряжения тяжкого дня. Этот участок всю ночь охраняли мы со вторым номером и еще одним из непьющих бойцов. Кроме оружия, нам достались две ракетницы с запасом разноцветных ракет. Мы выпускали их на любой шорох. На брустверах были разложены винтовки, автоматы. Мы ходили и стреляли, создавая видимость, что взвод не спит.

Немцы отвечали нам пулеметными очередями. Вряд ли мы их обманули. Просто фрицы понесли слишком большие потери, чтобы предпринять серьезную ночную атаку. Не спали минометчики, посылая в сторону немцев 82-миллиметровые мины. Никогда в жизни я столько не стрелял. Плечо превратилось в синяк. Я бил в темноту из пулемета, немецких автоматов, винтовок, не прижимая приклады к плечу. Кострома, хоть и крепко выпивший, держался до двух ночи. Опытный командир, он по характеру стрельбы угадывал, что происходит на вражеских позициях.

— Знаешь, Вася, ведь немцы отходят, — сказал он. — Оставили саперов и дежурных пулеметчиков. Мин понатыкают, постреляют, а утром смоются.

Командир взвода оказался прав. Утром немцы отошли, и мы осторожно двинулись вперед. Но приподнятое настроение от победы было испорчено нелепой смертью одного из бойцов. Он полез рыться в вещах убитого фрица и нарвался на мину. Ему оторвало стопу и, как нередко бывает в таких случаях, искромсало осколками промежность и низ живота. Саперы осторожно вытаскивали его, а боец кричал, вы-

рывался из рук, просил пистолет, чтобы застрелиться. Я понимал, что с таким ранением лучше не жить. Смерть оказалась милосердной к искалеченному парню. Когда саперы положили его на хвою, он был без сознания, а спустя короткое время умер.

Мне трудно объяснить свое состояние, но после того ожесточенного боя во мне что-то изменилось. Я видел себя со стороны. Суетившегося, бестолкового мальчишку, забывшего все, чему меня учили. От растерянности и страха заклинило пулемет. Потом взял себя в руки. Понял, что если так будет продолжаться, проживу недолго. Искупая свои грехи, я не спал всю ночь, охраняя остатки взвода и, прикорнув утром на пару часов, пошел вместе со всеми вперед.

События сентября сорок четвертого года слились для меня в цепь похожих друг на друга дней. Снова стояли на пополнении. Во взводе в очередной раз появилось много новых лиц. Бойцы разного возраста от 18 до 40 лет. Вели себя по-разному. Некоторые, пришедшие из госпиталей, уверенно занимали свои места, чистили и подгоняли полученное оружие. Другие, помоложе, жались друг к другу. Они боялись всего: авианалетов, мин, начальства. Изредка попадались откровенные хвастуны. Ко мне подошел солдат с винтовкой за плечом, поздоровался и сообщил, что он тоже пулеметчик. Имеет на счету тридцать или сорок уничтоженных фрицев.

— Как у тебя машинка? — потянулся он к «дегтяреву».

— Не лезь, — обрезал я его.

Мне не понравилось слово «машинка» и байки насчет сорока уничтоженных немцев. Он наверняка обманывал. Настоящий пулеметчик не станет хвалиться первому встречному.

— Молодой, а ранний, — снисходительно заметил боец.

Хотел добавить что-то еще, но его наладил прочь мой пожилой второй номер.

— Чего шатаешься? Шагай на свое место.

Все это были, конечно, мелочи. Люди, попадая на передний край, часто терялись, не знали, как себя вести. Через несколько дней привыкали. Когда закончилась переформировка, двинулись вперед. Зарядили дожди, на дорогах роты вязли в грязи. Порой легче было шагать через лес, по пружинистой хвое. Но немцы понатыкали мин и приходилось шагать по колее, заполненной водой. Сильных боев в те дни не было. Зато на острове Даго в первых числах октября сорок четвертого года развернулось ожесточенное сражение. Позже я узнал, что 27 сентября началась Моонзундская операция. Немцев в течение двух месяцев выбивали с побережья, многочисленных островов Балтики и Рижского залива.

Любой остров сам по себе уже крепость. Прямым ходом к нему не доберешься. Пролив Муху, шириной километров двадцать, форсировали десятки больших и малых кораблей. Нас крепко поддерживала авиация. Шли двухмоторные бомбардировщики в сопровождении истребителей, штурмовики «Ил-2». Вела огонь корабельная артиллерия. Наш батальон и некоторые подразделения полка переправлялись на тихоходном пароходе с огромными брякающими колесами по бо-

кам. Пароход мотало крепкой боковой волной, у многих ребят началась морская болезнь. Каша с мясом, которой нас накормили перед погрузкой, впрок не пошла. Бойцов выворачивало наизнанку. Потом болезнь быстро сняли немецкие истребители. Их было шесть или восемь. Они пронеслись на большой скорости низко над водой и сразу начали рваться бомбы.

Один из кораблей загорелся. Наш пароход, деревянный, шел с черепашьей скоростью и представлял хорошую мишень. Но немецкие пилоты промахнулись. Возможно, сбили прицел зенитчики. Одна из бомб рванула в полусотне метрах по борту. Вышибло крупным осколком кусок доски, продырявило трубу. Мы лежали на палубе, осколки никого не задели. Потом появились наши истребители, и далеко за кормой завязался воздушный бой. Кто кого сбивал, мы не видели, потому что по нас открыли огонь с берега. Били тяжелые орудия, укрытые в дотах и укреплениях среди скал. Один из бойцов прошептал:

— Если утопят, даже могилы не останется.

— Я и плавать не умею, — сказал кто-то еще.

Его «успокоили», что это не имеет значения. Вода в Балтике такая холодная, что больше десяти минут не продержишься. Сердце остановится. Я невольно уставился на волны. Серая тяжелая вода. В такой, действительно, не будет спасения.

Довольно большой остров Даго, примерно 40 на 50 километров, был взят в течение двух суток. Здесь я впервые увидел всю силу наших войск. Постоянно, волна за волной, шли бомбардировщики, штурмовики «Ил-2» в сопровождении истребителей. Авиабомбы и тяжелые корабельные снаряды взламывали

укрепления. На берегу высаживались все новые десантные части. Обратными рейсами вывозили большое число раненых. Цепи наступающих захлестнули остров. Пехота и моряки шли вперед, занимая одну высоту за другой.

Запомнилось, как на руках катили легкие «сорокапятки» и уничтожали пулеметные гнезда. Конечно, мощные укрепления были этим небольшим пушкам не под силу, но помощь они оказывали крепкую. Артиллеристы, как и мы, несли большие потери. С утра нас сопровождала батарея из четырех пушек, к полудню остались две. В одном месте не давал продвинуться сильный пулеметный огонь. Бил крупнокалиберный и по меньшей мере два-три обычных пулемета.

Лейтенант-артиллерист приказал выкатить орудие на пригорок. Сделали один-второй выстрел. Вдруг пушка исчезла в столбе дыма и обломков. Из каменной амбразуры стреляла 105-миллиметровая гаубица. Прямое попадание разнесло «сорокапятку». По-моему, из расчета никто не уцелел. Гаубица, молчавшая до нужного момента, вела огонь метров с трехсот. Обойти и уничтожить орудие гранатами не давали немецкие пулеметчики. Попытались выкатить последнюю «сорокапятку». Снаряд опрокинул ее. В этом месте был ранен мой помощник. Осколок пробил ему плечо, он не скрывал радости, что наконец вырвется с передовой.

Попрощались мы тепло. Все же полтора месяца в одном расчете. Но провожал я его с облегчением. Трусоватый помощник мне часто мешал, мог схватить за руки и стащить в окоп в тот момент, когда я вел огонь. Кто знает, может, он, как старший по возрасту, не од-

нажды спас мне жизнь. А гаубицу и пулеметные гнезда разбили минометным огнем. Минометный взвод выпустил сотни полторы мин. Под их прикрытием мы продвинулись вперед, а потом бросились в рукопашную.

С меня в рукопашной схватке толку было мало. Я пристроил пулемет среди россыпи камней и стрелял, выбирая одиночные цели. В клубке сцепившихся, орудующих прикладами и саперными лопатками людей трудно было разобрать, где наши, а где немцы. Когда я подошел, ни одного живого немца поблизости не было. Они не просили пощады, а те, кто в последний момент пытался поднять руки, умирали от выстрелов в упор и штыковых ударов. Тогда же погиб старший сержант Шахтер. Для взводного, да и для остальных ребят, это была горькая потеря.

Опытный, самый сильный во взводе сержант внушал чувство уверенности, вел за собой. Никто не верил, что его могут убить. Он и в последней схватке застрелил двоих или троих фрицев, об одного разбил автомат. Пока наносил второй удар, получил несколько пуль в упор.

Когда после боя собирались остатки взвода, младший лейтенант Кострома качал головой и повторял:

— С кем воевать буду? Не с кем!

Во взводе оставались опытные, бывалые бойцы, мало чем уступавшие Шахтеру. Они не обижались на слова младшего лейтенанта. Взводный и его помощник были не просто командир и подчиненный, а друзья. Хотя нас торопили, мы все же выдолбили в каменистой земле неглубокую могилу, завернули тело

в шинель и насыпали холмик. Сверху положили каменную плиту. С Балтики дул холодный ветер и сыпал мелкий дождь. На камне торопливо выцарапали штыком фамилию, имя Шахтера и дату смерти.

Дня четыре провели на берегу в ожидании переброски на большой остров Сарема. Во взводах насчитывалось по десятку человек. Подвезли очередное пополнение. Вторым номером в моем расчете стал парнишка из-под города Лодейное Поле. Он пришел из запасного полка, где четыре месяца учился. Фамилию не помню, звали Алексей, или, проще, Лёха. Парень был шустрый, рвался воевать и допытывался, сколько немцев я уничтожил. Не знаю почему, на эту тему бойцы, имевшие на счету достаточно фрицев, говорить не любили. Считалось нехорошей приметой. Те, кто побывал на острие войны, не спешили хвалиться своим личным счетом. Разве что когда по пьянке. Но я не пил, да и на вопрос Лехи точно ответить не мог. Стрелял вместе с другими, а там разбери, кого чья пуля свалила.

— Может, десяток, — пожал я плечами, — а может, чуток побольше.

— Обманывает он, — засмеялся кто-то из старых солдат. — Василий Пантелеевич целую немецкую роту из своего «дегтяря» положил.

— Сто человек? — вытаращил глаза мой помощник. — Тебе уже давно орден положен.

— Шутки, — сказал я. — Дурацкие шутки. Так тебе немцы и будут ротами подставляться.

Ночью при сильной качке переправлялись на остров Сарема. Но корабль не спешил причаливать,

мы двигались вдоль юго-восточного побережья. Впереди раздавалась орудийная канонада. В воздухе висело слово «Сырве». Полуостров, за который намертво вцепились немцы.

Полуостров Сырве был южной оконечностью острова Сарема, имел ширину три километра и около тридцати в длину. Мы знали, что в сорок первом году здесь в окружении сражался два месяца гарнизон краснофлотцев. Место для обороны было удобное: крутые берега, скалы, ущелья. Теперь на Сырве укрепились немцы. Если почти весь остров наши войска взяли в течение пяти дней, то этот узкий перешеек стал как кость в горле.

Мы продвигались с большими потерями, несмотря на мощную артиллерийскую поддержку. Гибли бойцы из нашего взвода. Лейтенант Кострома (он получил вторую звездочку на погоны после взятия Даго) был ранен, но оставался в строю. Мы сбросили шинели и воевали в телогрейках, в которых было легче передвигаться среди скал и камней полуострова. Из амбразур дотов вели огонь многочисленные пулеметы. Простреливался каждый метр.

Командир роты приказал мне глушить один из дотов непрерывным огнем и послал четверых бойцов в обход, взорвать укрепление с тыла. Ребята ползли осторожно, но когда поднялись для броска, по ним ударил второй пулемет. Трое так и остались на месте, а четвертый вернулся с простреленный щекой. Кострома материл фрицев и нашу артиллерию. Потом сунул за пазуху несколько гранат, взял с собой двоих бойцов, в том числе завхоза, который шел с явной неохотой. Мне Кострома сказал:

— Стреляй и целься лучше. Ты наше прикрытие, на тебя вся надежда.

Какая к черту надежда на мой «ручник», когда из амбразуры лупит мощный МГ-42 с оптическим прицелом! Лейтенант подмигнул. Я понял его и обещал не подкачать. Ротный выделил еще один пулемет и противотанковое ружье. Мы вели непрерывный огонь, не давая немцам высунуться. Лейтенант взорвал дот, а второе пулеметное гнездо забросали гранатами ребята из другой группы. Я расстрелял шесть дисков. Ствол раскалился, мы охлаждали его дождевой водой, которую приносил Леха в немецкой каске. Своим новым помощником я был доволен. Он быстро набивал диски и успевал вести огонь из автомата, поддерживая меня.

— Далековато для твоего ППШ, — говорил я. — До немцев полкилометра.

— Ничего, — ответил Леха, меняя очередной диск. — Одна пуля из сотни цель найдет, и то дело.

В принципе он поступал правильно. Боеприпасов хватало, от нас требовали вести активный огонь и в наступлении, и в обороне. Немцы зачастую били наугад, но даже шальной неприцельный огонь заставлял бойцов прятаться. Теперь и мы имели возможность не давать фрицам высунуться. Патроны и гранаты подвозили постоянно. Леха загружался, как ишак, тащил боеприпасы в мешке, иногда брал сразу целый цинковый ящик для меня и несколько коробок патронов для своего автомата.

Наступление продолжалось без передышек. Мы снова попали под сильный огонь и нырнули в подземный артиллерийский дот. Длинноствольная даль-

нобойная пушка была прикрыта толстыми раздвижными плитами. Одну из плит проломила авиационная бомба и смяла орудие. Укрытие было глубоким, внизу колыхалась вода и плавали несколько трупов, пахло мертвечиной. Мы пересидели в полутьме обстрел и, когда стрельба утихла, с облегчением выбрались из мрачного каземата, ставшего могилой для немецкого орудийного расчета.

Снова наступали. Плотность войск была высокой. Бок о бок с нашим батальоном шли вперед морские пехотинцы. Сквозь расстегнутые гимнастерки виднелись тельняшки. Немецких укреплений было понатыкано очень много: железобетонные доты, обычные пещеры с замурованным входом, оборудованные среди камней орудийные и пулеметные окопы. Задания получали пройти сто-двести метров, очистить от фрицев скалу, уничтожить дот.

В одном месте нам очень мешала узкая щель с пулеметом. Мины ее не брали, артиллерии поблизости не оказалось. Наши ребята попытались обойти с флангов, но попали на мины. Саперы принесли четыре тела. Двое бойцов были уже мертвые, истекли кровью. Старшина-сапер сказал, что фланг заминирован очень густо, многие мины соединены между собой и поставлены на неизвлекаемость. Один из саперов погиб. В мешанине мин не смогли вынести даже его тело.

Я не знал, что это мой последний бой. Не раз слышал о том, что люди предчувствуют тяжелое ранение или смерть. Сам видел, как тоскливо смотрят перед атакой некоторые бойцы и прощаются с друзьями. Иногда такие предчувствия сбывались, иногда — нет.

Впрочем, в пехоте не надо быть провидцем, чтобы угадать свою судьбу. Одна-вторая атака — половина выходит из строя. Меня предчувствия не мучили, может, потому, что в октябре сорок четвертого мне было всего семнадцать лет.

Ранило моего помощника Лешу. Осколками ему пробило руку и отсекло два пальца. Я вел огонь по каменистой расщелине. Отложил пулемет, хотел перевязать товарища, но лейтенант Кострома махал мне:

— Продолжай огонь! Без тебя обойдутся.

С Лешей уже возился санитар, а я со злостью загнал в узкую, брызгающую огнем щель целый диск бронебойно-зажигательных пуль. Потом меня попытался достать немец из автомата, вскарабкавшийся на скалу. Я сбил его. Он упал с высоты и больше не шевелился. Рядом свистели пули, высекали крошки из камня, я понял, что надо менять позицию. Захватил мешок с дисками и патронами, повесил на плечо пулемет и успел сделать семь-восемь шагов.

По правой руке ударило с такой силой, что я упал. Боли вначале не чувствовал и вообще не понимал, что со мной. Хотел снять с плеча пулемет, но рука не слушалась. Кое-как встал на колени, видимо, задел руку и вскрикнул от боли. По ладони и пальцам стекала кровь. Ее было много. Я смотрел, как завороженный, не в силах сообразить, что делать. Подбежал взводный, кто-то из бойцов. Разрезали рукав телогрейки, гимнастерки, перевязали рану, наложили дощечки. Меня довели до медсанбата, обработали рану и отправили в госпиталь.

На этот раз досталось крепко. В справке эвакогоспиталя № 3834 было написано: «Сквозное пулевое

ранение правого предплечья с повреждением кости». Если проще, то немецкая пуля прошила насквозь руку и раздробила кость. Мне сделали несколько операций, хотели ампутировать руку, но обошлось. Ранило меня 10 октября 1944 года, я сменил несколько госпиталей. Последний период лечился в городе Шуя Ивановской области, откуда выписался 16 марта 1945 года. В общем, лечили меня пять с лишним месяцев. К строевой службе я был признан негодным, рука слушалась плохо.

В марте сорок пятого меня определили в рабочий батальон здесь же, в Ивановской области. Вместе с гражданскими мы трудились на торфоразработках. Я работал слесарем и трактористом, словом, занимался тем, что поручат. Рабочий день длился 12—13 часов, еще шла война, да и после победы нормы не снижали. Тем более, на Дальнем Востоке началась война с японцами. Демобилизовали меня в октябре сорок пятого. На торфоразработках я встретил свою будущую жену Клавдию Кирилловну. Поженились мы 9 ноября 1945 года и с тех пор всегда вместе. У нас родились сын и дочь, ну, а сейчас уже имеем шесть внуков, правнуков. Считаю, что жизнь прожили не зря. Семья дружная. Молодые нас, стариков, без внимания не оставляют.

Мы общались с Василием Пантелеевичем несколько раз. Порой он уставал рассказывать и лишь коротко отвечал на мои вопросы. Его ответы и суждения были интересными, я записал некоторые из них.

Автор: Василий Пантелеевич, вы пробыли несколько месяцев в оккупации. Про полицаев, преда-

телей пишут разное. Что вы скажете про тех, кто пошел на службу к немцам?

Устименко В. П.: Среди них разные люди были. Местные ребята и мужики нередко попадали в полицаи по стечению обстоятельств. Как правило, они не зверствовали, нередко помогали землякам. Зато «отличались» отряды из приезжих, от тех пощады не жди. От них я всегда прятался. Не знаю, как их снабжали, но грабежом приезжие полицаи занимались открыто, вели себя нагло. Кстати, «нашим» полицаям немцы не слишком доверяли. Я немного разбирался в оружии, видел, что даже трехлинейки им не доверяли. Вооружали старыми польскими, французскими винтовками, к которым патронов не достанешь. В сорок третьем многие полицаи активно помогали партизанам. Кого-то это спасло от смертного приговора, но большинство получили большие сроки, по двадцать — двадцать пять лет. Еще скажу, что с первых месяцев оккупации полицаям не давали разгуляться партизаны. Мы жили в предгорьях Кавказа, места для партизан удобные, и действовали они довольно активно.

Автор: Приходилось сталкиваться в армии со случаями самострелов?

Устименко В. П.: В сорок четвертом году таких случаев было мало. Я лично «самострелов» не видел. Помню, однажды выстроили батальон и зачитали приказ, в котором несколько «самострелов» приговорили к смертной казни и штрафной роте. Виновных мы не видели. Что это были за люди, из какого полка, не знаю. Просто нам напомнили о жесткой ответственности и законах военного времени.

Автор: Многие ветераны рассказывают, что немецкая авиация активно действовала едва не до конца войны.

Устименко В. П.: Я очень не люблю фразы вроде «превосходство в воздухе» и прочие хвастливые выражения. Скажу прямо, немецкая авиация, когда позволяла погода, налеты совершала часто. Доставалось нам крепко. Другое дело, что безнаказанными фрицы не оставались. Отбомбятся, обстреляют нас, глядишь, в воздухе уже советские истребители. Начинается бой, и, как правило, немцы несли потери. Только нам от этого не легче. Тройка-пятерка «Хейнкелей» или «Юнкерсов» порой десятки трупов оставляли. Потери от немецкой авиации мы несли до осени сорок четвертого. Когда началась Моонзундская операция, положение изменилось. Наши самолеты давили немцев постоянно. Видел я, как фашистские корабли ко дну шли после удачных попаданий авиабомб. «Илы» в упор немецкие суда топили. Если первый промахнется, то второй обязательно в цель бомбу всадит.

Автор: Вы были пулеметчиком. Что скажете о боевых качествах пулемета Дегтярева?

Устименко В. П.: Меня он практически не подводил. Пулемет хороший. А насчет недостатков? Как к оружию относишься, так оно тебе и служит. Может, и затерто звучит, но сказано верно. Как бы мы ни уставали, а после боя обязательно чистишь пулемет. Ведь порой по 700—800 выстрелов в бою делали. Нагар, копоть. Хочешь, чтобы автоматика работала, — чисть, смазывай. На расстоянии метров пятьсот прицельность у «дегтярева» отличная. Бронебойными пулями мы однажды немецкий броневик подожгли. Во взводе

было три ручных пулемета Дегтярева. Когда все три огонь открывали, любую немецкую цепь заставляли ложиться.

Автор: Вы не раз упоминали о прибалтийских болотах. Как укрывались в тех местах от обстрелов, где ночевали?

Устименко В. П.: Старались выбирать места повыше и посуше, но часто это не удавалось. Окоп не выроешь, уже на глубине полметра выступала вода, а бывало, раз копнешь и уже в воде. Шли на всякие хитрости. Искали места, где больше торфяных кочек. Укрытие, конечно, слабенькое, пуля эти кочки насквозь пробивает. Приходилось быть все время настороже, лишний раз не шевельнешься. Утешало, что и фрицы в таком же положении находились. Укрывались за сваленными деревьями. Пусть толщиной сантиметров двадцать, но все же какая-то защита. Ходили все время мокрые, хорошо, хоть лето было. Сушим то обмотки, то брюки. Когда начинался обстрел, плюхались, не глядя, в воду, порой полдня в воде сидели. Болели, конечно, хотя я не помню, чтобы из-за этого в санбат ложились. Лечились, как могли, а лучше всего, когда на сухое место выползешь. Вообще, противные это штуки — болота. Ночью туман, сыро, трясешься от холода. Но терпели, куда денешься!

Автор: Каков был настрой у бойцов? Ведь гибли многие, да и не всегда газетный «ура-патриотизм» соответствует истине.

Устименко В. П.: Люди по своей натуре разные. Мой второй номер в пулеметном расчете, мужик в возрасте, боялся передовой, вперед никогда не лез. Больше всего на свете он хотел выжить ради своей

семьи. Но так или иначе, воинский долг выполнял. Лейтенант, который мне запрещал стрелять во врагов и мечтал отсидеться в тишине, — это совсем плохо. Трусливый, нерешительный командир — что может быть хуже. Такие случаи были исключением. У большинства бойцов и командиров настрой был боевой, решительный. Это я скажу точно. За примерами ходить далеко не надо: взводный Кострома, помкомвзвода Шахтер, мой помощник Леха и другие ребята. Я не помню случаев, чтобы кто-то уклонялся от задания. Действовали инициативно. А в условиях лесной Прибалтики, Карельского перешейка, Моонзундских островов это значило много. Там не батальонами или полками воевали, а взводами, отделениями. Такая специфика. От личной инициативы многое зависело. Взрывали доты и вышибали немцев из укреплений мелкими группами. Каждый на виду. Героем себя не считаю, но обязанности свои выполнял как положено. Вступил в комсомол, командовал одно время отделением, новичков обучал. И не забудь, что шел сорок четвертый год. Редкая семья не потеряла брата или отца. Люди хотели мстить (сразу вспоминаю ленинградцев), приблизить конец войны. Атаки были активные, беспощадные. В бою в плен немцев редко брали. Вот такой был настрой в сорок четвертом году.

Автор: Как насчет смертных медальонов? Правда, что многие бойцы из суеверия не заполняли данные о себе и оставляли медальоны пустыми?

Устименко В. П.: Это тоже от характера зависело. Кто-то действительно считал, что бумажка в медальоне смерть накличет. Но пойми одну вещь. В армии все по приказу делаешь. Раздали бумагу, хи-

мические карандаши, и всем взводом сидим, пишем. Приказ, никуда не денешься. Многие, кто постарше, понимали, что вероятность погибнуть в бою высокая. Для семьи лучше, если на тебя похоронку пришлют, чем будешь числиться без вести пропавшим. Пенсия, льготы положены. Старшие об этом думали. Ну, а насчет меня? В смерть я не верил. Раз пять заполнял медальон и столько же выкидывал. Таких ребят много было. Кстати, большинство медальонов были металлические, они быстро ржавели, уже через неделю-две с трудом откручивались. К чему бумажки заполнять, если их ржавчина съедала?

РЕЙС В ОДИН КОНЕЦ

Я числился заряжающим орудийного расчета. И стрелял, и снаряды подносил, а большую часть службы крутил баранку, подвозил боеприпасы, эвакуировал раненых. Потери несли страшные. Когда в путь собирались, некоторые так и говорили: «Ну, вот, рейс в один конец!»

Красюков П.К.

Я познакомился с Петром Константиновичем Красюковым с год назад. Несмотря на преклонный возраст, держится он крепко. Высокий, с сохранившейся спортивной выправкой, аккуратно одетый даже в домашней обстановке, он не подходит под слово «старик». Ветеран. Так будет точнее. Что главное — не потерял интерес к жизни. Читает газеты, книги, общается с людьми. Два часа обязательной прогулки в любую погоду. Он имеет свое собственное мнение на многие вещи. Мне было с ним интересно. Так родился этот документальный рассказ. Он говорит о войне просто и правдиво, не приписывая себе особых заслуг.

Я родился 28 апреля 1926 года в хуторе Красюково Подгоренского района Воронежской области, в 80 километрах от Воронежа. Хутор

совсем небольшой, дворов пятьдесят, и почти половина семей носили фамилию Красюковы. В семье было четверо детей: трое сестер и я. В начальную школу ходил за полтора километра, а семилетка располагалась в центральной усадьбе колхоза «Красная Долина», за девять километров. Почти двадцать верст в оба конца, а пробегали, не замечая. Из хутора набиралось пять-семь школьников, двадцать верст в оба конца пробегали. Конечно, на первый урок часто опаздывали, но учителя нас не ругали. Учились в основном хорошо. Зимой иногда колхоз выделял сани. Погрузимся, и с ветерком до школы. Но это было не часто. Больше на своих двоих. В сильные морозы оставались ночевать при школе, а когда за тридцать зашкаливало, родители нас никуда не отпускали. Померзнете!

Эти три года, когда мы ходили в семилетку, мне хорошо запомнились. Местность у нас лесостепная, рощицы, холмы, поля. Кое-где вклинивается большой лес. Часто шли не по дороге, а через поле, лес. То куропатки вспорхнут, то зайца или лису увидим. Интересно. А весной, когда речки разливались, смотрели, как бьет икру щука. Однажды не выдержали, остались с дружком. Девчонки в школу пошли, а мы охоту на щук устроили. Заострили две палки, как копья, и тихо пошли вдоль ручья. Прицелишься, хлоп! Чаще мимо, потому что вода расстояние переламывает. Прошатавшись полдня, вымокнув по пояс, добыли штук двенадцать щук граммов по 300—400. Крупные нам были не по силам. Развели костер, посушили одежду, пожарили двух щучек на прутьях, а остальных отнесли домой. Родители нас отругали, но все обошлось. В следующий раз выпросили у кого-то старую

острогу. Думаем, сейчас набьем щук! А ручьи пустые. Щуки икру уже отметали.

Как жили? Как везде в России. В колхозе начисляли жиденькие трудодни. Осенью родители получали какое-то количество зерна, фуража, сена, но кормились в основном своим хозяйством. Земля в наших местах хорошая. Без полива собирали с огородов богатые урожаи картошки, капусты, помидоров и прочих овощей. Много было фруктов: яблоки, груши, сливы, орех. Кругом сады, фруктами мы объедались. Хозяйство в семье держали небольшое (налоги высокие): корова, штук пять овец, 15—20 кур. В конце лета отец покупал поросенка, его легко было выкармливать осенью, а в зиму резали, так как кормить было нечем.

Мясо ели редко, в основном зимой. А летом, если у кого корова захромает, хозяин срочно забивает и раздает желающим в долг. Помногу не брали. Кто — пару килограммов, кто — три или четыре. Что интересно, денег я до войны почти не видел. Если мясо брали, то и отдавали позже такое же количество.

Может, кому интересно, а кому нет, но скажу несколько слов, как питались. На утро (слово «завтрак» мы не знали) — кружка молока с ломтем хлеба, картошка или пшенная каша. На обед — борщ без мяса, но с овощной поджаркой, вкусный. Мама его хорошо готовила. Вечером — полкружки молока, каша или суп с клецками, который мы любили. В старом сундуке в погребе хранилось соленое сало. Лакомство. Его мама давала летом отцу в поле. Работа тяжелая, одними овощами не обойдешься. Нам иногда тоже давали в школу по кусочку. Праздник наступал, ког-

да осенью отвозили километров за 70 подсолнечные семечки и давили на масло. Назад привозили бидоны золотистого, пахнущего жареными семечками, вкусного масла. Пекли блины, лепешки, делали салат из помидоров, огурцов, красного перца, лука, щедро сдобренный маслом.

Были и очень тяжелые времена. На всю жизнь запомнился голод тридцать третьего года. Как все получилось? Весна поначалу хорошая была, дожди, все зеленеет. А в конце мая начался суховей! Горячий ветер дул две или три недели. Такой сильный, что верхний, плодородный, слой чернозема начисто снес. Вот тогда мы голодали. Был полный неурожай. И муку с травой смешивали, и щи из крапивы варили — одна зеленая вода. Ослабленные люди, чаще маленькие дети и старики, умирали. Редкий дом обошла смерть.

И в тридцать седьмом был неурожай. Огромные тучи саранчи все всходы сожрали. Идешь по полю, а она под ногами хрустит. Как с саранчой бороться, толком не знали. Делали все, что могли. Помню, дали команду выпустить на поле домашних кур. Пометили их краской, сажей, чтобы не перепутать, и потащили в клетках на поле. Куры, конечно, за саранчу с аппетитом взялись. Но вскоре наелись, ходят сытые. Да разве могла сотня-другая кур огромное поле очистить? Но с голоду в тот год люди не умирали. Колхоз окреп, давали муку, крупу, другие продукты. Пережили мы нашествие крылатой твари.

Еще запомнилось, что люди на наших хуторах дружно жили. Всегда друг другу помогали. Если кто женился, то молодым новый дом коллективно воз-

водили. Леса было мало. Строительные материалы: саман, солома, дранка. Крыши у всех соломенные. Буквально за неделю новый дом, пусть и небольшой, для молодой семьи был готов. Живите, любите, детей рожайте.

И вдруг война!

Как и по всей стране, женщины плакали. Мужчин и парней призывного возраста забрали на фронт, а мы, мальчишки, заменили их. Я в восьмой класс только пошел, пятнадцать лет было. Походил неделю-другую, учебу отменили, надо в колхозе работать. Получилось так, что у нас было три трактора СТЗ (Сталинградского тракторного завода). Трактористов на фронт забрали, а механика освободили по болезни. Он взял несколько парней на обучение, в том числе меня. Я быстро освоил трактор. Уже осенью сорок первого пахал землю, зимой занимались ремонтом. Имелась еще старая полуторка, разобранная на запчасти. Мы ее за зиму снова собрали. Чуть не по всему району недостающие железяки искали. Я на ней полгода ездил, а потом ее военкомат забрал. Работали без выходных, с продуктами было туго. Выручала картошка. Помню, выдали мешка три кукурузы. Мы ее между камнями перетирали. Мама эту грубую крупу с чем-то смешивала, пекла лепешки, варила кашу.

Особенно тяжело пришлось летом и осенью сорок второго года. Линия фронта находилась километрах в семидесяти от нас. Видел, как отступают наши части. Бойцы все в пыли, в ботинках и серых обмотках, усталые. Мы носили им яблоки, огурцы. Грызут на ходу,

погладят по голове: «Спасибо, ребята!» Обидно было, что так далеко Красная Армия отступила.

Видели немецкие самолеты. В нашем колхозе им бомбить нечего. Летели куда-то в сторону Тамбова, Борисоглебска, Саратова. Ну, а вдоль дорог «Юнкерсы-87» и «Мессершмитты» шныряли. Я уже тогда хорошо научился различать модели немецких самолетов. Нашей авиации было мало. Где-то вдалеке шли воздушные бои. Кто кого сбивал, не поймешь. Однажды осенью, совсем низко над полем, которое мы распахивали на зиму, прошел огромный двухмоторный бомбардировщик со свастикой на хвосте. Он дымился, а моторы ревели так, что мы кинулись кто куда. Но подбитому фрицу было не до нас. Он тянул к своим. Мы ждали, вот-вот появятся наши «ястребки», но самолет с завыванием продолжал свой полет. Отойдя от страха, мы долго обсуждали это событие. Пришли к выводу, что над линией фронта его все равно собьют. Огромные размеры бомбардировщика, размах крыльев метров двадцать, внушали невольный страх. Такой весь хутор сметет, если бомбить станет!

Летом и осенью через наши места двигалось много эвакуированных.

Шли всякие разговоры. С нами, мальчишками, никто, конечно, не делился, настроение у людей было подавленное. Наступают немцы, и никто их остановить не может. Что для них рывок километров сто? Вот и окажемся в оккупации. Но фронт на Дону застыл намертво, а зимой фрицев разгромили под Сталинградом и отогнали километров на сто пятьдесят — двести. После Сталинградской победы настроение другое стало. Крепко немцам тогда вломили, если Гитлер трехдневный траур по всей Германии объявил.

Второго февраля 1944 года меня забрали в армию. Целый эшелон новобранцев двигался куда-то на северо-запад. С каким настроением ехали? Сложно сказать. Мы, молодые, большей частью охотно. Мне в феврале 17 лет было, считай, пошел добровольцем. Молодежь патриотично была настроена. Немцев уже на запад гнали, и многие считали, мы едем добивать врага. Кто постарше, и сумели отсидеться в тылу, на войну, конечно, не рвались. Они-то лучше представляли, что нас ждет. «Старики» держались отдельно, пили самогон и перешептывались. Никому не хотелось в пехоту. Кому уже за тридцать и кто имел хорошую специальность, надеялись пристроиться в тыловых и ремонтных частях. Но были и крепко обозленные. К началу сорок четвертого практически ни одной семьи не осталось, кто родных или близких не потерял. Такие призывники открыто говорили, что немцу пощады не будет. Правильно товарищ Эренбург пишет в своих статьях: «Убей немца!» Вот такое настроение царило в нашем вагоне.

Через двое суток приехали в Москву. Направили всех в учебный полк противовоздушной обороны, где пробыли недели полторы. Только начали изучать 37-миллиметровые зенитные автоматы, часть людей послали на переформировку в Чернышковские казармы возле Даниловского рынка. Там тоже немножко подучили, и вскоре мы уже заняли свои места на боевых позициях на юго-западе Московской области. Если глянуть на карту боевых действий весны сорок четвертого года, то ясно видно, что на юге наши войска продвинулись далеко вперед. К середине апреля линия фронта уже была западнее Одессы, Тарнополя,

Луцка, Мозыря. Бои шли на Западной Украине, на Черном море, в Румынии.

Но от Москвы немцы даже в апреле стояли сравнительно близко, примерно километрах в пятистах. Не знаю, что уж писали военные историки, но немецкая ночная авиация продолжала налеты на Московскую область. Днем не рисковали, а ночью без конца объявлялась тревога, включались мощные прожекторы, и мы вели огонь по немецким самолетам. Здесь мы стояли примерно до конца июня, то есть месяца три с половиной.

Я был в расчете 37-миллиметровой автоматической пушки. Пушка хорошая, ничего не скажу. До шести километров вверх посылали снаряды. Хоть и небольшие, но брали количеством. Когда начинал бить дивизион, все небо покрывалось вспышками разрывов. Мелкие осколки вниз градом сыпались. Подбили мы кого или нет, не знаю. Стреляли сразу и четыре, и двенадцать пушек, и целый полк. Снарядов не жалели — Москва за нами! Гордо думали, что сквозь такую огненную завесу ни один фашист к столице не пробьется.

Мало зная о войне, мы считали, что это и есть настоящий фронт. Раза два нас бомбили. Если наш дивизион Бог миловал, то в соседнем разнесло вдребезги одну пушку, погибло пять или шесть человек. Но немцы бомбы на нас не тратили, старались донести их до Москвы. Мы считали себя уже бывалыми солдатами, прижились в землянках, привыкли к ночным тревогам. Но в двадцатых числах июня нас перебросили в распоряжение 3-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника Черняховского И. Д.

Мы попали под Витебск. Позже я прочитал, что мы действовали в составе Северной группы войск, на которую возлагался прорыв немецкой обороны на 20-километровом участке к юго-востоку от Витебска. Меня перевели заряжающим расчета 45-миллиметровой противотанковой пушки. Не сказать, что я слишком обрадовался переводу. «Истребители танков» — так гордо именовались артиллеристы противотанковых батарей. Но не зря говорили про них: «Ствол длинный, а жизнь короткая».

В этом я быстро убедился. У нас были новые «сорокапятки» с удлиненным стволом и улучшенным прицелом. Наш дивизион поддерживал пехотный полк. Пехота шла в наступление, а следом, буквально на хвосте, следовали мы. Если расстояние побольше, орудия и передки перевозились полуторками, но часто перекатывали пушки вручную. Наступление было мощное. Двигалось много танков, непрерывные удары наносила гаубичная артиллерия. Но гаубицы вели огонь с закрытых позиций, а мы находились на линии пехоты.

Залег батальон под пулеметным огнем, открываем огонь по дзотам, пулеметным гнездам. Пушка для меня была новая, но я к ней быстро привык. На 400—500 метров била точно. Хороший наводчик со второго-третьего снаряда пулемет накрывал. Молодцы, да? Только эти пятьсот метров простреливались немецкими пулеметами насквозь. Разворачиваем пушку, по щиту уже пули щелкают. Кто-то отползает раненый, кого-то наповал срезали.

Разобьем дзот. Вернее, не разобьем, а загоним после десятка выстрелов снаряд в амбразуру. Пехота

поднимается, а на нас сыплются мины. Чего-чего, а минометов у немцев хватало. Спасение от них было единственное — ложись в воронку или щель (если успели выкопать) и лежи. Лежишь, голову ладонями прикрыв, и думаешь: «Сейчас точно в тебя шарахнет!» Метаться и бегать во время обстрела было смертельно опасно. Сам видел, как парнишка-казашонок заметался. От одной, другой мины увернулся, третья под ногами взорвалась. Голова, руки целые, а ниже пояса лучше не смотреть — месиво.

Мы своих погибших редко когда успевали хоронить. Это в кино показывают, как товарищи пилотки или каски снимают и скорбно над могилой стоят. Нам от пушек запрещали отлучаться. Всегда наготове. Дали команду — вперед! Покатили орудия дальше или на другой фланг. Назад не оглядывайся. Твое дело — цель подавить. Темп наступления был жесткий, двигаться, не останавливаясь. Хорошо, помогали танки, с ними всегда веселее. Промчатся мимо, командир шлемом махнет из люка: «Не пыли, пехота!» Через полчаса глядим, горят некоторые танки или подбитые стоят. Остальные вперед прорвались.

Чаще всего действовали в составе батареи: четыре пушки и, конечно, пехота. Впервые увидел бронеколпаки. С одним пришлось повозиться. Наше третье орудие приказали подкатить поближе. Пока катили, двоих ребят ранили. Встали метров за четыреста. Торчал из земли колпак, как закругленная бочка, а из него пулемет бьет. Когда нас увидели, заслонку прикрыли, но пулемет стрелять продолжал.

У немцев станковые МГ-42, часто с оптическими прицелами были. Били точно. Мы тоже стрелять

умели. Но колпак был закругленный, наши снаряды рикошетом уходили. Комбат приказал ближе пушку подкатить. Наводчика прямо в пилотку ударило, из затылка серые комки брызнули. Меня чуть не вырвало. Все рядом происходило. Осталось нас в расчете трое. Командир орудия мне приказал к пехотинцам ползти.

— Пусть стреляют непрерывно. Надо оглушить гадов, они же к прицелу сесть не дают.

Пополз, передал младшему лейтенанту. Тот обругал меня, но приказ дал. Усилили огонь из пулеметов и винтовок. Назад приполз. Пули по щиту все так же щелкают, земля с травой кусками взлетает. Сержант, командир расчета, вздохнул:

— Давайте стрелять. Иначе нас прибьют.

Снарядов оставалось штук тридцать. Почти все в этот колпак послали. Вмяли заслонку. Амбразура — вдвое меньше форточки, а пулемет продолжает стрелять. Дисциплинированные, сволочи! Все же какой-то по счету снаряд закатили внутрь. Тяжелый колпак даже не дернулся, только дым из амбразуры пошел. Позже мы глянули на него. Весь во вмятинах и бороздах, заднюю дверь вышибло. Внутри — месиво, ядовитый дым от сгоревшего пороха, тряпки тлеют. Кто-то из пехотинцев заглянул, понял, что трофеев там не найдешь. Вынул гранату и внутрь забросил:

— На всякий случай! — и нам подмигнул.

Хотя мы считались противотанковым дивизионом, с танками пришлось столкнуться один раз. У нас расчет наполовину обновился. Наводчик хоть и молодой, но опытный. Выкопали ровики для орудий, ждали контратаки. Наше продвижение последние

дни замедлилось, ждали подкрепления. Появились немецкие танки. Местность лесистая, мы их вначале услышали, а потом и сами панцеры появились. Шесть штук. Нам приказали открывать огонь строго по команде. Ударили мы с расстояния трехсот метров. Наверное, это были Т-3 и Т-4. Но не «Тигры». Те бы нас смяли. Однако «Тигров» у немцев, к счастью, не так много имелось.

Первые выстрелы сделали подкалиберными снарядами. В сорок четвертом их в каждом боезапасе штук по десять хранилось. Один танк сразу загорелся, второй — подбили. Немцы в ответ сразу огонь открыли. Соседняя пушка от нас метрах в пятнадцати стояла. Ее прямым попаданием накрыло. Сам видел, как обломки на высоту двухэтажного дома взлетели. Добили беглым огнем бронебойными снарядами второй танк. Он тоже загорелся.

А четыре оставшихся, огрызаясь выстрелами, попятились зигзагами назад. Пушки у них мощнее наших. Стреляли осколочными снарядами. Осколки жужжали над головой. Один в щит лязгнул с такой силой, что мы невольно на землю бросились. Вмятина на краю. От остальных осколков окоп спас. Не думаю, что немцы нас сильно испугались. Вчетвером они бы наши три пушчонки раздавили. Скорее всего, разведка была. А к нам уже машины подгоняют. Быстрее, вперед! Мельком глянули на остатки орудия. Кто-то один шевелится, санитары его тащат. Окоп разворочен: взрыхленная земля, останки тел, тряпье, разбитые снарядные ящики. Наверное, весь расчет накрыло. Вот тебе: «Ствол длинный, а жизнь короткая!»

К вечеру немцев из деревушки выбивали. Домов там не осталось, одни подвалы и печи. Наше орудие удачно крупнокалиберный пулемет разбило. А нам в ответ, как обычно, мины. Потери в тот день большие понесли. Снаряды кончились, сидели наготове с карабинами и гранатами. Но немцы ночью исчезли. Подвезли нам снаряды, харчи. Зацепили пушки и поехали дальше. Пехота, которая вчера цепями шла, так цепями на поле и осталась. Много народу за ту деревушку полегло. Потери никого тогда не удивляли. Горько смотреть было. Едешь, лежит парень, а лицо вроде знакомое. Может, дружок, может — земляк. Не остановишься, не посмотришь. Наступление идет.

Проезжали через сгоревшие села. Обугленные бревна, кое-где уцелевший угол избы торчит, трубы глиняные. Выйдут с десяток старух да несколько детишек, смотрят молча. До того люди настрадались, что не знают, радоваться или нет. Порой не понимают, то ли немцы вернулись, то ли, действительно, Красная Армия пришла.

Заряжающим я пробыл недели три. Потом неожиданно обострилась язва желудка у одного из шоферов. Комбат приказал срочно искать водителя. Получилось, что, кроме меня, никого не нашлось.

— Ну-ка, глянем, на что ты способен!

Я завел полуторку, сделал круг, другой. Решили, что в качестве водителя подойду. Так начался новый период в моей службе. Помню, погрузили в кузов расчет, запасные ящики со снарядами. Рядом со мной сел старший сержант, командир расчета. Двенадцать грузовиков — двенадцать пушек. Двинулись к позициям. Дороги разбиты танками, колеи по полметра, целые

озера воды, грязь. Одна полуторка через час подшипники поплавила. Пушку подцепили к грузовичку поновее, расчет посадили в другую машину. Поехали дальше. На обочинах громоздились завалы разбитой техники. А трупов! Первый раз я столько убитых видел. Жарко, воздух парит, от трупов вонь такая, хоть стекло закрывай. Лежали вперемешку и наши, и немцы. Некоторые с оружием. Я разглядел автомат, хотел притормозить, подобрать его. Сержант дернул меня за руку:

— А ну, вперед. Нельзя останавливаться.

Командир расчета — из бывалых. Три ленточки за ранения и медаль «За отвагу». Разговорились. Он на фронте с начала сорок третьего. Может, на год-два меня постарше, а лицо как у взрослого. Морщинистое, сосредоточенное. Я перед ним сопляк. Из окна часто высовывался, за небом следил. Я — тоже. До позиции доехали благополучно, а когда стали разгружаться, налетели штук двенадцать «Юнкерсов-87» в сопровождении истребителей.

Если бы вся свора обрушилась на нас, от грузовиков и дивизиона мало бы что осталось. Но бомбы сыпали и на траншеи пехоты, и на минометные батареи, на укрепления, блиндажи. Это была первая бомбежка, под которую я угодил. Стоял непрерывный грохот, взлетали фонтаны мокрой земли, вырванные с корнем кусты, кричали люди. Я прыгнул в промоину, рядом с толстым пнем. Неподалеко ударило так, что у меня заложило уши. Метрах в трех упал дымившийся обломок доски с клепками. Разбило одну из полуторок. Может, мою? Только приподнял голову, меня отшвырнуло взрывной волной метра на два. С треском

рвались снаряды небольшого калибра, наверное, сдетонировали боеприпасы. Жутко завывали самолетные сирены. «Юнкерсы» делали заход за заходом. Били из пулеметов. Здесь я чуть не попал под раздачу. Не выдержали нервы, и я вскочил. Куда бежал, зачем? Наверное, себя не помнил. Кто-то дернул меня за обмотку, волочившуюся следом, я брякнулся лицом вниз. Фонтанчики пулевых ударов прошли сдвоенной полосой совсем рядом.

Когда самолеты улетели, я думал, вокруг ничего живого не останется. Ошибался. У страха глаза велики. Немцы разбили три полуторки и две пушки. Траншея, метрах в ста пятидесяти впереди в некоторых местах обвалилась. Пошел я к своей полуторке. Рядом лежало тело паренька-артиллериста с оторванной ногой. Он был уже мертв. Машина моя сильно не пострадала, если не считать пробитого осколками кузова. Один осколок прошил деревянную дверцу и вспорол сиденье.

С опозданием появились наши «Яки». Пронеслись штук шесть вслед за немцами. Лови ветра в поле! Разве их теперь догонишь? Мы собрались в обратный путь, но командир дивизиона отпустил только четыре машины. В них загрузили человек сорок раненых. А пять полуторок приказал отогнать в лесок и быть наготове. Приказ есть приказ. Лесок сосновый, да и не лес, а так, грива, ободранная снарядами и осколками. Машины, как на параде.

Главным у нас был старшина Мороз Николай Егорович. Мне было суждено воевать с ним до самой Победы, поэтому опишу его подробнее. Он у меня перед глазами и сейчас стоит. Ему было за пятьдесят, види-

мо, взяли как специалиста по автомашинам. Старше его в роте никого не было. В любых марках автомашин разбирался. Я мало что знал о его семье. Наверное, у Николая Егоровича имелись и дети, и внуки. Непонятно, как его взяли в армию в таком возрасте. Может, пошел добровольно, желая мстить за кого-то из погибших сыновей? Не знаю. К нам он относился очень хорошо и обычно называл «сынки» или по имени. Мы его, конечно, уважали. Любое слово Мороза было для нас законом. А бывалая шоферня — народ непростой, это я точно скажу. Старшина умел ладить со всеми. Мало кто решался показывать свой характер, глядя на его мощные плечи и здоровенные руки. Кстати, рукоприкладством он никогда не занимался, чем грешили некоторые командиры.

Итак, дали нам приказ остаться возле орудий. Мороз сразу прикинул, что за три сотни метров от передовой мы недолго простоим. Машина — не пушка, ее в землю так просто не закопаешь. Самовольно отвел все пять полуторок в другой лесок. Там землянка, штабель ящиков, мешков. В общем, тыловики стояли. На нас кричать начали, что мы их демаскируем. Мороз только сплюнул, приказал ломать сосновые ветки, маскировать грузовики. Подошел лейтенант-тыловик и приказал нам убираться. Мороз черту ногой провел и поставил возле нее часового. Приказал четко, по-уставному:

— Вот граница военного объекта. Кто перешагнет — стреляй!

— В человека, что ль?

— В нарушителя. И попробуй устав нарушить! Под трибунал пойдешь.

Расхожее слово — «трибунал». На передовой его, где надо и где не надо, употребляли. Водитель передернул затвор карабина и сказал: «Есть!» Лейтенант снова начал было кричать, но старшина веско объяснил:

— Я не картошку с кренделями привез, а боевые орудия, которые с танками будут сражаться. Может, ты, лейтенант, сам повоевать хочешь? Харчи сторожить кого постарше возрастом найдут.

Я уже немного повоевал и знал, что здесь, на передовой, мелкие должности, звезды, лычки мало чего стоят. На фронте действовали свои законы. Многое решали опыт и решительность человека, независимо от должности. Поэтому лейтенант-тыловик спорить дальше не стал и в наши дела не вмешивался. По приказу старшины мы вырыли две узкие глубокие щели. Они нам вскоре понадобились. Немцы стали обстреливать ближний тыл, и несколько снарядов взорвались неподалеку. Мы прыгнули в щели и терпеливо выжидали, когда прекратится стрельба.

Но стрельба не прекращалась. Передовая гремела и ухала, раздавались резкие хлопки «сорокапяток». Что там творилось, не знаю. Или контратаковали немцы, или пошла в атаку наша пехота, а орудия ее поддерживали. Нас было в щели человек пять. Я сидел рядом со своим дружком Ваней Крикуновым, земляком-воронежцем, и еще одним водителем из города Ломоносов. Я сам высокого роста, а тот, из Ломоносова, выше, чем я, крепкий здоровый парень. Фамилии, имени не запомнил, мы его звали «Ломоносов». Он тоже попал на передовую недавно и молился, когда снаряды пролетали низко. К войне парень еще не привык.

— Эй, Ломоносов, Бога-то нет, — поддел я его, желая показать свою храбрость.

Другой водитель, постарше, обругал меня:

— Помолчи лучше. Есть или нет, а закатит фугас в окоп — по частям не соберут.

Потом к нам нырнул старшина Мороз. Своей машины у Николая Егоровича не было. Он являлся командиром нашей группы, взвода или роты — не знаю. В общем, главный среди шоферов. Сказал, что кому-то надо подогнать машину поближе и забрать тяжелораненых. Он назвал фамилию одного из ребят, кажется того, постарше:

— Ты опытнее. Заводи и гони к сосновой гриве, где нас раньше хотели оставить. Погрузишь, сколько сможешь, и дуй в санбат. Потом на склады за снарядами.

Шофер в замасленном комбинезоне пошел к машине. Мороз вместе с ним, показал направление. До сосновой гривы было метров триста. Мы вылезли из окопа и наблюдали, как машина, сделав полукруг, миновала низину, кустарник и остановилась в том месте, где деревья были гуще. Раненых погрузили быстро. Полуторка тем же путем пошла назад и исчезла в лесу. Я забрался в развилку дерева и следил за передовой. Было любопытно, что там происходит. Немцев я не видел, а вдалеке горел танк. Наш или фрицевский — непонятно. Потом послали Ломоносова. Мы стояли кружком, и Мороз объяснял:

— Езжай тем же путем. Если начнут стрелять, делай повороты, крутись и ни в коем случае не останавливайся.

— Понял, — кивал головой мой сосед по окопу.

Но оказывается — ничего не понял. Разогнав полуторку, пошел по прямой, рассчитывая за минуту достичь сосновую гриву. Взрыв ударил с перелетом, еще один чуть ближе.

— Вилка! — ахнул кто-то.

Ломоносову надо было сворачивать, он ехал по открытому и наверняка пристрелянному месту. Но, видимо, ничего не соображая, прибавил газ. Фрицы в него не попали. Снаряд рванул снова с недолетом, однако осколки сделали свое дело. Машина вильнула, замедлила ход, а водитель, спрыгнув, побежал к нам.

— Ложись! Ложись, дурак!

Ломоносова подкинуло взрывом и шмякнуло о землю. Мороз и я кинулись вытаскивать товарища. Он лежал весь какой-то сплющенный, нога неестественно вывернута, правая рука что-то нашаривала в воздухе.

— Мама! — вытолкнул он из горла запоздалый крик.

Мы потащили тяжелое, как куль с зерном, тело. Первый раз на глазах у меня умирал человек. У парня была раздавлена и пробита грудь, сломана рука, изо рта шла розовая пена. Я невольно отшатнулся. На поляне добивали полуторку. Снаряд ударил под задние колеса, машина осела и вспыхнула, залитая бензином из лопнувшего бака. Я был как не свой. Старшина Мороз встряхнул меня. Ваня Крикунов, земляк, маленький, похожий на подростка, испуганно смотрел на умирающего парня.

— Петро, твоя очередь, — сказал старшина.

— Убьют... — то ли прошептал, то ли подумал я.

— Боишься?

— Боюсь, — признался я, втайне рассчитывая, что пошлют кого поопытнее.

Но Мороз приказ не отменил. Подтолкнул к машине и повторил:

— Не гони напрямую. Езжай по низине, в обход.

Я, как автомат, сел за руль. Вздохнул.

— Давай быстрее! — торопили меня.

Но я приходил в себя. Потом не раз замечал, что в опасных ситуациях страх отступает. Тело, мозг, сосредоточенно ищут выход, и становится уже не до страха. Я водил трактор и полуторку еще в тылу, опыт имелся. Руки, ноги действовали сами, переключая рычаги и нажимая на нужные педали. Я подлетел к лесистой гриве, и санитары, откинув задний борт, загрузили в кузов двенадцать раненых. Еще одного посадили в кабину. Санитар встал на подножку, и я, развернувшись, двинул назад.

Самым опасным был участок при выезде из низины. Предстояло ехать метров сто по открытой поляне, которая была на виду у немцев. Здесь я понял, какую роль играет на войне случайность. На подъеме непроизвольно сбавил газ, и полуторка замедлила ход. Снаряд среднего калибра взорвался метрах в пятнадцати впереди. Если бы я шел с обычной скоростью, наверняка угодил бы под разрыв. Задержка в несколько секунд спасла и меня и раненых. Я вдавил педаль до пола, перегруженная машина, взревев, миновала поляну и влетела в лес. Дорога была отвратительная. В болотистых местах выстлана бревнами. Поперечный настил вытряхивал внутренности, а в кузове отчаянно кричали и матерились раненые.

— Добить нас хочешь?

— Да он руль в руках не держал!

После пережитого у меня не выдержали нервы. Остановился и, встав на подножку, закричал по-петушиному срывающимся голосом:

— Не орите! Не видите, дорога какая! А машину вести меня учить не надо.

Вмешался санитар и предложил тем, кому невмоготу, шагать пешком. Мне посоветовал:

— Потише езжай.

Но и скорость в десять километров мало что меняла. Бензин был некачественный, разбавленный лигроином, тряска продолжалась, а вскоре закипела вода в радиаторе. Теперь из кузова кричали, чтобы я ехал быстрее. Старший лейтенант, раненный в шею и плечо, сидевший со мной в кабине, устало проговорил:

— Не обращай внимания. Езжай, как можешь.

Но мне пришлось дожидаться, пока остынет мотор, потом буксовать в грязи, а на последнем участке двигаться по бревнам, уложенным вдоль. Здесь приходилось быть особенно внимательным. Соскользнешь, сам уже не выберешься. Довез я наконец раненых до санбата. Один, пока ехали, умер. В санбате скопилось огромное количество раненых. Человек пятьсот, а может, тысяча. Некоторые лежали в палатках, часть — прямо на траве, под деревьями. Стоны, выкрики, ругань.

Затем я поехал на склады и загрузился под завязку ящиками с боеприпасами. Хотелось есть. Повар, добрый дядька, набухал полный котелок перловки с кусками жесткого темного мяса. Может, с кониной, но мне было все равно. Я смолотил весь котелок за пять

минут. Повар только головой покачал и подсыпал добавки. Возвращаться уже было веселее.

Противотанковые пушки я возил еще недели две. Часто мотался за боеприпасами, отвозил раненых. Многое в шоферской жизни было для меня в новинку. Застрял тяжело груженный ЗИС-5. Собралось штук двадцать грузовиков. Подогнали тягач и спихнули машину на обочину. Она сразу по кузов затонула. Так и осталась в болоте, только ящики со снарядами перегрузили. Но это уже позже. Бомбили нас крепко. Видел, как на глазах взорвалась полуторка с боеприпасами. Шарахнуло с такой силой, что машину, следовавшую за ней, перевернуло, а от полуторки кусок металлической рамы остался.

Первое время часто забывал вверх поглядывать, больше на дорогу смотрел. Однажды нос к носу с «Мессершмиттом» встретились. Он шел на высоте метров двести, я даже выскочить не успел. Впереди двигалась автоцистерна на базе ЗИС-5. «Мессер» ударил по ней из пушек и пулеметов. Я ожидал, что цистерна рванет, но она лишь загорелась. Огонь все усиливался, я попятился назад. Водитель с автоцистерны сообщил, что сопровождающий убит. Посоветовал:

— Двигай задним ходом, пока совсем не припекло. И подальше отъезжай.

Когда отъехали метров на сто, цистерна полыхала огромным костром. Привлеченные дымом, прилетели три «Юнкерса», добили цистерну и разнесли бревенчатый настил дороги. Хорошо, что мы успели укрыться под соснами, выбрав клочок обочины посуше.

— Когда бочка полная, еще ничего, — объяснял мне шофер, — обычно просто загорается. Если напо-

ловину пустая, может и рвануть. Заживо ребята сгорают, ничего не остается.

Покурили, а я обнаружил, что пробито колесо и лопнула передняя рессора. По совету водителя сгоревшей автоцистерны пошел вдоль дороги, нашел несколько подбитых машин, снял два колеса, нашел в кузове запасные камеры и даже снял рессору. Ночевать пришлось в лесу. Июльские ночи в северо-западных краях светлые. Но торчать одному было все равно неуютно. Вскоре подъехали еще несколько машин. Саперы принялись восстанавливать дорогу. Рессору с помощью друзей-шоферов заменил, поставил шины поновее и, наконец, доставил груз на передовую. Когда разгружали, увидел, что один из деревянных ящиков разворочен малокалиберным снарядом «Мессершмитта». Сняли крышку, в ящике две цинковых коробки с патронами. С полсотни штук в труху искрошило. Но это мелочь. Хуже, если бы в ящик со снарядами или минами попало. Хоронить нечего было бы.

Полуторку многие только по фильмам помнят. Там они почти прилично выглядят. А я на упрощенной «военной» модели ездил. Кабина — фанерная, подножки — деревянные. Эти подножки много хлопот доставляли. Кто-нибудь грузный прыгнет, она трескается. Крупнокалиберная пуля подножку пробила, половинка отвалилась. В кабину карабкался, как акробат, — хорошо, что машина невысокая. Конечно, по сравнению со «студебеккерами» и «джипами» моя старушка убого гляделась. Но плохого про нее не скажу. Простая по конструкции. Большинство неисправностей мы устраняли на месте, а запчасти брали с разбитых машин.

Одним из самых тяжелых периодов стали для меня август и осень сорок четвертого года. Шли ожесточенные бои в Прибалтике. Получилось так, что, числясь заряжающим одной из батарей 1865-го зенитно-артиллерийского полка, я в течение нескольких месяцев водил машины. Водителей не хватало, особенно имеющих опыт ремонтных работ. В августе из нас сформировали отдельный автомобильный батальон. Мы стали совершать челночные рейсы от Каунаса до Шяуляя. Расстояние между этими городами составляло по прямой около 130 километров. Но дороги, а особенно военные, никогда прямыми не бывают, так что путь в один конец составлял километров сто пятьдесят и более.

Про тот период я могу сказать так. Когда съездили раз-другой, появилась в автобате невеселая шутка: «Ну, что, завтра рейс в один конец!» Некоторые плевались, мол, не каркай раньше времени, но потери мы несли большие. Возили орудийные расчеты, пушки, боеприпасы, продовольствие. В общем, все, что требовалось на войне.

Путь от Каунаса до Шяуляя шел вдоль линии фронта. Если первую половину пути мы миновали, считай, по тыловым дорогам, то вторую половину — впритирку к передовой. Город Шяуляй считался важным стратегическим узлом обороны, и немцы предпринимали постоянные контратаки, стремясь предотвратить выход наших войск к Балтике. Там до побережья оставалось 100—120 километров. Официально Шяуляй был взят нашими войсками 27 июля 1944 года, но во второй половине августа немцы снова прорвались к городу, и бои там продолжались еще долго.

Не считая хозяйственных подразделений, в автобате были три автомобильные роты. Количество автомашин в ротах постоянно менялось и обычно составляло 15—20 единиц. Наша вторая рота состояла из двух взводов. Первым назначили командовать старшину Николая Егоровича Мороза. Я его уже хорошо знал и напросился к нему. Он меня взял, хотя имелись водители старше и опытнее. Мне в августе сорок четвертого всего восемнадцать лет было. Но технику я знал неплохо, и, кроме того (вот уж не думал!), пригодилось знание артиллерийского дела.

Ротным командиром был капитан Сулейкин Иван Прохорович. По виду совсем гражданский дядька, лет тридцати пяти. Полноватый, с залысинами, на командира совсем не похож. Он был призван весной и никак не мог привыкнуть к военной жизни. Человек был добродушный, нас, шоферов, всегда защищал. Он болел геморроем, в рейсах сильно страдал. Его порой оставляли заниматься ремонтом и хозяйственными делами, тогда нами командовал старшина Мороз. Оба хорошо знали все наши машины, быстро осваивали трофейные. Командир второго взвода, младший лейтенант Кущенко, окончил автомобильное училище, технику знал плоховато. Не стеснялся учиться у нас. Молодой, лет девятнадцати, но уже женатый.

Нас сразу предупредили: ребята, здесь русских не жалуют. У литовцев была сильная националистическая организация «Омакайтсе». Назвать ее фашистской? Прибалты обидятся. Для литовцев они сейчас герои. Но против нашей власти боролись и в нас стреляли. Это была одна опасность. И вторая — когда двигались вблизи линии фронта, приходилось держаться

особенно настороженно. Кроме обязательных авианалетов немцы предпринимали большие и мелкие контрудары. Особенно на подступах к Шяуляю. Со стороны своих укрепленных узлов Юрбаркас, Кельме, Куршенай. Если бы я по этому маршруту, а позже, от Вильнюса до Кенигсберга, не помотался, то, пожалуй, не рискнул бы себя фронтовиком называть. Вот где лиха хватили!

Избитую вдрызг полуторку мне заменили на американский грузовик «шевроле». Не в обиду нашей технике скажу: машина была хорошая. Сильный мотор, просторная теплая кабина, металлический кузов. Брала она тонны три груза. Мне достался «шевроле» только с задним ведущим мостом, а были и вездеходы с обоими ведущими мостами. Зато имелась лебедка самовытаскивания. Если в грязи засядешь, отмотаешь, сколько надо, троса, забьешь металлический костыль и сам себя вытаскиваешь. Можно было за дерево трос цеплять. В общем, удобная штука.

Обычно роту сопровождали два-три охранника. Да и сами водители имели карабины, гранаты, у некоторых — автоматы. На трассе примерно через каждые 50—70 километров стояли ремонтные точки. Обычный грузовик со сваркой, краном-стрелой, бригадой ремонтников. Они нам крепко помогали.

В первый рейс отправилось четырнадцать машин во главе с капитаном Сулейкиным. Кроме двух «студебеккеров» и двух «шевроле», шли ЗИС-5 и полуторки. Больше всего полуторок. Кроме груза, везли артиллеристов и четыре «сорокапятки» на прицепах. Получили паек на трое суток. Из расчета сутки туда — обратно и день на месте. Паек состоял из пары банок

тушенки, буханки хлеба и нескольких сухих брикетов пшенной и гороховой каши. Со мной вместе сидел молодой младший лейтенант — артиллерист.

— Сергей, — так он представился. Ну, а я ответил, что меня зовут Петр.

Младший лейтенант, только что из училища, недавно принял огневой взвод. В кобуре новенький пистолет, планшет, вещмешок с пайком. У меня — карабин и две гранаты РГ-42. Маршрут складывался так, что нам предстояло пересекать довольно широкую реку Невежис. Она текла с севера на юг и недалеко от Каунаса сливалась в одно русло двумя широкими рукавами. Можно было пересечь ее через понтонный мост в городе Кедайняй (60 километров от Каунаса), но, по слухам, переправу там сильно бомбили, и всегда скапливалась огромная очередь техники.

Мы схитрили и благополучно переправились здесь же под Каунасом. Все же места знакомые, мы знали, когда бывает меньше машин. Правда, дальнейшая дорога пролегала ближе к линии фронта, но зато мы избежали толкучки на переправе. А для нашего браташофера нет ничего рискованнее переправ. Скатились по бревенчатому настилу, и ходу! Торопились быстрее от моста съехать. На берегу воронка на воронке, разбитые машины, сгоревшие танки, раздутые трупы лошадей. Мой пассажир глянул на исковерканную трехдюймовую зенитку и только вздохнул. Ствол, как пруток, согнут, платформа в землю вмята, колес вообще не видно. Судя по всему, накрылся расчет.

Километров пять отъехали, «Юнкерсы-87» идут на высоте километра в сопровождении истребителей. Наверняка, бомбить переправу. Нас они не тронули.

А Сулейкин, проехав с километр, заспорили с Морозом: или дальше гнать, или срочно искать укрытие. «Гнать» — слишком громко сказано. При всем старании колонна могла выжать километров тридцать в час. «Студебеккерам» все нипочем, ЗИС-5, как брюхатые коровы, тащатся. Да и полуторки изношенные, тоже не разгонишь. Все машины загружены под завязку. Решили нырнуть в лес.

Позади, возле переправы, ухали взрывы. Вовремя проскочили! Вскоре «Юнкерсы», штук девять, снова появились над нами. Шли на свой аэродром в сопровождении «Мессершмиттов». Два «мессера» нас разглядели, ударили из пушек и пулеметов. Но в лесу попасть в цель не просто. Мы торопливо отбежали от машин, попрятались за деревьями, в промоинах. Грузовикам немного досталось: где кузов пробило, где шину. Первый день вроде благополучно закончился, без потерь. Но двигались все равно медленно. После короткого совещания Сулейкин настоял ехать ночью.

Это было не лучшее решение. Небо заволокло тучами, пошел дождь, грузовики начали буксовать. Вылезали, вытаскивали машины, а тех, кто засел капитально, вытягивали на буксире «студебеккеры». Водители, усталые (почти сутки за рулем), промокшие, реакция не та. «Студебеккер» рванул засевшую полуторку с такой силой, что у нее вылетел задний мост. Никогда не слышал, чтобы люди так ругались. Это старшина Мороз поливал в три этажа дождь, плохие дороги и начальство, которое гонит старые машины в темноте невесть куда.

В общем, неплохо начавшийся день закончился аварией. Часа три поспали кто где мог. Потом убе-

дились, что полуторку быстро не отремонтируешь, и раскидали груз на другие машины. Водителя оставили ждать ремонтников, а на колеса полуторок и ЗИС-5 Сулейкин приказал надеть цепи противоскольжения. Штука капризная и не слишком эффективная. К тому же большинство цепей были старые, ржавые. Уже через час, когда мы выталкивали одну из машин, цепь оборвалась и с маху хлестнула по руке моего младшего лейтенанта. Кости не перебило, но буквально за полчаса рука опухла, а лейтенант хоть и терпел, но покрылся от боли холодным потом. Лечили его, как обычно, спиртом.

Мы, кажется, совершили ошибку, переправившись через Невежис под Каунасом. Дело в том, что дальнейший маршрут пролегал слишком близко к линии фронта. Какое-то время двигались вдоль реки Дубисса. Дороги были забиты войсками, и хотя в небе появлялись наши истребители, немецкая авиация в покое нас не оставляла. Каждый час приходилось сворачивать в лес, пережидать налеты. Иногда не успевали и бежали, оставив машины на дороге.

Бомбардировщики нас не трогали. Зато часто налетали «Мессершмитты» и «Фокке-Вульфы» (их называли «фоккеры»). Гадостный для нас самолет! Темно-серый, похожий окраской на гадюку, с огромным крестом в белой окантовке через весь фюзеляж. Такие же кресты на крыльях, а на хвосте — свастика. Несла эта гадюка четыре 20-миллиметровые пушки и два пулемета. Сыпали на нас мелкие бомбы, но в основном стреляли по машинам из своих многочисленных стволов. Наши самолеты в воздухе постоянно не дежурили. Пролетит пара, а иногда одиночный

«Як» или «Лавочкин». Немцы обычно дожидались, когда небо чистое, и тогда проносились над колонной. Из-за плохой дороги, бывало, по сотне машин друг за другом шли.

Но вернусь к первому рейсу. Уже через несколько часов разворотило мотор нового «студебеккера» и тяжело ранило шофера. Потеря мощного трехосного вездехода («студебеккеров» было всего два) стала для нас ощутимой потерей, не говоря уже о раненом водителе. Снова перегружали ящики. Мой «шевроле» был загружен, как верблюд. Кроме меня, в кабине сидели два человека, а один стоял на крыле, наблюдая за воздухом. Новый налет сразу четырех «Фоке-Вульфов-190» оказался трагичным. Самолеты вымахнули двумя парами, выстилая перед собой полосу трассирующих пуль и снарядов. Кто нырнул под машину, кто бросился под обочину. ЗИС-5 загорелся, а через несколько минут взорвался, накрыв своими обломками и осколками боеприпасов второй «студебеккер». Шофер, Ваня Крикунов, мой дружок, отчаянный парень, нырнул в кабину и отогнал дымившийся «студебеккер» под деревья. Кроме этого, пулями и снарядами были повреждены еще два грузовика. Едва закончился налет, мы обнаружили, что четыре человека убиты и около десятка ранены. Спешно перевязывали раненых, отвозили их в лес, туда же перегоняли уцелевшие машины.

Иван Прохорович Сулейкин сильно нервничал. Для него груз и машины — святое дело. Он очень переживал за их потерю. А тут одна машина сгорела, одна сломанная в лесу торчит, а четыре повреждены. Про убитых и раненых, как всегда, говорили в последнюю

очередь. С ранеными вопрос решили быстро. Уговорили водителей, идущих порожняком, довезти их до медсанбата и переслали записку с просьбой выслать ремонтников.

Впрочем, на быструю помощь рассчитывать не приходилось. Срочно взялись за ремонт сами. Два грузовика кое-как залатали, сменили шины, а один ЗИС-5 и полуторка были разворочены слишком сильно. Снова перегружали и распределяли ящики по оставшимся десяти машинам. Похоронили погибших и, перекусив всухомятку, завалились спать. Когда стемнело, Сулейкин нас растолкал, и мы двинулись дальше. Под утро уткнулись в правый приток Невежиса. Он был узкий, но болотистые берега заставили саперов навести широкий понтонный мост и выложить подъезды бревнами. До Шяуляя оставалось километров тридцать, линия фронта совсем под носом, а машин и повозок с обеих сторон скопилось несколько сотен. Пропускали без очереди только санитарные машины, танки и машины с орудиями на прицепе.

Несмотря на зенитное прикрытие, мы отчетливо представляли, что здесь будет, когда станет светло. Кое-как протолкнули четыре наших грузовика с «сорокапятками», а оставшиеся шесть машин загнали в лес. Лесом это месиво воронок, сломанных или голых, без ветвей деревьев, было назвать трудно. О том, что укрытие ненадежное, свидетельствовало несколько сгоревших машин. Забросали ветками грузовики. Пока бродил вокруг, обнаружил пять или шесть полуразложившихся трупов. Глядя на объеденные хищниками тела, стало не по себе. Неужели нельзя было похоронить?

До переправы расстояние километра полтора. С утра понтонный мост принялись бомбить пикировщики «Ю-87». Батарея зениток и крупнокалиберные пулеметы открыли огонь. Я впервые увидел, как кувыркается с отбитым крылом немецкий самолет. Но переправу они разбили. Машины падали в воду с продырявленных понтонов, горели на подъезде. Их спешно растаскивали, а в воздухе появились наши истребители. Кружили парами и четверками, давая возможность саперам подогнать новые понтоны. Когда заканчивали настил, появились немецкие истребители, и началась свалка. По мосту успели проскочить несколько десятков машин, но немцы снова пустили в ход «Юнкерсы», и переправу разбомбили во второй раз.

Возле реки творилось что-то невообразимое. Столбы земли и обломков, водяные фонтаны пополам с грязью поднимались на десятки метров, а пелена дыма от горящих машин застилала все вокруг. Подбитый «Юнкерс-87» тянул над нами, его догнал «Як» и добил. Самолет с крестами рухнул метрах в трехстах. Самолеты разлетелись по аэродромам. Саперы снова наводили понтоны, которые тащили из заводей плоскодонные буксиры.

Сходили глянуть на «Юнкерс». Он лежал, переломившись на две части, с оторванным крылом. Пилота выбросило через разбитое стекло, а стрелок так и остался в горящей кабине, уткнувшись лицом в спаренный пулемет. Пилот был совсем молодой, лет двадцати, с сеточкой на голове, покрывающей светло-рыжие волосы. Как трофей нам достался пистолет и часы, которые продолжали ходить. Кто-то из водителей расшнуровал и забрал легкие кожаные ботинки.

— Тебе они, парень, не нужны, — словно оправдываясь, проговорил он. — А мне пригодятся.

Что запомнилось в тот день. Переправу разбивали раза четыре. Горели, падали и наши, и немецкие самолеты. Бомбы немцы бросали тяжелые, килограммов по пятьсот. Часто мазали, но даже близкое попадание «пятисотки» рвало и раскидывало понтоны вместе с машинами. Переброска войск и грузов не прекращалась ни на час. Сулейкин нервничал и рвался к мосту. Николай Мороз его удерживал. Остальные угрюмо ждали, чем закончится спор. Лезть под бомбы никому не хотелось. Но командиры понимали, что, если посидим в лесу еще полдня, нами обязательно заинтересуются комендантские патрули или особисты. А там и до трибунала за трусость недалеко.

Выбрав момент, когда в небе кружили наши «ястребки», мы проскочили эту проклятую переправу. Долго блудили в темноте, но все же нашли свою дивизию и лишь к утру сдали груз. Машины с «сорокапятками» пришли раньше нас, но их оказалось лишь две. Две другие вместе с частью расчетов и пушками были разбиты артиллерийским огнем. На подступах к Шяуляю немцы обстреливали дорогу из гаубиц — фронт был совсем рядом.

Таким образом, из четырнадцати грузовиков к месту назначения дошли всего восемь. Погибли одиннадцать человек, не говоря о раненых и контуженных. Некоторые цифры я, возможно, назвал неточно, но скажу, что из четырнадцати водителей трое погибли, а трое получили тяжелые ранения. Мы ходили мрачные. Это не перевозка, а мясорубка! Еще пара рейсов, и от роты ничего не останется.

За людские потери с капитана Сулейкина спросили

вскользь, сделали замечание, что пропало слишком много груза, но больше всего досталось за опоздание на сутки. Нас всех предупредили, что несвоевременная доставка грузов будет расцениваться как трусость. Сулейкина отчитывали без нас. Якобы обещали снять в следующий раз с должности, грозили еще какими-то карами. Говорят, капитан, много чего повидавший в жизни, в ответ выложил всё, что думает о рейсах под сплошными бомбежками.

— Сажайте за руль рядовым водителем, — громко возмущался он. — Испугали!

В конце нас все же похвалили и отправили назад. На этот раз мы возвращались по другой дороге, через Кедайняй. До армейского госпиталя в городе Кедайняй везли больше сотни раненых. Сухой паек мы уже смолотили, в Шяуляе нас не покормили. Мы и сами видели, что там творится, и спешили поскорее убраться. Долго искали госпиталь, а когда сгрузили раненых, ахнули! За несколько часов пути умерли человек двенадцать. Медсестра, сопровождавшая раненых, устало объяснила: увозили в первую очередь самых тяжелых.

— Их и там оставлять нельзя, и на машинах трясти опасно. Ладно, спасибо.

И пошла, покачиваясь от усталости, в своих кирзовых сапогах. А нам пришлось отстоять часа три в очереди на переправу. По дороге вышла из строя еще одна полуторка, и последние километры я тащил ее на буксире. Так закончился наш первый рейс.

Потом рейсы пошли один за другим. Пополняли роту машинами, нас кормили, наливали спирта,

давали часов пятнадцать выспаться. Специального помещения для отдыха водителей не было. Спали в основном в кабинах. Приводили в порядок вместе с ремонтниками машины и снова отправлялись в путь. Как сплошное колесо. Одна рота где-то в пути, другая только что прибыла и зализывает раны, гудит электросварка, а мы выезжаем в путь. Бои шли такие сильные, что прерывать снабжение нельзя было даже на полдня. Конечно, кроме нас, действовали и другие транспортные части. Очень много было конных обозов. Они двигались медленно, но у них имелось существенное преимущество перед нами: часть пути они могли двигаться через лес.

Взамен разбитых машин давали другие. Как правило, старье. Если получим на роту «студебеккер», считай, праздник. В основном шли старые ГАЗ-АА (полуторки) и ЗИС-5. Изредка трофейные машины: немецкие, французские, итальянские. С ними тоже хватало хлопот. Мы порой не знали, что в них заливать. Нальешь нашего обычного бензина, они не тянут. Хорошо разбавишь авиационным, идут неплохо, но греются. Поломка «иномарки» требовала особого ремонта. Если позволяла обстановка, то поврежденные машины тянули на прицепе и 20 и 30 километров до пункта ремонтников. Но если отечественные машины чаще всего восстанавливали, то «фиаты», «опель-блитцы», «рено» так и оставались на обочине. Не было запасных частей. Их быстро раскулачивали. Кто-то аккумулятор снял, шину открутил, инструменты выгреб. Но все это были мелочи. Обычная жизнь на войне. Перегруженные машины, налеты немецкой авиации, от которой мы наловчились удирать

уже с меньшими потерями. Однако люди продолжали гибнуть, горели или выходили из строя грузовики.

Как я уже говорил, основные потери мы несли от немецких истребителей, а на подъезде к Шяуляю — от артиллерийского и минометного огня. Поначалу потери были примерно такие. Допустим, выйдет 15 автомашин. До места назначения добирались 7—8. Две-три машины сгорали от вражеского огня, штук пять получали повреждения различной степени. Двух-трех человек за рейс теряли убитыми, пять-шесть получали ранения. Но это — поначалу. Потом мы приловчились и успевали выскакивать. Людские потери стали меньше. Из-за болотистых мест машины часто оставляли на дороге. Им, бедолагам, доставалось. Мы старались выбирать для поездок пасмурные дни, когда немцы не летали.

И еще скажу доброе слово о наших летчиках. Смелые ребята! Даже если один истребитель в воздухе появлялся, мы чувствовали себя уверенно. Я видел, как одиночка, не колеблясь, шел на пару немецких «мессеров» или два наших самолета вступали в бой с четырьмя «фоккерами». Каков был результат, мы, как правило, не видели. Самолеты взвивались вверх и сражались на высоте, удаляясь от нас. Гибли и наши летчики, но и фрицев сбивали.

Слова «боевое братство» звучат несколько возвышенно. Но это понятие я хорошо усвоил во время наших рейсов от Каунаса до Шяуляя. Дежурство возле зениток в Подмосковье было детской игрой по сравнению с рейсами, которые мы наматывали по территории Литвы. Зенитной защиты у нас не было. «Яки» и «Лавочкины» прилетали и улетали. Мы сно-

ва оставались один на один с немецкими самолетами. Единственная надежда — на собственное умение и друзей.

С моим земляком Ваней Крикуновым мы проехали не одну сотню километров. Третьим в нашей компании стал Вася Бессонов. Наш ровесник, тоже из села, только из Свердловской области. Вася уже потерял за годы войны старшего брата, дядьку и двух двоюродных братьев. Недавно забрали в армию младшего брата. Вася переживал за него и без конца повторял:

— Лишь бы не в пехоту... лишь бы не в пехоту.

На подступах к Шяуляю мы видели целые поля погибших и незахороненных бойцов. Все мы ругались, обвиняя начальство в равнодушии. Но шли такие сильные бои, что я подспудно понимал — до погибших не всегда доходили руки. Читая книги о войне, я не раз обращал внимание на то, что многие авторы изображали сорок четвертый год годом нашего победоносного наступления. Мол, шли бои, фашисты сопротивлялись, но мы их ломали и, громя деморализованные части, двигались вперед. Ура! Победа не за горами.

К сожалению, я видел другое. Жестокие бои, контратаки немцев, артобстрелы, а чертовы «мессеры» и «фоккеры» не оставляли нас в покое. Во время очередного рейса мы зевнули, понадеявшись на низкую облачность, и на колонну налетели «Мессершмитты». Две машины сгорели, а три других, в том числе мой «шевроле» и полуторка Вани Крикунова, получили сильные повреждения. Иван вез продукты и теплую одежду. Осколки бомб, 20-миллиметровые снаряды и пули изрешетили кузов, превратив груз в месиво кру-

пы, муки, подсолнечного масла, лохмотьев одежды и брезента.

Наши три поврежденных грузовика оставили в лесу до прибытия ремонтников, поручив нам похоронить погибших товарищей. Мы везли артиллерийские расчеты, погибли четыре человека. Один сгорел, превратившись в обугленный чурбак, размером с десятилетнего ребенка. Другого собирали по кускам. Завернули руки-ноги в шинель, связали веревкой и положили тяжелый, пропитанный кровью сверток в могилу. Молодому водителю сделалось плохо, начало тошнить. Мы управились вдвоем. Парень извинялся и объяснял:

— Я мальчишкой видел, как корову резали. Два дня наизнанку выворачивало. А тут люди... жуть какая!

Конечно, мы несли потери. Я считаю, большие. Но их нельзя было сравнить с тысячами погибших пехотинцев. На войне все относительно. Вез раненого офицера из тяжелого гаубичного дивизиона. Он вспоминал, какой сильный был обстрел. Пятнадцать или двадцать человек из дивизиона похоронили. А спустя несколько дней пехотинцы рассказывали, как после нескольких атак в роте из восьмидесяти бойцов осталось не больше десятка.

Ну, ладно. Вернусь к той ночи, когда мы, трое водителей, остались возле побитых машин и свежего могильного бугорка, обложенного лапником и с рулевым колесом. Вооружены мы были неплохо. Кроме штатных карабинов, у Вани Крикунова имелся трофейный автомат, у меня была ракетница. Возили с собой штук по пять гранат. Нарушив запрет, нацедили из пробитого бидона спирта, выпили раз, другой. Потом

показалось, кто-то подкрадывается. Начали пускать ракеты. А когда ракеты вниз падают, тени от деревьев словно люди бегут. Открыли огонь из карабинов и автомата. По нам в ответ начали стрелять с дороги, там ночью проходила колонна. Одну нашу машину изрешетили основательно, хорошо, хоть в нас не попали. Пока разбирались да ругались, ночь прошла. Не дожидаясь ремонтников, сами перебрали двигатель полуторки, починили мой американский «шевроле» и довезли груз до места.

А вот следующий рейс мне дважды за сутки чуть жизни не стоил. Капитана Сулейкина с нами в тот раз не было. Без него ротой всегда командовал старшина Мороз. Опытный, решительный мужик, но порой слишком напористый. Сулейкин, тот осторожнее, три раза оглядится и лишь затем вперед двинется. А Мороз — лихой старшина, хоть и в возрасте. Ехали быстро, вдруг впереди стрельба. Мы остановились. До Шяуляя оставалось недалеко, но и до передовой — с десяток километров. Уйти восточнее, глубже в тыл, нам мешала река Невежис. Шли по первому маршруту. Так мы называли переправу в Каунасе, а затем прямой путь до Шяуляя.

Остановились, увидели впереди танки, еще какую-то технику. Мы везли на прицепах четыре 37-миллиметровые зенитки с расчетами. Не для нашей защиты, а пополнять зенитные дивизионы на передовой. Николай Егорович все же молодец, приказал все четыре зенитки развернуть. Расчеты были неполные, меня тоже к одному орудию приставили. Вступили в бой противотанковые пушки. Танки и бронетранспортеры повернули в обход, считай, прямо на нас.

За деревьями мы друг друга плохо видели, но огонь открыли дружный. В основном лупили в белый свет, как в копейку. Немцы — в ответ. Одну пушку у нас вскоре заклинило, гильза в казеннике лопнула. Думаю, что немцы смяли бы колонну вместе с тремя оставшимися 37-миллиметровками, но в бой вступили другие части, и немцы отошли. А нам закатили снаряд под колеса зенитки, шагах в двадцати от меня. Оторвало оба колеса, опорную штангу и сплющило ствол. Снаряд оказался фугасный, поэтому расчету, можно сказать, повезло. Троих ранило, остальных помяло взрывной волной. До нас осколки не долетели. А временный командир батареи, из молодых лейтенантов, бегает, за голову хватается:

— Меня же под суд отдадут! Из четырех зениток всего две осталось.

Мороз пообещал объяснить ситуацию артиллерийскому начальству, а гильзу я помог из казенника выбить. У нас такие вещи иногда случались под Москвой, и я наловчился вышибать лопнувшие гильзы. Пошли глянуть на результаты нашей пальбы. Все же не меньше сотни снарядов выпустили. Возле подбитого немецкого танка уже толкались бойцы, еще один танк дымил в стороне. Подбили явно не мы. Тяжелые Т-4 были не под силу нашим малокалиберным пушкам. Но кто знает, может, мы отчаянной стрельбой отогнали другие танки, спасли себя и машины.

Командиру батареи за разбитую зенитку ничего не было. Даже похвалили за решительность, а я в тот день снова в переплет попал. Куда более опасный. Когда переправлялись через Невежис, началась бомбежка. Взорвавшаяся бомба перебила понтонный

мост. Одну машину разнесло, другие успели отъехать, а мой «шевроле», вместе с вклинившейся лошадиной повозкой, остались болтаться на половинке понтонного моста. Если бы течение было посильней, нас бы сбросило в воду. Но мутная вода текла медленно, и мы торчали с пожилым ездовым на нескольких понтонах и куске дощатого настила.

Ездовой, недолго думая, распряг лошадь, снял сапоги, штаны и посоветовал мне не мешкать. Столкнул в воду лошадь, спрыгнул сам, и через пять минут оба выбирались на берег. Последовать его примеру я не мог. Одно дело — подвода с фуражом и мукой, и другое — трехтонка, загруженная снарядами и патронами. Я смотрел то на небо, то на берег. Неизвестно, чего ожидал. То ли чуда, то ли нового налета. Саперы копошились, натягивая тросы, работы им было на час, не меньше. А я каждую минуту считал.

Помогли ребята. Мороз с Бессоновым подогнали на край настила «студебеккер», саперы подали трос, и машина с ревом потянула на полной мощности кусок моста. Саперы подталкивали баграми понтоны, а я продолжал считать минуты. Наконец подтянули мой плавучий гроб к настилу. Метра два не хватает, начали таскать бревна, доски. Выбрался я из ловушки. Понеслись догонять колонну, а на переправу уже снова пикируют «Юнкерсы». Это приключение мне так просто не прошло. Тело покрылось пятнами, глаза сделались красными, как у вурдалака. Врач в санбате объяснил, что в глазных яблоках из-за сильного напряжения и взрывной волны полопались мелкие сосуды. Я испугался не на шутку, что ослепну. Мне сделали сильные уколы, чтобы снизить давление. Вася

Бессонов принес фляжку водки, но ее успела перехватить медсестра:

— Ты, что, дурак? Давление поднимется, вообще твой дружок ослепнет.

Сестра была так себе, рябая, не слишком видная, да и постарше нас. Но Вася к ней подклеился, договорился вечером встретиться и выпить водку вместе. В общем, мне досталась банка тушенки, а Вася вечером сходил на свидание. Вроде удачно. Я попробовал тоже подкатиться к сестре, но та оказалась слишком разборчивой.

— Худой ты сильно. Да и глаза могут не выдержать.

— Чего не выдержать? — напирал я, обнимая медсестру за талию.

— Того самого! — засмеялась она и пошла по своим делам.

А вечером я видел ее уже с лейтенантом-танкистом. Война войной, а жизнь не останавливалась. Молодые мы были. И ребята, и девушки друг к другу тянулись. Кровь играла.

В санбате я провел недели полторы. Спали на нарах в больших палатках. Стоял август, по ночам было уже холодно. Даже не так холодно, как сыро. Утром, кто первый просыпался, хлопнет по брезенту кулаком, а с наружной стороны стенок — вода ручьями. Капала и на лица спящих. Кто начинал ругаться, кто еще плотнее заворачивался в одеяло. Торопились отоспаться.

Потом приходили медсестры. Кому температуру мерить, кому — укол или таблетки. Считалось, что в санбате лежат легкораненые. Но выпрашивали

разрешение и те, кто получал довольно тяжелое ранение, но хотел остаться в своем подразделении. Из госпиталя неизвестно куда пошлют. Кормили хорошо. В округе хватало молочных ферм. Утром вместе с кашей и маслом давали горячее какао, которое я до войны даже не пробовал. Кашу молочную часто готовили. На обед всегда кусок мяса или котлету. Так что не бедствовали.

Правда, залеживаться не давали. Поджили немного раны — и в строй. Здесь познакомился с хорошими ребятами. Рядом со мной лежал Гриша Холмогорцев. Он был из пехоты, воевал больше года. Был два или три раза ранен. Гриша, наоборот, в госпиталь рвался. Но его очень долго доставляли в медсанбат. Пока лечился в санроте да ждал транспорта, привезли, а у него рана на ноге уже затягиваться стала.

Он старательно хромал, каждое утро жаловался врачу, но делал это со смехом, прибаутками, и его жалобы воспринимали не серьезно, обещали скоро выписать. Рассказал про свою жизнь. Гриша был родом из-под Рязани. С лета сорок второго у него числился пропавшим без вести отец. Сам Гриша был пулеметчиком, имел на погонах две нашивки — младший сержант. Рассказывал, что положил из «дегтярева» десятка три немцев. Новички недоверчиво спрашивали:

— А чего ж тебя не наградили? Врешь, наверное?

— Мне до медали шесть штук фрицев не хватило, — рассудительно отвечал Гриша. — Медаль за тридцать пять фашистов дают.

— Ну и соврал бы!

— За вранье под суд можно попасть, — не менее серьезно замечал Холмогорцев.

— Хе! Брешешь, Григорий. Сколько ж тогда на орден фрицев наколотить надо?

— Семьдесят семь.

— А на Героя? — веселились новички.

— Триста штук ровно. А вообще, награждают кого в первую очередь, знаете?

— Танкистов, истребителей танков... — начинала перечислять молодежь.

— Правильно. Затем писарей в штабе, ППЖ, телефонисток, которые команды четко понимают. Ей командуют «Ложись!», а она тут как тут — на спину. Пожалуйста, медаль «За половые заслуги».

— Язык у тебя без костей, Гришка, — бурчали кто постарше.

Но с Холмогорцевым соглашались. Медали, а особенно ордена, солдатам давали редко. У нас в палатке лежало больше двадцати человек. И артиллеристы, и минометчики, про пехоту уже не говорю. А орден Красной Звезды имел лишь один разведчик. По-моему, у двоих имелись медали. Вот и все. Зато я своими глазами видел парня с пятью ленточками за ранения. Я его сразу зауважал, угощал махоркой. Звали его Леня, а фамилию забыл. Воевал он два с лишним года. Говорил так:

— Если бы не великое везение, лежал бы я давно в земле. Госпиталя от смерти спасали.

Пробивали Леонида из пулемета, осколками мин и снарядов. Лечился, снова шел на передовую, и снова попадал в санбаты и госпитали. К медалям представляли раза три, но так как после госпиталя его направляли в другие части, наградные листы терялись или где-то блуждали. Про награды я упомянул потому, что разговор зашел. А так обсуждали другие темы. На

войне взрослеют быстро. Я на фронт, прямо скажем, пентюхом уходил. Хотя два с половиной года с техникой работал.

Читал мало, дальше райцентра нигде не был, слушал, что по радио долбили да в газетах пишут. Нет, свое время я не ругаю. Много хорошего было. Но здесь, на войне, я за считаные месяцы повзрослел. Слушал вполголоса разговоры про аккуратные литовские хутора, коровники, чище многих русских дворов. Про нашу нищету говорили, про палочки-трудодни вместо зарплаты. Электричество в редких деревнях тогда было. Из нас, бойцов, на фронте две трети — бывшие колхозники. Шли непонятные разговоры, что после войны жизнь другая будет. Какая именно, никто объяснить не мог. Просто лучше. Я честно скажу, что работали до войны в колхозе абы как. Через пень-колоду. Подневольный труд никогда продуктивным не бывает. Ну, а сейчас, когда колхозов нет, лучше, что ли, в селе стало? Смотрю и сравниваю. Было плохо, а стало еще хуже. Но так или иначе, послевоенную жизнь многие представляли по-другому. Фашиста доламываем, такую силу гнем, неужели опять в грязь и навоз по колено вернемся? Ну, ладно, это всё рассуждения.

Видел в санбате двух самострелов. Они вместе с нами лежали. Один, боец лет тридцати, второй раз руку себе простреливал. Как ни хитрили эти ребята, врачи по каким-то признакам их быстро вычисляли. И скажу еще. Самострелов больше было. Но некоторые врачи скрывали сомнительные случаи. Может, жалели нас, дураков, кому — восемнадцать, кому — двадцать лет.

Тот, который два раза стрелялся, был настроен почти весело. Уже покаялся перед следователем и рассчитывал на штрафную роту. Второй мужичок, тоже лет двадцать пять — двадцать шесть, очень трибунала боялся. Видать по всему, хитрый по жизни. До сорок четвертого умудрился в тылу пробыть, двух детей имел. А руку себе прострелил так. Подобрал трофейный пистолет, набил котелок тряпками и шарахнул во время бомбежки в правую руку. Хотел навылет мякоть пробить, а пуля в кости застряла. Врачи достали пулю. Сразу вопрос: что, немцы сверху из пистолетов или автоматов стреляют? Пуля-то системы «парабеллум» — 9 миллиметров.

Отношение к самострелам было злое и презрительное. Значит, мы воюем, гибнем, а вы в кусты? В санбате под дурака косить! Иногда нормально разговаривали, а когда подопьют ребята, начинают материться.

— Ах, вы такие-сякие! Дохитрились, теперь от своих пулю получите.

— Могилы-то сами себе копать будете, — говорил кто-нибудь из наиболее обозленных.

Проскальзывало и сочувствие. Харчи самострелы получали, как и остальные. Ко мне ребята из роты пару раз заезжали. У водителей, не то что у пехоты, была возможность «подзаработать» при перевозке. Интенданты к нам неплохо относились, чтобы груз не «растрясли». Помню, спирта, хлеба, селедки мне привезли. Поделил человек на пять, с кем поближе общался. Налил граммов пятьдесят самострелу с немецкой пулей. Выпил, поблагодарил меня. Уже после я узнал, что того, который второй раз попался, — расстреляли, а другого в штрафную роту отправили.

Когда к себе вернулся, ребята мне статью в газете показывают. Смысл такой. При бомбежке водитель Красюков Петр Константинович оказался на разбитом мосту. Не бросил машину с военным грузом, а когда появился вражеский самолет, обстрелял его из винтовки. Брехни там много было. Но главное в том, что, описывая «нелегкий и опасный труд шоферов», упомянули целую кучу фамилий: капитана Сулейкина, лейтенанта Кущенко, рядового Бессонова, Крикунова, еще кого-то, а Николая Егоровича Мороза, нашего ветерана, забыли. Корреспондент намекал про награды, еще раз обозвал меня «смелым бойцом», а старшина Мороз разозлился. Я оправдывался, что в глаза корреспондента не видел, но Мороз обозвал меня хвастливым сопляком и два дня со мной не разговаривал. Потом отношения наладились. Понял старшина — я ни при чем. Долго обещанную награду ждал, но так и не дождался. Позже медаль «За боевые заслуги» получил, но уже за другие дела.

Снова начались рейсы. Вспоминаю разные эпизоды. Однажды нас обстреляли из винтовок и автоматов. Мы уже возвращались. Ехали по лесной дороге к городу Кедайняй. Вдруг треск очередей, выстрелы, крики. Наши ребята, опытные, мгновенно выскочили, и давай в ответ из карабинов и автоматов садить. Я тридцать пять патронов выпустил: пять штук в обойме и тридцать в подсумке. Затем по команде старшины Мороза стали бросать гранаты и побежали, стреляя на ходу. Мороз ругался на чем свет стоит:

— Щас я вас, блядей...

Добежали, нашли стреляные гильзы, пятна крови — значит, кого-то зацепили. Постреляли еще в сторону зарослей. Вернулись на дорогу, а лейтенант Гена Кущенко сидит в кабине и улыбается. Водитель на корточки присел, лицо руками обхватил, стонет, кровью плюется. Пуля обе щеки пробила.

К лейтенанту подошли, он не улыбается, а скалится. Мертвый сидит. В висок попало, фуражка сдвинулась, раны не видно, только тонкая нитка крови к шее тянется. Хороший парень был. Спокойный, незаметный. Никогда голос не повышал. Училище окончил, но в машинах лишь на фронте стал разбираться. Лет в восемнадцать женился, уже во время войны, письма от жены ждал. Она ему часто писала. Планы строили, как жить после войны будут, а тут эта пуля.

Видимо, стреляли в нас юнцы из «Онакайтсе». Больше ни в кого не попали, только машины слегка издырявили. Немцы, те бы нас из засады крепко пощипали, они оружием хорошо владели. Завернули лейтенанта в плащ-палатку и погрузили в кузов, где еще двое умерших в пути раненых лежали. Решили похоронить по-людски, в гробу, памятник поставить. Похоронили на окраине Каунаса. Давно уже нет той могилы. Если и сохранилась до девяностых годов, то литовцы с землей сровняли. Мы же для них оккупанты были, так они сейчас говорят.

Вскоре накрылся мой американский «шевроле». Месяца два мне верой и правдой служил, хорошая машина была. Под Шяуляем попали под минометный обстрел. Я успел, выпрыгнул, отбежал, и тут — взрыв. За ним другой, третий. Отлежался я в канаве, а когда обстрел кончился, увидел, что грузовик набок пере-

косило. Колесо выбило, капот, радиатор — в дырках. Временно поездил на полуторке, а потом дали мне «студебеккер». Три ведущих оси, военная машина! «Король дорог» — так их называли.

Вскоре закончились бои под Шяуляем, и нас отправили на переформировку. Недели две под Каунасом отдыхали. Единственная радость — что выспались досыта, других удовольствий не было. Кормили по тыловым нормам: капуста с морской соленой рыбой или рыба с капустой. Ходили на огороды, рыли картошку. Отлучаться из части строжайше запрещалось. Ходили слухи, то в одном, то в другом месте боец пропал. Мы однажды тоже чуть не вляпались.

Копали картошку. Двое — копают, один на стреме стоит. Увлеклись, не заметили, как подошли трое гражданских парней. В длинных куртках, полупальто, а под одеждой — явно оружие. У нас карабины в сторонке лежат. Неизвестно, чем бы кончилось, но Ваня Крикунов тут как тут, с карабином наготове. Посмотрели друг на друга, прикинули. Если начнется драка, мало кто в живых останется.

— Идите, — махнул я им рукой.

— Чего вы чужую картошку воруете? — с акцентом спросил один из них.

— Можем и расплатиться.

Деньги у меня имелись. Только в карман полез, те трое напряглись, того и гляди, за оружие схватятся.

— Не надо. Потом заплатите...

Сказал с намеком. Мол, не только за картошку расплатитесь. Попятились и, не поворачиваясь к нам спинами, ушли. Мы собрали картошку и бегом в часть. По дороге обсудили, правильно ли поступи-

ли. Может, надо было стрелять? А вдруг у парней оружия не было? Угодили бы за убийство под трибунал. Больше на поля не ходили. Ели, что дают. Тем более формирование вскоре закончилась, и мы двинулись к новому месту назначения.

Войска 3-го Белорусского фронта наносили мощные удары по направлению к Балтике. Наш автобат базировался под Вильнюсом. Это юго-восточнее Каунаса. Начиная с ноября мы перебрасывали новое вооружение, боеприпасы, людей к линии фронта, которая все ближе придвигалась к Балтике. Немцы сопротивлялись отчаянно. В ряде мест наши войска уже вышли к побережью в первой половине октября, но это было севернее.

Первые рейсы были протяженностью также около 150 километров в один конец. Что изменилось за это время? В автобате стало больше «студебеккеров» и трофейных машин. Мы чаще возили технику: противотанковые и легкие зенитные пушки, загружались снарядами для танков. В небе стало больше наших самолетов. Потери людей и техники стали меньше. Я видел поединки наших и немецких истребителей. Шли они на большой высоте, трудно было понять, где чей самолет, но вот когда сбитые истребители падали, тут уже становилось ясно, кто победил. С горечью смотрели, как взрываются наши самолеты, и радовались, когда кувыркался вниз «Мессершмитт».

Меня потом часто спрашивали, кого больше сбивали: наших или немцев? Точно сказать не могу. Потери несли обе стороны. Но я бы не стал повторять газетные штампы, что «сталинские соколы везде громят

фашистских стервятников». Летчиков мы уважали и любили. И дрались наши ребята храбро. Я видел, как не захотел выходить из боя подбитый «Як». Молодец, не бросил своих, а потом потянул на восток.

Никакого «рыцарства» в воздухе не было и в помине. Если наш летчик выпрыгнул и раскрыл парашют слишком рано, его старались расстрелять немецкие самолеты. Мы с земли пару раз били из карабинов и автоматов по немецким пилотам. Конечно, предпочли бы взять какого-нибудь аса в плен, но места вокруг лесистые, да еще ветер тащит фашиста. Вот мы и торопились добить их, чтобы снова не вернулись к своим. Тем более — Прибалтика. Они могли рассчитывать на помощь со стороны латышей.

Стало опаснее подвозить грузы непосредственно к линии фронта. От нас требовали сгружать всё едва не в траншеи. От этого несли потери. Помню, новенький «студебеккер» разбили из пушки в двухстах метрах от траншеи. Попробуй, поспорь, когда к тебе подбегает ошалевший от грохота боя офицер в ватнике, с пистолетом в руке, и начинает командовать! Многие выпивши, тех вообще не убедишь. Николай Мороз, которому присвоили «младшего лейтенанта», как-то уперся и не захотел подгонять машины на открытое место. Капитан в него из «вальтера» чуть не в упор шарахнул, только жесть на крыше зазвенела. Хорошо, что промазал, а может, просто решил пугнуть. Мороз, мужик с характером, в секунду вышиб пистолет, завязалась свара, но прибежало начальство и навело порядок.

В другой раз вступили в бой с немецкой разведкой или передовым отрядом. Дрались не на шутку.

У немцев было два легких бронетранспортера и два вездехода-амфибии. Бронетранспортер хоть и считается легким, но пулемет у него тяжелый. Штук пять головных машин изрешетили, сожгли. Нам повезло, что рота двигалась в усиленном составе. Саперы перегоняли американские бронетранспортеры с пулеметами «браунинг», калибра 12,7 миллиметра. Открыли ответный огонь, минометные расчеты выскочили. Быстро собрали пару минометов. Мы им ящики кидаем, они тут же ведут огонь.

Николай Мороз собрал группу человек двенадцать и побежали во фланг. Некоторые ребята боялись. Ложились, ничем не поднимешь. Кого-то подняли, а один как влез в яму и, не обращая внимания на грязь, лед, так и остался там до конца боя. Страх полностью сковал. Эта возня нам дорого обошлась. Двоих ребят из пулемета срезало, как косой. Только клочья из телогреек летели. В нескольких шагах от меня свалились. Считай, уже мертвые, изрешечены, а пытались подняться, бежать.

В этом бою я точно одного немца уложил. Бросил две гранаты. Фриц прямо на них выскочил. Одна граната взорвалась, а вторая почему-то нет. Но ему хватило. Отбросило, как тряпичную куклу, а я автоматом разжился. Прежнее трофейное оружие у нас на переформировке отобрали. Забежали во фланг. Я немного припоздал, пока запасные магазины собирал. Когда подбегал к своим, мина почти под ногами взорвалась. Я так понял, что наша. Минометчики лупили не глядя. Такое в войну случалось. Второй, третий взрыв. Мы проскочили зону огня, оставив позади труп нашего шофера.

Немецкий вездеход-амфибия через грязь мимо нас ехал. Мы по нему все стреляли, в кого-то попали, но водитель попался опытный. Прорвался сквозь огонь. Бой понемногу затих. Когда возвращались, увидели убитого водителя с оторванной ногой. Карабин в щепки, и телогрейка разорвана в клочья. Принесли брезент, завернули труп и понесли к машинам. По дороге попался немец. Подраненный, хотел руки поднять. Не успел. Вася Бессонов его из автомата застрелил. И еще кто-то для верности в мертвеца пальнул. Обозленные все были. Сопли размазывать про милосердие и гуманность в такой ситуации бесполезно.

Похоронили своих погибших и дальше ходу. Поврежденные машины частично на буксир взяли, а две оставили, потому что неясно: или наступление немецкое, или разведка. Надо быстрее груз везти. За этот бой несколько человек представили к наградам: капитана Сулейкина, старшину Мороза, Ваню Крикунова, еще кого-то и меня. Мы получили медали, а капитан Сулейкин орден Красной Звезды. Иван Прохорович Сулейкин очень гордился орденом. Он его давно заслужил. Больной, простуженный. Отлежит в санбате дня три-четыре и снова в строй. Я командира автобата только издалека видел. Гордый был, на уровне командира полка себя считал. Пару орденов и медали имел, хотя в рейсах к передовой я его не видел. Впрочем, может, это и не его обязанность.

Зима в Прибалтике сырая и слякотная. Погода менялась едва не каждый день. Туман, дождь со снегом, то вдруг задует холодный ветер, и начинает подмораживать. Однажды понадеялись на толстый лед и

врюхались по пояс в грязь. Сразу несколько машин на мосты сели. Меня тоже другой «студебеккер» вытаскивал. Потом я ЗИСы и полуторки тащил. Подкладывали стволы деревьев, охапки веток. Ветер, мелкая пурга, лед разбивали ломами, кирками. Впрягли два «студебеккера», вытащили тяжеленную машину. Сулейкин скомандовал:

— А ну, разгружай!

Разгрузили часть ящиков, выдернули одну машину, потом вторую и третью. Где бы согреться? Стали просить спирт. А капитан сумел вскипятить чаю и заставил нас горячий чай со сгущенкой пить.

— После спирта заснете! Когда приедем, тогда получите по стакану.

Капитан был прав. Мы и без спирта засыпали за рулем. Одну машину сожгли, когда в подмерзшем радиаторе пытались лед растопить. Карбюратор переполненный, мотор, как пыхнул, водителю лицо опалило, огонь столбом. Успели сбросить сколько-то ящиков сверху, а остальные сгорели. Патроны трещали так, словно бой идет.

13 января началось наступление войск 3-го Белорусского фронта в направлении на Кенигсберг, мощный оборонительный узел. Немецкие войска, авиация, сосредоточенные там, контролировали Данцигскую бухту, залив Куриш-Гай с морскими базами. Наши части двигались вперед, а следом — мы. К концу января передовые полки нашего фронта вышли к побережью. Дорога в один конец уже достигала двести километров. Нашлись грамотные люди, организовали пункты питания. Кормили хорошо, пшенка или гречка с мясом, горячий чай. Правда, посидеть в

тепле долго не давали. Уже ждали своей очереди следующие ребята.

Намерзся и намок я за последнюю военную зиму, как никогда в жизни. В марте заболел воспалением легких, температура под сорок. Месяц пролежал в госпитале. Выписали с затемнением в легких. Но все же войну закончил. Где-то под Гамбургом победу праздновали.

А для меня вскоре тяжелые времена настали. В октябре сорок пятого года почувствовал себя плохо. Положили в госпиталь в Вильнюсе. Туберкулез! Подлечили, демобилизовали как инвалида второй группы и отправили в санаторий под Ялту. Вроде ничего стал себя чувствовать, поехал в город Шахты к старшей сестре Шуре. Тут меня так прижало, что 13 месяцев пролежал в Ростовском тубдиспансере. Вышел худой, как скелет, вес — 52 килограмма. Умные люди подсказали съездить в Москву, обратиться в Управление инвалидов войны. Может, оно по-другому называлось, но не в этом дело. Там меня спасли, хотя я дошел уже до точки. Сразу направили в госпиталь в Подольск. Вот где я последствия войны увидел! Очень много молодых ребят-фронтовиков с туберкулезом лежали. Лечили и кормили хорошо. Шесть месяцев в госпитале, затем два месяца в санатории на море. Месяца четыре у сестры покантуюсь (я получал пенсию по инвалидности, все деньги ей отдавал) — и снова в Москву.

Тут еще менингит привязался, и лечился я пять лет подряд. Считался уже безнадежным. Если бы такое отношение, как в современных больницах, давно бы умер. Но тогда все было по-другому. Заботились

о нас, даже меню по заказу составляли. Медсестры с ложечек кормили.

— Ну, съешь еще один пельмешек!

Сейчас кое-кому смешным покажется, но я говорю правду. Помню, лежал в разных госпиталях: в Калинине, Новозыбкове, еще где-то. Очень хотел выжить. Рано утром ходил пешком: сто, триста, пятьсот шагов. Половинками кирпича как гантелями занимался. Врачам, медсестрам, санитаркам благодарен на всю жизнь. Понемногу оклемался и к 1953 году стал на человека похож. До 1960 года был на инвалидности, затем тридцать лет работал на Волгоградском керамическом заводе.

Жена, Валентина Григорьевна, рядом со мной. Дети, внуки. Будем жить!

ОТ ВОЛЖСКИХ ПЕРЕПРАВ ДО ВИСЛЫ

Волга возле поселка Светлый Яр шириной больше двух километров. Жутковато, когда посреди реки сваливается в пике с воем сирены «Юнкерс-87». Бьешь из пулемета, трассы в брюхо ему упираются, а немец открывает огонь, и кажется, все пули в тебя летят. Сбить бронированный «Ю-87» было трудно.

Гордеев А.П.

★ *С Александром Прокофьевичем Гордеевым мы познакомились еще в семидесятых годах в Котельниковском районе, куда часто выезжали на охоту. Осенью на уток, а зимой на кабана и зайцев.*

Небольшого роста, худощавый, быстрый в движениях, он работал водителем. В нашу охотничью компанию вписался быстро и легко, несмотря на разницу в возрасте. Иногда мы ночевали в его доме, познакомились с женой и уже взрослыми детьми. Зная, что он фронтовик, я часто беседовал с ним, расспрашивая о войне. Из этих бесед и родился его немудреный рассказ, в котором я постарался сохранить все мелочи, показав войну глазами простого сталинградского паренька с нелегкой и интересной судьбой.

Родился я 27 ноября 1924 года в Сталинграде. Жили мы, можно сказать, в центре. Если считать центром огромный, поросший деревьями и кустарником овраг, по дну которого текла речка Царица. Этот овраг упирался одним склоном в Дар-Гору, а другой — в центральную часть города. Расстояние до железнодорожного вокзала составляло примерно километр, а до Волги полтора.

Место было такое: большие бугры, обрывы, овражные отроги. Ничего серьезного там не строили. Лепились многочисленные домишки. Несколько штук из них, подновленные, сохранились до настоящего времени, а тогда домов было много, в основном саманные, низкие. Власти сильно к нам не лезли. В овраг ни одна машина не пройдет, а начальство, как известно, всегда предпочитает ездить на машинах. Короткие улочки, домов по десять-пятнадцать, громоздились на глиняных гребнях, на откосах оврагов. Некоторые дома торчали, как отдельные хуторки, рядом ничего невозможно было построить.

Кому как, а мне место нравилось. Хотя маме и отцу приходилось добираться до работы довольно далеко. Конечно, пешком, общественного транспорта поблизости не было. Отец работал на автобазе, мама — в швейной мастерской. Большая наша семья (отец, мать, бабка и четверо детей) имела свой саманный домик, который года через три после постройки умудрился осесть одним углом на полметра в почву. Отчего пол был с наклоном, как на корабле. Но мы к этому быстро привыкли. Что сделаешь? Оползневая зона — так это называется по-научному.

Перед войной целая улочка сползла в овраг. Понаехало пожарных машин, много милиции. Из-под

обломков извлекали раненых и задавленных людей. Этот случай вспоминали долго. Люди, лишившиеся жилья, лепили новые дома, здесь же неподалеку. Ходили по оврагу, собирали старые доски (большой дефицит), спиливали сухие деревья. Ничего, построились.

Для нас, пацанов, огромный овраг, речка Царица, протекавшая среди кустарника, и небольшой лесок, были своим миром. Кусочек природы посреди большого города. Здесь мы ловили рыбу (в основном мелочовку), путешествовали вниз до Волги и считали, что лучшего места в Сталинграде нет. Семья наша жила, в общем, неплохо. Две зарплаты — большое дело! Плюс огород на склоне. Каждую весну и осень его приходилось укреплять кольями, чтобы после дождей не ползла земля. Зато собирали хорошие урожаи картошки, помидоров, огурцов, баклажанов. Росли яблони, груши, вишня и кусты смородины.

В огороде в основном копалась бабка, привлекая для тяжелых работ и прополки старших детей, то бишь меня с братом. Мы работали неохотно. Бабке больше помогали наши сестренки-соплюшки, Даша и Таня. В школе я учился так-сяк. Когда можно, пропускал занятия. Но семь классов благополучно закончил. В пятнадцать лет поступил работать в небольшую мастерскую по ремонту бытовой техники, где освоил до войны специальность слесаря.

Описывать начало войны не буду. Все происходило, как и по всей стране. Женщины с плачем провожали мужей. Молодежь стояла в очередях в военкоматы. Торопились попасть на войну, которая, по нашим понятиям, должна была закончиться скорой победой. Невнятные сообщения с фронта в первые недели со-

рок первого года было трудно понять. То ли Красная Армия бьет немцев, то ли немцы теснят (конечно, не гонят!) наши войска. Захват Минска 28 июня дал понять многим, что война идет не так, как показывали в фильмах «Если завтра война», «Первый удар» и так далее.

В сентябре фашисты заняли Киев. Мы не могли знать в полной мере трагедию полков и дивизий, попавших в окружение, погибших, взятых в плен красноармейцев и командиров. Скажи тогда, что количество наших пленных исчисляется сотнями тысяч, никто бы не поверил. Да и сказать такое никто бы не посмел. Просто мы окончательно поняли, что война — это серьезно и надолго. Я тоже повадился ходить в военкомат, откуда меня выпроваживали — не подошел еще возраст. Потом в нашей семье произошли события, после которых отец и мать поговорили со мной как со взрослым и запретили даже приближаться к военкомату.

Мой брат Леонид, на два года старше меня, был призван в июле и вскоре погиб под Смоленском. Мать неделю не могла прийти в себя, сразу постарела лет на десять. Вот тогда и состоялся разговор насчет военкомата. В начале октября сорок первого года забрали в армию отца. Мы получили от него короткое письмо, из которого поняли, что он служит по специальности, шофером. Успокаивал нас, что находится в тылу. Мама, никогда не ходившая в церковь, пошла с младшими сестренками молиться за отца.

Но, видимо, Бог не слишком расслышал ее слезы, что погиб сын и пусть он сохранит отца. Профессия шофера оказалась совсем не тыловой. Писем больше

не было. Вплоть до нашего отъезда из Сталинграда мама посылала запросы во все инстанции и лишь в апреле мы получили ответ, что отец пропал без вести. Забегая вперед, скажу, что больше мы ничего о судьбе отца не узнали. Он исчез, растворился без следа в страшной мясорубке сорок первого года.

Известие об отце мама восприняла уже более спокойно. В апреле сильно простудилась младшая из сестренок, Таня. У нее началось воспаление легких. Мама, обычно терпеливая и совсем не пробивная, изменилась. Чудом сумела выбить больничный лист у себя на фабрике. Это было очень нелегко, учитывая, что швейники выполняли военные заказы и работали по 12—14 часов. Мама приносила сестренке мед, сливочное масло, молоко. На что все это покупалось или менялось, не знаю. К нам ходил знакомый врач, с которым мама тоже как-то расплачивалась. В общем, сестренка, пролежавшая в горячке две недели, выжила только благодаря маме. Ну и, конечно, бабке, которая готовила еду для всей семьи.

Разгром немецких войск под Москвой поднял настроение людей. Но немцы быстро оправились, наносили ответные удары, снова вели наступление. В конце апреля сорок второго года сильно бомбили район Тракторного завода, километрах в пятнадцати от нас. Взрывы были хорошо слышны, а над северной частью города стояло зарево. Бомбежки продолжались в мае, июне, хотя не скажу, что город сильно пострадал. Немцы бомбили военные предприятия и сбрасывали мины в Волгу. Кроме того, тяжкое впечатление оставило поражение наших войск под Харьковом. По

слухам, там попали в окружение и погибли сотни тысяч наших бойцов. Именно в это время мама и бабка приняли решение покинуть город.

Первый секретарь обкома Чуянов призывал население быть мужественным и продолжать трудиться для фронта. Мама думала лишь об одном: как спасти нас, троих детей. Мне было уже семнадцать, но для нее я тоже оставался ребенком. У нас имелась родня в маленькой деревеньке в Астраханской области, километрах в ста от Сталинграда. Мама и бабка решили переехать туда.

В то время уволиться с предприятия было почти невозможно. Мама как-то сумела, сославшись на больных детей. Мастерская, в которой я работал, тоже в основном выполняла военные заказы. Делали алюминиевые кружки, котелки, пряжки для ремней. Директор не хотел меня отпускать. По-моему, мама уладила этот вопрос с помощью спирта. Отнесла директору литр, и все решилось. Помогло и то, что я был несовершеннолетний.

Мы покинули наш дом в конце июня. В городе уже было полно эвакуированных. Они рассказывали страшные вещи о сожженных разбитых бомбами эшелонах, о беженцах, погибавших на дорогах от пуль немецких самолетов. Заверениям властей, что немцы до Сталинграда не дойдут, ни мама, ни бабка не верили. Им обеим было жалко оставлять под присмотр чужих людей дом, который строил покойник дед и пропавший без вести отец. Бабка даже всплакнула. Мама в сердцах ругнулась:

— Да, черт с ним, с этим домом! Детей надо спасать, пока фашисты за город не взялись.

Я катил ручную тележку, нагруженную нехитрым имуществом, где самое ценное было: швейная машинка, самовар, полушубок отца, постельное белье, одеяла, посуда, полмешка муки, килограмма четыре соленого сала. Мама, бабка и обе сестренки несли тюки и тючки с одеждой и разной мелочовкой. Прощались на ходу с соседями. В нашем овраге все хорошо знали друг друга. Я не догадывался, что многих вижу в последний раз. Городу была уготовлена страшная бомбежка 23 августа 1942 года, а затем он превратится на пять месяцев в эпицентр ожесточенных боев, после которых от Сталинграда останутся одни развалины.

Целый день мы шли через город, растянувшийся вдоль Волги. Ночевали в степи возле Сарепты. Сварили в котелке суп с курицей, поели, и все быстро заснули, закутавшись в одеяла, не обращая внимания на комаров.

Сто километров пути мы одолели за три дня. За это время нас не меньше десятка раз останавливали патрули. О чем-то спрашивали мать, бабку, они показывали документы, в том числе мой паспорт. Лейтенант, старший патруля, отчитал меня.

— Такой дылда! Твои ровесники на фронте бьются, а ты в тыл без оглядки драпаешь.

Насчет «дылды» лейтенант сильно преувеличивал. Был я худой, небольшого роста, хотя руки от работы по хозяйству и в мастерской были сильные. Мне напомнили, что я обязательно должен встать на учет в военкомате и не вздумал уклоняться. Я сопел в ответ, а мама заверила лейтенанта, что я встану на учет в

первый же день, а до восемнадцати лет мне еще полгода.

Наконец добрались до нашей родни в небольшом селе Ступино, стоявшем на высоком волжском берегу. Дядька, тетка, мои двоюродные братья и сестры, еще какие-то родственники собрались вечером за столом. Пили самогон (молодым наливали бражку), ели приготовленную по-астрахански очень вкусную рыбу, тушенную в собственном соку с зеленью и луком. Я съел с десяток кусков сазана, судака, еще какой-то рыбы и осоловел от усталости и обилия пищи.

Дом у родни был небольшой, по-моему, без чердака. Ночью стояла духота, тем более набилось нас с десяток человек, не меньше. Я проснулся от жары, долго пил воду, сидел на крыльце, смотрел на усыпанное звездами небо и серебристую лунную дорожку на Волге. Не хотелось лезть опять в духоту, но оставаться долго снаружи не давали комары.

Родня уступила нам флигелек, состоящий из одной комнаты и крошечной прихожей. Там мы и разместились впятером. На следующее утро я отправился в военкомат в районный городок Черный Яр, за сорок километров от села. Добрался туда вечером, и мне сразу предложили направление в танковое училище.

— Когда ехать-то? — растерянно спросил я.

— Команда уже готова, — ответил помощник военкома. — Завтра пройдешь медкомиссию, а послезавтра будем, наверное, отправлять в Саратов.

Я не был готов к такому повороту событий. Если бы мне дали хотя бы дня три-четыре, чтобы прийти в себя, попрощаться с семьей, я бы согласился. Я был настроен мстить за брата и отца. Но мысли, что больше не увижу маму, сестер и поеду неизвестно куда,

просто напугали меня. Я сказал, что в мае переболел воспалением легких и еще не оклемался.

— Где же ты в мае умудрился простудиться? — недоверчиво спросил лейтенант.

— На рыбалке лодка перевернулась, — не задумываясь, ответил я. — Метров триста в холодной воде плыли.

В мае в наших краях уже стоит жара, почти как летом, однако полая вода в Волге еще очень холодная. Ответ прозвучал правдоподобно. Помощник военкома настойчиво посоветовал подумать и дать окончательный ответ утром. Переночевать предложил на призывном пункте, чем еще больше насторожил меня. Туда легко войти, а выпустят или нет — неизвестно. Я переночевал на пристани, голодный, искусанный комарами. Утром меня покормили трое пьяненьких призывников, даже предложили выпить. От самогона я отказался, но с удовольствием съел два вареных яйца и кусок жирной вяленой селедки. Рассказал мужикам о предложении лейтенанта. Призывник постарше, узнав, что я уже потерял отца и брата, категорически заявил:

— Тебе семнадцать лет. Пошли этого лейтенанта подальше. Умник! В тылу пристроился, а тебя в железных гробах воевать гонит. Восемнадцать стукнет, тогда пусть и забирает.

Я боялся встречи с лейтенантом. Мое желание воевать и мстить куда-то испарилось. Больше всего хотел вернуться домой. Но опасения оказались напрасными. Со мной разговаривал пожилой старшина. Я заполнил анкету, меня вписали в журнал и предупредили, чтобы из деревни никуда не исчезал.

— Ты военнообязанный. Можем призвать в любой день. Уклонение считается дезертирством. Ну, иди.

Я был так рад вырваться из военкомата, что отмахал пешком километров двенадцать. Потом меня подвезла попутка. Мама встретила слезами, а бабка возмущалась:

— Детей на войну гонят. Саньке всего семнадцать.

С аппетитом хлебая суп с вермишелью и салом, я с досадой возразил:

— Зое Космодемьянской всего шестнадцать было, а она воевала и геройски погибла.

— Успеешь и ты, — перекрестилась бабка. — Провалилась бы она пропадом эта война вместе с Гитлером и остальными...

Кто «остальные», уточнять не стала.

Меня определили в рыболовецкую бригаду, маму взяли в колхоз, бабка осталась с сестренками на хозяйстве. Рыбаки, увидев, что я стараюсь, относились ко мне хорошо. Правда, гоняли, как молодого, за самогоном. Я собирал дрова для артельного костра и помогал стряпухе разделывать крупную рыбу. Рассуждал, что жизнь в артели неплохая и голодать не будем. Тем более в конце смены все мы получали немного рыбы домой.

Рыба в Волге водилась тогда в избытке. Правда, осетры попадались нечасто, зато хорошо ловились судаки, лещи, сазаны. Стряпуха, зная вкусы каждого, клала в котел сразу несколько разных рыбин или кусков — кому что нравилось. Уха получалась наваристой, жирной. Не жалели в нее и зелени.

Не хватало только одного. Хлеба. Астраханская область — это степи, полупустыня и раскаленное солн-

це. Зерновые здесь почти не выращивают. Хлеб выдавали в магазине то ли по карточкам, то ли по спискам. На пять человек нашей семье доставалась обычно одна двухкилограммовая буханка на неделю. Иногда добавляли пшенки или перловки. Хлеб был серый, с остяками, липкий и тяжелый.

В артель хлеб не полагался. Считали, что, разрешая питаться пойманной рыбой, мы и так имеем паек. Но от рыбы сытости не получалось. И ухи нахлебаешься, и здоровенный кусок сазана съешь, а спустя короткое время снова чувствуешь голод. Через пару недель рыба так приелась, что в горло не лезла. Хлебушка бы! За черствую горбушку все бы жирные ломти отдал. Но хлеб шел на фронт.

Вообще, жизнь летом сорок второго катилась и менялась с такой быстротой, что я не успевал удивляться. Кажется, недавно покинули Сталинград, прижились в Ступине. Я даже с девчонкой на танцах познакомился и первый раз целовался. И вдруг из военкомата пришла повестка. Это было в начале августа. Мама всполошилась, ведь до восемнадцати лет мне оставалось почти четыре месяца. Хотела идти со мной в военкомат, но повестки в селе получили несколько других парней моего возраста.

— Не надо, мама, — твердо сказал я. — Не позорься. Такая война идет...

Мать сникла и стала собирать меня в дорогу. Постоянно плакала, и я, не выдержав (был выпивши), накричал на нее:

— Что ты меня хоронишь! Я еще живой и умирать не собираюсь.

Мама вытерла слезы. Тут же дружно заревели обе сестренки, захлюпала носом бабушка. Я выскочил на

улицу и долго стоял на яру, глядя, как широкой голубой лентой медленно течет Волга. Через день я уже был на призывном пункте, а вскоре — в строю учебной части, расположенной в пойменном лесу, недалеко от города Ахтубинска.

Военный городок, состоящий из больших палаток и землянок, был огорожен по периметру колючей проволокой. Нам прочитали жесткий приказ № 0227 от 28 июля 1942 года «Ни шагу назад». Комментируя его всем призывникам, разъяснили, что за дезертирство и членовредительство наказание одно — трибунал и расстрел. Эти слова мне было суждено слышать едва ли не всю войну. Трибунал и расстрел!

Я попал в пулеметную роту. Сто двадцать человек, три взвода. Занятия начинались в семь утра и заканчивались часов в восемь вечера. Строевая, политическая, боевая подготовка, химзащита, тактика, физподготовка. Уставали за день так, что засыпали как убитые. Правда, кормили нормально. Утром каша, масло, горячий сладкий чай, иногда селедка. В обед щи, суп, мясная каша, ужин — часто рыбный. Надоевшая рыба с кашей и хлебом шла неплохо. Изучали пулеметы: наш «максим», ручной пулемет Дегтярева, английский «мадсен» с магазином сверху.

Что запомнилось из того короткого периода? Что на фронте дела плохие, не могли скрыть скупые сводки Информбюро и многочисленные статьи в газетах, похожие друг на друга: «Подразделение капитана Н. уничтожило 3 танка и 60 немецко-фашистских захватчиков. Батарея старшего лейтенанта Ш. подбила семь танков и около роты противника». Курсанты по-

старше и те, кто воевал, в узком кругу ехидно посмеивались:

— Около роты! Рядом с ротой, что ли, снаряды падали? Фрицы свою жизнь ценят. Чтобы роту уничтожить, ой-ей сколько умения надо.

Если говорить откровенно, то у многих в августе — сентябре сорок второго настрой был подавленный. Призывники, которым за тридцать или сорок лет, как могли «косили», жаловались на болячки, стремились попасть в тыловые части. Некоторые мужики из мелких пойменных хуторов сбегали. Но у молодых преобладало желание воевать и бить немцев. Не последнюю роль играла политическая подготовка. Неправильно полагать (особенно по книгам девяностых годов), что политработники мололи заученные истины и на каждом шагу славили мудрость Сталина.

Без имени Сталина, конечно, не обходилось. У нас в пулеметной роте старший политрук, без преувеличения, был талантливым агитатором. Он успел повоевать, имел ранение, чем сразу располагал к себе. Он читал нам статьи Ильи Эренбурга, которые пользовались успехом из-за нескрываемой ненависти к фашистам. Написанные простым языком, они ударяли в болевую точку. «Убей немца! Об этом просит тебя мать, твоя родная земля. Иначе он убьет тебя, твою семью!» — примерно так звучали слова. Сейчас Эренбурга редко переиздают. Война стала историей, а с немцами мы дружим. Зачем раздражать их лишними воспоминаниями!

А тогда мы внимательно слушали политрука. Он читал так, что мороз пробегал по коже. Потеряв старшего брата, отца, я, с рождающейся ненавистью к фа-

шистам, был полностью согласен с Ильей Эренбургом. Я должен убить немца. И не одного. Чтобы отомстить за брата, отца и многих погибших земляков.

Еще политрук читал нам стихи Константина Симонова «Жди меня», «Если дорог тебе твой дом», «Ты помнишь, Алеша, дороги Смоленщины...», которые мало кого оставляли равнодушными. Некоторые стихи были написаны словно о нашей семье, о погибшем брате и пропавшем отце. Однажды, не выдержав, я заплакал. Без всхлипываний, молча. Просто текли слезы по щекам. Боясь, что меня поднимут на смех, вскочил и пошел в кусты. Успокоившись, вернулся. Политрук и ребята сделали вид, что ничего не заметили.

В один из дней конца августа мы узнали о страшной бомбежке Сталинграда. Я понял, что мать — мудрый человек. По слухам, центр города полностью разрушили. В эти же дни меня и еще десятка четыре пулеметчиков стали обучать стрельбе по самолетам. В основном теоретически. За две недели мы научились распознавать силуэты наших и немецких самолетов.

Узнали, что пикирующий бомбардировщик «Юнкерс-87» хорошо бронирован. Несмотря на презрительную кличку «лаптежник» из-за торчащего под брюхом шасси, он очень опасен. Может нести полторы тонны бомб и вооружен четырьмя пулеметами. Пикируя, бросает бомбы довольно точно, а сбить его из «максима» трудно. Зато наши пули вполне могут поразить истребитель «Мессершмитт-109». Надо только уметь правильно целиться, так как скорость у «мессера» шестьсот километров в час. Двухмоторные тяжелые бомбардировщики «Юнкерс-88» и «Хейнкель-

111» обычно бомбят с высоты километра и более. Для наших пулеметов это далековато, но если расстояние поменьше, можно удачными попаданиями зажечь мотор или повредить многочисленные тяги.

Практические стрельбы проводились за два с половиной месяца раза четыре. В том числе один раз по условной воздушной цели. Нас вывезли в степь, и мы стреляли по верхушкам двадцатиметровых пирамидальных тополей. Хотя учеба была рассчитана на пять месяцев, людей из роты начали забирать уже через месяц. Брали в первую очередь фронтовиков, прибывших из госпиталей, парней, уже хорошо освоивших оружие. Некоторым присваивали сержантские звания, они именовались командирами расчетов. Другие уходили рядовыми.

В середине сентября пришла моя очередь. Позже мы узнали, что будем служить на судах Волжской военной флотилии. Меня взяли из-за того, что я два года работал слесарем и мог устранять самостоятельно мелкие неисправности оружия, запаять продырявленный кожух. В Сталинграде уже шли бои, флотилия осуществляла переброску войск, боеприпасов, продовольствия, вывозила из города раненых и население. Мобилизовывались пароходы, буксиры, сейнеры из гражданского флота. На них устанавливали зенитные пушки, пулеметы, а в помощь командам давали военных моряков или подготовленных армейских артиллеристов и пулеметчиков.

Помню, нас собрали около двадцати человек и привезли в поселок Черный Яр. Первую ночь провели на пристани. Здесь я ночевал в конце июня, когда ходил в военкомат, чтобы встать на учет. До села,

где жила моя семья, было рукой подать, но нас сразу предупредили — любая отлучка будет расцениваться как дезертирство. Старшим был незнакомый мне лейтенант. Дня три мы прожили в небольшом домике на берегу. Потом пришли два грузопассажирских парохода. Один большой, названия уже не помню, и второй поменьше, «Коммуна», с гребными колесами по бокам.

Многое в жизни человека решает случайность. Забегая вперед, скажу, что большой пароход будет потоплен возле Сталинграда и почти вся команда погибнет. Лейтенант, распределяя людей, отсчитал семь человек, в том числе меня, и отправил на «Коммуну». Остальные, вместе с ним, погрузились на большой пароход.

Там было более мощное вооружение: две пушки, счетверенная зенитная установка и несколько пулеметов. «Коммуна» имела 45-миллиметровку и два пулемета «максим», установленные на тумбах. Оба парохода именовались военными кораблями, хотя скорость «Коммуны» не превышала двенадцати-пятнадцати километров в час. Или, по-морскому, семь-восемь узлов. Еще несколько дней мы простояли в затоне, шел ремонт котлов, других механизмов, а мы, в срочном порядке, привыкали к морской, вернее, речной службе. Боцман всем нам выдал тельняшки. Разрешалось ходить с расстегнутым воротником, чтобы все видели: мы не пехота, а моряки.

Нас быстро отучили от сухопутных словечек. Мы узнали, что корабль не плавает, а идет. Миля, узлы, камбуз, кок, гальюн... Нас одергивали, когда мы забывались, и отчитывали за неправильную терминологию. «Коммуной» командовал ее давнишний капитан

из Астрахани, высокий, крепко сложенный старший лейтенант, в легком белом кителе. Чаще всего нам приходилось общаться с боцманом Байдой. Сухощавый, жилистый, он не напоминал боцманов, которых мне приходилось видеть в фильмах: громоздких, усатых, громогласных. Впрочем, небольшие усы сорокалетний Байда носил. Он никогда не сидел на месте и был, что называется, живчиком.

Байда распределял вахты, ведал питанием, уборкой на корабле и множеством других вопросов. Дергал и обучал нас мореходной службе, не слишком выбирая выражения. Но никогда не лез в наши зенитные дела. Командиром зенитной команды был старший сержант Тарасюк. Одновременно он являлся командиром орудия, к которому, в случае боевой тревоги, были прикреплены два моряка из команды.

Меня назначили вторым номером в расчет кормового зенитного пулемета. Первым номером и моим непосредственным командиром был сержант, года на три старше меня, родом из рыбацкого поселка Шимбай под Астраханью. Ни имени, ни фамилии в памяти не сохранилось, так как остальные зенитчики называли его просто Шимбай. Мы с ним быстро подружились, общались без всяких чинов. Шимбай был женат. Служил около года в зенитном полку, хорошо знал пулеметы. От него за небольшой срок я почерпнул многое.

Запомнился переход до Светлого Яра, поселка километрах в двадцати от Сталинграда. Мы шли вверх по реке более суток, с двумя остановками. Волга к сентябрю мелеет. В некоторых местах фарватер ста-

новится очень узким. Немецкая авиация, начиная с июля сорок второго, высыпала в Волгу большое количество мин. Я узнал, что морские мины имеют заряд около тонны взрывчатки. Налететь на такую мину означало гибель парохода и большей части команды. Поэтому, несмотря на опасность авианалетов, оба парохода вышли на рассвете.

Весь путь зенитчики стояли у орудий и пулеметов. От непрерывного наблюдения за солнечным безоблачным небом слезились глаза. Нас вел катертральщик. Фрицы уже применяли мины с фиксированной кратностью взрывателей. Проще говоря, механизм взрывателя мог пропустить первый корабль и взорваться под вторым-третьим или четвертым. Мне рассказали, что первого августа подорвался на мине и погиб вместе со всей командой бронекатера командир бригады контр-адмирал Б. В. Хорохшин. Взрыв был такой силы, что не смогли найти тел погибших.

Подходя к Светлому Яру, мы уже отчетливо понимали, что приближаемся к сражающемуся городу. Доносились глухие звуки взрывов, по реке плыли огромные пятна нефти, разные деревяшки, глушенная рыба. Течение несло трупы. Увидел тело красноармейца, согнутое в поясе. Ноги и голова были в воде, наружу виднелся пояс шаровар и часть спины в нательной рубахе. Я невольно сжал руку Шимбая.

— Привыкай, Саня. Это — война, — просто, без всякой рисовки, сказал Шимбай. — Когда наш дивизион в Астрахани бомбили, человек семь погибли.

— Вы кого-нибудь сбили?

— Не знаю. Стреляли много. Может, осколками кого достали. А прямых попаданий не было.

Шимбай не хвалился, что стрелял по немецким самолетам, побывал под бомбами. Зато рассказывал мне о довоенной жизни, своей неудачной женитьбе. Он женился перед уходом в армию, а вскоре получил письмо от «добрых людей», что молодая жена гуляет. Иногда Шимбай костерил жену. Порой начинал материть мужиков:

— Кобели драные! Лезут напролом к бабе, а у нее, может, силы воли нет, чтобы отказать.

Для меня эта проблема была далека. Я вежливо выслушивал своего старшего напарника и сочувственно кивал головой.

От райцентра Светлый Яр до линии фронта было километров сорок. Немцы не смогли захватить южные районы Сталинграда: Красноармейский и Бекетовку. Первый пароход пошел дальше, прямо в пекло гигантского сражения, развернувшегося в городе. Нас оставили обслуживать светлоярскую переправу. Но сказать, что сорок километров от линии фронта — это тыл, было бы неправильно. В то время Волга на протяжении более ста километров являлась местом непрерывных бомбежек, обстрелов, боев с немецкой авиацией.

Засиживаться нам не дали. Буквально через пару часов загружали на левом берегу маршевую роту, сотни две красноармейцев. Они не хотели лезть в трюм, упрямо цепляясь за поручни. Командиры загоняли их пинками, ругались и кричали сержанты. Байда и двое здоровенных моряков хватали и толкали вниз по трапу упирающихся бойцов. Таким же макаром загрузили вторую роту, часть красноармейцев остались на палубе. С берега подносили ящики со снарядами, па-

тронами, продовольствием. Глядя на штабель ящиков с боеприпасами, нагроможденный в пяти шагах от нашего «максима», я отчетливо представлял, что будет, если в них попадет снаряд немецкого самолета.

Пароход, поднимая колесами муть и песок, отвалил от небольшой пристани и пошел по дуге от пойменного лесистого берега к правому высокому обрывистому. Загруженная выше ватерлинии, «Коммуна» двигалась медленно, по дуге. На стрежне чувствовалось сильное течение. Расчеты орудия и обоих пулеметов напряженно следили за небом. Первый рейс прошел благополучно. Мы причалили к пристани под обрывом. Выгрузка заняла полчаса, здесь подталкивать никого не приходилось. Кроме нас на переправе работал буксирный пароход, тянувший за собой баржу и несколько мелких судов. По сравнению с «Коммуной», скорость у парохода с баржей была черепашья.

Война дала о себе знать вечером, когда солнце висело над краем обрыва. Четыре «Мессершмитта», тонкие в фюзеляже, стремительно вырвались из-за обрыва со стороны заходящего солнца. Обстановка на переправе, как я потом восстанавливал в памяти, была следующая. Наш пароход заканчивал погрузку раненых и беженцев на правом берегу. Буксир с баржой, в которую набили целую толпу красноармейцев, повозки, легкие орудия, отваливал от левого берега. Один из сейнеров, деревянная посудина метров двадцати в длину, пересекал Волгу. Второй сейнер крутился у левого пойменного берега.

Плавучая батарея, стоявшая в затоне, открыла огонь, хоть и с запозданием, но дружно. Три 76-

миллиметровые зенитки усеяли небо шапками разрывов. Начали стрелять и мы: «сорокапятка» и оба пулемета. Я по инструкции придерживал ленту, которая быстро вползала в казенник «максима». Шимбай бил длинными очередями. Все четыре истребителя мгновенно перемахнули Волгу, я успел заметить кресты на фюзеляже и свастику на хвосте. Они шли к самой крупной добыче, барже, набитой людьми, которую буксирный пароход тянул со скоростью километров шесть в час.

Могу представить, что чувствовали ребята, сидевшие в этом огромном корыте, когда на них заходили сразу четыре «мессера». Но плавучая батарея уже заставила немецкие истребители вильнуть. С левого берега вели огонь два зенитных 37-миллиметровых автомата. Дружной и точной атаки у «мессеров» не получилось. Они высыпали целую серию бомб, которые поднимали фонтаны воды и песка вокруг баржи. Один из «Мессершмиттов», видимо, получил повреждение и сразу отвалил в сторону.

Зато три других сделали круг, перестроились и обстреляли баржу из пушек и пулеметов. Несмотря на двухкилометровое расстояние, мы видели, как бледные при дневном свете трассы прошили буксир и баржу. Зенитный огонь был довольно сильный. «Мессеры» опасались снижаться и после второго захода пошли назад. Попутно обстреляли сейнер, на котором начался пожар. Мы снова открыли огонь, но истребители исчезли в небе. Буксирный пароход продолжал тащить баржу к правому берегу, на сейнере тушили пожар. Наш пароход, выждав немного, под защитой плавучей батареи двинулся к левому берегу.

Мы везли много детей, женщин. Женщины не хотели идти в трюмные помещения, кричали, что лучше погибнуть от пуль, чем утонуть в клетке. Метались по палубе, таская за собой детей. Убедить их, что на верхней палубе опасно, было невозможно. Пароход раскачивался с борта на борт, кто-то свалился в воду. Останавливаться не имели права, упавшему человеку бросили спасательный круг.

С облегчением выгружали суетливую гомонящую толпу, а у пристани на левом берегу нас уже поджидали новые роты красноармейцев, повозки с боеприпасами. Переправа шла и ночью. Часам к двенадцати мы падали от усталости. На наше состояние никто внимания не обращал, но устали и механизмы «Коммуны». Пароход загнали на стоянку в речной залив. Мы кое-как поели каши с мясом и завалились спать. Так закончился наш первый день на светлоярской переправе.

На следующий день мы узнали, что на барже погибли тридцать человек, около семидесяти бойцов были ранены. Они так и не добрались до Сталинграда. Раненых повезли назад обратным рейсом. Двое или трое погибли на сейнере. Такую цену платили за переправу через Волгу. И это была сравнительно небольшая цена.

Следующие несколько дней прошли без особых происшествий. Несколько раз налетали немецкие самолеты, их атаки отбивали, хотя не обходилось без жертв. Мы уже хорошо познакомились с экипажем «Коммуны». К нам назначили подносчиком патронов молодую женщину, лет двадцати трех, Катю. Она

была не слишком красива, с широким лицом и крепкими мускулистыми руками. Катя, в случае ранения или смерти кого-то из нас, должна была временно исполнять обязанности второго номера расчета.

У Шимбая с ней сразу закрутился роман. Они где-то уединялись ночью, благо на судне укромных уголков хватало. Катя до этого встречалась с одним из моряков. Тот, подвыпив, пытался выяснить отношения с сержантом, но до драки дело не дошло, вмешалась Катя. Я познакомился с помощником кочегара, молодым, вечно чумазым пареньком моего возраста, который любил приходить к нам. Сворачивал цигарку, с уважением трогал пулемет и задавал разные вопросы. Звали чумазого Мишкой. Он считал, что популярная тогда песня «Мишка, где твоя улыбка» написана про него. Он иногда подначивал нас:

— Чего же вы в самолет не попадете? Ствол кривой или патронов мало?

Шимбай, добродушный по характеру, снисходительно объяснял, что самолеты легко сбивать только языком.

— Думаешь, фрицы целые и невредимые домой возвращаются? Как бы не так! Ловят они и пули, и осколки, поэтому переправа работает.

Мы им не даем как следует целиться.

Пулемет у нас был старый. На шершавом массивном кожухе отштампованы название завода и год изготовления «1916». На щитке имелись несколько вмятин от пуль, кожух в двух местах запаян. Но работал «максим» исправно. Я иногда мысленно сочинял историю старого пулемета. Вот он, в руках белых, бьет по нашим, то бишь по красногвардейцам. Потом его

захватывают в бою, и он служит Красной Армии. Для сорок второго года, как зенитное прикрытие, «максим» устарел. Броню «Юнкерсов» он не брал, а «мессеры» проносились с такой скоростью, что поймать их в прицел было сложно. За эти дни я узнал реальную обстановку в Сталинграде. Рассказал раненый, который примостился возле нас. Он не скрывал облегчения, что вырвался из Сталинграда, хотя ему перебило кости на руке. Ладонь и пальцы почернели, пока он проделал долгий путь до Светлого Яра. Даже возможная потеря руки его не пугала.

— Нет Сталинграда, — морщась от боли, говорил раненый. — От домов одни сгоревшие коробки или развалины. Мясорубка страшная. От элеватора и до Тракторного завода (расстояние 20 километров) наши держат полосу берега шириной метров двести. Ночью роту приводят, за день две трети выбивают.

Я не мог поверить, что почти весь город, все высоты взяты немцами. В газетах писали другое. Про двести метров там не упоминали. Сталинград успешно отражает вражеские атаки. Сталинград держится и не будет сдан врагу никогда. А наша переправа, как и другие, работала непрерывно. Только под Светлым Яром ежедневно переправлялось несколько тысяч бойцов. Целые колонны красноармейцев торопливо поднимались вверх, на правый берег, сгибаясь под тяжестью груза, который тащили на спинах.

Дни стояли теплые, ясные. Даже лес еще не весь пожелтел. И Волга была голубая, хотя вода стала холодной. Бабье лето, хорошие деньки. Но один из них оказался для нас черным. Огромная битва, развернувшаяся в Сталинграде, словно гигантским языком, лизнула и нашу переправу.

Кажется, это было в первых числах октября. С рассвета высоко в небе кружился немецкий двухмоторный самолет-наблюдатель «рама». Три тройки пикирующих бомбардировщиков «Юнкерс-87» в сопровождении нескольких «Мессершмиттов» развернулись ниже Светлого Яра и обрушились на зенитное прикрытие. Плавучую батарею накрыло огромными фонтанами воды. Одна из бомб попала точно. Взлетели обломки палубы, орудий, человеческие тела. Судно, на котором размещалась батарея, затонуло в течение пяти минут. На песчаную отмель затона выбирались уцелевшие моряки и артиллеристы.

Одновременно бомбы легли на батарею левого берега, которая пряталась среди деревьев. Зенитные автоматы били в упор. Один из «Юнкерсов-87», дернувшись, с трудом вышел из пике и летел низко над Волгой. Мы плыли, загруженные ранеными и беженцами. «Юнкерс» с трудом удерживал высоту, казалось, его лапы-шасси вот-вот зацепят воду. Он пролетел от нас метрах в трехстах. Отчетливо виднелись изогнутые, как у чайки, крылья, оранжевая окантовка, огромный крест на фюзеляже. Из мотора выбивались струйки дыма.

«Сорокапятка» на баке и оба «максима» стреляли непрерывно. Шимбай вел стволом пулемета, посылая длинные очереди. Трассеры (каждый третий-четвертый патрон в ленте) показывали, что пули попадают в самолет. Если бы в пикировщика угодил хотя один снаряд из «сорокапятки», мы бы утопили фашиста. Но избитый бронированный «Юнкерс-87» вырвался от нас и был уже над крутым правым берегом. Шимбай с руганью открыл казенник, я помог за-

рядить новую ленту. В кожухе булькал кипяток. Мы выпустили 250 патронов за полторы-две минуты.

— Ведь я же в него попал, мать его так, — кричал сержант. — Почему он не свалился, сука!

«Юнкерса» добили из 37-миллиметровой зенитки на правом берегу. Самолет врезался в крутой склон и взорвался в сотне метров от крайних домов поселка Светлый Яр. Но все это была ерунда. Еще одна тройка «лаптежников» пикировала на буксирный пароход с баржой, набитой красноармейцами. Мы снова открыли огонь. Все три самолета, снизившись до пятисот метров, сбросили авиабомбы килограммов по сто каждая. Бомб было много. Большинство угодили в воду, но одна взорвалась в середине корпуса баржи, вторая встряхнула и завалила набок буксирный пароход.

Мы находились недалеко друг от друга, наш пароход «Коммуна» и буксир с баржей. Оба пулемета и пушка били вдогонку «Юнкерсам». Баржа быстро погружалась в холодную октябрьскую воду. Буксир тоже получил повреждения, но ход не потерял. С него вытаскивали барахтающихся в воде людей. Плавучая батарея с дальнобойными трехдюймовками была потоплена. Переправу прикрывали 37-миллиметровые автоматы на левом берегу и пара стволов возле поселка. «Коммуна», с ее слабым зенитным вооружением, могла защищать только себя. Немецкие самолеты добивали баржу, которая вскоре затонула, выпустив огромный пузырь воздуха. «Мессершмитты» обстреливали буксир и красноармейцев с потопленной баржи.

Наш пароход, следуя инструкциям, шел к левому

берегу. Раненые, сто с лишним человек, сидели и лежали в каютных помещениях, а из трюма лезли беженцы. Стоял сплошной крик, перекрывающий грохот взрывов. На борту началась паника. Моряки во главе с боцманом, не церемонясь, заталкивали, почти забрасывали, всех вниз. Схватили женщину за платье. Она вырвалась, платье расползлось надвое, а женщина с мальчиком лет десяти бежала вдоль палубы. Кормовой трюм был рядом, я все хорошо видел.

Затем на нас спикировали два «Юнкерса». Вой самолетных сирен бил по мозгам. Я менял ленту, когда бомбы подняли фонтаны воды и песка по правому борту. Нас бы изрешетило осколками, но бомбы взрывались на глубине. Пароход сильно встряхнуло, а «Юнкерсы», продолжая снижаться, неслись прямо на нас, открыв огонь из пулеметов. Шимбай бил им в лоб. Первый самолет, закончив пикирование, с ревом набирал высоту. На несколько секунд он завис в воздухе, отблескивая серебристым брюхом. Шимбай стрелял непрерывно, но пули рикошетили от брони, высекая сноп искр. Заработал спаренный пулемет, расположенный в задней части кабины «Юнкерса». Двойная строчка трассеров бежала от кормы к носу. Я невольно сжимался, прячась за тумбой и щитком. На палубе катался и кричал от боли матрос, зажимая живот.

Второй «Юнкерс» спикировал через минуту-две. Вода в кожухе «максима» кипела от быстрой стрельбы. Снова заработали два носовых пулемета «Юнкерса», а затем задняя спаренная установка. Пули хлестали по деревянным надстройкам «Коммуны». Шимбай ахнул, выпустил рукоятки пулемета и сполз

на площадку. Я присел над ним. Брюки и гимнастерка напитывались кровью. Я бестолково шарил, пытаясь определить, куда он ранен. Подбежал боцман Байда и оттолкнул меня. В руке у него была санитарная сумка.

Потом нас обстреляли два «Мессершмитта». К пулям прибавились 20-миллиметровые пушечные снаряды. Взрывы, треск разбиваемых переборок. Я стоял у пулемета и стрелял по «мессерам». Очередную ленту мне помогала менять Катя. Самолеты исчезли. Я стоял наготове у пулемета, а Катя плакала, держа за руку Шимбая.

Нам досталось крепко. Причалив к небольшой плоской пристани-платформе на левом берегу, выгрузили несколько трупов. Не менее двадцати человек были ранены. Многие тяжело, особенно после попаданий авиационных снарядов. Женщине, которая выскочила с мальчиком из люка, перебило щиколотку.

— Чего ты металась? — выговаривала ей санитарка. — Хорошо, что так обошлось. Могла и мальца погубить.

— Ногу... ногу отрежут, — причитала женщина. — Кому я нужна буду?

Шимбаю достались две пули. Одна угодила в плечо над ключицей, вторая насквозь пробила ногу выше колена, но кость, судя по всему, не задела. Мы попрощались с ним, Катя проводила Шимбая до повозки. В нашем отделении зенитчиков был убит боец из расчета «сорокапятки». Погибли два человека из экипажа «Коммуны». Старший сержант Тарасюк назначил меня первым номером расчета, а в помощь капитан выделил одного из моряков.

Крепко досталось и «Коммуне». В стенах палубных помещений виднелись дыры от попаданий снарядов и мелкие отверстия от пуль. Обе спасательные шлюпки были выведены из строя, в некоторых местах горело пропитанное краской дерево. Начинающийся пожар быстро потушили. Мишка из трюмной команды поднялся ко мне покурить. Я видел, как тряслись у него руки и сыпался табак. Парень был перепуган, хотя старался этого не показать. Рассказал, что от взрывов бомб в машинном отделении лопнуло несколько мелких соединений, а его чуть не обварило струей раскаленного пара.

— Думал, каюк пароходу. Два раза так тряхнуло, что с ног валились.

Я понимал состояние чумазого приятеля, которому, как и мне, было семнадцать лет. Наверху страшно и опасно, а в коробке трюма еще страшнее. Переборки и люки задраены. Если случится попадание, неизвестно, сумеют ли выбраться. Трюмные команды на тонущих кораблях нередко идут ко дну, не успев открыть люки. Жутковато. Сутки мы простояли в узкой протоке, приводя судно и оружие в порядок. Но все это были мелочи по сравнению с трагедией переправочной баржи. На ней погибли от взрыва бомбы, пуль, утонули в холодной воде более четырехсот красноармейцев.

Переправа не прекращалась ни на один час. Это не преувеличение. К избитому буксирному пароходу прицепили паром, деревянный, открытый со всех сторон. Он продолжал совершать рейсы. Сейнер тащил за собой рыбацкий баркас с мачтой для паруса. К вечеру подогнали еще один буксирный пароход с

баржей. Оказывается, он работал на переправе до нас, но получил сильные повреждения, которые устраняли на судоремонтном заводе в Красноармейске.

Вечером, уже в темноте, мы ужинали все вместе. Капитан произнес короткую речь, поблагодарил экипаж, вспомнил по именам погибших, и мы выпили за них. Потом наливали еще. С непривычки захмелел, потянуло на сон, и я проспал до утра. Утром, загрузив две роты пополнения и боеприпасы, шли к левому берегу. По реке от Сталинграда плыли обгорелые обломки, трупы людей. Их никто не подбирал. Я знал, что течение выбрасывало тела на песчаную косу за Светлым Яром. Там погибших собирала специальная команда и хоронила.

За победой в Сталинграде, до которой оставалось еще четыре месяца, стояло не только мужество, упорство наших бойцов и командиров, но и трагедия мирного населения города. Об этом не слишком распространялись. Многое я узнал лишь в девяностых годах.

Ко времени страшной бомбежки 23 августа 1942 года в Сталинграде насчитывалось около 500 тысяч человек гражданского населения. По разным оценкам, только за один этот день погибли от сорока до пятидесяти тысяч жителей. Бомбежки продолжались каждый день, принося новые жертвы. Почему вовремя не эвакуировали людей? Сталину приписывают такую фразу: «Пустой город солдаты оборонять не будут». Лично я в нее мало верю. Дрались насмерть не только за города, но и за километры нашей земли, безымянные высоты, плацдармы. Считаю, что дело

было в другом. Слишком быстро менялась обстановка на фронте. Двадцать третьего августа немцы прорвали фронт у реки Дон. За полдня, преодолев расстояние свыше 70 километров, немецкие танковые части вышли к берегу Волги севернее Тракторного завода.

Никто не ожидал такого развития событий. В городе действовали 120 промышленных предприятий, большинство оборонного значения. Они продолжали работать. Выпускали орудия, танки, боеприпасы. Предприятия и рабочих, в том числе их семьи, не эвакуировали. А затем уже стало поздно. Немцы наступали стремительно, Волга оказалась под огнем. Люди погибали возле пристаней и во время переправы под ударами немецкой авиации. Многие жители оказались в захваченной части города. В газетах, которые нам подвозили в октябре сорок второго, расплывчато сообщалось, что немцы сумели захватить лишь небольшую часть Сталинграда. К сожалению, эта часть оказалась очень большой. На протяжении 25 километров наши войска обороняли узкую полоску берега, в среднем шириной метров двести.

В октябре немцы вели особенно интенсивное наступление, стремясь сбросить защитников города в Волгу. Им это не удалось. Гибли тысячи бойцов, но те, кто попадал в Сталинград, знали, что отступать некуда. Выход был один — драться до конца.

Наша переправа под Светлым Яром продолжала действовать. Правый берег, как гигантский удав, поглощал роты, батальоны, полки.

Большинство гибли в сражении. Назад возвращались лишь раненые. Дни октября, бессонные, тя-

желые, сливались в одну сплошную череду рейсов с одного берега на другой. Порой ночью я засыпал прямо у пулемета, под мерное шлепанье пароходных колес. Мой второй номер держал вахту вместо меня. Кажется, парня звали Николай, и он просил пострелять из пулемета. Но я не разрешал.

— Настреляешься, когда меня убьют, — склеивая самокрутку, отвечал я.

Неправда. Я не верил в свою смерть. В семнадцать лет все бессмертны. А люди вокруг умирали. Колхозный паром разбили через пару дней. Остатки корыта, с торчавшими досками, несло течением вниз. С буксира подбирали людей и вели огонь из пулеметов огонь по «Юнкерсам». Мы тоже стреляли, и все вместе сумели сбить один «Юнкерс-87». Я всадил в него длинную очередь с расстояния трехсот метров. Возможно, мои пули сыграли какую-то роль, но сшибла самолет «сорокапятка», переломив снарядом крыло. «Юнкерс» врезался в воду и мгновенно исчез.

В октябре над переправой стали чаще появляться советские истребители. Иногда мы видели воздушные бои. Падали и наши и немецкие самолеты. Наших — больше. Мы переживали за «сталинских соколов». Когда они пролетали над нами, мы чувствовали себя защищенными.

Однажды с высоты переправу проутюжили тяжелые бомбардировщики «Хейнкель-111». Запомнилось, как плыли в небе огромные махины, с застекленной мордой и кабиной на брюхе с двумя пулеметами. Под прикрытием «Мессершмиттов» они сбрасывали пачками бомбы различного калибра. До «Хейнкелей» было больше полутора километров, но я все равно

стрелял. Они уничтожили пристань и зенитную батарею на левом берегу, повредили баржу, которую все же сумел вытащить на берег буксирный пароход. Баржа уткнулась бортом в песок. С нее прыгали прямо в мелководье люди и лошади.

Большинство спаслись в прибрежном лесу благодаря смелости капитана и команды буксира. Взрывная волна и осколки бомб снесли, издырявили палубные надстройки. Погибли и получили ранения половина команды буксира, расчеты двух пулеметов. «Мессершмитты» подожгли сейнер. Он огромным костром, с замолкшим двигателем плыл вниз по реке. Тяжелые бомбардировщики улетели безнаказанные. Может, на обратном пути их перехватят наши истребители. А один из «Мессершмиттов» сбили. Снаряд 37-миллиметрового автомата прошил насквозь фюзеляж возле хвоста. Пилот в отчаянной попытке спастись попытался набрать высоту. Самолет под градом пуль взвился метров на двести и рухнул вниз, разбившись о воду, как о твердый грунт.

Чего только не перевозили мы за октябрь. Красноармейцев и командиров, беженцев, раненых. Переправляли на правый берег орудия и минометы, бочки с селедкой, мешки с хлебом, сухарями, мукой, ящики с боеприпасами и консервами. С правого берега везли порой неожиданные грузы.

Однажды тыловики притащили множество огромных мешков. Один из них развязался. На палубу вывалились смятые, в засохшей крови красноармейские гимнастерки и шаровары. Мы поняли, что это вещи погибших. Для нас давно было не секретом, что уби-

тых и умерших от ран бойцов часто раздевают до белья, в котором и хоронят. Мы понимали, что не хватает обмундирования, обуви. Не от хорошей жизни раздевают мертвых. Однако на душе становилось тоскливо при мысли, что тебя после смерти тоже могут раздеть.

Еще расскажу, какой жестокой была дисциплина. По Волге плыла всякая всячина, в том числе красноармейские обмотки. Светло-зеленые, из хорошей, кажется английской, материи. Местные женщины на берегу переговаривались, что из двух обмоток можно сшить юбку. Но никто не торопился их доставать, даже когда они проплывали совсем рядом. Боялись. Обмотки считались военным имуществом. Если подберешь и присвоишь, можно было угодить под суд за кражу (или мародерство). В те годы не шутили, очень просто было заработать лет пять-десять лагерей.

В другой раз по сходням вкатили немецкую пушку с длинным стволом и набалдашником. Это была новая противотанковая 75-миллиметровка. Меня удивили двойной щит и компактность орудия. Трофей вместе с ящиками снарядов везли для изучения. Позже, на фронте, мне не раз доведется встретиться с огнем этих скорострельных орудий.

Эвакуировали много раненых. От них мы узнавали последние новости. К середине октября, несмотря на продолжающиеся попытки сбросить наши войска в Волгу и постоянные обстрелы, установилось некое равновесие. Передовая застыла практически на одном месте. Немцы еще не выдохлись, но тяжелые потери в уличных боях приумерили их наступательный порыв. Во многих местах нейтральная полоса между нами и

немцами исчислялась десятками метров. Это мешало генералу Паулюсу использовать свое преимущество в технике, и прежде всего в авиации. Судя по всему, шестая армия Паулюса выдыхалась, а красноармейские маршевые роты и батальоны с левого берега переправлялись непрерывно.

Бесконечно везти не может. Меня ранили 24 октября 1942 года. Осколок ударил в левую руку, повыше локтя, перебив кость. Я упал на колени. Сильно текла кровь. Руку перевязали, наложили шину, и я вместе с другими ранеными попал в медсанбат. Затем перевезли в госпиталь, в маленький городок Ленинск на реке Ахтуба, где я встретил свое восемнадцатилетие. Рана заживала плохо. Вместе со всякой гадостью выходили мелкие осколки костей. Помню, что в те дни очень болела рана. Мне сделали очередную операцию и наложили новый гипс.

Шло наступление советских войск под Сталинградом. Мы жадно слушали сводки по радио, читали газеты. Вернее, чаще всего читал вслух паренек-минометчик. Звали его Андрей. Он закончил десятилетку, учился где-то еще и считался в палате самым грамотным. Андрей читал хорошо, без запинок, мы его с удовольствием слушали. Но когда пытался комментировать статьи, Андрея нередко обрывали. Дело в том, что его ранили на второй день после прибытия на передовую и войны он толком не нюхал. Помню, когда Андрей заговорил про храбрость и отвагу защитников Сталинграда, его перебил боец лет тридцати:

— Еще один политрук нашелся. Ты хоть представляешь, что в Сталинграде творилось? Какая к черто-

вой матери отвага! Набили баржу, а ночь, как день. Пушки с высот насквозь Волгу простреливают. Я пять раз чуть не умер, пока через Волгу переправлялись. Снаряды то дальше, то ближе падают. Один как шарахнет, только клочья от людей полетели. Я ближе к корме стоял, так чья-то рука нам на головы свалилась. Когда высаживались, вся палуба была кровью залита, а под ногами скользко. Высадили, поднялись по обрыву. Нам говорят: «Стоп! Вот траншеи». Оглянулся, а до обрыва сто метров. Понимаешь или нет, весь город в руках у фрицев, а мы на полоске берега держались.

Боец продолжал говорить то, что многим было уже известно. Что стрелковую роту полностью выбивали за два-три дня. Раненых немцы топили снарядами в обратных рейсах. Попав на левый берег, люди не верили, что остались живы. Плакали, молились. Боец срывался на крик, ему требовалось выговориться. На губах закипала слюна. Его с трудом успокоили, едва рот не зажимали, а он продолжал выкрикивать:

— Мясорубка... брустверы из мертвецов городили. А пули в них чмок, чмок! Чтобы с ума не сойти, стреляешь по окопам и ждешь. Либо смерти, либо когда немцы в атаку пойдут. Ох, как мы их там валяли...

Андрей надулся, дня на два прекратил «политинформации». Нам стало скучно, и мы уговорили его снова читать газеты вслух. Комментировать чьи-то подвиги он уже не решался. Жизнь в госпитале однообразна. Завтрак, врачебный обход, процедуры, обед, ужин. Солдатская трепотня, шутки, долгие перекуры перед сном. Многие спали плохо. Болели раны, мучили мысли о близких.

Люди, вышедшие из жестоких боев в Сталинграде, ждали выписки с чувством тревоги, а зачастую и страха. По слухам, там продолжались сильные бои. Хотя сводки приносили новости об освобожденных городах и поселках, о потерях немецких войск, возвращаться снова в пекло не хотелось. Многие считали, что выжили чудом, а два раза чуда не бывает. В основном такое настроение было у тех, кто постарше. Молодые выписывались и уходили на фронт бодрыми, готовые бить фашистов. Но что сделать, если ночами на меня пикировали самолеты с крестами и уходили под воду корабли. Я нажимал на спуск пулемета, он не стрелял, а бомба летела на мою родную «Коммуну» и прямо мне на голову.

Пришло письмо от мамы. Словно оправдываясь, она писала, что ко мне приехать не сможет. В военкомате ей объяснили, не называя города, что госпиталь находится в прифронтовой полосе, куда въезд строго ограничен. Кроме того, по очереди простудились и переболели обе сестренки. Флигель стоит на яру, и ветер выдувает тепло. С дровами туго. Но это мелочи. Самое главное, что жив ее единственный оставшийся сын. «Просись после ранения в хозчасть. Тебе ведь только восемнадцать исполнилось», — наивно уговаривала мама. Ну, что же, я был не против. Только решать будут без меня. В тот же день я сел писать ответ, заверил мать, что в госпитале пролежу еще долго. Конечно, после ранения меня зачислят в хозчасть.

В декабре сняли гипс. Рука стала тонкой и сморщенной, сгибалась с трудом. На динамометре я выжал левой рукой всего полтора килограмма (пра-

вой — тридцать с лишним). Со мной стали заниматься лечебной физкультурой. Худенькая, коротко стриженная медсестра Нина разминала руку и пальцы. Я с трудом сдавливал детский резиновый мячик. Всерьез испугался, что стану инвалидом. Нина, девушка лет двадцати, с темными блестящими глазами, смеялась, помогая сгибать и разгибать руку.

— Все будет нормально.

Она мяла своими тонкими теплыми пальчиками мою ладонь, и это напоминало игру. Нина мне нравилась, а в восемнадцать лет в мальчишке понемногу просыпается мужчина. Я представлял, как сейчас обниму и поцелую ее, но ни за что бы не решился это сделать. Нина казалась такой красивой и недоступной в своем коротком белом халате, туго подпоясанном в талии. Иногда мы касались друг друга коленями, и тогда я краснел. Нина замечала все, загадочно улыбалась, опуская ресницы, как это умеют делать только женщины.

Ночью в голову лезли всякие мысли. Потом я узнал, что она живет с одним из хирургов. Дня два переживал, словно меня бросила невеста. Казалось, Нина специально меня дразнила, заигрывала, хотя это было не так. Красивый, подтянутый хирург-капитан не шел ни в какое сравнение со мной, с тощим, как куренок, мальчишкой в застиранном больничном халате (один халат выдавали на троих раненых), в кальсонах с оторванными штрипками.

Потом воображаемая любовь прошла. Рана, по словам врачей, была сложной. Немецкая пуля, калибра 7,92 миллиметра, раздробила кусок кости. Кость срасталась медленно. Так же медленно восстанавли-

вались потерявшие силу, сморщенные мышцы. Я мял резиновый мячик, без конца сгибал и разгибал руку, начал понемногу делать упражнения с гирькой, случайно найденной возле кухни. Из палаты выписывались и снова уходили на фронт мои соседи-приятели. Некоторые получали инвалидность. Таким завидовали, если, конечно, человек не лишался обеих рук или ног.

Второго февраля отмечали победу наших войск под Сталинградом. Приготовили праздничный обед, пирожки с повидлом, компот, выдали по стакану вина. Ребята в палате собрали, что могли. Отрядили за самогоном бойкого парня-артиллериста и меня. Проведя всю зиму в палате, я с наслаждением вдыхал свежий морозный воздух. Мы принесли литра два самогона, и выпивка продолжилась. Некоторые ребята, в том числе Андрей, должны были не сегодня-завтра выписываться. Андрей, отбросив обычную самоуверенность, рассказывал, что батальонные минометчики — это почти пехота.

— Самовары в ста метрах от траншеи стоят. Стрельнем пару раз, а в ответ сразу немецкие мины. Без счета...

Андрея через несколько дней выписали. Пожилой пехотинец, с заживающей культышкой руки, посоветовал мне:

— Ты, Санька, очень-то не старайся со своими упражнениями. Не торопись на войну. На твою долю останется.

— Неудобно перед ребятами, — ответил я. — Три с лишним месяца по госпиталям. Как симулянт...

— Врачам виднее. Придет время, выпишут.

Действительно, на одной из комиссий после 23 февраля мне объявили, что скоро будут выписывать. Я и сам рвался из госпиталя, хотя рука была еще слабой. Выписали меня третьего марта. Солнце в наших южных краях светило днем вовсю, с крыш капало, а ночами подмораживало до минус десяти. Потолкался с неделю на пересыльном пункте. В огромной казарме было холодно, спали на голых нарах, кормили кое-как. Затем погрузили на эшелон. Сутки с небольшим куда-то ехали, потом везли на машинах, шли ночью к передовой. Оказался я на Юго-Западном фронте в 786-м стрелковом полку.

Обстановка на юге в середине марта была сложной. Наступление наших войск после победы под Сталинградом и мощного рывка на запад приостановилось, наткнувшись на сильное противодействие переброшенных сюда свежих немецких дивизий. Наши части, оторвавшиеся от тылов и баз снабжения, понемногу переходили к обороне. Фельдмаршал Манштейн со своими танковыми корпусами стремился загладить неудачную попытку прорыва кольца под Сталинградом в декабре сорок второго года. В какой-то степени это ему удавалось. В середине марта, после тяжелых боев, немецкими войсками были взяты Харьков и Белгород.

Мой новый полк, понесший большие потери после зимнего наступления, стоял в обороне. Пополнялся людьми и техникой. Я попал в первый взвод шестой стрелковой роты. Взвод насчитывал человек десять. Меня назначили командиром расчета хорошо знакомого «максима».

Пополнение шло быстро. Однако наряду с сол-

датами и сержантами, прошедшими подготовку или участвовавших в боях, пришли новобранцы, что называется, прямо из военкомата. Срок их учебы исчислялся несколькими днями, в лучшем случае неделями. Оружие они знали лишь в теории, обращаться с гранатами не умели. Через неделю дали приказ наступать. Во взводе насчитывалось уже человек тридцать, а в роте — девяносто. Пулемет я изучил неплохо еще на «Коммуне». В первый день наступления выпустил пять или шесть лент, поддерживал атаки, заставил замолчать немецкий МГ-42. Ротный, проходя мимо, похлопал меня по плечу:

— Молодец, парень. Сразу видно, что Сталинград прошел.

Я хотел сказать что-то в ответ, но старший лейтенант уже шагал дальше, занятый своими заботами.

Наступление проходило тяжело. Лобовые атаки вызывали во мне чувство недоумения. Зачем лезть на огонь немецких пулеметов, почему не зайти с флангов? Мы несли большие потери. Один боец, не выдержав, пустил себе пулю в ногу. Опомнившись, стал убеждать всех, что рану получил в бою. От своих товарищей трудно что-то скрыть, но взводному, молодому лейтенанту, не хотелось раздувать историю. Солдата запросто могли расстрелять, досталось бы и лейтенанту за низкую дисциплину во вверенном подразделении. Опросив несколько бойцов и убедившись, что никто ничего не видел, он мрачно сказал:

— Глянем. Завтра докажешь в бою!

От взвода снова осталась одна треть. Мы сидели, набивая патронами ленты, когда подошел лейтенант. Тоже похвалил меня за четкую работу расчета. Я спро-

сил, будем ли наступать? Лейтенант помолчал, затем коротко ответил:

— Не знаю. Позже сообщат.

Привезли ужин: пшенку с бараниной, хлеб, водку, махорку. Выпили, поели и дружно задымили самокрутками. Напряжение спадало. Я почему-то решил, что наступать не будем. Некому. Но рано утром, в темноте, подвезли завтрак. Выдали водку, граммов по двести. Кто хотел, пили больше. Взвод пополнили тыловиками, даже появился писарь из штаба с автоматом ППШ. Обстановка складывалась паршивая. Не рота, а пьяная толпа. Слышались возбужденные голоса:

— Сегодня мы им покажем!

— Намотаем кишки на штык.

Обещали сильную артподготовку, однако ничего хорошего от пьяной атаки я не ждал. Взводный позвал вчерашнего самострела и сказал, что он будет мне помогать. Второго и третьего номера расчета он забирал. За ночь у парня воспалилась рана, он хромал, на лбу выступила испарина. Я возмутился. Какой из него помощник!

— Ничего, справишься, — отрезал лейтенант. — В атаку некому идти.

— А если меня уб... — я хотел сказать «убьют», но слово застряло в горле. — Если меня ранят? Этот, что ли, за пулемет ляжет?

Второго номера лейтенант оставил. А третий стал собираться, с ненавистью поглядывая на самострела. Подхватил винтовку, вещмешок и попрощался с нами. Шел он, как на смерть. Перед артподготовкой я успел сменить самострелу повязку. У него была на-

вылет пробита мякоть ноги. После короткой артиллерийской подготовки роты двинулись в атаку. Снова в лоб.

Командиры, видимо, сделали какие-то выводы. На прямую наводку выкатили легкие полковые пушки и «сорокапятки». Нам, пулеметчикам, приказали следовать за цепями и вести непрерывный огонь. Как ни странно, но пьяная атака удалась. Захватили первую и вторую линию траншей. Правда, все поле было усеяно вчерашними вмерзшими в льдистый снег трупами и сегодняшними убитыми. Мы катили со вторым номером пулемет, следом ковылял самострел.

Во второй линии немецких траншей остановились. На этот раз наступать было действительно некому. Кое-как пополненные роты снова были ополовинены. Тех, кто получил легкие ранения, пока не отпускали в тыл, ждали атаки немцев. Лейтенант, наш взводный, погиб. На его место назначили старшего сержанта в туго подпоясанной фуфайке. Обходя позиции, сказал мне:

— Готовься. Немцы атаковать будут. Как с патронами?

— Плохо. Всего полторы ленты.

— Пусть помощник на поле пошарит. У погибших полные подсумки остались.

— Слушай, старшой. Где мой третий номер? Верни его в расчет, если жив.

— Если... убили его! Справляйся сам. Вон этот хрен моржовый пусть не стонет, а вину искупает.

Он показал на съежившегося самострела, неумело набивающего пулеметную ленту. После гибели многих друзей, рукопашной схватки бойцы были взвин-

ченные, злые. Пили трофейный спирт. Кое-кто замахивался на самострела прикладом или штыком. Мне приходилось его защищать. Второй номер, шустрый парень, кроме патронов, принес фляжку с чем-то крепким, несколько банок консервов. Мы перекусили втроем, выпили. Когда я заметил, что помощник слишком присосался к фляге, отобрал у него остатки. Набили патронами еще одну ленту.

Немцы начали минометный обстрел. Мы стащили пулемет вниз, накрыли шинелью. Съежившись, слушали, как ухают взрывы. Кричал раненый. Мина взорвалась рядом, закидав нас комьями мерзлой земли. Перебрались в блиндаж, где уже сидели человек двенадцать бойцов. Потом началась атака. Немцы поступали грамотно, перебежками. Их поддерживал крупнокалиберный пулемет и несколько обычных. Я выпустил две ленты, зарядил третью. Видел, как от моих очередей падали наступающие. Не заметил, как опустошил третью, последнюю, ленту. Думаю, с пяток фрицев свалил. Может, больше. Немцы себя берегли, когда начали нести потери, залегли метрах в двухстах. Снова начался минометный обстрел. В блиндаже мы набили остатками патронов неполную ленту.

Под сильным огнем пришлось отступать. Оставили взятую с таким трудом линию немецких траншей, тела наших товарищей. Закрепились во второй линии. Я отпустил самострела в санбат, он уже еле двигался. Второго номера оглушило куском мерзлой земли, вмяло каску. У меня жгло левую руку. Подумал, что ранили, но, сняв телогрейку, обнаружил, что открылась рана, полученная еще в октябре на «Коммуне». Помощник помог выдавить острый осколок кости.

Рана ныла и свербила. Я попросил у него фляжку, но тот ее уже опустошил.

Снова попали под обстрел. К минометам прибавились пушки. Мы отсиживались в блиндаже. Снаряд угодил в крышу. Тройной накат из бревен и шпал, уложенный на обрезки рельсов, треснул. Через дыру посыпалась земля. Мы остались в блиндаже, сбившись у выхода. Считалось, что в одно место снаряд два раза не падает. Пока сидели, едва не прозевали атаку, немцы находились уже в ста метрах. Я выпустил остаток ленты и взял трофейный автомат. Магазины на тридцать два патрона вылетали один за другим. Затем подобрал винтовку. Немцы атаку прекратили.

Командир роты приказал мне раздобыть патроны для пулемета. Где, не объяснил. Зато сообщил, что присвоено звание «младший сержант». Мы собрали с помощником сотни две патронов, но кожух пулемета в трех местах пробило осколками, вытекла вода. Пулевые отверстия еще можно было заткнуть тряпками. Развороченные осколочные пробоины в полевых условиях не заделаешь. Имелся бы паяльник, канифоль, олово, я бы за час, как бывший слесарь, выправил и запаял кожух. Ни паяльника, ни часа времени у нас не было. Вокруг лежали убитые, раненые уползали под пулями в тыл. В ночь мы отступили.

Куда-то шли часов пять подряд. Нестерпимо разболелась рука. Ночь и день я кое-как вытерпел, а вечером снял телогрейку, гимнастерку. Байковая нательная рубашка покрылась коркой засохшей крови. Рука опухла, стала красной от плеча до пальцев. Я позвал помкомвзвода. Тот почесал затылок, послали за ротным. Старший лейтенант осмотрел рану. Санитар,

пожилой дядька, выполнявший обязанности убитого санинструктора, сказал:

— Чего смотреть? Надо парня в санбат отправлять. Заражение может начаться.

Старлей с минуту раздумывал, затем попросил, совсем не по-военному:

— Может, останешься, Саня? Пулеметчиков в роте нет.

— Какой от меня толк? Рука не двигается. Да и «максим» поврежден.

Я понимал положение ротного. Людей осталось всего ничего, что ждет впереди — неизвестно. Но я за последние дни столько нагляделся смертей, участвовал в тупых лобовых атаках, что хотел только одного. Уйти отсюда подальше. Пусть режут, чистят рану, избавят меня от бьющей толчками боли. Старший лейтенант понял мое состояние, вздохнул:

— Ну, иди, Гордеев. Спасибо за службу.

Я козырнул в ответ, а ротный напомнил: «Лычки на погоны ему быстренько нашейте».

Погонов у меня не было. В марте сорок третьего многие еще носили старую форму с петлицами. Мне прикололи на петлицы два медных треугольника, выписали карточку переднего края, и я зашагал в санбат. Долго плутал, рука разболелась еще сильнее. Я мечтал о теплой землянке. Нашел наконец санбат. Несмотря на ночь, там шла эвакуация. Снимали палатки, укладывали на машины и повозки тяжело раненных, медицинское оборудование. Меня на ходу осмотрели, сменили повязку, сделали укол. Мест для многих раненых не хватало. Тем, кто мог идти, предложили либо ждать второго рейса, либо добираться киломе-

тров сорок пешком. Оставили топографическую карту, объяснили дорогу.

Уезжала и кухня. Желающих накормили от пуза молочной кашей, отварным мясом с белым хлебом. Я чего-то пожевал и решил добираться пешком. Одна группа вышла сразу, вторая, человек двадцать, попозже. Возглавил ее капитан с перевязанными руками. Шли по дороге. Уже рассвело, все опасались немецких самолетов, но шагать по целине было слишком трудно. Наст проваливался под ногами, мы увязали в снегу. Снова вернулись на дорогу. Кто-то из бойцов отставал. Помочь им мы ничем не могли. Трое свернули к деревушке, недалеко от дороги. Капитан крикнул вслед:

— В плен попадете!

Трое, не оборачиваясь, брели по оттаявшему мокрому снегу к деревушке. Я им позавидовал, через полчаса они будут в тепле, завалятся спать. Но мысли о плене заставляли меня шагать, забыв о боли в руке. Прошли без отдыха часов шесть. Пасмурная погода мешала немецкой авиации. Видя, что люди падают, капитан объявил час на привал и обед. Мы устроились на пригорке, под соснами. Снег здесь растаял, темнела плешина хвои. Минут пять все сидели или лежали неподвижно, затем стали доставать из вещмешков и противогазных сумок куски, торопливо жевали. У некоторых еды с собой не было.

— Отставить! — поднял забинтованную руку капитан. — Мы в одной армии служим, значит, и харчи в кучу.

Подавая пример, достал из полевой сумки банку консервов, кусок хлеба, пакетик сахара. Кто с охотой,

а кто бурча, стали выкладывать на расстеленное полотенце свои запасы. Я положил полбуханки хлеба одним из первых. Кто-то жевал еще быстрее, не торопясь присоединяться к общему котлу.

— Смотри, не подавись, — насмешливо проговорил капитан.

Боец закашлялся, а все засмеялись. Еды оказалось довольно много. Капитан сразу отложил половину и приказал мне:

— Положи в вещмешок. Как фамилия, сержант?

— Гордеев, — ответил я, вставая, и неожиданно добавил: — Саня... пулеметчик.

Снова раздался смех. Саня-пулеметчик! Как по уставу чешет. Кличка приклеилась ко мне на то время, пока мы добирались до санбата и пока я там находился. А в тот пасмурный мартовский день мы жадно поглощали наш скромный обед. Делили харчи поровну. Мне достался ломоть хлеба, на одном конце которого лежали две мелкие рыбешки из консервов «бычки в томате», а на другом — горка желтоватого сахара.

Сорок километров прошли за два дня. Очень торопились. Нас подгонял гул артиллерии и немецкие самолеты. Самолеты налетали дважды. Первый раз группу не заметили и бомбили большой обоз. Второй раз один из «Юнкерсов-87» погнался за нами. Мы успели спрятаться в перелеске, но отставший раненый боец был убит пулеметной очередью. Похоронить его мы не смогли.

В конце пути повезло, подвернулась попутка, а то бы мы и третий день топали. Настолько выбились из сил, что свалились в палатке и заснули, даже не ужиная. Началось лечение. У меня подозревали остео-

миелит — воспаление костного мозга. Слово «мозг» не на шутку испугало. Чувствовал себя плохо, держалась высокая температура, по ночам бредил. Врачи говорили, что слишком рано выписали из госпиталя. К счастью, остеомиелита я избежал. Руку снова резали, чистили рану. Когда она более-менее зажила, меня оставили на месяц при санбате.

Хотя на участке нашей дивизии шли так называемые бои местного значения, раненых поступало много, особенно с осколочными ранениями. Поганая штука — осколки. Привозили ребят, сплошь издырявленных железом. Рентгена не было, часто осколки нащупывали с помощью обычной металлической спицы. Наркоза постоянно не хватало, давали морфин, спирт. Кричали во время операции так сильно, что я не выдерживал, пытался уйти подальше от операционной. Я считался временным санитаром, меня сразу начинали искать. Санитарам работы всегда хватало. Выносили раненых, тазы с отрезанными руками и ногами. Идешь, а женщины тебя останавливают, достают из тазов окровавленные бинты для стирки и повторного использования. Нагляделся всяких ужасов. Как люди от заражения и перитонита умирали, как плакали, очнувшись от наркоза, безногие или безрукие парни и мужики. Изредка видел ребят без обеих ног с одной рукой или с отчекрыженными руками-ногами. Их называли «самовары». Лежали как не в себе, обколотые морфином. Вскоре «самоваров» отправляли в госпиталь. Говорили, что большинство из них умирают. Сказать откровенно, мы им не выздоровления желали, а легкой смерти. Кому ты без рук-ног нужен?

А меня пригрела санитарка Ася, женщина года на три постарше. Думаю, она просила врачей оставить меня подольше при санбате. Это я уже позже понял. Я за санбат не держался, готов был хоть завтра на выписку. Возможно, Ася мою жизнь спасла. Как я потом узнал, в то время полк вел тяжелые бои. Выписали меня в начале июня. Ася плакала, собрала в дорогу еды. Расцеловались, сел на попутную машину и поехал в штаб дивизии. Про переписку и дальнейшие встречи разговоров не было. На войне даже на неделю вперед не заглядывали, боялись сглазить. Все знали, что жизнь в любой момент может оборваться.

Я попал в свой полк. Только в другой батальон, командиром пулеметного расчета. Наведался в свою бывшую роту, с трудом нашел двоих-троих знакомых ребят, остальные все новые. Стало так тоскливо, что больше в свою роту не приходил.

Июнь и половину июля простояли в обороне. Севернее гремела ожесточенная Курская битва. Во второй половине июля перешла в наступление наша дивизия и наш полк. Коротка жизнь пехотинца в наступлении. Хотя летом сорок третьего года нас активно поддерживали танки и авиация, атаки в степи, среди редких перелесков, заканчивались гибелью целых рот и батальонов. Как бы ни прославляли великое мастерство наших полководцев, людей гибло огромное количество. Мы, пулеметчики, двигались вместе с наступающими. Но если пехотинцы могли какое-то время отлежаться в укрытии, от нас требовали вести постоянный огонь. Немного постреляешь, и сразу меняй позицию. На «максимы» обрушивался огонь немецких МГ-42, минометов и тех самых 75-

миллиметровок, одну из которых я видел на волжской переправе.

В первый же день, лежа в наспех углубленной воронке, я потерял второго номера. Нас засекли, пора было менять позицию, но вылезти из воронки означало верную смерть. Немецкие пулеметы подметали все, как метлой, мины рвались, едва касаясь земли. Второй номер, красивый рослый парень, родом из Донецка, приподнялся всего на десяток сантиметров. Пуля пробила голову вместе с каской. Кровь текла под меня, руки в агонии намертво сжали ленту. Кое-как расцепил пальцы, отодвинул помощника, а на его место лег третий номер, совсем молоденький, зеленый парнишка. На поле вокруг нас лежали трупы. Кровь быстро засыхала под горячим солнцем, откуда-то сразу собирались тучи мух.

В роте было два «максима». Один разбило миной в первый день наступления. Исковерканный пулемет отбросило метров на пять. Расчету «повезло», погиб только один человек. Двое других, раненные и контуженные, сумели уползти. На второй день к вечеру от роты осталась половина: убили ротного, двух командиров взводов. Я с тоской понял, что завтра меня тоже убьют или искалечат. Помню, выпил больше, чем обычно, наставлял третьего номера, как управляться с пулеметом, и даже пытался написать прощальное письмо матери. Не знаю, чего бы спьяну написал, но меня свалила усталость и водка.

На следующий день шел в бой с чувством обреченности, на мое бледное лицо обращали внимание другие солдаты. Но и этот день я провоевал до конца. Удачно вел огонь по немецким траншеям. Новый

командир роты (бывший взводный) сказал, что я буду представлен к медали «За отвагу». Это немного встряхнуло меня, но когда шли через участок атаки, увидел десятки трупов наших бойцов и снова почувствовал тоску. У меня были ботинки с обмотками, один начинал разваливаться. Помощник показал на труп немца и предложил:

— Может, возьмешь сапоги, Саня?

— А зачем? — равнодушно отозвался я.

Утром меня ранило. Мина разорвалась справа, и я поймал несколько осколков. Кое-как забинтованный, добрался до санбата. Под новокаином вытащили шесть осколков. Два, застрявших глубоко, оставили, сказав, что требуется операция, которую сделают в госпитале. Самым болезненным было ранение в лицо. Осколок размером с половинку горошины пробил щеку и раскрошил два зуба.

В санбате, где снова встретился с Асей, пробыл дня четыре. Ни о каких любовных делах речи не шло, я лежал пластом на койке, слабый от потери крови. Затем меня отправили в госпиталь, в город Лисичанск, где вытащили оставшиеся осколки из бедра. Мучила зубная боль, которую раньше я никогда не знал. Я невольно расшатывал обломки зубов, разодрал язык, десны. Когда немного окреп, пожилой капитан-дантист, с прибаутками, дыша в лицо спиртом, ловко выдернул остатки обоих зубов. Передохнув, сказал:

— Слушай, надо бы и третий зуб удалить. Выдержишь? Он пополам треснул, не залечишь.

Я согласился. Третий зуб полетел в эмалированную чашку.

— Ну, вот, теперь легче станет. Зубы мы тебе железные вставим.

Легче не стало. Дня через два воспалилась челюсть, раздуло щеку. Капитан почистил дырки от зубов и заверил, что ничего страшного нет. Плохо заживала глубокая рана на бедре, опухоль на щеке никак не спадала. Комиссар (или замполит) госпиталя, в звании майора, вызвал меня к себе. Задал несколько вопросов, затем неожиданно спросил:

— Ты холодную воду специально пил, чтобы воспаление вызвать? Хочешь подольше в госпитале поваляться? Ты и так уже полвойны пролечился.

Будь этот разговор месяца два назад, я бы, наверное, смолчал. Но из меня уже выходило мальчишество. Я становился бывалым и злым солдатом, не раз ходившим под смертью и имевшим на счету достаточно убитых врагов. Вытер слюну, сочившуюся изо рта, и ответил:

— Валяются пьяные в канаве. А меня два раза в бою ранили. В бою! Вы хоть знаете, что это такое?

— Молчать!

Но меня уже прорвало. Я орал что-то бессвязное, комиссар тоже кричал. В кабинет вбежала женщина-врач, утащила меня. Я вырывался и требовал выписки на фронт. Мне сделали укол, я кое-как заснул. Вечером в палате обсуждали случившееся. Не секрет, что политработники держали везде своих осведомителей. Их обязывали писать донесения о морально-политическом настрое в подразделениях. Решили, что на меня кто-то настучал. Дни стояли жаркие, я действительно пил холодную воду.

Подозрение пало на мужичка, лет тридцати, явно залежавшегося в госпитале. Его могли оставить по ходатайству комиссара, а тот в обмен на «доброту» впол-

не мог стать доносчиком. На мужичка обрушились с обвинениями, потребовали объяснить, почему его так долго держат в госпитале. Не знаю, как в действительности обстояли дела, но мужичок под напором обозленных фронтовиков убежал из палаты и где-то до ночи отсиживался. Меня успокаивали, говорили, что все будет нормально. Один из бывалых бойцов оборвал остальных:

— Хватит сопли размазывать! На Саньку всех чертей могут повесить. И нарушение режима, и неподчинение начальнику... да мало ли что. Самое лучшее, если ты, Саня, сходишь к замполиту и покаешься. Майор тоже воевал, тебя поймет.

Каяться я не хотел. Видно, нервы у меня были на пределе. Начали проверку, опрашивали врачей, других раненых. Ничего не накопали. Майор затаил на меня злость. Не скажу, что он был плохим человеком. Просто кто-то из стукачей, отрабатывая свой хлеб, донес, что я специально пью холодную воду, чтобы застудить раны. Вместо разговора у нас получилась базарная склока. Замполит хорошо понимал, что, ввязавшись в перепалку с восемнадцатилетним сержантом, он в первую очередь подорвал свой авторитет. А что ждало меня, я мог только догадываться.

От нежелательных последствий спасло неожиданное событие. На фронте дела обстояли неплохо. Пятого августа были освобождены Орел и Белгород, 23 августа — Харьков. Развесили плакаты: «Сломали хребет фашистскому зверю!», «От Курской битвы — к полной победе!». Ну, и конечно, «Слава Сталину!». В один из дней в госпитале поднялась суматоха: мыли, чистили, меняли белье. Мне достался новый халат. Ждали большое начальство.

Начальство явилось не с пустыми руками. Полковник со свитой вручал раненым ордена и медали. Я получил медаль «За оборону Сталинграда», чему был немало удивлен. Сколько месяцев прошло! Полковник задержался возле меня. Сказал несколько слов о том, что сталинградцы всегда сражаются отважно, и пожелал скорого выздоровления. В свите был и замполит. Конечно, он соглашался с полковником. После этого майор делал вид, что меня не существует. В последних числах сентября я был выписан. Несмотря на то что пролежал в госпитале около двух месяцев, в справке прочитал: «легкие осколочные ранения». Ничего себе легкие! Восемь осколков. Все бедро располосовали, пока последний кусок железа достали.

Я шел на фронт со смешанным чувством. Госпиталь надоел хуже горькой редьки. Но мысли о том, что снова дадут пулемет, буду постоянно под огнем, тревожили и даже пугали. Опять кантовался в запасном полку, который остался в памяти тесно набитыми казармами, строевой подготовкой и очень плохой кормежкой. Теперь я уже рвался на фронт. Там, по крайней мере, нет муштры, забора с колючей проволокой и кормят нормально.

Снова попал в стрелковый полк, который вскоре перебросили на северо-запад. Освобождал Белоруссию, Польшу. Командовал отделением, затем присвоили звание «старший сержант» и назначили помощником командира взвода. В конце июля, недалеко от Варшавы, получил тяжелое ранение. Не дошел до реки Висла километров десяти.

Будь она неладна, эта Польша и Висла! Сколько могил оставили, не сосчитать. Обидно сознавать, что на нас как на врагов там сейчас смотрят. Ведь, освобождая Польшу, погибли 600 тысяч советских солдат и офицеров. Подвыпив, пою иногда:

В полях за Вислой сонной,
Лежат в земле сырой,
Сережка с Малой Бронной
И Витька с Моховой...

Может, слова перевираю, но песня мне нравится. За душу берет. Ну, ладно. А теперь про тот последний бой.

Попал под раздачу крепко. Во взводе оставалось человек тринадцать. Немцы оседлали высотки, мы их оттуда выбивали. Нам хорошо помогали самоходки СУ-122. Вместе с полковой артиллерией они разбивали укрепления, минометные батареи. Раза два атаковали неудачно. Потом подошли танки. Они на полном ходу смяли оборону, следом подошли мы. Гляжу, там «тридцатьчетверка» горит, подальше вторая, третья... Четвертую на буксире в тыл тащат. Самоходкам тоже досталось. Броня у них слабоватая. Одна взорвалась, ее, как консервную банку, разворотило. Мимо пробегаю, гляжу, куски тел лежат. Их там пять человек было, ни одного целого тела не осталось. Вздохнул, побежал дальше.

Немецкие траншеи разворочены, всё с землей смешано. Ребята повеселели, а тут немецкие снаряды посыпались. Где, какой снаряд взорвался, не помню. Ударился лицом о землю с такой силой, что из носа кровь брызнула. Думал, споткнулся. Приподнялся, а

левая рука подломилась. Снова ее перебили. На этот раз ниже локтя. Потерял сознание, очнулся, меня санитары на повозку грузят. Голый по пояс, весь перебинтованный. Пытаюсь кричать: «Гимнастерка! Там документы, комсомольский билет, награды». Из горла только шипение. Санитары меня поняли. Подсунули ближе гимнастерку, а она липкая, вся в крови.

Кроме руки, осколки повредили легкое, сломали два ребра, насквозь пробили ногу. Меня сразу отправили в госпиталь. Сделали одну, вторую операцию. Пролежал месяца три, затем отправили в легочный санаторий под Сочи. Уже решался вопрос о комиссовании по инвалидности. Я в санаторий ехать не хотел. Просил, если решили комиссовать, отправьте домой. Нет, езжай в санаторий! Так закончилась для меня война. Какие награды имею? В Сочи ехал с медалями «За оборону Сталинграда» и «За боевые заслуги». Позже получил медаль «За победу над Германией» с профилем Сталина. Любое воспоминание о покойном вожде у некоторых вызывает раздражение. А что Сталин? Меня воспитали на уважении к нему. Кто после Сталина страной рулил, послабее будут.

В Сочи чуть не женился. Познакомился с женщиной, звали Зина. Она в санатории работала, имела свой дом, дочь три года. Пока восстанавливал здоровье, несколько раз проходил медицинское обследование. Наконец убедились, что для войны я не годен. Левая рука двигалась плохо, легкое толком не заживало. Дали третью группу инвалидности. Спрашивают: «Куда проездные выписывать?» Я хотел ответить, мол, никуда. Здесь остаюсь. Вдруг подумал про маму,

сестренок, сердце защемило. Отвечаю: «Выписывайте в Сталинград».

Подруга меня не отпускала. Куда ты поедешь, тебя в поезде задавят. Я твердо настроился ехать, обещал вернуться. Зина на прощание сказала: «Не вернешься ты, сердцем чую». Но проводила хорошо, мешочек грецких орехов дала, мандаринов, еды на дорогу. Мандарины в толкучке раздавили, а орехи довез. Был февраль сорок пятого года. Сталинград я не узнал, сплошные развалины. Дошел до своего дома, он весь скособоченный, бревнами подпертый. Перед домом огромная воронка, заполненная грязным льдом. Сестренки выросли — не сразу узнаешь. Невестами стали, а у мамы седые волосы появились. Бабушка ничего, держалась, кинулась еду готовить. Засиделись за столом до ночи, наговориться не могли.

Проходили дни, недели. Я чувствовал себя неуютно в своем родном городе. Словно на кладбище попал. Большинство друзей (не говоря про отца и брата) пропали на войне. Домишко наш рушился, ремонтировать было нечем, целой доски не найдешь. Кроме того, очень плохо было с питанием, топливом для печки. Немцы все дерево пожгли, пока в окружении сидели. Я устроился слесарем на автобазу, где раньше работал отец. Здесь случайно познакомился с бригадиром из поселка Красный Яр Котельниковского района.

Стал он меня переманивать в свой поселок. Мол, там слесари в гараже очень нужны. Колхоз дом выделит, питание в селе лучше, вокруг сады, рыбы много, рядом Дон. Обещал подумать. Глянул на себя в зеркало — кожа да кости. В домишке холодина, у меня

постоянный кашель, легкое не заживает. Иногда пятна крови на платке оставались. Вспомнил про Сочи, вздохнул. Там климат целебный. Но не потащишь же туда всю семью? Бросать своих я не хотел, единственный мужик остался.

В общем, в начале лета сорок пятого переехали мы на Дон, где я вскоре женился, родились два сына и дочь. Сестренки замуж вышли. Годы быстро летят. Иногда бываю в Волгограде. Однако больше чем на день-два не задерживаюсь. Слишком многое напоминает о прошлом, о погибших родных и друзьях. Мои ровесники почти все с войны не вернулись. Наш овраг понемногу засыпают землей, возводят дома. На месте бывшего поселка и густой рощи поставили многоэтажный гараж. Недавно даже церковь недалеко от нашего исчезнувшего дома появилась. У детей уже свои дети. Дай им Бог не видеть войны!

Я ПРОШЕЛ ШТРАФНУЮ РОТУ

Первая атака закончилась неудачей. Огонь был такой сильный, что мы намертво застряли посреди нейтралки. Приказы на отход штрафникам давали редко. Только вперед! Ситуация складывалась настолько безнадежной, что сверху решили сохранить хотя бы половину роты. Для новой атаки. Так судьба подарила многим из нас еще один день жизни.

Малыгин Н.В.

★ *Николай Васильевич Малыгин — мой земляк, родом из села Коржевка Инзенского района Ульяновской области. Собирать материалы о фронтовиках сейчас непросто. Затрудняет общение возраст собеседников, порой раздражение пожилых людей, которые чувствуют себя забытыми. И просто нежелание вспоминать о страшных днях войны. В большей степени это касается городских жителей. С сельскими земляками попроще. Они с серьезностью относятся к моей работе. Мы подолгу беседовали с Николаем Васильевичем. Он рассказал мне свою военную судьбу и даже поделился воспоминаниями о пребывании в штрафной роте. Эту страницу биографии он не то чтобы скрывал, но старался о ней не упоми-*

нать. «Ну, уж если начал писать, пиши тогда всё», — подумав, объявил Николай Васильевич.

Я родился 14 апреля 1924 года, в селе Коржевка, в 45 километрах от станции Инза. Село наше большое, расположено в окружении лесов, в километре от реки Сура. Места красивые. Я их ни на какую Швейцарию не променяю. Поляны среди березовых рощ в июне усыпаны земляникой. Она поменьше городской, садовой, зато запах и вкус совсем другой. Перед войной и во время войны, когда сахара не было, мы как лакомство ели наше «фирменное блюдо». В большую миску мама насыпала собранную землянику, часть ягод давила ложкой и заливала молоком. Сидели всей семьей и хлебали вкуснятину.

Семья у нас была большая. Пятеро детей. Старшая сестра, Катя, 1923 года рождения, затем я, еще две сестры и самый младший, Федя, 1929 года. Еще с нами жили родители отца. Так что за стол садились без малого десяток человек. Умиляться нашей довоенной жизнью не буду. Хотя тогда проще было. Люди так за деньгами не тянулись, помогали друг другу. В колхозе платили слабо. По осени отец, дед и старшая сестра получали мешков пять ржи, сколько-то гороха, свеклы, чего-то еще по мелочи. Картошку выращивали сами, вспахивали по весне бороной огромный огород. Урожаи были хорошие, ульяновская картошка славится. В лесу собирали ягоды, грибы, орехи.

Деревенская жизнь интересная, хотя трудиться приучают с малых лет. У нас многие выращивали гусей. Умная птица, но своенравная, хлопот с ней много. Часто уходят за два-три километра от дома,

плавают в озере. Украсть гуся (не было у нас тогда краж!) невозможно. Если чужой человек схватит зазевавшегося гусенка, вся стая поднимает гогот. К ней присоединяются остальные стаи. Шум стоит по всей округе. Ходишь, ищешь свой выводок, гонишь хворостиной домой или пасешь на лужайке, чтобы опять не удрали.

Вспоминаю, как носили еду отцу и другим мужикам на покос. А еда такая. Малосольные огурцы с рассолом из погреба, горячая картошка. Все в тряпки замотано, чтобы рассол не нагрелся, а картошка не остыла. Еще хлеб домашний, яйца, зеленый лук. Холодный рассол наливали в большую чашку, крошили туда огурцы, лук и хлебали, заедая картошкой и яйцами. Нас, детей, косари вместе с собой сажали. Ох, вкусно было! Затем ложились в тень и, закрыв лицо платком от оводов, спали час-полтора. Домой возвращались гордые, с пустой глиняной посудой. Большое дело. На обратном пути собирали землянику, мелкие ранние грибы-маслята. Ну, это когда нам лет по десять-двенадцать было. С четырнадцати мы уже наравне со взрослыми сено косили.

Колхозных трудодней и огорода на большую семью не хватало. Хочешь, опишу, какая «мебель» у нас была? В проходной комнате, она же кухня-столовая, вдоль стены тянулась лавка. Самодельный стол, табуретки, деревянная кровать, на которой спали дед с бабкой. В «передней комнате», то бишь зале, тоже все было самодельным: платяной шкаф, стол, табуретки, еще две деревянных кровати, где спали сестренки и мы с братом. У родителей имелась отдельная спальня за тонкой деревянной перегородкой, которая свобод-

но пропускала все звуки. Из покупных вещей имелось большое зеркало и два самовара. Посуда состояла из чугунков разного размера и глиняных горшков. Ложки были оловянные, большие, круглые.

Об электричестве мы не слыхали. Перечисляю все не потому, что хочу подчеркнуть бедность. Бедными мы себя не считали. Тогда ведь как считалось? Не голодаешь, обувка-одежка имеется, значит, нормально живешь. Отец и мать хотели, чтобы я закончил десять классов. Не получилось. Денег в семье не хватало, вернее, не водилось совсем. Из колхоза никуда тебя не отпускали, заработать на стороне возможности не было.

После седьмого класса отец устроил меня на лесопильный завод (заводик!), в деревне Проломиха, в тринадцати километрах от нас. Завод считался государственным предприятием, платили там по сельским меркам очень неплохо. Правда, пришлось жить на квартире. Летом я приходил домой на воскресенье, а зимой чаще двух раз в месяц не получалось. Гордился, что на мои деньги покупали материал на одежду, обувь, посуду, «городскую» белую муку, сахар.

Война обрушилась внезапно. Конечно, все мы переживали отступление Красной Армии, радовались разгрому немцев под Москвой. В феврале сорок второго года взяли в армию отца. К тому времени пропали без вести два моих двоюродных брата, погиб дядька. В апреле должны были призвать меня. Оглядываясь назад, понимаю, что не выжил бы во время жестоких боев сорок второго года, но спасла броня. Из наших высоченных мачтовых сосен гнали ценную доску для нужд фронта. Работал по двенадцать-

четырнадцать часов без выходных, дома появлялся редко.

В конце августа сорок третьего года получил повестку. К тому времени меня так умотала работа, что я рвался на фронт. Подальше от непрерывного визга электропил, бесконечных смен, когда буквально засыпал, и раза два чуть не попал под зубья пилы. Работа на оборонном предприятии была не просто тяжелой, а выматывающей. Смену часто удлиняли на два-три часа. Поужинаешь, брякнешься на кровать, уже пора вставать. Не поверишь, на ходу досыпал, пока на работу шагал. Ноги сами вели. Я завидовал молодым лейтенантам с орденами, о которых писали в газетах. Чем я хуже?

Что такое война, я не имел представления. Разбили немцев под Сталинградом, на Курской дуге. Ура, мы побеждаем! Идет мощное наступление, которое не остановить. В село вернулись несколько человек, ставшие инвалидами. Крепко выпив, они пытались рассказать, что испытали. Но сильно распускать языки тогда не давали. Знаю точно, что одного мужика забрали в Инзу за то, что он слишком хорошо отзывался о немецких самолетах. Там он просидел в кутузке месяц или два, как-то избежал суда «за паникерство», но вернулся очень молчаливым. Может, и правда, не следовало в такие трудные времена рассказывать об армадах немецких самолетов. Фронтовикам требовалось излить душу, а им не давали.

Я попал в Саратовское артиллерийское училище. Мы изучали дивизионные пушки Ф-22, легкие «полковушки» с укороченными стволами, а затем знаме-

нитую ЗИС-3, которая считалась лучшим противотанковым орудием.

Что могу сказать об учебе? Артиллерия России всегда находилась на высоте, сильны были традиции. Преподаватели рассказывали о подвигах артиллеристов в Бородинском сражении, в Крымской, Гражданской войне. Я не говорю о действиях нашей артиллерии в Отечественной войне. Здесь палку явно перегибали, особенно на политзанятиях. Информацию в основном черпали из газет. О том, как батареи подбивали по 10—15 фашистских танков, уничтожали полчища вражеской пехоты. В эти вещи мы мало верили, однако предпочитали помалкивать.

Много внимания уделялось стрельбе с закрытых позиций. Изучали расчет траектории снарядов, многочисленные поправки на ветер, температурный режим, водные преграды. Хотя в училище брали ребят, имеющих образование не меньше семи классов, эта тригонометрия давалась многим с трудом. Я тоже путался. Преподаватели терпеливо объясняли все снова. Поднимались мы рано, ложились поздно. На теоретических занятиях, особенно по химзащите, изучению уставов, политинформациях, многие клевали носом, а кое-кто и всхрапывал.

Что больше всего вспоминается из периода учебы? За шесть с половиной месяцев я узнал нового больше, чем за всю предыдущую жизнь. Чего там говорить, если в райцентре, городе Инза, всего два раза бывал. На железную дорогу смотрел, разинув рот. А здесь учеба в областном центре. Преподаватели опытные: капитаны, майоры. Имелось несколько фронтовиков. К сожалению, о своем боевом опыте они рас-

сказывали скупо. Правда о войне — вещь непростая. Даже сейчас любят показывать просто невероятные вещи, сказки какие-то. Бьют немцев, они только падать успевают. А тогда тем более любая информация отмерялась строго. Однако от фронтовиков мы почерпнули много полезного. Например, практические советы, что делать при бомбежке, артобстреле.

Взять хотя бы чистку орудий. После занятий мы драили учебные пушки до седьмого пота. Считали, от нас требуют слишком много. Преподаватель, бывший командир батареи, рассказывал случай, который врезался в память. Выходили из окружения, оружие было в грязи. В одной деревне попросили у хозяйки подсолнечного масла. Почистили, смазали пистолеты, винтовки, пулемет. Ну и что получилось? Подсолнечное масло загустело, затворы кое-как двигались. Пришлось в лесу костер разводить, горячей водой масло смывать. Это не совсем к пушкам относилось, зато доходчиво объясняло, что любое оружие надо содержать, как положено.

Большое внимание уделялось борьбе с бронетанковой техникой. Мы подробно изучали характеристику немецких танков, самоходок, их слабые места. В теории выходило, что 76-миллиметровые орудия ЗИС-3 были вполне способны побеждать «Тигры», «Пантеры», «Фердинанды», не говоря о других машинах. В то же время возникали вопросы. ЗИС-3, знаменитая пушка конструктора Грабина, на дальности пятьсот метров пробивала семьдесят миллиметров брони, а лобовая броня «Тигров» составляла 100—110 миллиметров. Как с ними эффективно бороться? Преподаватели, ссылаясь на опыт войны, объясняли,

что толстая броня решает не все. У любого танка имеются уязвимые места: бортовая часть, гусеницы, колеса. На Курской дуге целые поля горелых немецких танков остались.

Как происходило на самом деле, я не знал. Однако училище заканчивал с твердой уверенностью, что наша артиллерия самая сильная. Да и начавшийся сорок четвертый год принес новые победы: снятие блокады Ленинграда, разгром немецких войск в Корсунь-Шевченсковской операции, полное освобождение Киевской, Днепропетровской, Житомирской областей. Скажи тогда, что из тридцати пяти курсантов нашего взвода половина погибнет, не дожив до победы, мы бы не поверили.

В середине февраля сорок четвертого года я попал на 2-й Украинский фронт, которым командовал генерал армии Конев И.С., в 1389-й стрелковый полк, накануне Уманско-Ботошинской операции. Она не слишком известна, но войск в ней было задействовано много и крови пролилось достаточно.

Меня назначили на должность командира огневого взвода батареи полковых пушек, или, как их чаще называли, «полковушки». В училище мы неплохо изучили эту систему. В качестве пособий использовались пушки образца 1927 года. В полк поступили прямо с конвейера, зеленые, как ящерицы, орудия нового образца. Легкие, весом 600 килограммов, с более сильной оптикой. Скажу сразу, что эти короткоствольные пушки огневой поддержки пехоты не вызвали у меня восторга. Само название говорило об их применении в рядах атакующих.

Должности в армии не выбирают. Тем более двое выпускников нашего взвода (фамилии в памяти не остались) попали в батарею «сорокапяток», предназначенных для борьбы с танками. Тех вообще называли: «Прощай, Родина!» Встретили меня хорошо. Командир батареи, капитан Аникеев Петр Емельянович, опытный артиллерист, воевавший с сорок второго года, познакомил со взводом, немного рассказал о людях. Сразу отмел слухи, ходившие среди курсантов, что личный состав батарей «полковушек» долго не живет.

— Я ведь живой. И другие ребята год-полтора воюют. Научись умело действовать, прислушивайся к опытным бойцам. У тебя командир первого орудия — молодец.

Фамилия «молодца» была Вялых. Крепкий, веселый старший сержант в бушлате имел две медали. Форма на нем сидела, как влитая, яловые сапоги блестели, на поясе висела кобура с трофейным пистолетом. Он месяц исполнял обязанности командира взвода и сразу постарался показать, что держит взвод в руках. Два десятка бойцов и сержантов были побриты, старенькая форма аккуратно заштопана. Помню, меня удивили белые подворотнички.

Отношения со старшим сержантом Вялых складывались непростые. Не скажу, что он игнорировал меня или настраивал людей против. Однако первое время мои приказы дублировались через него. Я не знал мелочей. Например, проблемы с кормежкой лошадей. Приходит ездовой и, отдав честь, докладывает, что кончился овес. Всё официально, по званию, разрешите обратиться. А ведь во взводе обращались

без чинов, козыряли только капитану Аникееву. Начинаю бегать, искать овес. Хорошо, что вырос в селе, знал, чем его можно заменить. И все равно наталкивался на трудности. Снабженцы отвечали, что подвоза не было, обходитесь сами.

Во второй раз беготня надоела. Вызвал ефрейтора (хитрован еще тот!), который ведал хозяйством взвода. Он начал было валять дурочку, ничего не знает, с овсом туго. Я пригрозил перевести его в боевой расчет. Вечером откуда-то взялся овес и небольшая скирда сена. Помкомвзвода Вялых не торопился помогать. Позже я понял, что он присматривается. Невелика была моя должность, но жизнь взвода во многом зависела от его командира. Если попадется упрямый дурак — беда! Я понял, что отношение ко мне может перемениться лишь после первого боя.

Капитан Аникеев был своеобразным человеком. Мне и второму командиру огневого взвода, тоже «шестимесячному» младшему лейтенанту, говорил так: «Сопляки вы еще! Глядите больше на меня, чему-то научитесь». Любитель выпить, он стал приглашать меня в компанию лишь спустя время, когда я немного «обкатался» в боях.

Перед наступлением на Умань происходили бои местного значения. И мы, и немцы прощупывали силы друг друга, выравнивали линию обороны или наступления, активно велась разведка. В конце февраля возле поселка Новгородка состоялся мой первый бой. Я из него мало что запомнил. Оказаться впервые под огнем, увидеть бьющие в тебя пулеметы на расстоянии 500 метров, — настоящее испытание

для новичков. Я терялся, путал команды. В какой-то момент, оттолкнув наводчика, сам встал за прицел. Фактически перестал руководить взводом, выполнял команды старшего сержанта Вялых.

Запомнились немецкие каски и лица врагов, приближенные оптикой. Точно знаю, что разбил пулемет, а всего орудие выпустило около сотни снарядов. Полк продвинулся на километр. В моем взводе погиб один человек, троих отправили в санбат. После боя, придя в себя, ожидал нахлобучки. Аникеев указал на кое-какие недостатки, вскользь заметил, что находиться за прицелом не мое дело. Но в целом похвалил. Наладился контакт со взводом. Выпили вместе с Вялых и командиром второго орудия. В компании были еще два сержанта из старичков и тот ефрейтор, который сразу пообещал мне сменить поношенные сапоги. Позже я понял: главной моей заслугой было то, что я все время оставался возле орудий. Ну, а большего от меня не ждали. Взводом фактически командовал Вялых.

Второй бой, происходивший через сутки, оказался для полка и батареи неудачным. Что хуже всего, я начал бояться. День назад я думал лишь о том, чтобы не ударить в грязь лицом, не дай Бог, посчитают трусом. Сейчас я видел картину боя, отдавал команды, но шкурой чувствовал, как летят мины, свистят осколки и пули. Ко мне бежал связной от комбата, хотел что-то передать. Осколок мины пробил насквозь каску и макушку головы. На истоптанный, талый снег натекла лужа крови. Вялых глянул на убитого и сказал:

— А ты, Николай, требовал каски надевать.

Шапка с каской мешали слышать команды. Да и

никудышняя это была защита. Жестянка. Не сравнить с немецкими касками. Потом в моем расчете ранило заряжающего. Когда сняли шинель, я увидел измочаленную, мокрую от крови гимнастерку, рука болталась на сухожилиях. Я справился с растерянностью, оказал помощь раненому и послал бойца к комбату узнать, что он хотел.

В этом же бою мне пришлось вести огонь по дзоту. На учебных стрельбах в Саратове я со второго-третьего выстрела поражал мишень размером с деревенское окошко на расстоянии полкилометра. Здесь же выпустили штук пятнадцать снарядов, пока не попали в амбразуру. В тот день в нашем взводе убило сразу двух бойцов. Их расшвыряло взрывом снаряда. Оба лежали сплющенные, словно попавшие под колеса огромной машины.

Шестого марта началось наступление фронта. Недалеко от города Умань я впервые столкнулся с немецкими танками. В боекомплекте каждого орудия, кроме осколочно-фугасных и бронебойных снарядов, имелось по десять штук подкалиберных. Дело в том, что короткий ствол «полковушек» не давал возможности разгонять до нужной скорости бронебойные болванки. Орудия не предназначались для борьбы с танками. Достаточно сказать, что, по расчетным данным, бронебойные снаряды на полкилометра пробивали всего 30 миллиметров брони. А лобовая часть большинства немецких танков превышала 50—70 миллиметров. Подкалиберные снаряды были гораздо эффективнее.

Кто не дрался с танками, тот еще не артиллерист! Так говорили. Я ощутил это на себе. Напряжение

страшное, танки идут очень быстро. Первыми огонь открыли дивизионные пушки ЗИС-3, стоявшие недалеко от нас. Лупили они — будь здоров. Скорострельность высокая, как будто огромный пулемет молотит. Подбили один танк, второй. Немцы сменили направление и краем шли на нас. С четырехсот метров по сигналу Аникеева ударили и мы. Тут уже команды были не нужны. Вялых работал с одним орудием, я — со вторым. Двадцать подкалиберных снарядов вылетели за пару минут. Подбили Т-4. Его на буксире пытались оттащить, но если танк остановился, это все, конец.

Стреляли бронебойными и фугасными. Взвод ПТР со своими длинными ружьями нам хорошо помогал. Плотность огня была высокая. Танк подожгли, а второй, который действовал в качестве буксира, повредили. Оторвался от орудия, спрашиваю у Вялых: «Ну, как?» Он головой в сторону первого взвода кивает. Мама родная! Одна пушка на боку без колес валяется, щит погнут, кто-то пытается встать, а не может.

Контратаку мы отбили. Потеряли одно орудие и человек шесть погибли. Однако наступление шло удачно. Меня представили к медали «За боевые заслуги». Десятого марта я был ранен. Мина разорвалась позади. Два осколка попали в ягодицы и два в спину. В горячке продолжал командовать. Меня едва не силком оттащили в сторону. Не потому, что такой герой. Просто пережитое напряжение не давало угомониться. Потом голова закружилась, даже вздремнуть пытался, когда перевязывали. Растолкали, повели в медсанбат.

Осколки, попавшие в спину, вытащили быстро.

Зато ягодицы резали, как кусок мяса. Все под новокаином. Он вскоре действовать перестал, боль страшная. Чтобы не кричать, я ругался, бормотал всякую чушь. Мне было стыдно, что осколки попали в задницу. Хирург утешил, сказав, что мне повезло. Один из осколков (мне его затем оставили на память) вошел в мякоть, рядом с копчиком, а это, считай, позвоночник. С ним шутки плохи. В санбате пролежал тридцать шесть дней, затем снова вернулся в полк, который продвинулся на запад. Аникеев и ребята из батареи встретили меня с объятиями.

— Ну, вот, снова воевать будем, — сказал капитан. — Тебя тут медаль дожидается.

Медали я был рад, но, увидев множество новых лиц, понял, что потери понесли большие. На месте командира первого взвода был уже другой «шестимесячный» младший лейтенант. От моего взвода осталось совсем мало ребят, с кем я начинал воевать. Убыли с тяжелыми ранениями оба моих товарища, с которыми я прибыл из Саратова. Выжили они или нет, не знаю.

Период с мая по сентябрь сорок четвертого года запомнился боями, контратаками, а временами и отступлением. Но в целом армия двигалась вперед. В августе начались бои в Румынии. Двадцать первого августа был взят крупный город Яссы. Румыния — страна бедная, мужчины и женщины чернявые, похожие на цыган. Первое время от нас прятались (все же бывшие союзники Германии!), затем отношения наладились. Нам категорически запрещали лезть на подворья за едой. Да у румын особенно и брать было нечего. Однажды зашли в хату, предложили хозяевам

румынские деньги, которые нам выдали. Попросили поесть, что почем, не знали. Просто положили пачку красных банкнот. Нас угостили кукурузной кашей-мамалыгой, политой маслом.

Каша мне не понравилась. Зато вино было хорошее. Холодное, слегка сладковатое. Мы выпили кружки по три. Наполнили фляги и, кроме того, хозяева дали нам кувшин с вином, литров на семь. Денег взяли немного, несколько бумажек. Когда провожали, кланялись. Мне стало неудобно. Я сказал: «Чего вы кланяетесь? Мы ведь тоже простые люди. Освобождаем вас от фашистов».

Настроение у меня было приподнятое. В батарее я стал окончательно своим, получил вторую звездочку на погоны. Однако на войне не знаешь, что будет завтра. В сентябре я влетел в историю, которая закончилась штрафной ротой.

Как не раз бывало, излишняя торопливость при наступлении оборачивалась для наших войск крепкими ударами немцев с флангов, а то и окружением. Севернее города Тыргу-Муреш немцы нанесли сильный контрудар. Полку, дивизии, еще каким-то подразделениям пришлось отступить. Как всегда, началась неразбериха. Ведь приказ Верховного «Ни шагу назад!» продолжал действовать. Самое дрянное в таких ситуациях — командование не торопилось давать приказы на отход. Чего-то ждали, кто-то сражался, а некоторые части, чтобы не попасть в плен, отходили на свой страх и риск.

Сразу скажу, винить никого не собираюсь. Мне уже было двадцать лет, воевал с февраля, считался об-

стрелянным командиром. Знал, что к чему. Батарея расстреляла почти все снаряды, осталось всего два орудия. Капитан Аникеев дал приказ отходить. На дороге нас догнал передовой отряд наступающих немцев и венгров. Бежать дальше означало погибнуть под огнем в спину. Остатки пехотного батальона, наша батарея и несколько «сорокапяток» вступили в бой. Помню, выпустили все снаряды до единого. Сообща подбили танк, бронетранспортер, отогнали немецкую пехоту. Я стрелял из ручного пулемета. Слышу, зовет старший сержант Вялых:

— Николай, иди сюда. Капитана убили.

Смерть Аникеева меня потрясла. Полгода на фронте можно смело приравнять к 5—10 годам обычной жизни. Человека узнаешь и запоминаешь навсегда. Я считал, что Аникеев, или «Емельяныч», как мы его часто называли, всегда перехитрит смерть. Мы были за ним как за каменной стеной, верили в его удачу и опыт. И вот он лежал мертвый. Мне, единственному оставшемуся в живых офицеру, пришлось принять батарею: два уцелевших орудия без снарядов, три десятка человек, семь или восемь лошадей. У нас имелись ручной пулемет, автоматы, запас гранат.

Положили тело капитана на орудийный передок и двинулись дальше. Местность называлась Трансильвания: горы, быстрые речки, сосновые леса. Подошли к одной такой речке, а мост взорван. В походном положении наши орудия весили тысяча триста килограммов. Я понял, что через речку с быстрым течением и порогами, крутыми каменистыми берегами пушки не перетащить. Послал людей вверх и вниз вдоль речки, поискать более отлогое место. Стояли на обо-

чине возле взорванного моста, чего-то ждали. Мимо проходила пехота. Какой-то капитан крикнул:

— Чего ждете? Немцы на пятки наступают. В плен захотели?

В плен мы не хотели, но бросить орудия я не мог. Выкопали могилу, похоронили нашего комбата, а разведчиков все нет. Ждать дальше было опасно. Если немцы выйдут к мосту, то отступать будет поздно. Нас перебьют, пока мы спускаемся да поднимаемся через русло реки. В общем, досиделся. Появились немецкие мотоциклы и легкий бронетранспортер. Принимать бой? Бесполезно. У них имелся крупнокалиберный пулемет.

Приказал снять с пушек панорамы, затворы, сунули в стволы по гранате. Русло переходили под огнем. Человек восемь погибли, раненые бежали, держась за лошадей. Господи, как я желал, чтобы меня тоже ранили! Пули и осколки летели мимо, а через сутки мы вышли к штабу дивизии. Вывел я человек пятнадцать бойцов, пять лошадей и, как оправдание, принес панорамы от орудий. Спрашивают:

— Ты был за командира батареи?

— Так точно. Только в ней всего два орудия без снарядов оставались.

И сую невпопад обе панорамы. Майор из штаба дивизии крикнул:

— Сунь их себе в задницу! Бросил орудия?

— Никак нет. Взорвал.

— Ну, иди, глаза бы тебя не видели.

Мне стало обидно, я молча ушел. Считал, что инцидент исчерпан. Однако вечером меня забрали. Я оказался под следствием.

От сумы и от тюрьмы не зарекайся. Верная пословица. Следствие, а особенно пребывание в темном вонючем подвале с ведром-парашей, сразу дало понять, что я попал в беду. Сначала меня в чем только не обвиняли. Оказывается, я совершил несколько преступлений. Это было и самовольное оставление поля сражения, утрата военного имущества, оставление противнику средств ведения войны и что-то еще. Сроки светили огромные, а в конце каждой статьи Уголовного кодекса указывалось, что деяние, совершенное в военное время, предусматривает смертную казнь.

Били меня или нет? Если не считать пары-тройки оплеух, полученных от особиста, со мной обходились довольно вежливо. Я ведь рассказал все, как было. Солдаты и сержанты, отступавшие вместе, подтвердили показания. Следователь военной прокуратуры делал нажим на то, что, имея оружие, боеприпасы, мы уклонились от боя и отступили. Наверное, он представлял войну по газетам и считал, что мы вполне могли справиться с передовым немецким отрядом.

— Сколько вас оставалось возле так называемого разрушенного моста? — спрашивал он.

— Двадцать два или двадцать три человека. Человек семь я послал искать брод.

— Перечислите, какое оружие у вас имелось?

— Ручной пулемет, карабины, автоматы. Ну, гранат еще сколько-то.

— Вот, — торжественно уличал меня молодой следователь. — А против вас, согласно показаниям, действовали три немецких мотоцикла и броневик. Их, что, нельзя было уничтожить? Ведь вас было больше.

Складывался никчемный бестолковый разговор. Слово «уничтожить» казалось следователю простым и понятным. Как в кино. Подползти к глупым фрицам с тыла и забросать гранатами. Бесполезно было доказывать, что немецкая разведка на трех мотоциклах и бронетранспортере состояла из двенадцати-пятнадцати человек, вооруженных как минимум тремя пулеметами, в том числе одним крупнокалиберным. Они ближе ста метров нас бы не подпустили.

В документах следствия появились такие слова, характеризующие мою никчемную личность: пассивность, неумение командовать и, наконец, преступная трусость. Я превращался в довольно мерзкого типа. В чем-то следователь был прав. Может, и надо было вступить в безнадежный бой, положить остатки батареи, погибнуть самому. Тогда сумевшие выбраться солдаты (в лучшем случае — один или два) показали бы, что батарея славно сражалась и осталась на камнях безымянной румынской речки.

В подвале, где я сидел, находилось человек десять. Здесь я познакомился со Степаном Архипкиным. Мелкий, морщинистый мужичок, лет тридцати, оказался моим земляком из города Алатырь, километрах в ста от Коржевки. Он был буквально придавлен арестом и маячившим впереди приговором. Архипкин пробыл на фронте недели полторы, до этого не брали по здоровью. Попал под следствие по величайшей глупости. Приятель из роты уговорил Степана пальнуть ему в руку. Мол, недельки две в санбате хочу полежать, устал от войны. Как признавался Архипкин,

сказано было с такой убежденностью, что он согласился. Стрельнуть... отдохнуть, подумаешь, мелочи. Винтовка в руках неопытного бойца тряслась, пуля перебила кость. Тяжелораненого увезли в госпиталь, а Архипкина сунули в подвал.

С нами вместе сидели разные люди. Некоторые вляпывались по пьянке. Один попал за убийство и изнасилование. Рассказывал, что не стерпел, полез на девку. Та сопротивлялась, он ее слегка придушил. Когда уходил, девка пригрозила пожаловаться командованию. Тогда задушил по-настоящему. Ему дружно предрекали расстрел. Здесь друг друга не утешали, зато давали дельные советы. Капитан, бывший командир роты, обросший щетиной (бритвы у всех отобрали), обвиняемый за отступление без приказа, посоветовал мне каяться. Напирать на то, что, отступая, мы выпустили по врагу все снаряды и патроны.

— Не бойся, лейтенант. Тебя не расстреляют, — уверенно сообщил он. — Артиллеристов стараются беречь. На заседании трибунала не спорь, но и не молчи. Ты полгода воевал, имеешь ранение. Это большой плюс!

— А я? — спрашивал рядовой Архипкин.

— Ты просто дурак, — изрекал капитан. — Даже сейчас умнеть не хочешь. Скажи на суде, что тебе угрожали. Запугали сильно.

— Соврать, значить?

— Значить! Лейтенант из пушки полгода немцев бил, а ты дурил всю войну. Наконец призвали, человека искалечил, помог от фронта уклониться.

У Степана было трое детей. Он очень переживал за них, приставал ко мне, без конца спрашивал, как луч-

ше вести себя на суде. Трибунальские дела были мне незнакомы, и я советовал прислушиваться к опытному капитану. Кстати, в адрес капитана прошелся один из тыловиков, арестованный за хищение обмундирования и продуктов: «А ты сухим из воды хочешь выйти. Самый умный?»

— Был бы умный, комбатом бы уже стал и с вами дураками здесь не сидел, — ответил капитан. — Получу два месяца штрафбата, отвоюю и дальше ротой командовать стану.

Уверенность опытного офицера передавалась и мне. Человек убежден, что выкарабкается из штрафников, вернет награды и звание. Чем я хуже? Тоже не новичок, воевать научился.

Спустя неделю я предстал перед военным трибуналом. Приготовленная небольшая речь не пригодилась. Ответил на несколько вопросов, а когда хотел заверить судей, что готов честно искупить вину, мне ничего сказать не дали. Обменявшись двумя-тремя фразами, судьи объявили, что я разжалован в рядовые, приговорен к шести годам лишения свободы с заменой на два месяца штрафной роты. Архипкин получил пять лет и тоже два месяца штрафной роты. К капитану трибунал отнесся более снисходительно. Он отправился в штрафной батальон сроком на месяц.

— Пропаду я, — вздыхал после суда мой земляк. — Штрафников на смерть посылают.

Я посоветовал ему не помирать раньше времени, а Архипкин попросил разрешения держаться рядом со мной. Вдвоем не так страшно.

Штрафная рота располагалась недалеко от поселка. Мы шли со Степаном Архипкиным под конвоем сержанта. Конвой был весьма условным. Автомат у сержанта висел за спиной, сам он не изображал начальника и даже угостил махоркой. Когда подошли к КПП, нас передали другому сержанту и отвели к командиру роты. Капитан, с орденом Красной Звезды и двумя нашивками за ранения, разговаривал с нами по отдельности. Выслушав мою историю, сказал:

— Ладно, Малыгин. Что было, то было. Теперь будем вместе воевать. Ты фронтовик с опытом, лейтенант, все хорошо понимаешь. Дальнейшее от тебя зависит.

Он не назвал меня «бывшим лейтенантом». Настороженность уступала место любопытству. Вместе с Архипкиным мы попали в третий взвод, которым командовал лейтенант Буняк. Очень крепкий парень, широченный в плечах. Разговаривал с нами тоже нормально, но сразу предупредил, что никаких фокусов не потерпит. Взвод насчитывал человек пятьдесят, а всего в роте было четыре взвода.

Рота как рота. Обмундирование обычное: поношенные шинели, солдатские гимнастерки, ботинки с обмотками, у некоторых кирзовые сапоги. Оружие имели только офицеры, старшина и кое-то из сержантов. Расположение роты было огорожено хилой изгородью с колючей проволокой, перемахнуть через которую ничего не стоило. Только бежать некуда.

Командир нашего отделения, сержант Дейниченко, тоже был крепким парнем, только высокого роста. Я подумал, что в штрафную роту специально отбирают физически сильных командиров. «Наверное,

чтобы скрутить в случае чего», — мелькнуло в мыслях. Я был прав только отчасти. Отношения рядовых штрафников с сержантами и офицерами были такие же, как в обычных ротах. После общения со следователем и трибуналом, где в ходу было слово «гражданин», меня снова называли «товарищ». Впрочем, чаще выкликали по фамилии:

— Малыгин, завтра заступаешь дневальным по роте.

— Есть, товарищ сержант!

Познакомился с ребятами из отделения. За что попал в штрафники, не спрашивали. Задали несколько вопросов, откуда родом и где воевал. В течение полутора недель мы находились на прежнем месте. День начинался с физзарядки и небольшой пробежки. Затем следовал завтрак, и начинались занятия. По боевой, тактической подготовке, изучали оружие. Каждое утро проводили политинформации. Все это поначалу удивляло. Я ожидал встретить здесь прожженных волков, которых держат за проволокой, а потом по команде «фас» пускают в атаку.

Однако «волков» было не так много. Из разговоров я понял, что большинство штрафников такие же бедолаги, как Архипкин и я. Запомнились некоторые истории (хотя я не полностью в них верил), похожие друг на друга. Двое бойцов нашего взвода где-то пьянствовали, отстали от своей части. Блуждали дня три по тылам, пока не задержали. Один солдат умудрился потерять винтовку. Дело с винтовкой замяли бы, но парень испугался, бегал, искал оружие. Как назло, попался на глаза проверяющему из штаба полка. До этого в полку уже был случай утери оружия. В нази-

дание другим парня судили, дали месяц штрафной роты. Кстати, для таких, как он, занятия по тактике и боевой подготовке были не лишними. Парень не успел дойти до передовой, никакого боевого опыта не имел.

По крайней мере, человек пять из взвода попали за различные нарушения, связанные с пьянкой. Кто-то подрался с патрулем, другой устроил стрельбу в румынской деревне, требуя вина. Попадали и за серьезные дела. Архипкин показал мне на бойца с безразличным, почти сонным лицом. Подозревали, что он стрелял в спину офицера. История получилась темная, вину доказать не смогли, иначе бы расстреляли. Судили за невыполнение приказа и дали на всю катушку, три месяца.

Был и трудно объяснимый случай. Боец, уже повоевавший, вышедший после ранения из госпиталя, перед атакой стал бросать из траншеи гранаты. До немцев (или румын) было с полкилометра. Глядя на него, открыли стрельбу другие солдаты. Кто-то крикнул, что прорвались немцы, началась суматоха. Рота попала под минометный огонь, и атака сорвалась. Я хорошо запомнил этого солдата. Светловолосый, лет двадцати, звали его Семен. Сколько он получил, не помню. Кажется месяц или два. Уверен, у бойца просто не выдержали нервы. Что-то вроде психоза.

Блатных во взводе насчитывалось человек пять. Кто-то из них в действительности вор и грабитель, а кто подделывается, разобрать было трудно. Они держались кучкой, всячески показывали свою полную независимость, порой громко смеялись, неизвестно чему. Кстати, сонный боец, подозреваемый в

убийстве офицера, был из их кучки. Только держался тише. Кличка у него была типично лагерная — Шмон. Блатные вызывали во мне отвращение, сказывалась вековая крестьянская ненависть ко всякого рода ворью. Взводного Буняка они явно побаивались и в его присутствии предпочитали молчать.

Лейтенант Буняк никого не трогал и пальцем, однако имел достаточный опыт в обращении с «трудновоспитуемыми». Когда бывал чем-то недоволен, лишь улыбался. Но от его улыбки и внимательного, какого-то хищного взгляда становилось не по себе. Командиры отделений, каптер, еще двое-трое бойцов, приближенных к взводному, были его опорой. Сержант Дейниченко, командир отделения, однажды спросил меня:

— Как самочувствие, лейтенант?

— Нормально, только я не лейтенант, а рядовой.

— Это временно. У меня глаз наметанный. Воевать будешь, как положено, вернешься к своим пушкам лейтенантом.

— Дай-то Бог, — вздохнул я.

— Поможешь мне по боевой подготовке? Оружие, наверное, хорошо знаешь.

Я согласился и провел два занятия с половиной отделения. Мне специально выдали винтовку, учебные гранаты РГ-42 и Ф-1. Вскоре вооружили всю роту. В основном винтовками, но были и автоматы. Мне достался автомат ППШ, два запасных диска. Патроны и гранаты получили непосредственно перед отправкой на передовую.

Специфика штрафной роты чувствовалась во многих мелочах. Я не хочу представлять своих товарищей,

как сборище полублатной, развязной публики, ухмыляющейся над командами офицеров. Буняк такого бы не позволил. Но не все шло гладко. Люди убегали в самоволку, в казарме по ночам пили румынский самогон из слив и винограда. За что-то сильно избили бойца. Когда меня перед отправкой назначили заместителем командира отделения, один из блатных ехидно и многозначительно сказал:

— Ты слишком не выделывайся. Не думай, что за нашими спинами будешь прятаться.

Я сдержался с трудом. Знал, что срываться нельзя. Не будем лицемерить, и в нормальных ротах порой сводили счеты друг с другом во время боя, когда не знаешь, откуда прилетит пуля. В штрафной роте тем более. Я ничего не ответил. Дейниченко узнал о разговоре, стал расспрашивать. Я отмолчался, не хотелось, чтобы остальные думали, будто после двух занятий я чем-то выделяюсь. Слишком напряжены были люди. По слухам, в атаках гибли две трети штрафников. Как обстояли дела на самом деле, никто не объяснял. Бодрым словам политрука роты и его помощников верили мало.

Обстановка на нашем участке фронта на границе с Венгрией складывалась следующая. Несмотря на мощное наступление Красной Армии, выход из войны ближайшего соседа венгров, Румынии, венгерское правительство продолжало оставаться активным союзником Германии. Шестого октября 1944 года 2-й Украинский фронт начал наступление. Протяженность фронта была огромная и составляла 800 километров. Однако войска в течение нескольких

дней захватили ряд населенных пунктов, в том числе город Орадя, важный узел коммуникаций. В период с 13 октября развернулись ожесточенные бои на линии между городами Клуж и Дебрецен. Необходимо отметить, что Дебрецен являлся третьим по величине городом Венгрии и находился в пятистах километрах от Будапешта. Вместе с немецкой армией нам противостояли венгерские дивизии и корпуса. Венгры дрались упорно. Это мне придется испытать на собственной шкуре.

Местность называлась Средне-Дунайской низменностью, однако гор, холмов и водных преград здесь хватало. Мы вступили в бой недалеко от городка Деречко. В роте насчитывалось триста с лишним бойцов, почти батальон. Только в отличие от обычного батальона у нас практически не было тылов. Старшина да несколько ездовых. Остальных выдвинули на передний край. Потрепанный пехотный полк потеснился, уступая нам место. Разместились в вырытой еще до нас траншее.

Здесь мы провели остаток дня, и я имел возможность осмотреться. Как всегда, немцы оседлали высотку, а наши части стояли в низине. До немецких позиций было метров восемьсот. Каменистый холм, скорее гряда, высотой метров сорок. На вершине виднелись остатки старых каменных сооружений, основательно разрушенных артиллерией. На склонах росли кусты, тянулись полосы виноградника. Всё это было наполовину выжжено. Нейтральная полоса, на расстоянии пятисот метров, представляла открытое место, с редкими островками кустарника, сильно посеченно-

го пулями и осколками. Кое-где торчали одиночные деревья. Среди пожелтевшей травы, лежали трупы. Кто-то взялся считать и досчитал до ста пятидесяти.

Мы узнали, что пехотный полк несколько раз пытался атаковать укрепления. Несмотря на мощную артподготовку, многие огневые точки подавить не удалось. Остатки старой каменной усадьбы имели толстые стены. Полк сумел преодолеть половину расстояния и откатился под сильным огнем. На левом фланге, среди густых виноградных лоз, остались с ночи бойцы, сумевшие добежать до подножия холма. Все это нам рассказал после совещания у командира роты лейтенант Буняк. От него также узнали, что на высоте, кроме пулеметов, имеется несколько орудий и минометная батарея.

Слушали лейтенанта молча. Все знали, что на легкий участок нас не пошлют, но холм с каменными укреплениями казался неприступным. Его пытался взять целый полк и не взял. Что можем сделать мы, три сотни человек? Останемся лежать на венгерском травянистом поле. Вряд ли нам дадут пробежать и половину нейтральной полосы. Архипкин уныло спросил меня:

— Безнадежно, товарищ лейтенант?

Что я мог ответить? Холм с укреплениями торчал, как больной зуб. Остальные части продвинулись вперед, а остатки полка в любом случае должны взять высоту. Если наверху лишь хотят продемонстрировать активность, наша рота будет очень кстати. Ее уничтожат, приплюсуют новые потери, а дальше командование армии, глядишь, подбросит артиллерию, может, и авиацию. Возможен и другой вариант, кото-

рый казался мне наиболее приемлемым. Преодолеть открытое место ночью, перед рассветом, и броском через кустарник ворваться в немецкие траншеи.

Атаку запланировали на утро. Потом быстро все переиграли. По траншее тащили ящики с патронами и гранатами. Я взял коробку на сто штук патронов и штук семь гранат РГ-42. Нам разъяснили, что высота мешает продвигаться соседней дивизии — с западного склона бьют в спину. Атаковать будем в течение ближайшего часа. Раздали водку. Я понял, что роту бросают в бессмысленную атаку. Возможно, мы отвлечем на себя огонь, а с тыла ударят другие части. Вряд ли! С каждого требуют за свой участок.

Я выпил граммов сто пятьдесят водки, вернее, разбавленного спирта. Он показался совсем не крепким, и я снова подошел к небольшой очереди. Мне было все равно. Из этой атаки живым не выбраться. Пока стоял, почувствовал, что пьянею. Степа Архипкин дернул меня за рукав и протянул кружку со спиртом. На лице у него было написано отчаяние, пальцы дрожали. Я, не выдержав, закричал:

— Чего трясешься? Пей напоследок.

Степан медленно выпил половину кружки, я прикончил остатки. Уже вечерело, пошел мелкий дождь. Началась артподготовка. Батарея 122-миллиметровых гаубиц выпустила десятка четыре снарядов. Я приходил в себя. Лейтенант Буняк возился с ракетницей. Оставались считаные минуты. Я вдруг почувствовал, что не хочу умирать. Мне было жалко себя, мать, тщедушного земляка Архипкина с его тремя детьми. Он по-прежнему жался ко мне. Я был его единственной надеждой уцелеть в безнадежной атаке. Встряхнул Степана за плечо:

— Делай, как я, понял?

— Ага.

Захлопали полковые пушки. Их звук я мог бы отличить от любых других выстрелов. Мои родные «полковушки». Потом взвились вверх ракеты. Вперед! Мы наступали на участке шириной метров двести. Пушки продолжали вести огонь, немцы молчали. Зато открыли стрельбу штрафники. Она была бесполезной, лишь в придачу к водке глушила страх. Потом посыпались мины, ударил крупнокалиберный и штук пять обычных пулеметов. Огонь был такой сильный, что мы намертво застряли посреди нейтралки. Архипкин и я лежали в ложбине, хоть какое-то укрытие от пуль. Здесь нас могли достать только миной, но об этом не хотелось думать.

В трех шагах лежало вниз лицом тело бойца, погибшего вчера. По бледному бескровному лицу стекали капли дождя. Один из штрафников бежал назад. Увидев нас, кинулся к ложбине. Пулеметная очередь ударила по ногам. Он упал и пополз. Пули поднимали фонтанчики мокрой земли, с хлюпаньем перехлестнули тело погибшего пехотинца. Я втянул раненого за руки. Из перебитых ног ниже колен текла кровь. Перетянули жгутом обе ноги. Штрафник из нашего взвода, словно не чувствуя боли, повторял:

— Искупил... кровью искупил. В тыл меня.

Но тыл ему бы не помог. Возможно, пули были разрывные или угодили сразу несколько штук. Кровь продолжала идти, несмотря на туго затянутые жгуты. Он потерял сознание. Приказ на отход штрафникам давали редко. Только вперед! Но ситуация складывалась настолько безнадежной, что сверху решили со-

хранить хотя бы половину роты для новой атаки. Так судьба подарила многим из нас еще несколько часов жизни.

До темноты мы с Архипкиным пролежали под дождем в нашем ненадежном укрытии. Раненный в ноги штрафник умер. Трупов на поле прибавилось. Октябрьская дождливая ночь могла бы стать хорошим временем для атаки. Но ракеты, взлетавшие над холмом, хорошо освещали все вокруг. В каплях дождя блестело оружие, каски погибших людей. Мы двинулись в обратный путь. Расстояние в четыреста метров проползли часа за два. Когда добрались до траншеи, лейтенант Буняк сообщил, что командир соседнего отделения погиб и я назначен вместо него. Всего на нейтралке остались лежать убитых или тяжело раненных более ста человек. Еще сорок человек, получившие ранения, были отправлены в санбат. Несколько штрафников, раненных легко, командир роты оставил в строю. Царапины и мелкие порезы вызывали сомнение.

Отделение насчитывало человек восемь. Люди выглядели подавленными. Некоторые, убегая, выбросили гранаты, запас патронов, кто-то остался без винтовки. Я понимал, что вторая атака закончится еще более неудачно. Бойцы залягут на нейтралке, их придется поднимать выстрелами. Понимали это и офицеры. Нам объяснили, что в любом случае атака повторится. Имеются лишь два выхода: или всем погибнуть, или взять укрепление. Буняк, остановившись возле меня, сказал:

— Разъясни своим, что наступать придется до победного конца. С нами церемониться не будут.

— С нами — точно, — ответил кто-то, отделяя лейтенанта от штрафников. — А вы еще поживете.

Буняк едва сдержался. Он находился с нами в атаке. Вперед не лез, но и за спины не прятался. Лейтенант мог вполне погибнуть, и дразнить его сейчас было опасно. Позже, когда он собрал командиров отделений (среди них уже было два штрафника), я сказал, что думал. Если атаку повторят прежним методом, мы ничего не добьемся. Лейтенант глянул на меня красными от напряжения и водки глазами:

— Слов нахватался. Методы... о стратегии еще поговори, — потом изменил тон. — Все я понимаю. Только не легче от этого. Ну, и что можно предложить?

Дальнейшее совещание превратилось в ругань и набор совершенно пустых предложений. Все сводилось к тому, что укрепления надо долбить артиллерией, авиацией, вызвать танки. Но танки бы на крутой холм не взобрались, а насчет остального... Дадут снарядов, сколько решит начальство. Вряд ли можно рассчитывать на сильную артподготовку. Итог подвел сержант Дейниченко. Он не был штрафником и очень хотел выжить.

— Сейчас мы ничего не решим. Если есть возможность, пусть дадут оглядеться. Взвесить, что почем.

Никто бы не дал нам оглядеться. Наши слова мало что значили. Однако атаку откладывали, и я пытался найти вариант, который давал хотя бы минимальные шансы на успех. Долго осматривал передовую. Ко мне подошел один из блатных и посоветовал не лезть из шкуры. Я отреагировал молча, потом поговорил с Дейниченко. Вместе покурили, к нам присоединился один, затем второй командир отделения. Начал вырисовываться план. Все соглашались, что атака в лоб

ничего не даст. Я рассказал остальным, что, несмотря на осветительные ракеты, мы с Архипкиным сумели проползти четыреста метров и вернуться в траншеи. Значит, можно ночью добраться до виноградника и кустов. Хотя бы небольшой группой. А дальше? Что получится дальше, загадывать не стали. Как карта ляжет. У каждого своя судьба.

Поговорили с Буняком, тот с ротным. Наши планы всерьез никто не принимал. Но сыграли свою роль несколько обстоятельств. Командир полка, несмотря на нервотрепку и понукания сверху, взвесил дальнейшие действия разумно. В винограднике по-прежнему оставались несколько бойцов из полка, отрезанные от своих. Кроме того, атаку приказали повторить совместно, силами стрелкового полка и остатков штрафной роты.

Я рассказываю об этих днях так подробно потому, что в октябре сорок четвертого в Венгрии судьба почти не оставляла мне возможности выжить. Я находился на передовой полгода, был ранен и считался далеко не новичком. Смерть обходила меня стороной. Но в прежней жизни, на батарее, многое зависело от моих решений. Здесь же я был втиснут в жесткие рамки «от сих до сих». Однако наше предложение приняли. Отпускать в ночь штрафников было рискованным решением. Может, полгода назад на такой шаг бы не пошли. За двух-трех человек, перебежавших к немцам, спросили бы и с командира полка, и с нашего ротного. Но куда бежать осенью сорок четвертого? Советские войска уже вступили в Германию, судьба войны была практически решена. Третий взвод усилили десятком добровольцев, и часа в три ночи мы выползли из траншей.

Двигались двумя группами. Одна под командой лейтенанта Буняка, другую возглавлял замполит роты, старший лейтенант. Парень смелый, но не имевший достаточно опыта. Чего ради он полез вместе с нами, не знаю. Наверное, командир роты приказал. Я оказался в первой группе. Нам повезло, мы добрались до виноградника без потерь. Зато крепко не повезло второй группе, их высветили ракетами и открыли огонь. Замполит погиб одним из первых. У кого нервы покрепче, пытались отлежаться. Те, кто кинулся бежать, погибли почти все. Потом взялись за лежавших. Два пулемета с расстояния четырехсот метров били по живым и мертвым. До виноградника добрались человек восемь, а всего нас осталось тридцать человек с небольшим.

Здесь мы встретили бойцов, сидевших под носом у немцев вторую ночь. Голодные, потерявшие надежду на спасение, они были разочарованы, узнав, что это всего лишь взвод штрафников, а не долгожданная подмога из полка. Буняк приказал им наступать вместе с нами. Отказаться, кроме раненых, никто не посмел. Мы продвинулись еще метров на сто пятьдесят, до немецких укреплений оставалось столько же.

Что могут сделать четыре десятка человек там, где потерпел неудачу целый полк? Оказалось, многое. У нас просто не было другого выхода. Начало медленно светать, открыла огонь артиллерия, затем поднялись в атаку основные силы. Не дожидаясь их, мы на корточках, на коленях пробирались сквозь кусты. Никто не стрелял, не кричал, двигались молча. Когда нас заметили и открыли огонь, до немецких траншей оставалось всего ничего. Кто-то падал, мертвый или раненый, остальные одолевали последние метры.

Началась в буквальном смысле драка. Такую драку за покос мне пришлось видеть в детстве. Совсем рядом стрелял пулемет. Язык пламени бился под ногами. Потом он замолк. Пулеметчиков били стволами и прикладами. Один вырвался и выстрелил из пистолета в сержанта. Тот упал, а пулеметчика закололи штыком. Сцепившись, по дну траншеи катались в клубке сразу несколько человек. Мелькали подковы немецких сапог, наши стоптанные башмаки, раздавалась ругань на немецком и русском. Мелькнула голова фрица в каске.

Я первый раз видел врага так близко, почти в упор. Нажал на спуск автомата. Попал или нет, не знаю. Однако голова исчезла. Рядом бежал Архипкин. Мы оба кинулись на немца. Архипкин ударил прикладом по каске, винтовка переломилась. Я выпустил длинную очередь. Под пули едва не попал мой земляк. Мы бежали по траншее. Незадачливый гранатометчик Семен едва не наступил на немецкую гранату-колотушку. Отпрыгнул назад, сбил меня с ног. Рвануло совсем рядом, за поворотом траншеи, на голову посыпалась мокрая земля. Столпившись, торопливо швыряли РГ-42 и «лимонки». Некоторые в спешке забывали выдернуть кольцо. Но гранат было много, взрывы гремели один за другим. Кидаться за поворот траншеи медлили. Нас пихнул в спину лейтенант Буняк:

— Вперед, не медлить! Малыгин, уничтожь пулемет в доте.

Дот представлял из себя кусок каменной стены метр толщиной с бетонным перекрытием. Из узкой продолговатой амбразуры гулко, как в ведро, моло-

тил крупнокалиберный пулемет. Меня снова опередил Архипкин. Подскочил к амбразуре, попытался забросить «лимонку». Опыта у него не хватало, граната покатилась по склону. Мы опять кинулись на землю, разброс осколков у гранаты Ф-1 слишком большой для наступательного боя. Бежавший следом боец из нашего взвода не успел ничего понять. Заряд взрывчатки внутри Ф-1 разносит чугунный корпус на десятки осколков и металлическое крошево. Бойца накрыло веером осколков. Он закричал, прижимая ладони к лицу.

— Своего убил! — ахнул Степан Архипкин.

Я подполз к амбразуре поближе, примерился и бросил легкую РГ-42. Она взорвалась внутри. Двое пулеметчиков, хоть и раненые, выскочили из задней бронированной двери. Не надо было с ними связываться, пулемет замолк, а они убегали. Но я крикнул: «Бей гадов!», и дал по ним очередь. Они обернулись, один ударил из автомата. Я упал. Когда поднял голову, увидел, что Степа Архипкин лежит передо мной и нога в ботинке дергается. Пулеметчиков след простыл, а земляку досталось несколько пуль. Умер он.

Немцев выбили. Не скажу, что главная заслуга принадлежала нашему взводу. Мы своим появлением внесли сумятицу, отвлекли немцев от наступающих цепей. Потери были большие. Меня ранили, когда немцы пошли в контратаку. Ранение паршивое. Пуля пробила правую ладонь у основания пальцев. Ладонь забинтовали, выписали необходимые документы, и я отправился в санбат. Лейтенант Буняк хорошо выпил после боя, пожал мне левую руку, поздравил. От роты осталась одна треть. Семен-гранатометчик тоже по-

лучил ранение. Шмон, который вперед не лез, остался в роте. Завидовал нам: «Эх, надо было и мне руку подставить!» Хотя я руку не подставлял, а пулю мог словить и в лицо, и в грудь.

Из санбата меня направили в госпиталь. Там пролежал до середины декабря. Мизинец ампутировали, а безымянный палец не сгибался. Его летом сорок пятого отрезали, когда повторную операцию делали. Звание и медаль вернули. Думал, что меня с покалеченной рукой на тыловую должность назначат. Ничего подобного. Направили в другой полк снова командиром огневого взвода. Участвовал в боях за Будапешт, которые шли с декабря сорок четвертого года по 13 февраля сорок пятого. Город прикрывал подступы и кратчайшие пути в Австрию и южные районы Германии.

Немцы и венгры дрались упорно. Бывало такое, что от нашей батареи оставались одно или два орудия. Подвозили новые пушки, пополняли личный состав, и снова в бой. Получил легкое ранение, но остался в строю. К марту я просто выдохся. Рана болела, оставшиеся на правой руке пальцы гнулись плохо. Пистолет держать было нечем, я его в обоз отдал, чтобы лишнюю тяжесть не таскать. Носил легкий автомат Судаева, который не раз приходилось пускать в ход. За Будапешт меня представили к ордену Отечественной войны второй степени. Я его получил летом, уже после Победы, когда лежал в госпитале. Позже мне вручили медаль «За взятие Будапешта».

Последние полтора месяца войны провел на должности начальника артвооружения полка. Из дивизии на батарею приехали проверяющие. Я отдал подпол-

ковнику честь, ладонь кривая, безымянный палец, как сухая палочка, торчит. Он спросил у командира полка: «Почему инвалиды воюют? Здоровых не хватает?» Отвечаю: «Я не инвалид. Со своими обязанностями справляюсь». Подполковник опять: «Что про нас американцы подумают? Пусть парень где-нибудь при штабе служит». Так решилась моя дальнейшая судьба.

Тыкали мне моим грехом и штрафной ротой? Умные люди — нет. Однажды в бою начштаба звонит, чем-то недовольный. Филонишь, мол, Малыгин. Опять в штрафную роту угодить хочешь? А командир полка меня уважал. Я орден Отечественной войны благодаря ему получил. Он приказал повторное представление написать, хотя должность к тому времени у меня была тыловая, на побегушках. Просто оценил мои действия в боях за Будапешт. Орденом этим я горжусь. Отечественную войну первой степени получил в 1985 году. Ну, тогда всех участников награждали, не глядя на заслуги.

Демобилизовался осенью сорок пятого. Встретили меня с почетом. Председатель колхоза мяса выписал, хорошего хлеба. Родня и вся улица собралась, три дня гуляли. Потом стали думать, куда меня определить. Возвращаться на лесопильный завод не хотел, да и что там делать с покалеченной рукой? Значит, привыкай к колхозной жизни. Работал, как все, затем столярную мастерскую возглавил, в бригадирах ходил. После Германии тяжко было смотреть на нашу нищету, непроезжие дороги, кучи навоза в каждом дворе. Но все равно жили, смеялись, на свадьбах отплясывали.

Николай Васильевич закрыл ладонью диктофон:

— Выключи ты его, а то наболтаю невесть чего. Знаешь, почему я штрафную роту вспоминаю? Мне те дни в Венгрии на всю жизнь врезались. Похоронил я там себя. Когда в госпитале оклемался, как с того света вернулся. Я это поле до последней ложбинки запомнил, пока второй атаки ждал. Знал, что она последней будет. А вот все живой. Из моих одногодков никто с фронта не вернулся. Ну, может, один или два. На танцы приду, там одни подростки и девки перезревшие. Женихов на войне поубивало, они на меня, как на чудо, смотрели. Покружился с ними, а вскоре женился. Дети уже сами дедами стали. У меня трое правнуков. Жизнь быстро летит. Как будто вчера на лесопилке работал. Иду пешком тринадцать километров, дорога, сосны, ручьи. Молодой, веселый. Ладно, чего уж тосковать. Все нормально. Лишь бы войну не затеяли.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературно-художественное издание

НА ЛИНИИ ОГНЯ

Першанин Владимир Николаевич

«ОКОПНАЯ ПРАВДА» ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ
Самые правдивые воспоминания о войне

Ответственный редактор *Н. Аничкин*
Художественный редактор *С. Курбатов*

ООО «Яуза-каталог»
109439, Москва, Волгоградский пр-т., д. 120, корп. 2.
Тел.: (495) 745-58-23, факс: 411-68-86-2253
Home page: **www.yauza.moscow**

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18, корп. 3
E-mail: **editor@yauza.moscow**

Подписано в печать 28.04.2021. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Newton». Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,6.
Тираж 1200 экз. Заказ № 10547.

Отпечатано в филиале «Тульская типография» ООО «УК» «ИРМА».
300026, Россия, г. Тула, пр. Ленина, 109.

ISBN 978-5-00155-337-3

9 785001 553373 >

16+

9765 84622218 60

К 80-ЛЕТИЮ НАЧАЛА ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!

Эта пронзительная книга – настоящая исповедь выживших в самых жестоких боях самой страшной войны в истории человечества: разведчиков, танкистов, штрафников, десантников, пулеметчиков, бронебойщиков, артиллеристов, зенитчиков, пехотинцев. От их простых, без надрыва и пафоса, рассказов о фронте, о боях и потерях, о жизни и смерти на передовой, о том, через что пришлось пройти нашим дедам и прадедам, какой кровью заплачено за Великую Победу – мороз по коже и комок в горле. Это – подлинная ОКОПНАЯ ПРАВДА, так не похожая на штабную, парадную, «генеральскую».

«Героев этой книги объединяет одно – все они были в эпицентре войны, на ее острие. Им нет нужды рисоваться. Они рассказывали мне правду... Как гибли в лобовых атаках тысячи солдат, где ночевали зимой бойцы, что ели и что думали... Они отдали Родине все, что могли. У каждого своя судьба, как правило, очень непростая. Они вспоминают об ужасах войны предельно откровенно, без самоцензуры и умолчаний, без прикрас...»

ОКОПНАЯ ПРАВДА Великой Отечественной

ВЛАДИМИР ПЕРШАНИН